

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Томский государственный педагогический университет»

**II Всероссийский фестиваль науки
XVI Международная конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Наука и образование»,
посвященная 110-летию ТГПУ
(23–27 апреля 2012 г.)**

**ТОМ IV
ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ.
КУЛЬТУРОЛОГИЯ.
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

Томск
2012

ББК 74.58
В 65

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет»*

В 65 II Всероссийский фестиваль науки. XVI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование», посвященная 110-летию ТГПУ (23–27 апреля 2012 г.) : В 5 т. Т. IV : История. Философия. Культурология. Социальные науки ; ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет». – Томск : Издательство ТГПУ, 2012. – 378 с.

Научные редакторы:

Гужавина О. Б., канд. филос. наук, доцент,
Дунбинская Т. И., канд. ист. наук, доцент,
Зайцева Т. И., канд. ист. наук, доцент,
Морозова О. Ю., канд. пед. наук, доцент,
Рудковский И. В., канд. ист. наук, доцент,
Сазонова Н. И., д-р филос. наук, профессор,
Цеховой Н. П., канд. ист. наук, доцент.

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ

© ФГБОУ ВПО «ТГПУ», 2012

ТОМ IV
ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ.
КУЛЬТУРОЛОГИЯ.
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

История России

ПОЛЬСКАЯ ССЫЛКА И МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ <i>А. С. Баскакова</i>	9
ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА СОСТАВ И ФОРМИРОВАНИЕ КОСТЮМА ЖИТЕЛЕЙ СИБИРИ <i>М. Ю. Вершинина</i>	13
РУССКОЕ БОГОСЛУЖЕБНОЕ ПЕНИЕ В XVII ВЕКЕ <i>А. Ю. Гринько</i>	18
К ВОПРОСУ ОБ ОТКРЫТИИ ПЕДИАТРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ТМИ В 1944–1993 ГГ. <i>И. В. Клименко</i>	21
ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ А.А. КНАУФА НА ЗЛАТОУСТОВСКИХ ЗАВОДАХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ <i>Е. А. Кобякова</i>	26
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ ПАТРИАРХА НИКОНА <i>Г. А. Кречетов</i>	28
РУССКОЕ БОГОСЛУЖЕБНОЕ ПЕНИЕ В XVII ВЕКЕ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ <i>Т. И. Лекаревич</i>	35
ИЗ СОСТАВА ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ЦАРСКОЙ АРМИИ В 1918-1919 ГГ. <i>В. В. Макеев</i>	39
ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ. <i>Д. Р. Марасулова</i>	43
СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОСТИ ПЕТРА I И ЕГО КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ <i>Л. В. Миненко</i>	48
МАССОВОЕ РАЗВИТИЕ ОГОРОДНИЧЕСТВА В СТАЛИНСКЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «БОЛЬШЕВИСТСКАЯ СТАЛЬ») <i>О. В. Морозова</i>	52
ЮНЫЕ ГОДЫ МАРШАЛА ПОБЕДЫ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА РОКОССОВСКОГО <i>В. В. Носырев</i>	57

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ССЫЛЬНЫХ ПО ДОКУМЕНТАМ ГАТО <i>Е. А. Перемитин</i>	63
КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. – ПЕДАГОГ <i>А. И. Полякова</i>	68
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА В РАБОТАХ М.О. МЕНЬШИКОВА <i>Д. В. Соколов</i>	72
ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ <i>В. А. Хлызова</i>	76
РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ В 2011 Г. НА Р. ТОМИ В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ <i>А. Ю. Цурикова</i>	79
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРОБЛЕМАХ ИМАГОЛОГИИ <i>Е. В. Чернова</i>	86

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ФАКТОРЫ АКТИВИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (НА ПРИМЕРЕ КОРНУОЛЛСКОГО ВОПРОСА) <i>С. А. Алтухова</i>	92
ОБРАЗ НОВОГО КОНТИНЕНТА: СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВ ДОКОЛУМБОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ КОНКИСТАДОРОВ <i>Н. О. Бровкина</i>	97
АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ИТОГОВ XVII СЪЕЗДА КПК В АСПЕКТЕ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР <i>Е. А. Бухалова</i>	102
Б.ХМЕЛЬНИЦКИЙ И И. МАЗЕПА КАК КЛЮЧЕВЫЕ ФИГУРЫ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ. <i>Т. А. Васильева</i>	107
ПРОЦЕССЫ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ВО ФРАНЦИИ XIV–XVI ВВ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ <i>О. А. Великанова</i>	111
РОЛЬ МИСТИЦИЗМА, СУЕВЕРИЙ, ОБРЯДОВ И ЗАКЛИНАНИЙ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ИХЭТУАНЕЙ <i>Ю. И. Инговатова</i>	114
КАТЕГОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КИТАЙСКОГО ЭТНОСА <i>К. К. Клипка</i>	118
РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В ИЗУЧЕНИИ ВАХХАБИТОВ АРАВИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТИЯ <i>Д. А. Ложкина</i>	122

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ ЕКАТЕРИНЫ II (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ) <i>Д. Р. Садикова</i>	127
СРАВНЕНИЕ ИСТОКОВ БУСИДО И РЫЦАРСКОГО КОДЕКСА. ПОДСКАЗКИ ЭТИМОЛОГИИ <i>О. А. Серкова</i>	132
ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И МЕДИЦИНЫ ВОСТОКА И МИРА <i>Х. Р. Хамдамов, И. М. Моминов</i>	137
ОБРАЗ ПРОРОКА ИЛЬИ В СРЕДНИЕ ВЕКА: МИФОЛОГИЗАЦИЯ ВЕТХОЗАВЕТНОГО ОБРАЗА <i>А. С. Часовских</i>	142
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА О СОВЕТСКОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ВЯДОМОСЦИ ЛИТЕРАЦКЕ») <i>О. Н. Швец</i>	144

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

ПОЛИТИЗАЦИЯ ИСЛАМА В СОВРЕМЕННЫХ СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ) <i>С. А. Алтухова</i>	150
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КОСОГОЛЬСКИХ УРЯНХОВ В СООБЩЕНИИ Г.М. ПЕРМИКИНА <i>Ч. К. Иргит</i>	159
ГРИФОНЫ ИЗ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ <i>З. С. Мошкина</i>	163
ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПЕРВОМАЙСКОГО РАЙОНА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ* <i>Е. Ю. Савченко</i>	170
СОВРЕМЕННАЯ ТУВИНСКАЯ ГОРОДСКАЯ СВАДЬБА <i>С. С. Сандык</i>	174
ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПШЕВОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ <i>О. В. Скурихин</i>	184
СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ А. ВАН ГЕННЕПА <i>Е. В. Чигрина</i>	186

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ В ШКОЛЕ <i>О. О. Вискунова</i>	191
---	-----

КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ <i>Е. А. Кобякова</i>	193
НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ БЫТА В КУРСЕ «ИСТОРИЯ ТУВЫ» <i>С. С. Сандык</i>	197

ФИЛОСОФИЯ

МЕХАНИЗМ РАБОТЫ И МЕТОДЫ РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ <i>А. Т. Алтаева</i>	202
ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМА НОЖНИЦ И КЛЕЯ. Р.ДЖ. КОЛЛИНГВУД <i>П. И. Григоренко</i>	207
ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФСКОГО СКЕПТИЦИЗМА НА РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ В ЕВРОПЕ <i>А. В. Гукова</i>	212
ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ФРАНЦИИ <i>Е. П. Еретнова</i>	215
ПРОБЛЕМЫ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ И НЕСОИЗМЕРИМОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ <i>М. И. Ниязова, В. А. Филипповский</i>	221
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ <i>Е. В. Новосельцева</i>	226
БУДУЩЕЕ ЭЗОТЕРИЗМА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ <i>О. А. Ткаченко</i>	230
СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ <i>Я. Р. Чайковский</i>	234
АНТИРЕАЛИЗМ В РАМКАХ ЭПИСТЕМОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ <i>М. Н. Шалдяков</i>	239
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ НАУКИ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ <i>Е. О. Яткина</i>	243

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКИ НА ПОДРОСТКА <i>Л. Ю. Аверченко</i>	249
ДОСТИЖЕНИЕ ПАРТНЁРСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МУЗЫКАЛЬНОМ АНСАМБЛЕ ЧЕРЕЗ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ <i>А. О. Блохин, Е. Е. Ланкина</i>	254

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЮРРЕАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ФОТОГРАФИИ	
<i>Е. О. Быдзина</i>	260
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ НА МУЗЫКАЛЬНЫХ ЗАНЯТИЯХ В ДОУ	
<i>В. Войцеховская</i>	263
ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ: ГУМАНИЗМ ИЛИ БОГОСЛОВИЕ (АСПЕКТ СВОБОДЫ В ПОНЯТИИ «ЛИЧНОСТЬ»)	
<i>М. В. Вокин</i>	268
ИНТЕГРАЦИЯ ОБЩЕДИДАКТИЧЕСКИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ И МЕТОДОВ ПЕДАГОГИКИ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ ИГРЕ НА ИНСТРУМЕНТЕ)	
<i>И. А. Голубкова</i> ,.....	272
ЯЗЫЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ДРЕВНИХ СЛАВЯН ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РУССКОЙ СКАЗКИ	
<i>Д. Н. Гуль</i>	276
РАЗВИТИЕ ВОКАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ НА ПРИМЕРЕ ВОКАЛЬНОЙ СТУДИИ МАОУ ДОД ДЮЦ «СИНЯЯ ПТИЦА», Г. ТОМСК	
<i>Н. В. Кривовяз</i>	283
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	
<i>В. Перков</i>	287
ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНО-ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ШКОЛАХ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ	
<i>И. А. Приходько</i>	293
ПАРАДОКСЫ «ВЕРШИН» И «ГЛУБИН» ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ТЕЛЕСНОСТИ	
<i>С. А. Селиванов</i>	296
СОВРЕМЕННЫЙ РЕБЁНОК ЗА РОЯЛЕМ: ВОЗМОЖНОСТИ ОБУЧЕНИЯ	
<i>И. Г. Симонова</i>	301
РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВОКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ	
<i>Т. Б. Стукалова</i>	306
СПЕЦИФИКА ПРОВЕДЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ С ДЕТЬМИ С ЗАДЕРЖКОЙ ОЖИДАЕМОГО РАЗВИТИЯ	
<i>М. В. Филонова</i>	310
МАСТЕРСТВО Д. А. ШМАРИНОВА В ИЛЛЮСТРИРОВАНИИ "ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ" Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.	
<i>Н. В. Хвостова</i>	315
ВОЗДЕЙСТВИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ВОЛН НА ИММУННЫЙ СТАТУС	
<i>А. О. Черепова</i>	319

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

СЕМЬЯ КАК ФАКТОР НАРКОТИЗАЦИИ	
<i>О. А. Аникина, А. А. Планкина</i>	328

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КОНФЛИКТА <i>Ю. Г. Ахундова, А. Б. Сулейманова</i>	333
ГЕНДЕРНАЯ СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ <i>Е. А. Головенко</i>	337
НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА <i>Н. В. Дворяк</i>	341
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРКОЗАВИСИМОСТИ У ШКОЛЬНИКОВ <i>Д. А. Дериглазова, Л. В. Мерзлякова</i>	344
ФЕНОМЕН САМОУБИЙСТВА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА <i>Захарцев</i>	347
ОСОБЕННОСТИ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ПРОЦЕССЕ ВЗРОСЛЕНИЯ <i>Я. А. Козицына, Е. С. Овчинникова</i>	352
ОТНОШЕНИЕ ДЕВУШЕК-СТУДЕНТОК К ЖЕНСКОМУ КУРЕНИЮ <i>Э. М. Козлова, С. Г. Форманчук</i>	357
ТРЕБОВАНИЯ ОБЩЕГРАЖДАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ «ЗА ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ» В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СПЕКТРА (ДЕКАБРЬ 2011 Г.) <i>Е. В. Ковалева, В. В. Макеев</i>	358
АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАЗДНИКА НОВОГО ГОДА В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ <i>М. А. Попов</i>	364
СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, ВИДЫ <i>Д. А. Терехов</i>	369
ДОВЕРИЕ МЕЖДУ ВРАЧОМ И ПАЦИЕНТОМ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ <i>М. С. Емельянова, А. А. Шилкина</i>	374

ИСТОРИЯ РОССИИ

ПОЛЬСКАЯ ССЫЛКА И МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

А. С. Баскакова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н.И. Сазонова, д.ф.н., проф.

Процесс приживания поляков имел сложный и длительный характер, все зависело от ряда факторов: условий существования, личностных качеств человека, от способности постоянного поиска путей решения этой проблемы. Результатом этого явилась многообразная деятельность поляков в сибирском изгнании, сотрудничество с русским населением, выработки в повседневной практике новых традиций и норм взаимоотношений польского национального элемента с сибирским.

Оказавшись на поселении, поляки сразу сталкивались с многочисленными трудностями, которые в первую очередь начинались с поиска квартиры. Это пожалуй было не так легко именно для тех, кто не получал финансовой помощи с Родины, поскольку на казенное пособие было крайне затруднительно найти какое-либо жилье. О низкой материальной обеспеченности говорится во многих документах, найденных в Государственном архиве Томской области. Многочисленные просьбы ссыльных о выдаче им пособия наиболее ярко демонстрируют ситуацию поляков, в которой они оказались в Сибири. *«Имею честь донести прошение старосты Польских переселенцев Казимира Михайлова Садовского, об ускорении выдачи денег на обзаведение переселенцами, из поляков, водворенных в деревню Карачу Каинского уезда»*[1, л. 24]. Подобные документы имеют место быть и в Государственном архиве Иркутской области, которые демонстрируют крайне тяжелое положение ссыльных и острую нужду в денежном пособии, положенном им по закону: *«Прибыв на место в бедном уже положении мы вовсе не получали никакого пособия...Из Родины не получали никакого денежного вспомоществования ибо все состояние и имение мужа моего конфисковано в пользу казны...»*[2, л. 218]. Однако, несмотря на всю тяготу положения, о котором сообщают поляки в этих прошениях, необходимые денежные средства они не всегда получали.

Оказавшись в Сибири, ссыльные участники Январского восстания нашли здесь немало своих соотечественников, успевших уже адаптиро-

ваться к местным условиям. Нередко они занимали различные посты в административной системе и по мере возможности пытались оказать необходимую помощь ссыльным в их обустройстве в новых условиях.

Существенное значение для процесса адаптации имело компактное проживание ссыльных. Это давало возможность оказывать непосредственную помощь друг другу, передавать ценнейший адаптационный опыт, практические механизмы выживания в новой среде. Таким образом, подобный способ расселения во многом способствовал облегчению в устройстве быта и повседневного образа жизни. Часто на одной квартире скапливалось до десяти и более человек. Бедность, дороговизна квартир вынуждала ссыльных жить сообща. Не случайно большими группами селятся в основном ссыльные, не имеющие источников заработка. Второй причиной компактного проживания поляков было совмещение массового обеспечения польских ссыльных, как работой, так и жильем одновременно. Один из политических ссыльных Болеслав Петрович Шостакович так описывает трудный начальный этап своей сибирской жизни: *«На полтора рубля, оказавшихся у меня в кармане, широко не разъешься. Чай мне давали новые товарищи, а пищей служил черный хлеб. Надо было, во что бы то ни стало, найти какой-либо заработок. Поиски мои были долгое время тщетны; полтора рубля уже исчезли; полуголодное состояние развинчивало нервы...»*[3, с. 185].

Одним из адаптационных механизмов являются общества вспомоществования, которые появляются во второй половине XIX века. К таким обществам можно отнести следующие: «kodeksmoralny», «pszepisyzachowaniasie», «kodekspostepowania». Функции таких организаций вполне согласуются с типичными направлениями деятельности диаспорной общины. В первую очередь, это моральная помощь членам диаспоры, выражающаяся в стимулировании идентичности и формировании коллективного имиджа. Нормы этического характера: запрет ссыльных жениться на местных уроженках, пить и играть в карты в некоторой степени отвечали этническим задачам [4, с. 48]. Но основной задачей польских организаций являлось вспомоществование.

Важную роль в устройстве повседневной жизни и в процессе как таковой социокультурной адаптации играют взаимоотношения с местным населением, которые постоянно менялись, и были не всегда положительными. Об этом свидетельствуют как сами воспоминания ссыльных, так и некоторые заметки в газетах или отчеты полицейских о поведении поселенцев. В отчете Олендзского за 1866 год отмечалось, что в Тобольской губернии *«отношение поляков к старожилам совершенно удовлетворительное; местное народонаселение чрезвычайно довольно этими пришельцами»*[5, с. 40]. С другой стороны, в газете «Новое время» отме-

чалось, что «никакого особенного добра поляки не принесли Сибири»[5, с. 43].

В многочисленных воспоминаниях польских ссыльных имеются сведения о теплом, сердечном отношении к ним простых русских людей и той помощи, которую они оказывали польским ссыльным в тяжелых условиях сибирской ссылки. Сочувствие и поддержка местного населения согревала сердца ссыльных, наполняя их верой в дружбу польского и русского народов, делая пребывание в суровой Сибири менее тяжелым и невыносимым.

Несмотря на весьма незаметное проникновение обычаев местного населения в жизнь ссыльных, поляки ориентировались на сохранение этнических традиций. Это проявлялось и в календарной праздничной культуре ссыльных. Праздники они отмечали редко, только самые значительные. Среди них наиболее торжественными были Рождество Христово, Дни святых Петра и Павла, святой Анны, святого Николая, Успение Пресвятой Богородицы, День всех святых.

В повседневной жизни следование традициям отражалось в ношении одежды польского покроя. Особенно это проявлялось в среде поляков привилегированных сословий. Женский костюм состоял из нательной рубахи, поверх которой надевали холщовые цветные кофты на пуговицах и юбки, подол иногда отделявали полосками материи другого контрастного цвета. Поверх юбки женщины носили цветные холщовые фартуки от пояса. На голову надевали светлые платки, на ноги – лапти (сандалии, туфли и сапоги только по праздникам). Зимой женщины носили длинные шубы из овчины, часто крытые сверху материей, на голове – шерстяные домотканые платки, на ногах – вязаные шерстяные чулки или валенки [6, с. 108].

Мужчины носили нательные рубахи разных цветов, чаще темные, по покрою – косоворотки на пуговицах, рукава прямые. Штаны шили из шерстяных или холщовых тканей темного цвета. Поверх рубахи в прохладную погоду надевали жилетки и пиджаки из холщовой ткани. Обувались в лапти, в праздники надевали сапоги. Зимой одевались в полушубки, тулупы из овечьей шерсти [6, с. 109]. При этом в конце XIX века, по мнению исследователя С.В. Максимова, поляки настолько слились с местным населением, что отличить их от старожилов можно было лишь по орнаменту на одежде [7, с. 230].

Повседневная жизнь ссыльных зачастую была однообразной и под строгим контролем полиции. Всякие совместные занятия и мероприятия занимали очень важное место в их времяпрепровождении. К этому можно отнести и музыку, которая играла в судьбе сосланных в Сибирь важную роль. Совместное музицирование, особенно пение объединяло многих поляков, позволяя им отвлечься от удручающей действительности.

Такие занятия менее подвергались контролю, с их помощью ссыльные поддерживали не только свой дух, но и имели средства к существованию.

Найденные источники и какая-либо другая информация содержит достаточно скудные сведения о повседневных занятиях ссыльных, поскольку практически никто это не освещал в мемуарах или воспоминаниях. Что же касается материалов архивных, то чаще всего подобную информацию можно найти в отчетах полицейских, которым было вверено отслеживать все занятия некоторых повстанцев. Чаще всего это были ссыльные, которых подозревали в распространении антиправительственных настроений или ложных сведений о скорейшем возвращении на родину. Одним из таких подозреваемых был ксендз Келиш, за которым велось ежедневное наблюдение. *«Занятия и препровождение времени ксендза Келиша в течение минувшей недели не выходило из ряда его обыкновенных ежедневных занятий, так например каждое утро Келиш с другими ксендзами, с которыми вместе квартируют, начинают молитвой, продолжающейся часа полтора, после молитв Келиш имеет занятия хлебопекарней, за тем или читает, или играет в карты. В течение недели Келиш кроме прогулки по улицам, был один вечер у Окружного Лекаря Кулена и играл в карты»*[8, л. 26].

О повседневных занятиях в письмах ссыльных упоминается крайне редко. Выдержать сибирскую ссылку можно было только *«собрав волю в кулак»*, найдя интересные занятия, накапливая материалы исследований. Борясь с *«отвычкой от умственной работы»*, ссыльные пересылали друг другу газеты, журналы, книги, переписывали небольшие статьи или излагали их содержание своими словами [9, с. 130].

Воспоминания Юстыньяна Ручиньского в некоторой степени дают представления о возможных повседневных занятиях ссыльных: *«Поэтому с утра я ставил себе самовар, потом готовил обед, в чем я уже приобрел сноровку, постоянно поварничая Горной. Хозяин доставлял мне дрова и воду, больше ничего. После обеда я писал письма жене, родным и товарищам, читал поэзию Бохдана Залеского, нашедшуюся в саквояже, и без конца размышлял»* [10, с. 395]. Также по воспоминаниям этого ссыльного подтверждается факт тесного общения поляков между собой. Это во многом способствовало наиболее благоприятным настроениям вновь прибывших ссыльных на поселение.

Процесс приспособления польских ссыльных к условиям быта местного населения был весьма разнообразным. Некоторые представители сразу же шли на контакт с местным населением и проводили как можно больше времени в общении со своими новыми «соседями». Однако некоторые стремились устраивать свой быт без какого-либо вмешательства местных жителей. Повседневные занятия их в Сибири были во мно-

гом схожи с их деятельностью на родине, только находясь в ссылке, они стремились этими занятиями отвлечься от тягостных переживаний об их участи.

Литература

1. ГАТО. Ф. 3. Оп.54. Д. 543. Л. 24.
2. ГАИО. Ф.24. Оп.3. Д.44.Л.218.
3. Шостакович Б.С. Революционер – шестидесятник Болеслав Шостакович в сибирской ссылке // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири в XVIII- начале XX вв. Новосибирск: Издательство ИГУ, 1978. С. 160-198.(Сборник)
4. Мулина С.А. Центры польской жизни в Западной Сибири во второй половине XIX века // Польские исследователи Сибири. Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. С. 39-52. (Сборник)
5. Пяткова С.Г. Делопроизводственные материалы второй половины XIX в. как источник по истории польской ссылки Западную Сибирь // Источники по истории Западной Сибири. Сургут: Издательство РИО СурГПИ, 2003. С. 38-44. (Сборник)
6. Пяткова С.Г. Формирование польской диаспоры в Западной Сибири //Современные проблемы адаптации и интеграции мигрантов в общества-реципиенты. Сургут: Издательство СурГУ, 2007. С. 104-111. (Сборник)
7. Максимов С.В. Сибирь и каторга. Санкт-Петербург: Б.и., 1900. С. 230. (Монография)
8. ГАТО. Ф.3. Оп. 2. Д.1153а. Л. 25. Об. 26.
9. Харченко Л.Н. Польская книга в восточной Сибири // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 2001. С. 129-131. (Сборник)
10. Воспоминания из Сибири: мемуары, очерки, дневниковые записки польских политических ссыльных в Восточную Сибирь. Иркутск: Издание ООО «Артиздат», 2009. 724 с. (Сборник)

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА СОСТАВ И ФОРМИРОВАНИЕ КОСТЮМА ЖИТЕЛЕЙ СИБИРИ

М. Ю. Вершинина

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Л. Г. Тимошенко, к.п.н., доц.

Интерес к изучению формирования костюма жителей Сибири не ослабеваает на протяжении многих лет. Эта тема и в начале XXI века остается одной из слабо изученных. Основная часть исследований по данной тематике была посвящена отдельным группам русского этноса, сохранившим в силу своей замкнутости быта многие черты традиционной культуры, в частности народного костюма.

Первые упоминания о русских крестьянах Алтая и Сибири в целом, об их одежде, содержатся в трудах ученых, участвовавших в экспедициях XVIII – начала XIX веков – П.С. Палласа [1], И.П. Фалька [2], К.Ф. Ледебур [3]. К.Ф. Ледебура отмечал «элегантность быта» русских крестьян. Жители пограничных с Китаем районов «были не только хорошо, но и нарядно одеты, главным образом в китайские ткани ярких цветов...» и далее: «Крестьяне здешних горных деревень и, особенно ясашные (т.е. освобожденные от податей, платившие в государственную казну лишь ясак), живут зажиточно... Одеваются они обычно в Китайские ткани, частью даже в шелковые, в их домашней утвари есть та уверенность и та склонность к изяществу и чистоте, которые обычно сопутствуют зажиточности» [4]. В 80-е годы XX века по этнографии русского народа Сибири появились работы В.А. Александрова, В.А. Липинской, А.В. Лебедева, Л.М.Сабурова. А.В.Сафьянова [5], посвященные сибирской одежде эпохи феодализма. В результате они пришли к выводу о том, что одежда русского населения имела сходство с северовеликорусскими костюмами и одеждой местного населения Сибири (затундренные крестьяне, камчадалы, колымчане, марковцы, русско-устыинцы или индигирщики, якутяне).

Анализ научной и специальной литературы по проблеме исследования привел к выводу о том, что на сегодняшний день нет работ, посвященных изучению влияния социально-исторических изменений, на формирование костюма жителей Сибири.

Рефлексия этнографических источников показала, что большое влияние на формирование костюма жителей Сибири оказали переселенцы и ссыльные из центральных областей страны. В связи с этим костюм сибиряков вбирал в себя множество особенностей традиционных костюмов различных регионов. Первые упоминания о Сибири, восходят к глубокой древности. Новгородцы ещё в 1032 г. добрались до «железных ворот» (Уральских гор). С этого времени в летописях довольно часто упоминается о новгородских походах в Югру. Как свидетельствует новгородская «карамзинская летопись», в 1364 году новгородцы совершили большой поход на реку Обь.

Широкое освоение русскими территории Сибири началось в XVI веке. В результате разгрома Сибирского Ханства Кучума отрядом казаков под предводительством атамана Ермака Тимофеевича в 1582-1585гг. и основания казаками ряда укреплений, острогов и крепостей, появилась реальная возможность открыть наиболее короткий путь в Сибирь. Центральная власть решает направить в Сибирь первые семьи переселенцев и так же начинается активная ссылка в Сибирь уголовных и политических преступников.

Добровольных поселенцев – «охочих людей» селиться на земли, подвергавшиеся частным набегам кочевников, было мало. Поэтому большинство первых крестьян были «люди ссыльные да опальные» переселяемые сюда, что бы «им питать себя земляною работаю и скотоводством».

20 января 1604 года началось возведение на реке Томи острога, в дальнейшем названного городом Томском для защиты эштинцев от нападений воинственных соседей – енисейских кыргызов и калмыков. Из таежной Сибири везли золото, пушнину, воск, мед, икру, кожу и металл. С иркутской стороны через Томск везли китайские товары: чай, табак, шелковые и атласные ткани. По Сибирскому тракту въезжали в город тысячи переселенцев.

1654 год церковная реформа патриарха Никона вызвала раскол Русской Церкви и повлекла возникновение многочисленных старообрядческих течений. Старообрядцы того времени подвергались постоянным гонениям и ссылке в Сибирь.

В 1804 году Томск стал центром огромной Томской губернии, которая включала в себя территории нынешних Республики Алтай, Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской и Томской областей, Восточно-Казахстанской области (Казахстан) и часть Красноярского края.

Со второй половины XIX века, после крестьянской реформы 1861 года, в России началось громадное территориальное перераспределение русского населения. А указ 1865 года о разрешении заселения Алтая из внутренних губерний России позволил направить наиболее мощные потоки переселенцев из перенаселенных аграрных регионов Центральной России в Сибирский регион. Были зарегистрированы переселенцы из Тамбовской, Воронежской, Вятской, Самарской, Пермской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Казанской Пензенской и других областей России.

В связи с этим костюм сибиряков вбирал в себя множество особенностей традиционных костюмов различных регионов России. Литературные источники позволяют говорить о трех основных исторически сложившихся этнографических зонах. Этнографы выделяют южнорусскую зону, а это Орловская, Курская, Белгородская, Воронежская, Рязанская, Тамбовская губернии, костюм которых отличался от всех костюмов России и состоял из длинной холщевой рубахи, поверх которой женщины носили набедренную одежду – поневу. Среднерусская (Центральная) зона, а это Московская, Владимирская, Ярославская губернии была представлена косоклинным распашным сарафаном. К третьей зоне отнесли Север России (Архангельская, Вологодская, Нижегородская, Псковская области). Северорусский костюм состоял из рубахи и сарафана. Поверх сарафана надевали душегрею – короткую нагрудную одежду

на лямках, в холодное время года – шугай в талию с рукавами и воротником. Большой популярностью пользовались верхние одежды, сшитые из шкур животных типа совика, дохи, и надевались они в дорогу поверх полушубка или шубы. Вся одежда обязательно подпоясывалась кушаком.

В результате различных исторических, политических, социально-экономических и природно-географических факторов, в Сибири возникали различные историко-этнографические группы русского этноса и своеобразный вариант традиционной одежды сибиряков, который вмещал в себя элементы всех выше перечисленных типов костюма, которые отличались необычной яркостью и неожиданностью цветовых решений. Самым серьезным образом Сибиряки подходили к вопросу сезонности в костюме. Климат с долгим холодным периодом требовал наличия как разнообразных меховых видов верхней одежды (овчинных, беличьих, лисьих, телячьих, собачьих), так и суконных, домашнего изготовления и покупных.

По архивным и литературным источникам нами выявлены 83 вида одежды, головных уборов, обуви, дополнений к костюму, бытовавших в XVIII веке, и 130 – в первой половине XIX века. Изготавливались они из тканей 54 видов, меха 19 наименований, кожи 8 сортов.

В таблице № 1 приведены исторические и социальные факторы, оказавшие влияние на формирование костюма жителей Сибири

Таблица № 1

**Влияние социально-исторических факторов
на формирование костюма сибиряков**

Дата	Исторические события	Население Сибири	Изменения в костюме
1032г	Первые упоминания о Сибири	Коренное население	Не зафиксированы
1582г	Поход Ермака в Сибирь. Формирование Сибирского казачества	Коренное население, казаки	Заимствование верхней меховой одежды и обуви у коренного населения
1604г	Основание Томска. Через Томск везли китайские товары: шелковые и атласные ткани. По Сибирскому тракту въезжали в город тысячи переселенцев	Коренное население, казаки, ссыльные, переселенцы	Появление одежды из шелка и атласа. Сарафанный комплекс северных областей России. Поневный комплекс одежды южных областей России. Многослойность в оде-

Дата	Исторические события	Население Сибири	Изменения в костюме
			жде и круглый сарафан центральных областей
1654г	Церковная реформа	Коренное население, старообрядцы	Кожаная обувь – чарки, ишимы, пимы. Головной убор – стеганец
1861г	Крестьянская реформа. Активные миграционные процессы	Коренное население, переселенцы, беженцы из разных областей России	Формирование сибирского стиля в костюме
1865г	Закон о переселении на Алтай из внутренних регионов России	Коренное население, переселенцы из внутренних регионов России	В одежде крестьян Сибири было представлено 74 элемента одежды, традиционных для сельских жителей различных регионов России

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что в Сибири сохранилась рациональная основа русского народного костюма. Инновации в народной одежде крестьянства Сибири были обусловлены социально-историческими изменениями. В костюме появилось новые элементы одежды известные первоначально только на территории Сибири и соответствующие природно-климатическим особенностям территорий.

Литература

1. Паллас П. Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1768 – 1773 гг. Спб.: 1786. С. 211, 217.
2. Фальк И.П. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук по предложению ее президента // Записки путешественника Академика Фалька. Спб.: 1824. 499 с.
3. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск.: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 1993. С. 119, 121, 123.
4. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск.: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 1993. С. 119, 123.

5. Лебедева А.А., Липинская В.А., Сабурова Л.М., Сафьянова. Неопубликованные материалы // Дневник путешествия в 1734 – 1736 гг. М.: Наука, 1966. С. 76.
6. Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян – старожил приобья. Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 5 – 9.
7. Тимошенко Л.Г. Областные особенности русского народного костюма. Томск: Институт развития образовательных систем РАО Дворец народного творчества «Авангард» Центр сибирского фольклора, 2008. С. 19 – 68.
8. Владимиров В.В. Расселение и окружающая среда. М.: Стройиздат, 1982. С. 166—171.
9. Чистов К.В. Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М.: 1987. 396 с.
10. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX вв. Новосибирск: 1974. С. 44 – 45.

РУССКОЕ БОГОСЛУЖЕБНОЕ ПЕНИЕ В XVII ВЕКЕ

А. Ю. Гринько

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н.И. Сазонова д.ф.н., проф.

Духовная музыка есть неотъемлемая часть наследия мировой музыкальной культуры. К этому разделу относятся произведения, текст, мелодика или ритмика которых имеют неземную, возвышенную направленность. И как через народную, этническую музыку мы имеем возможность усмотреть культуру и самобытность народа, так через духовную музыку его мировоззрение и миропонимание. Наверное, нет такого народа, который бы не имел своей религии или нескольких религий. Ведь религия есть будущее для человека, надежда на продление жизни в вечности.

Официальное введение на Руси в конце X века христианства способствовало широкому распространению письменности и искусства. Одним из центральных обрядов древней культуры стало богослужение. При этом процесс перенесения происходил как трансплантация культурных явлений Византии на русской почве, где они приобретали иной характер, местную окраску.

Русь восприняла христианскую веру практически без ее постепенного возрастания “снизу”, а сразу, “сверху”, минуя стадию тайных и гонимых общин первохристианства, поэтому и все формы церковной жизни тоже без прохождения первых этапов развития были получены Русью в готовом виде. Соответственно и богослужebное пение на Руси сразу же с момента принятия христианства становится делом специально подготовленных профессионалов по византийскому образцу. Процесс освоения русскими певцами византийской певческой премудрости можно

проследить по древнейшим певческим книгам, которые написаны частью на греческом, частью на славянском языках. При князе Владимире и позже богослужение нередко совершалось на обоих языках попеременно.

Важную часть ритуала православного богослужения составляло хоровое пение, проводившееся на общем для всех восточных славян церковно-славянском языке и исключавшее всякое употребление инструментов. Древнейшей формой культовой музыки являлось так называемое знаменное пение. Знаменный¹ [1, с.56] распев, сложился в результате синтеза двух культур: греческой и славянской. Этот распев стал неким мелодическим выражением нашего восприятия христианства, религиозного мировоззрения, богообщения. Запись мелодии знаменного распева осуществляется с помощью специальных знаков – знамен или крюков. Отсюда и название пения: знаменное или крюковое. Каждое знамя несет в себе информацию о количестве звуков, их продолжительности и особенности исполнения. Для грамотного певца само начертание крюка в соединении с названием является выражением сути и указанием на то, как его следует исполнять: стремящиеся ввысь «стрелы» и «голубчики», статичные «статии» – светлая, мрачная, простая; мягкие очертания «запятой» не позволяют исполнить ее с усилением звука, а энергичный размах «крюка» напротив, диктует ударение. Черные крюковые строчки с красными пометами посредством голоса певца преобразуются в удивительную мелодию, которая подчеркивает слова песнопения и усиливает его воздействие на душу молящегося (в богослужебном пении слово первично, а мелодия второстепенна). Именно поэтому в древности слова «молитва» и «пение» зачастую имели одинаковый смысл. Строение и развитие знаменного пения определялось осмогласием. Оно представляло собой систему, складывавшуюся из «восьми самостоятельных частей – гласов» (откуда и ее название), из которых каждый представляет собой сумму характеризующих его мелодических оборотов – попевок, в совокупности своей образующих суть знаменного напева.

Это пение повсеместно звучало на Руси с начала принятия христианства и до конца XVII века, а на периферии и позже. Знаменное пение пленяет своей величественной простотой, спокойствием движения, четким чеканным ритмом, законченностью построения, вытекающей из совершенной внутренней гармонии.

Исполнение церковной музыки возлагалось на певчих, привозимых со времен князя Владимира из Греции. Во главе стоял domestik-

¹ Знаменный распев – вид церковно-хорового пения на Руси. Получил свое название от способа нотации знаменами (знаками) или крюками (от чего мог именоваться крюковым). Также называется и столповым от повторяющегося восьминедельного круга.

дирижер, регент. Его обязанность была управлять хором. Древние «дирижеры», или регента пользовались особого рода жестикуляцией («хирономией»). Хирономия – «законы руки», или «жесты руки» – правила и искусство дирижирования [2, с. 45]. С ранних времен в церкви утвердилось пение на два лика или клироса (хора). Левый и правый клирос имели своего запевщика-доместика, основной принцип пения – антифонный. В состав клироса входили соборные священники, т. е. наиболее образованные певчие.

Монгольское нашествие вызвало длительную задержку в культурном развитии Руси. Некоторый, подъем, и оживление наблюдаются с XIV века вместе с возвышением Москвы как нового центра.

Знаменный распев по-прежнему оставался главенствующим, но появляются и другие, более протяжные и мелизматически насыщенные: путевой распев, демественный и большой знаменный распевы.

С возведения на русский престол Новгородского митрополита Никона (1652 г.) проявился крутой поворот в русской православной богослужебно-певческой культуре. Вступив на патриарший престол, Никон стал проводить реформы. Одна из реформ это замена и отказ от знаменного пения партесным стилем. У одних оно вызывало восхищение и поддержку, другие же считали его проявлением «латинской ереси» – их возмущало органное звучание. Исторические события в России второй половины XVII ст. поставили под угрозу существование древнего богослужебного пения: реформы патриарха Никона, повлекли за собой трагедию церковного раскола. Церкви пореформенной стал гораздо ближе по духу и содержанию итальянский партес [3, с. 69]. Скромный, благородный голос знаменного распева продолжал звучать лишь у гонимых приверженцев древнего Православия, вовсе не принявших никоновских новин.

Сегодня всё больше людей понимают важность сохранения этой уникальной певческой культуры, сохранённой и пронесённой сквозь века людьми, для которых служение Богу было смыслом их жизни. С этой целью организованы хоры, проводятся Вечера духовных песнопений, духовные концерты, переизданы певчие книги и азбуки. Знаменный распев продолжает жить не только в старообрядческом богослужении, сегодня он привлекает внимание исследователей-музыковедов, возвращаются к древнему пению и некоторые приходы РПЦ. Звуки древних песнопений красноречивее, чем что-либо другое свидетельствуют об истинности Православия в его древнем, неповрежденном реформами виде. Ведь знаменный распев выкристаллизовался в веках христианского подвижничества, мученичества, богословия, в нем запечатлелись все вехи христианской истории. Это пение изначально призвано пробуждать в

душе стремление к покаянию, стремление к Богу, и оно не должно и не может быть предано забвению.

Литература

1. Богослужбное пение Русской Православной Церкви : [в 2 т.] / И. А. Гарднер М.: Православ. Свято-Тихонов. Богослов. ин-т, 2004. (Сборник)
2. Кутузов Б.П. Знаменный распев – поющее богословие. Сборник статей. Изд. 2-е. М., 2009. 416 с. (Сборник)
3. (Металлов) Василий, протоирей. Очерк истории православного церковного пения в России. Свято-Троицкая Сергиева лавра. М., 1995. 150 с. (Монография)

К ВОПРОСУ ОБ ОТКРЫТИИ ПЕДИАТРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ТМИ В 1944–1993 ГГ.

И. В. Клименко

Томский Государственный Университет

Научный руководитель: С. А. Некрылов, д.и.н., профессор

Создание педиатрических факультетов по подготовке кадров для оказания медицинской помощи детям и матерям в России было вызвано суровой реальностью: крайне неблагоприятными показателями здоровья детей и женщин. Заболеваемость и смертность находились на высоком уровне. Так, в 1924-1926 гг. в стране уровень младенческой смертности составлял 195-230 случаев на 1000 родившихся, а материнской 200-210 случаев на 100 тыс. Иными словами каждый 4-5 родившийся ребенок умирал, не прожив первого года жизни, каждая 4-5 женщина погибала во время беременности и родов.

В 1930 г. в стране был открыт педиатрический факультет при втором медицинском институте (в настоящее время Российский Государственный Медицинский Университет). Он является первым педиатрическим факультетом не только в нашей стране, но и в мировой практике здравоохранения.

Подготовка врачей педиатров на всей территории Сибири и Дальнего Востока была начата еще в 1930 г. во вновь организованном Томском медицинском институте на факультете охраны материнств и детства, который был закрыт в 1932 г.

Вновь подготовка детских врачей была начата в 1944 г. когда по постановлению Наркомздрава Комитет по делам высшей школы приказом от 20 января 1944 года предложил открыть в составе Томского Медицинского Института педиатрический факультет. В то время ни один из медицинских вузов Сибири и Дальнего Востока не имел в своем составе

педиатрического факультета. Одной из причин послуживших открытию педиатрического факультета в г. Томске являлась весьма высокая младенческая смертность (до 90 – 100 случаев на 1000 родившихся живыми) в стране. Организатором педиатрического факультета и его первым руководителем являлся профессор Степан Федорович Косых – доктор медицинских наук, профессор заведующий кафедрой хирургической стоматологии, декан стоматологического факультета ТМИ с 1942 по 1950 гг. В 1945 – 1945 гг. он одновременно исполнял обязанности декана педиатрического факультета.

В 1946 г. деканом педиатрического факультета бал назначен профессор Исаак Соломонович Венгеровский, доктор медицинских наук профессор, который после демобилизации из армии в звании майора в 1945 г. был направлен Наркоматом здравоохранения в г. Томск для организации кафедры детской хирургии. С 1946 г. он стал заведующим кафедрой детской хирургии. За время работы подготовил – 2 докторов наук и 10 кандидатов медицинских наук.

С 1963 по 1968 гг. деканом был назначен доцент кафедры нормальной физиологии Михаил Андреевич Медведев, который в последующем с 1970 по 1974 гг. являлся проректором по учебной работе ректором ТМИ (1974 -1997 гг.) с 1980 г. – член – корреспондент АМН СССР, а с 1993 г. – академик РАМН.

С 1970 по 1981 гг. деканом был Петр Андреевич Бова доцент кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения.

С 1981 по 1986 гг. деканом бал назначен Геннадий Пантелеевич Филиппов – доктор медицинских наук профессор с 1986 г. заведующий кафедрой госпитальной педиатрии. С 1986 по 2000 гг. он являлся проректором по учебной работе СибГМУ. Подготовил – 20 кандидатов и 7 докторов медицинских наук.

С 1986 по 1998 гг. деканом был Владимир Дмитриевич Михайлов доктор медицинских наук профессор заведующий кафедрой акушерства и гинекологии доктор медицинских наук профессор заведующий кафедрой акушерства и гинекологии №2 педиатрического факультета. За время работы подготовил 15 кандидатов и 1 доктора медицинских наук.

С 1998 года и по настоящее время деканом является – Василий Борисович Студницкий доцент кафедры нормальной физиологии педиатрического факультета.

Первоначально, в период с 1946 по 1947 гг., факультет имел в своем составе пять профильных кафедр. Для преподавания профильных дисциплин в качестве одной из первых баз использовалась первая детская городская больница, где в марте 1946 г. были открыта кафедра госпитальной педиатрии. Кафедра детских инфекций была открыта на базе детской инфекционной больницы имени Г.Е. Сибирцева.

К моменту организации педиатрического факультета в институте имелась **кафедра детских болезней**, которая была основана в 1891 г., спустя 3 года после открытия медицинского факультета Томского университета. Первым заведующим кафедрой был приват-доцент Харьковского университета Л.Л. Бартенев. Она располагалась на базе клиники детских болезней и входила в состав лечебного факультета. Позднее вышеуказанная кафедра вошла в состав педиатрического факультета – 1946 г., как кафедра факультетской педиатрии. В 1974 г. из состава кафедры была организована кафедра факультетской педиатрии и детских болезней педиатрического факультета. В дальнейшем из состава кафедры детских болезней (факультетской педиатрии) выделился ряд самостоятельных кафедр и курсов. В целом, в первые годы после открытия педиатрический факультет состоял из вышеуказанных профильных кафедр и кафедры акушерства и гинекологии.

Кафедра госпитальной педиатрии явилась родоначальницей трех кафедр в институте: кафедры инфекционных болезней, кафедры педиатрии факультета усовершенствования врачей (ФУВ) (1979 г.) и кафедры поликлинической педиатрии педиатрического факультета (1988 г.). Вышеуказанная кафедра участвовала в организации кафедры туберкулеза и кафедры пропедевтики детских болезней. Кафедра госпитальной педиатрии (педиатрии №1) была организована профессором Г.Г. Стуксом в 1946 г. Профессор Г.Г. Стукс обладал большими способностями организатора здравоохранения. Работал в тесном сотрудничестве с врачами детской больницы, города и области. С 1963 по 1986 г. заведование кафедрой осуществляла его ученица, доктор медицинских наук, профессор З.М. Землякова. С 1986 г. по настоящее время кафедрой заведует ее ученик, доктор медицинских наук Г.П. Филиппов.

За эти годы работы было для практического здравоохранения более 70 врачей, прошедших ординатуру. Закончили аспирантуру более 20 сотрудников.

Кафедра детских инфекций была организована в 1946 г., а клинической базой кафедры первоначально явилось детское дизентерийное отделение первой клинической детской больницы. С января 1948 г. клинической базой дополнительно стало скарлатинозное инфекционное отделение им. Г.Е. Сибирцева на (40 коек). В год образования кафедры первым заведующим кафедрой была избрана доцент В.Л. Эбертс. Ей предстояло не только организовать кафедру детских инфекций, наладить педагогический процесс, но из ассистентов, пришедших с практического здравоохранения, подготовить высококвалифицированных специалистов. Все три ассистента (А.А. Чупрынина, К.В. Лаврова, К.М. Гуляева), работавшие под ее руководством, защитили кандидатские диссертации. Педагогический процесс на кафедре ректорами и сту-

дентами всегда оценивался положительно. После уход на пенсию В.Л. Эбертс в 1959 г. была назначена зав. кафедрой А.А. Чупрынина. После отъезда А.А. Чупрыниной в Москву в 1962 г. зав. кафедрой была избрана К.В. Лаврова. С 1989 г. и по наст. время кафедрой заведует А.П. Помагаева.

Кафедра детской хирургии была открыта в 1946 г. на базе детской больницы №1. Ее организатором был профессор И.С. Венгеровский. Приехав в Томск после демобилизации из рядов Советской Армии, И.С. Венгеровский организовал в феврале 1946 г. в детской больнице хирургическое отделение, которое стало базой кафедры хирургии детского возраста. Работу в отделении начали выполнять переведенные из эвакогоспиталя врачи В.Н. Черепнин Т. Чистякова, оказывая неотложную хирургическую помощь детям. С 1967 по 1977 гг. заведующим кафедрой был назначен В.И. Москвин, он же в течении 10 лет оставался единственным дежурным врачом неотложной хирургии. При активном содействии заведующего областным отделом здравоохранения П.И. Зимина хирургическое отделение было оснащено оборудованием и инструментарием за счет эвакогоспиталей, закончивших свою работу.

С 1977 по 1996 гг. кафедрой заведовал Ю.К. Земляков, а с 1996 г. по 2011 г.- В.М. Масликов, 2011 по наст. время кафедрой заведует В.Г. Слизловский.

В период с 1975-1985 гг. кафедра руководила высококвалифицированным лечебным учреждением, где работали 50 врачей, из них 9 из них имеют высшую квалифицированную категорию. Ежегодно проводилось лечение 4400-4800 детей возраста до 14 лет, из них около 22-25 % составляет дети из Томской области и других областей Советского Союза.

Кафедра пропедевтики детских болезней:

Кафедра пропедевтики детских болезней организована в 1946 г. во главе с заведующей З.И. Кузнецовой. Опытный педагог, эрудированный врач-педиатр и научный работник, прекрасно сочетала педагогическую, научную и лечебную работу на кафедре, которой заведовала в течение 9 лет. Она заведовала кафедрой в 1955-1968 гг.

Первоначально основными базами кафедрами в 1952-1953 гг. являлись: областной дом ребенка № 2 и второе отделение детской клинической больницы.

В 1955 г. кафедрой заведовала кандидат медицинских наук, доцент К.П. Степанова. Она заведовала кафедрой в 1955-1968 гг., сочетая педагогическую, научную и учебную деятельность.

В 1968 г. доцент К.П. Степанова ушла на заслуженный пенсионный отдых, и к заведованию кафедрой приступила доцент Н.И. Сурова, которая работала в этой должности до 1974 г. Т.В. Матковская – 1986 г. – по 2005 г., с 2005 г по наст. время кафедрой заведует Т. А. Нагаева.

На кафедре за этот период организован сплоченный коллектив единомышленников-преподавателей с прогрессивными взглядами, отдающих все свои знания и силы обучению и становлению будущих врачей-педиатров.

Кафедра поликлинической педиатрии с курсом детской эндокринологии.

Кафедра поликлинической педиатрии на педиатрическом факультете ТМИ была организована в соответствии с рекомендациями Минздрава РФ об улучшении подготовки специалистов первичного звена здравоохранения, и начала свою работу с 1 сентября 1987 г. Необходимость создания кафедры была обусловлена тем, что большинство выпускников педиатрического факультета направлялись на работу в качестве врачей-педиатров общей практики, школьных и дошкольных учреждений, врачей неотложной и скорой помощи. Организация новой кафедры была поручена доктору медицинских наук Е. Б. Кравец. Основной базой кафедры являлось 1-ая детская больница и поликлиника на ул. Осипенко и 1-ая детская больница. Возглавив кафедру, Е.Б. Кравец вместе с коллективом развернула активную работу по организации учебно – педагогического процесса и формированию штатного состава кафедр и научной работе.

За время работы кафедры были созданы кабинеты функциональной диагностики эндокринных заболеваний и детей с недостающим ростом.

За эти годы существования педиатрического факультета, для практического здравоохранения России было подготовлено более 10 тыс. врачей-педиатров, которые трудятся в близлежащих регионах Томской области, Новосибирской, Кемеровской областях, Алтайском и Красноярском краях, Бурятии, Якутии. Кроме этого, в странах СНГ и Балтии, в том числе и за рубежом.

Литература

1. Неопубликованные документы и материалы. Государственный архив Томской области (ГАТО) Ф.Р. 561.(Сибирский Государственный Медицинский университет), Оп.1. Д. 3105. Л. 1. , Д.1376. Л.6., Д. 2791.Л. 4.
2. Красное знамя. Томск. 1944.
3. Профессора медицинского факультета императорского (государственного) томского университета- томского медицинского – института – сибирского государственного медицинского института (1878-2003). Томск. 2004. Т.2., 404с.
4. Балашева И.И., Мендрин Г.И., Михайлов В.Д., Олейниченко В.Ф.
5. Сборник научных работ, посвященный 50-летию педиатрического факультета. Томск. 1995. 107с.
6. Томский медицинский институт. 1888-1988: сто лет со дня основания. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета. 1992. 210с.

7. 70 лет педиатрическому факультету РГМУ. 1930 – 2000. Москва. 2000. 234с.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ А.А. КНАУФА НА ЗЛАТОУСТОВСКИХ ЗАВОДАХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Е. А. Кобякова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. П. Цеховой, к.и.н., доц.

Вторая половина XVIII века насыщена различными событиями в горнозаводской промышленности. Это появление новых заводов, и их развитие. Здесь и появляется вопрос об экономической эффективности Златоустовских заводов. Он актуален для специалистов – краеведов Урала, так как существует мало обобщающих работ по данной тематике. Основная задача данного исследования – это вопрос о том, был ли успешен (эффективен) опыт управления Златоустовскими заводами Андреем Андреевичем Кнауфом. Хронологические рамки исследуемой проблемы довольно размыты, поскольку Андрей Андреевич арендовал, продавал, получал в «вечное пользование» разные заводы в различное время. К примеру, первым был арендован Кусинский завод с 1796 по 1799 годы, затем продан Государственному ассигнационному банку, но уже в 1801 году он возвращает себе право аренды. Что касается главного Златоустовского завода, он был арендован в период 1797 по 1799 годы, и так же была восстановлена аренда с 1801 по 1811 годы, в этот же период времени арендовался и Саткинский чугуноплавильный завод. Артинский завод с 1801 по 1811. Примечательно, что Миасский завод входивший в состав Златоустовских заводов не принадлежал Кнауфу, но сдавался в аренду с 1797 по 1799 гг. Таким образом, можно, примерно выделить период управления заводами А.А. Кнауфом – 1796 -1811 гг. (с интервалами). С чем же связан промежуток времени, когда заводы переходили Государственному Ассигнационному банку? А ответ прост – финансовые затруднения [1, с. 219].

Литература бедна сведениями, как о самой личности А.А. Кнауфа, так и об экономическом развитии заводов в данный промежуток времени. Некоторые важные фрагменты жизни и деятельности Андрея Андреевича Кнауфа можно проследить по статьям Е. Г. Неклюдова, А. Павлова, И.А. Новикова, Г.Ф. Гудкова, Н.К. Чупина. А вопросы, связанные с экономическим развитием заводов освещены в работах Г.Ф.Гудкова, Н.К. Чупина, И.А. Новикова, П.И. Минеева, Е.Г. Неклюдова. Но информация, к сожалению фрагментарна, в основном это данные статистики. К примеру, в статьях Е.Г. Неклюдова и А. Павлова рассматриваются

различные точки зрения компетенции Андрея Андреевича, в управлении заводами. Сведения о самом Кнауфе в различных источниках и смутны, и противоречивы, разброс мнений крайне широк. Это и толстосум, ничего не смыслящий в заводском деле. Это и едва ли не самый толковый горнозаводчик. Он и казну обманывал, он и радел за процветание державы, несмотря на иностранное подданство. И в тоже время, он говорит о том, что «Жесток был режим при Кнауфе». И тут же говорит о его образованности, «как свидетельствует «Горный журнал», интерес к опытничеству он имел» [2, с. 6]. А по мнению, Е.Г. Неклюдова говорит о том, что «... роль этого человека (и стоящих за ним иностранных кредиторов) в истории уральской горно-заводской промышленности по своему уникальна, а значение многомерно и неоднозначно» [3, с. 185]. Что касается источников, то их тоже не так много. Примером, может служить Указ Правительствующего Сената и предложение Троицкого земского суда о разрешении торговли иностранцам; Указ Берг – коллегии о составлении описи имущества Златоустовских заводов для передачи их Кнауфу за сентябрь 1798 – сентябрь 1804 гг. В ней говорится о передаче а аренду заводов: «чтожъ касается дозаводских строении жобы при здаче ихъ описали оныя подробно, въ кокомъ они – состоянии зданы будет купцу Кнауфу показав имъ ровно какъ и всему тону что было здано въ казну Кнауфом иныне опять поступать будет цену позделанной при отдаче нимъ заводовъ въ казну оценне коквыя ведомости Ровно какъ заводом чертежи и планы сочинив в троимее» [4]. И в работе Е.Г. Неклюдова упоминаются фонды ГАСО (Государственного архива Свердловской области), в которых так же говорится о переходе заводов под управление Андрея Андреевича. Появление иностранца Кнауфа в составе уральских заводчиков было связано с решением правительства Павла I об отдаче ему в бессрочную аренду Златоустовских (бывших Лугининских) заводов. 30 сентября 1800 г. появился указ императора директору Берг-коллегии М. Ф. Соймонову, в котором сообщалось, что на основании подтвержденного 19 мая мнения Императорского совета «об отдаче лугининских и походяшинских рудокопных заводов в вечное и наследственное содержание партикулярным людям всемилостивейше соизволили, дабы лугининские заводы, выключая медеплавильный Миасский, отданы были московскому купцу Кнауфу» [3, с. 184] Но в литературе, говорится об обратном, что Миасский завод не был приобретен [2, с. 216].

Что же касается вопроса об эффективности управления заводов, то стоит привести данные статистики. По мнению, Александра Павлова «Кнауф не хотел тратить средства на модернизацию заводов... Он выжимал из оборудования и работных людей, все что мог» [2, с. 6]. Но в тоже время выплавка чугуна во время его управления заводами увели-

чивалась. В книге Гудкова Г.Ф., Гудковой З.И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII – XIX вв. есть сведения о выплавке материала. В начале XIX века на Златоустовском заводе изготавливалась сталь: в 1803 – 2308 и в 1805 – 3844 пудов. На Саткиинском заводе при шести действующих доменных печах в 1805 году было выплавлено 98475 пудов чугуна и выделано 71565 пудов железа. А на Кусинском в том же 1805 году было получено 118816 пудов чугуна, и выделано 61811 пудов железа. Нарращивание темпов производства на Златоустовских заводах осуществлялось при помощи доменного корпуса, в который входило две доменные печи, три молотовых, формовых, плющильных фабрик [1, с. 220-221].

Подводя итоги можно сказать об эффективном использовании заводов, так как количество выплавки увеличивается. А.А. Кнауф занимался научно-практической деятельностью, что естественно влияло на повышение выработки. Таким образом, опыт управления немецким подданным, купцом первой гильдии Андреем Андреевичем Кнауфом Златоустовскими заводами Уфимской губернии можно считать успешным.

Литература

1. Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских горных заводов, XVIII-XIX вв. Ч.2. Уфа: Китап,1993. 480с. (Монография)
2. Павлов А. Московский именитый гражданин А.А. Кнауф // Деловой Урал. 1999. 16 июля. (Статья)
3. Неклюдов Е. Г. Купец А. А. Кнауф и его кредиторы: первый опыт иностранного предпринимательства в горно-заводской промышленности Урала // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. (Статья)
4. ОГАЧО. Ф. И-170. Оп.1. Д.100. // Указ Правительствующего Сената и предложение Троицкого земского суда о разрешении торговли иностранцам; Указ Берг – коллегии о составлении описи имущества Златоустовских заводов для передачи их Кнауфу за сентябрь 1798 – сентябрь 1804 гг.
5. Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводладельцы. М.: АН СССР, 1962. 324с. (Монография)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ ПАТРИАРХА НИКОНА

Г. А. Кречетов

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н.И. Сазонова, д. ф. н., проф.

В отечественной исторической науке уже прочно закрепилась позиция, подчеркивающая тот факт, что причиной формирования старообрядчества послужил церковный раскол, вызванный церковно-

обрядовыми реформами патриарха Никона. Одной из причин проведения этих реформ является религиозный кризис. Реформа была направлена на исправление богослужебных книг, сохранение основ православия, но с коррекцией обрядовой стороны. Однако, именно обрядовая сторона, как раз и играла важную роль в церковной практике и духовной жизни русских. Как справедливо гласит выдвинутый историками тезис: «Роль богослужебного текста в формировании религиозного менталитета и системы ценностей в последние годы все чаще признается и в рамках исторической науки также подчеркивается тесная связь повседневной жизни с богослужебной практикой, а в особенности у крестьянства на сознание русского человека играет колоссальное влияние вся без исключения религиозная литература» [8, с. 251-252; 6, с. 127-157; 7, с. 15-17; 2, с. 23-31.]

При этом стоит учитывать и то, что православие было принесено на Русь из Византии и развивалось на Руси по такому сценарию, что сначала было богослужение, а потом – опыт, поэтому обрядовость оказалась превыше, особенно в период после монгольского нашествия, когда православная вера по мнению таких ученых как А.П. Щапов и П.В. Знаменский: «превратилось в суеверное соблюдение обряда» [10, с. 27-42; 4, с. 277.] Но как при всем при этом весьма очевиден тот факт, что патриарх Никон провел эти реформы по изменению обрядовой стороны Церкви довольно резко, тем самым едва не доведя развитие раскола до революции.

В науке, как видно из вышеизложенного, неоднократно выдвигалась позиция относительно того, что реформа носила сугубо религиозное значение, а другие аспекты данной реформы были либо слабо изучены, либо не изучены вовсе. Но тем, не менее, дальнейший анализ источников и трудов ученых-историков позволяет выявить и другие факторы, обуславливающие необходимость проведения Никоном церковной реформы. Отсюда и актуальность данной публикации, целью которой является анализ значения церковной реформы патриарха Никона в её политическом аспекте. Именно благодаря этой реформе также удалось проложить один из наиболее важных векторов Российской внешней политики, вплоть до падения династии Романовых в 1917 году.

Как известно из истории, на Руси Церковь и государство, в той или иной степени были неразрывно связаны друг с другом. Особенно четко эта связь прослеживалась вплоть до реформы Петра I, передавшего управление Церковью святейшему Синоду и устранившего патриарший институт. До XVI в. во главе русской православной церкви стоял Византийский (Константинопольский) патриарх. Но с возвышением Москвы Византия стала терять былое геополитическое значение и авторитет. Византийская церковь перед Русской была особенно скомпрометирована в

1439 году после заключения Флорентийской унии с католической церковью. Хотя на Флорентийском соборе были и представители Руси, но этот шаг со стороны Византийской церкви во многом расценивался как предательство. Ещё одним шагом, способствовавшим укреплению Руси на международной арене стала женитьба Ивана III на племяннице византийского императора Софье Палеолог, а также и захват Византии турками-османами. А в 1589 году на Руси появился свой патриарх – Иов. Таким образом, к этому времени самой Византии не удалось сохранить исконные православные ценности, после заключения Флорентийской унии, а сама Византия оказалась под властью иноверцев. А новым православным центром с появлением собственного патриарха стала Русь. Москва стала серьезным христианским центром после падения Константинополя и вышеупомянутой династической брак Ивана III с представительницей царствующего рода в Византии обеспечил то, что Русь получила свои виды на Византийский престол, но только после смуты и воцарения династии Романовых практическая реализация теории «Москва – третий Рим» стала наиболее актуальной. Касательно Церкви В.О. Ключевский писал о том, что именно в годы патриаршества Никона возобладали идеи создания так называемой «Вселенской церкви». Но так же сначала и царь Алексей Михайлович, и патриарх в данном вопросе были заодно. По самым разным причинам и в этом случае также стоит учитывать властолюбие патриарха Никона, который как писал В.О. Ключевский имел желание поставить духовную власть выше светской: «Укрепившись опорой вне сферы Московской власти, Никон хотел быть не просто Московским и всероссийским патриархом а ещё одним из вселенских и действовать самостоятельно. Он хотел дать действительную силу титулу "великого государя", какой он носил наравне с царем, все равно была ли это снисходительно допущенная узурпация или неосторожно пожалованная "собинному другу" царская милость. Он ставил священство не только вровень с царством, но и выше его» [5, с. 208-209.]

Тем более, что и опыт такого верховенства духовной власти уже был. Примером тому может служить царствование Михаила Романова, особенно в то время, когда вернувшись из польского плена в Москву, отец Михаила Романова, будучи патриархом правил страной единолично. Разумеется, он был отцом царя Михаила, соправителем, правившим в тандеме со своим сыном. Но Филарет был его отцом! А отец – это в первую очередь властелин семейства. В этом случае, семейство правящего царя также не было исключением. Соправителем Филарет был и как человек, занимавший высшую церковную должность. Вот этот опыт так же мог учитывать Никон. Но Никону, в его случае нужен был альянс с царем и убедить царя в необходимости проведения реформ, одним из направлений которой стала бы практическая реализация теории «Моск-

ва – третий Рим». Но как пишет В.О. Ключевский: «К началу XVII в. церковное общество прониклось религиозной самоуверенностью, но эта самоуверенность воспитана не религиозными успехами православной Руси, а политическими несчастьями православного Востока» [5, с. 197.] Далее речь шла и о том, чтобы поставить Византию под подчинение Руси. Именно в основном Византию, потому что реформа Никона была направлена главным образом, на достижение единообразия между русской и греческой церковной практикой. И в данном случае, ссылаясь на работу Б.П. Кутузова «Церковная реформа XVII века: трагическая ошибка или диверсия?» можно отметить тот факт, что цель эта диктовалась исключительно политическими мотивами: Алексей Михайлович – первый из русских царей всерьез задумал воссесть на древний Византийский престол и тем самым, быть во главе православного мира. Хотя в то время территория Византии уже почти 200 лет как была под игом турок-османов. И даже если Алексей Михайлович и собирался воевать с Турцией за Византию то Россия тогда ещё не была готова к войне: Турция была сильным государством, а её сателлит – Крымское ханство как государство было своеобразным «буфером» между Россией и Турцией – это географическое пространство не было преодолено военным путем – это было сделано только при Екатерине II столетием позже. А что касается самой Турции, то при той же Екатерине II – это государство в ходе постоянных военных действий А.В. Суворова и других военачальников хоть и было очень сильно ослаблено, но не было подчинено России ни при Екатерине II ни при последующих за ней правителях. Хотя все российские правители имели желание поставить Византию с Константинополем и находящиеся там христианские святыни под контроль Российского государства. Но Алексей Михайлович уже точно не мог бы решиться на серьезную войну с турецким султаном: учитывая существовавшую геополитическую обстановку – у русского царя не было ни сил, ни средств для ведения успешной войны ни с Турцией, ни даже с Крымским ханством, которое в случае чего могло вмешаться, выступив на стороне Турции.

Плюс ко всему в России был и свой внутренний кризис: страна пережила в 1648 году Соляной бунт, а в 1662 году – Медный. Страна имеющая такое внутреннее развитие: бунты и в целом социальная напряженность не смогла бы осуществить свою внешнеполитическую деятельность. А так же на развитие внутренней и внешней политики государства играет немаловажную роль и личность главы этого государства. Аргументацией этого довода может служить и тот факт, что в 1649 году – после Соляного бунта было издано Соборное уложение, которое по своему содержанию свидетельствует о взятом царем курсе на укрепление своих позиций, которые очевидно, были довольно слабыми, а царь – это

прежде всего «помазанник божий» и ему нужно было подтвердить свою богоизбранность: иначе он мог бы просто «слететь» с престола – и все это в условиях, когда династия Романовых пережила первую смену власти от отца к сыну. Церковная реформа могла так же в той или иной степени быть направлена на подтверждение царем своей богоизбранности. Что подтверждает историк К. Валишевский – именно при дворе царя, формировался кружок будущих идеологов старообрядчества вместе с протопопом Аввакумом (как если своего рода не противодействие, так сдерживание властных амбиций Никона и его сторонников, а также в той или иной степени, сдерживание может быть даже чрезмерного усиления Никона) [1, с. 283.] Но в данном случае, во многом было определяющим и властолюбие Никона, который став в 1652 году патриархом начал копировать греческую церковную практику: в сложившихся условиях он задался идеей сделать из Москвы «вторую Византию» в связи с чем – отпадала необходимость войны с турками. Никон приносит на Русь греческие амвоны, архиерейский посох, греческие клобуки, приглашает в Москву греческих живописцев, строит монастыри по подобию греческих [9, с. 6.] Иными словами реализацию данной внешнеполитической цели можно было провести только за счет духовного подчинения греческой церкви русской: после успешной реализации данного плана со временем появятся и более веские претензии территориального характера, с которыми в последствии турки и их союзники уже не смогут не считаться. Поэтому Никон и начал свою реформу с мер, направленных на достижение духовного единства русских и греков. В качестве аргументации, можно привести мнение Б. Кутузова: «Никонова реформа, по унификации русской и греческой церковной практики приобрела особое политическое значение. Церковное единообразие с греками представлялось единым идеологическим фундаментом будущей великой империи» [9, с. 13.]

При этом Никон хотел заручиться поддержкой со стороны Константинопольского патриарха Паисия, которому Никон в 1654 году накануне собора отправил грамоту с вопросами церковнообрядового характера. Никон видимо рассчитывал. Что если Паисий и одобрит их реформу им будет удобно ссылаться на его авторитет. Но Паисий выразил трезвый и осторожный взгляд на то, что нет необходимости в реформе, вероятно Паисию стала понятна задумка Никона касательно духовного подчинения Византийской церкви, на что так же была направлена реформа. А если бы Паисий дал бы согласие на возможность даже ссылаться на его авторитет, он бы все равно со временем потерял бы известную долю власти, а Никон бы этой реформой начал бы постепенно выбивать у него почву из под ног. Паисию было важно сохранить за собой духовную власть над греками. Своего рода – противодействие политике, проводи-

мой по планам Никона. [9, с. 11.] Тем более, что Паисию и представителям греческой церкви было за что опасаться. Если сослаться на комментари к «Житию Аввакума» то Алексей Михайлович, явно не без влияния Никона отправил экспедицию на Афон, в Грецию, Египет и Иерусалим келаря Троице-Сергиева монастыря Арсения Суханова с целью изучения вопросов о различиях между русским и греческим богослужением. [3, с. 185.] Что вполне вероятно делалось, чтобы на основании полученной информации в дальнейшем реализовывать поставленные задачи, то такую «экспедицию» можно обозначить как своего рода «зондирование почвы» или разведку.

Однако, реформа Никона спровоцировала раскол внутри самой русской православной церкви: выделились те кто не хотел принимать реформу и новые обряды. Не желая расставаться с верой отцов и предков. Но следование старому обряду отнюдь не запрещалось. Если принимать во внимание довод приводимый В.О. Ключевским, по которому проведение церковной реформы имело цель подчинение Церкви, возглавляемой Никоном может служить и тот факт, что от церкви старообрядцы как таковые за старый обряд не отлучались и не подвергались ни какому преследованию, отлучались только те, кто не признавал и не покорялся новой церковной власти, проводившей реформу. Покорявшимся же разрешалось придерживаться как старого, так и нового обряда. Аргументацией может служить приведенная В.О. Ключевским выдержка из беседы Никона с Иваном Нероновым по этому поводу, где Никон касательно обрядов говорил: «и те и другие добры, все равно, по коим хочешь, по тем и служишь» [5, с.212-213.] И позволила провести таким образом уточнение количества паствы: принявшие реформу – с нами, не принявшие – против нас.

Ещё одним политическим направлением данной реформы было противодействие активной миссионерской политике католического Запада, которая была особенно активна во время Смуты. Очень активно католичество развивалось в сопредельной с Россией Украине, бывшей под властью Польши. В 1654 году, по решению Переяславской Рады, левобережная Украина вошла в состав России. Именно с территории Украины в Россию проникала западная (не без католического влияния) мысль. Реформа была направлена на противодействие миссионерству католиков, когда после возникновения лютеранства, Ватиканом был взят курс на то, чтобы восполнить потери посредством подчинения себе части восточной Церкви. Поэтому не исключается и то, что в качестве противодействия Никон старался усилить свою власть, быть так сказать, всемогущим папой для православных, проведение реформ ему нужно было, чтобы сосредоточить все рычаги власти. Никон опирался и на опыт католиков: был введен четырехконечный крест, в том числе и на головных

уборах священников, вводились церковные проповеди. Церковные книги печатались в иезуитских типографиях Венеции и Парижа. Стоит также учитывать и присоединение Украины – бывшей под католическим влиянием. Не исключено поэтому и то, что перенятие возглавляемой Никоном церковью некоторых элементов у католиков было направлено на некоторое духовное сближение с имевшей свои отличительные особенности Украинской Церковью. В данном случае реформа Никона была противодействием миссионерской политике Запада и проводилась по греческим образцам, не только лишь для сближения с греческой церковью, но и как противодействие восточной церкви – западной.

Но и внутри самой Русской Церкви произошел раскол, обусловивший всю её нестабильность. Но если бы Никон довел бы нужную информацию до всех то и раскола могло бы и не быть, но вскоре, испортив личные отношения с царем, Никон, не без участия греческих церковных иерархов, возможно понявших его планы в отношении Византийской Церкви, поэтому их действия, были направлены на поддержание сложившегося на Руси раскола, как фактора направленного на внутреннее ослабление Русской Церкви, от которой исходила возможная угроза, был лишен патриаршего сана, а раскольники были преданы анафеме. То есть, раскол, который можно было бы свести на нет, приобрел своё стабильное развитие. А ослабленная им изнутри Церковь не могла бы проводить столь грандиозную внешнеполитическую деятельность.

Таким образом можно сделать нижеследующий вывод, что если на западном направлении удалось достигнуть некоторых поставленных целей. То на юго-восточном направлении, духовного и как следствие – территориального подчинения добиться не удалось. Но вектор российской внешней политике именно в этом направлении был задан и она получила свое развитие при последующих за Алексеем Михайловичем правителях: это направление было одним из определяющих, вплоть до падения династии Романовых. А раскол приобрел свое стабильное развитие, вылившееся в новое для Русской православной Церкви явление как старообрядчество.

Литература

1. Валишевский К. Первые Романовы. М.: Terra-книжный клуб, 2003. 400 с. (Монография)
2. Громько М.М. О единстве православия в церкви и в народной жизни русских // Традиции и современность. М., 2002. №1. С. 23-31
3. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н.К. Гудзия. М.: ГХИЛ, 1960. 220 с. (Сборник)
4. Знаменский П.В. История русской церкви. М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 1996. 478 с. (Монография)

5. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В двух книгах. Мн.: Харвест, 2000. кн. 2. 1056 с. (Монография)
6. Кремлева И.А. Обет в религиозной жизни русского народа // Православие и русская народная культура. Кн. 2. М., 1993. С. 127-157. (Сборник)
7. Кремлева И.А. Обеты в народной жизни // Живая старина. 1994 №3. С. 15-17.
8. Кузнецов С.В. Религиозно-нравственные основания русского крестьянского хозяйства // Православие и русская народная культура. М.: Наука, 1994. Кн. 3. С. 251-252.
9. Кутузов Б.П. Церковная реформа XVII века: трагическая ошибка или диверсия? [Электронный ресурс]: наследие святой Руси, памятники древнерусской письменности. Русский портал – Электрон. дан. URL: <http://nasledie.russportal.ru> (дата обращения: 30.03.2012).
10. Щапов А.П. Русский раскол старообрядцев. – Казань: Тип. Ун-та, 1859. 566 с. (Монография)

РУССКОЕ БОГОСЛУЖЕБНОЕ ПЕНИЕ В XVII ВЕКЕ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

Т. И. Лекаревич

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: С. В. Бурмистрова, к.фил.н., доц.

XVII век выделяется как один из важнейших этапов развития истории Русского государства. В XVII в. происходят крупные перемены и преобразования в русской общественной жизни и культуре. Эти преобразования были обусловлены концом развития средневековой Руси и началом новой эпохи, связанной с западноевропейской культурой, что привело к столкновению двух различных систем мышления и последовавшим затем конфликтам. Изменения коснулись всех сторон жизни России XVII в., в том числе культуры и искусства.

В исторической науке XVII столетие принято называть «переходной эпохой», подготовившей реформы Петра Великого. Современники называли свой век «бунташным», поскольку он опрокинул привычные устои жизни, внес кардинальные перемены в древней Руси.

Православная Русская Церковь при Крещении Руси приняла от греков и славян пение мелодическое. Такое пение просуществовало на Руси до 16 в. – середины 17 в. Музыка католического Запада того времени существенно отличалась от православных, её можно назвать гармонической. В 16 в. на Западе наступает блестящий расцвет музыкальной культуры. А к 17 в. гармоническое пение на Западе было в полном своём развитии, когда на юго-западе, на границе православной Руси и католической Польши возникла пресловутая уния.

Церковная уния – акт объединения Восточной (православной или древневосточной) и Западной (Римско-католической) церквей на усло-

виях признания Восточную церковь католической экклезиологии и догматики (включая папский примат), но при сохранении ею восточного литургического обряда. Церкви, образовавшиеся в результате унии, именуются Восточно-католическими. Восточно-католические церкви византийского обряда называются грекокатолическими.

Православные люди в пределах Польско – Литовского королевства находились в непосредственном контакте с католической церковной культурой, а, следовательно, и с достигшей у поляков высокого развития католической церковной музыкой.

Католичество употребляло все доступные средства к соращению православных в униатство. Чтобы бороться с врагом тем же оружием, возникшие к тому времени православные юго-западные братства начали учреждать при монастырях правильно организованные школы, а при церквях монастырей – певческие хоры из учеников тех же школ и любителей пения. Чтобы стоять в борьбе с унией на высоте своей задачи и бороться равносильным оружием, братства и их певческие хоры должны были воспользоваться всеми теми данными в области певческого искусства, какие были выработаны к тому времени западной музыкальной наукой и какие могли найти себе применение в православном богослужении, не нарушая церковного устава и обычая. Искусному гармоническому, многоголосному католическому пению братства должны были противопоставить такое же искусное гармоническое пение православное.

Получается, что родина партесного пения – Юго-Западная Русь. В борьбе с унией и католичеством православные христиане Юго-Западной Руси стремились разработать тип пения, отличный от католического органного звучания ("органного гудения").

Покидая Юго-Западную Русь, православные христиане несли партесное пение в Московское государство, где господствовало одноголосное хоровое знаменное пение. Таким образом, партесное пение, пришло на смену знаменному пению. В богослужбное употребление партесное пение введено в 1668 году с согласия восточных патриархов.

Партесное пение (лат. partes – голоса) – тип церковного пения, в основе которого положено многоголосное хоровое исполнение композиции. Партесное пение берет свое название от слова "голоса", поскольку оно разделяется на голоса или партию. Количество голосов может быть от 3 до 12, а может достигать и 48. В партесном пении различают исполнение композиций с постоянным и переменным многоголосием. Постоянное многоголосие обычно представляет 4-х голосные обработки мелодий знаменного и других распевов. Переменное многоголосие предполагает чередование звучания полного хорового состава и отдельных групп голосов.

Это пение своим распространением немало обязано поддержке Патриарха Никона, который, будучи еще Новгородским митрополитом, ввел его в своей епархии, а затем перенес в Москву. Сам Государь Алексей Михайлович особыми указами вызывал к себе певцов из западной России, а по наказу московского правительства посланники ездили в Киев за певчими. Пришлось и великорусским певчим взяться за изучение новой манеры пения, которая быстро пришлась большинству по сердцу. Но поскольку новшества шли к нам с инославного чужого Запада, для многих этого было достаточно, чтоб отрицать партесное пение. Патриарх Никон обвинялся в том, что от него: "нововнесены в Россию пение новокиевское и партесное многоусугубленное (на несколько голосов) еже с движением всея плоти, с покиванием главы, с помаванием (маханием) рук, с вихляниями безчинными". Но не только власти оказались сторонниками нового искусства, нашлись горячие защитники и среди духовных лиц, пытавшиеся разъяснить и доказать маловерным, что оно не может считаться ересью, что оно благо и вполне приемлемо.

С удалением патриарха Никона от управления московской кафедрой партесное пение в Москве и в других местах несколько ослабело. Однако в 1666/7 году, при торжестве в Похвалу Пресвятой Богородицы, патриаршие певчие пели «Взбранной воеводе» троестрочную. Причиной этого было то, что русское высшее общество было достаточно увлечено партесным пением, и это пение довольно прочно уже осело и утвердилось на Руси. Но троестрочное пение появилось на Руси ещё, не позже по крайней мере, времени царствования Ивана Грозного. А во второй половине 17 в. не стало уже пользоваться сочувствием. Впоследствии это пение вышло из употребления и было совершенно забыто, а на месте его утвердилось новое партесное пение. [6, с. 83].

Посредником между западной музыкальной формой и русским пением было, в то время распространенное среди польско-униатского населения, пение кантов и псалмов. Канты и псалмы – музыка светская и духовная, которая была распространенной в Украине (и не только) в 17-18 веке. Это песни любовно-лирические, шутливые, моралистические, а также псалмы (песни на духовную тематику). В них – палитра чувств, которыми живет человек: любит, шутит, радуется жизни, плачет и смеется... общается с Богом...

Русским певцам пришлось по душе не только способ исполнения на 3-4 голоса этих псалмов, но и задушевная простота, умильность и теплота религиозного чувства, которою были согреты их музыкальные изложения, и этот стиль был перенесен в богослужбное пение Русской Церкви.

Вводя киевское пение, царь Алексей Михайлович и Патриарх Никон начали новую эпоху, сменившую преобладание унисона и знаменного

распева широким развитием хорового пения, обилием свободных композиций, а также кратких распевов. [7].

В православной массе, свыкшейся с многовековой культурой строго церковного унисона, многоголосное пение насаждалось и прививалось не без борьбы. Со стороны православных по отношению к нововведению на первый план выдвигался вероисповедный критерий: православно или неправославно новое пение? Одного факта, что пение это шло на Русь не с традиционного Востока, а с латинского Запада, было достаточно, чтобы считать его еретическим.

В этот период киевского влияния появились в Москве первые гармонизации знаменного распева, а также свободное творчество русских авторов. Число сохранившихся партитур, которые сосредоточены были в московской синодальной библиотеке, указывает на огромную плодovitость первых русских авторов, писавших целыми томами, целыми "службами".

Из композиторов "польского" направления можно отметить Дилецкого, Бавыкина, Титова, Калашникова и Беляева.

Польское влияние продолжалось недолго, но не в силу сопротивления со стороны сторонников древнерусского церковного пения, а потому, что произошел перелом в сторону так называемого "итальянского" влияния. Музыкальное искусство вступает на путь служения и светской жизни русского общества.

После раскола православной церкви 1652 года, при царе Алексее Михайловиче, старообрядцы не приняли ни новый многоголосный стиль пения, ни новую систему нотной записи. У них сохранилось знаменное пение.

Литература

1. Гарднер И.А. Богослужбное пение Русской православной Церкви. М., 1998. Т. 1. 592 с. (Монография)
2. Гарднер И.А. Богослужбное пение Русской православной Церкви. М., 1998. Т. 2. 640 с. (Монография)
3. Кутузов Б. Знаменный распев – поющее богословие. М.: Изд-во Андрей Рублёв, 2009. 416 с. (Монография)
4. Мартынов В.И. История Богослужбного пения. М.: Изд-во РИО ФА, 1994. 240 с. (Монография)
5. Мартынов В.И. Культура, иконосфера и богослужбное пение Московской Руси. М.: Изд-во «Прогресс традиция», 2000. 224 с. (Монография)
6. Протоирей Металлов В. Очерк истории православного церковного пения в России. Изд-во Свято – Троицкая Сергиева лавра, 1995 160 с. (Монография)
7. Лада О.Д. О Церковном пении [Электронный ресурс]: URL: <http://www.klikovo.ru/db/msg/9525> (дата обращения: 12.03.2012).
8. Партесное пение [Электронный ресурс]: URL: Литургия.ру (дата обращения: 04.03.2012).

СОЗДАНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ВЫСШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА РККА ИЗ СОСТАВА ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ЦАРСКОЙ АРМИИ В 1918-1919 ГГ.

В. В. Макеев

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: П.Л. Нестеренко, к.и.н., доц.

«В искусствах практических не следует гнать слишком вверх цветы и листья теории, но держать их поближе почвы опыта».

Клаузевиц – «Война», т. 1, стр. XVI.

Актуальность заявленной темы состоит, прежде всего, в необходимости изучения различных аспектов нормативно-правовой деятельности не только в процессе государственного строительства советского государства, но и создания новых вооруженных сил. Положенный в их основу традиционный принцип призыва на действительную воинскую службу сочетался с привлечением военных специалистов царской армии.

Хронологические рамки исследования определяются 1918 – 1919 гг. Именно на этот период пришелся первый этап строительства советской государственности. Цель статьи заключается в изучении нормативно-правовой базы комплектования высшего командного состава РККА из числа военных специалистов царской армии. Это, по моему мнению, стало прогрессивным элементом юридической системы оформления высшего командного состава вооруженных сил Советской республики.

Борьба за привлечение и использование лучших военных специалистов русской армии была начата еще в 1917 г. [1, с. 194.] Это связано с появлением проблемы нехватки кадров высшего командного состава РККА в условиях необходимости строительства советских вооруженных сил.

Опираясь на рекомендации В.И. Ленина, а затем и на постановление V Всероссийского съезда Советов (июль 1918 г.), Коммунистическая партия решала эту проблему комплексно.

Во-первых, в кратчайшие сроки необходимо было создать организации для профессиональной подготовки красных командиров из трудящихся через широко развернутую сеть командных курсов, высших школ, институтов и военных академий.

Во-вторых, одним из основополагающих принципов создания РККА должно было стать выдвижение на командные должности подпрапорщиков, унтер-офицеров и солдат, которые в своей подавляющей части

являлись выходцами из трудового народа и имели боевой опыт первой мировой войны.

В-третьих, существенную помощь в достижении этой цели могло оказать добровольное привлечение и мобилизация на службу в армию и на флот офицеров и генералов старой армии, имевших, как правило, высокую военно-теоретическую подготовку и практический опыт командной и штабной работы [2, с. 46].

Начало законодательному оформлению новых советских вооруженных сил, получивших наименование Рабоче-Крестьянская Красная армия (РККА), положил Декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии принятый Советом Народных Комиссаров РСФСР 15(28) января 1918 г. [3, с. 185-192].

Этот декрет оформлял законодательно создание новых вооруженных сил Советской республики. «Верховным руководящим органом Рабоче-Крестьянской Красной Армии является Совет Народных Комиссаров. Непосредственное руководство и управление армией сосредоточено в Комиссариате по военным делам, в созданной при нем особой Всероссийской коллегии» [3, с. 186].

19 марта 1918 года Совет народных комиссаров принял решение о широком привлечении в Красную армию военных специалистов [5], а 26 марта Высший военный совет издал приказ об отмене выборного начала в армии, что открыло доступ в ряды Красной армии бывших генералов и офицеров[5].

Данные решения являются первыми документами такого уровня и, безусловно, заслуживают отдельного рассмотрения. В данном случае юридически оформляется новая система формирования создаваемой Красной Армии, система интересная и прогрессивная в целом в вопросе военной политики большевиков.

С одной стороны мы имеем масштабное привлечение генералитета и других категорий офицерства царской армии.

С другой стороны, юридически закреплялся всесторонний контроль над деятельностью военных специалистов со стороны института военных комиссаров. Этому способствовало Постановление Пятого Всероссийского съезда Советов об организации Красной армии.

Пункт 9 этого документа, в частности, гласил: «Военные комиссары являются блюстителями тесной и ненарушимой внутренней связи Красной Армии с рабочим и крестьянским режимом в целом» [4, с. 543].

Двойственность, но не противоречивость политики большевиков в данном контексте можно охарактеризовать отсутствием желания восстановить старую русскую армию в полном ее объеме, реанимировать ее традиции и принципы.

Гораздо более важным для большевистского руководства было стремление использовать в своих политических интересах многовековой опыт русского офицерства, его стратегическое мышление, практический багаж отечественной школы Генерального штаба и многих других прогрессивных и важных принципов русской армии.

Большевикам нельзя отказать в умении мыслить трезво и прагматично в отношении высшего командного состава бывшей царской армии. Взвешивая каждое последующее политическое и юридическое решение, находясь в то же время под давлением углубляющейся Гражданской войны в России, они смогли провести твердую и логичную военную политическую линию.

В апреле – мае 1918 года Совет народных комиссаров принял ряд законодательных актов, призванных продолжить строительство советских вооруженных сил:

- 1) Декрет о порядке замещения должностей в Красной армии, отменявший выборность командного состава [4, с. 153-155];
- 2) Постановление о принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую Красную армию (далее РККА) [4, С. 334-335];
- 3) Формулу торжественного обещания воинов РККА [4, с. 156-157]
- 4) Декрет ВЦИК «Об обязательном обучении военному искусству», введший всеобщее военное обучение (всевобуч) [4, с. 151-153].

Это стало правовой основой для перехода к всеобщей воинской обязанности.

Данная система получила окончательное оформление с принятием Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [3, с. 305-335], утвержденной постановлением V Всероссийского съезда Советов, принятым 10 июля 1918 года.

Следующее положение Конституции гласит: «В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов» [3, с. 307].

Кроме того, в Первой советской Конституции отмечалось: «В целях всемерной охраны завоеваний Великой рабоче-крестьянской революции российская Социалистическая Федеративная Советская республика признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые же элементы возлагается отправление иных военных обязанностей» [3, с. 307].

Таким образом, к середине 1918 г. заканчивается законодательное оформление созданных вновь российских вооруженных сил. Что особенно важно отметить, – директивно и конституционно закрепляется всеобщая воинская повинность, отменяется система выборности командиров, армия пролетаризируется (воинскую повинность отправляют представители трудовых классов), создаются органы военного управления, как было сказано ранее, всю полноту военной власти осуществлял Совет Народных Комиссаров, создавался Народный комиссариат по военным делам, местные органы военного управления, комиссариаты.

Вооруженные силы Советской республики, пройдя путь от добровольческой Красной гвардии, приходили к неизбежной и естественной государственной организации, которая диктовалась условиями военного времени, а также началом советского государственного строительства.

29 июня 1918 года Совет народных комиссаров издал декрет, согласно которому вводилась мобилизация бывших офицеров и чиновников [5]. Это решение, с одной стороны, окончательно оформляло систему обязательной и всеобщей мобилизации приведенных выше категорий служащих.

Вместе с тем, оно делало легитимным их положение, приравнивало к военным служащим других категорий службы, в некоторой степени причисляя этих людей к элите новой армии.

Руководящим политическим органом в Красной Армии первоначально было Всероссийское бюро военных комиссаров, затем вместо него был создан Политический отдел Реввоенсовета Республики, который в мае 1919 г. был преобразован в политическое управление Республики, вся деятельность которого протекала под руководством Центрального Комитета партии [6, с. 102].

Важно подчеркнуть и следующую мысль: твердый контроль над деятельностью военных специалистов оставался в полном действии, осуществлялся СНК, большевистской партией и другими структурами беспрекословно. Но военная система оформляется, становится более профессиональной, эффективной, стройной.

В завершении исследования данной проблемы мы можем сделать следующие выводы:

1. Политика большевиков в сфере строительства вооруженных сил очень быстро пришла к необходимости построения массовой, сформированной по призывному принципу армии по ведущим европейским образцам. Большевикам удалось воспользоваться достижениями современной им военной науки и общей логики построения армии. Поставленный на повестку дня вопрос о привлечении профессиональных кадров военных специалистов для руководящих должностей армии и флота решался в оперативном и эффективном порядке.

2. Устанавливается важный для решения политических, идеологических, воспитательных и образовательных задач контроль над военными специалистами, укрепляющий ведущую роль большевиков в военном строительстве.

3. Правительство большевиков берет курс на укрепление воинской дисциплины через создание института военных комиссаров, призванных с одной стороны осуществлять контроль над работой военных специалистов бывшей царской армии, с другой – проводить всестороннюю агитационно-пропагандистскую работу в действующей армии.

4. Большевики приходят к пониманию необходимости трансплантировать в новую армию и ее командный состав высшее звено офицерства, в частности, накопленные за века бесценный боевой опыт и его теоретическое осмысление, школу русского Генерального штаба.

Таким образом, политика советского правительства в отношении формирования высшего командного состава РККА из среды царского офицерства была в целом прогрессивной и реалистичной. Красная армия на основании законодательных актов 1918 – 1919 гг. предстает перед нами не как «лапотная» армия, а как серьезная вооруженная сила, с профессиональными кадрами и пристальным вниманием к военной теории.

Литература

1. Бритов В.В. Рождение Красной армии. М.: Учпедгиз, 1961. 278 с. (Монография)
2. Гражданская война в СССР. В 2 т. М.: Воениздат, 1986. Т.1. 447 с. (Сборник)
3. Первые декреты Советской власти: Сб. факс. воспроизвед. документов. М.: Книга, 1987. 334 с. (Сборник)
4. Декреты Советской власти. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1959. Т. 2. 685 с. (Сборник)
5. Военспец [Электронный ресурс] // Википедия: [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%86> (дата обращения: 28.03.2012).
6. Военная история: Учебник / И.Е. Крупченко, М.Л.Альтговзен, М.П.Дорофеев и др. М.: Воениздат, 1984. 375 с.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Д. Р. Марасулова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: П.Л. Нестеренко, к.и.н., доц.

Российско-японские отношения имеют богатую историю. На рубеже XX – XXI вв. отдельные аспекты двустороннего сотрудничества приоб-

рели новую актуальность. Россия и Япония – это развивающиеся в экономическом, политическом и дипломатическом плане страны, которые сотрудничают между собой в различных сферах.

Однако активному экономическому развитию этих стран мешает проблема, которая до сих пор остаётся не решенной, а именно – проблема т.н. «северных территорий».

Так и не заключенный после Второй мировой войны мирный договор между Россией и Японией, остается «камнем преткновения» на пути к достижению активного развития технологий и инвестиций между странами. Из-за отсутствия между странами мирного договора, сотрудничество в других сферах остаётся затрудненным.

Россия видит Японию как экономического партнера, инвестора, спонсора реализации различных проектов. Япония же, в свою очередь, видит в России поставщика нефти, газа, а так же нефтегазохимических технологий.

Экономическое сотрудничество между странами будет и в дальнейшем осуществляться. Однако сложно прогнозировать динамику и темпы данного сотрудничества. Это напрямую зависит от достижения разумных, устраивающих обе стороны компромиссов в территориальном вопросе.

В 1990-е годы экономические отношения между Россией и Японией начали развиваться небольшими темпами. Поводом этого послужило японское решение, которое подтверждало экономическое сотрудничество с Россией только после признания японского суверенитета над островами.

Тем не менее, в 1993 году наметился позитивный сдвиг, и товарооборот из Японии в Россию возрос на 3,8 %, а в 1994 она вошла в десятку крупнейших торговых партнеров России. В июне этого же года состоялись межправительственные консультации по торгово-экономическим вопросам, а так же был осуществлен визит в Японию первого заместителя премьер-министра России О. Сосковца. Рассматривались состояния и перспективы сотрудничества на ближайшие годы по ряду конкретных проектов, в частности, в нефтегазовой и лесной промышленности, освоение ресурсов дальневосточного региона [1, с. 49].

Тем самым, реализация достигнутых договоренностей открывала дорогу для роста взаимного обмена. Особое место в истории российско-японских отношений занимает 1997 год. Он дал старт регулярным встречам на высшем уровне, интенсивным политическим контактам.

В течение одного года имело место три важнейших события – в ноябре 1997 года в Красноярске состоялась встреча российского Президента Б.Н. Ельцина с премьер-министром Р. Хасимито по обсуждению мирных переговоров. В апреле 1998 года в Каване прошли встречи «без

галстуков» руководителей РФ и Японии, в ноябре 1998 года состоялся официальный визит премьер-министра К. Обути в Москву, который закончился подписанием Московской декларации [2, с. 100].

Так или иначе, российско-японские отношения за период 1990-х набирали «обороты в деле». Вопросы, касающиеся политических, экономических, научных и других сфер постепенно разрешаются. Так, Россия и Япония достигла ряда договоренностей в торгово-экономической сфере, содержащие крупные проекты в области инвестиций, энергетики, использования атомной энергии в мирных целях, освоения космоса, содействия российским реформам [3, с. 98].

Японское правительство имеет четко выраженный интерес в экономическом взаимодействии с Россией. Это обусловлено тем, что Россия имеет природные ресурсы, которых лишена Япония, а именно – лес, морепродукты, уголь, нефть, газ. Так же Россия активно развивает торговлю с другими странами, в то время как товарооборот между Японией и Россией находился лишь на 14 месте. И всё-таки для японского экспорта российский рынок представляет значительный интерес.

Для России Япония является одним из важнейших торговых партнеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе [4]. Российское правительство проявляет повышенный интерес к технологиям и инвестициям Японии, к поставкам машинотехнической и машиностроительной продукции.

По мере развития российско-японских отношений, динамика товарооборота постоянно менялась. Поводом этого служили различные причины. Например, проблема малых российских закупок в Японии, обуславливается двумя условиями:

Во-первых, у российских компаний, как правило, нет средств для увеличения импорта из Японии, а японские условия кредитования сделок слишком жесткие.

Во-вторых, в последнее время японские товары, а так же оборудование теряют конкурентоспособность на российском рынке, так как цена на них выше цены на аналогичные товары из США.

Тем не менее, не смотря на трудности, обе страны продолжают искать выход из такой ситуации. Россия и Япония на протяжении уже нескольких веков пытаются разрешить экономические, политические вопросы, которые сопровождаются рядом международных встреч, заключением меморандумов, соглашений.

Так, например, в 1993 году было заключено соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Японии о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла морских живых ресурсов, а в 1998 году был подписан меморандум о создании основ для развития диалога и контактов между Министерством обороны Российской Федерации и управлением национальной обороны Японии.

Можно констатировать, что Россия и Япония ведут совместный диалог в различных сферах. Стоит отметить то, что интересы обеих стран во многом совпадают.

Россия и Япония заинтересованы в поддержании мира и стабильности на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. И Россия, и Япония заинтересованы в предотвращении кризисов в регионе. Будучи странами с рыночной экономикой, Россия и Япония не являются конкурентами в экономической сфере. Напротив, экономики двух стран взаимодополняемы и могут успешно сотрудничать.

Совпадение или близость позиций Москвы и Токио по наиболее актуальным международным проблемам сделало весьма конкретным взаимодействие двух стран по целому ряду направлений [2, с. 199].

Так, обе страны сотрудничают в совместных проектах (проект утилизации атомных подводных лодок, выведенных из состава Военно-Морского флота России на Дальнем Востоке), на форумах «большой восьмерки», так же Россия и Япония стали союзниками-партнерами по антитеррористической коалиции.

В феврале 2002 года было подписано Совместное Заявление по борьбе с терроризмом, начали проводиться соответствующие двусторонние консультации [2, с. 200].

Стоит отметить, что начиная, с 1993 года по 2003 год Японию посетили около 150 депутатов Федерального Собрания России. Так же растет число депутатов японского парламента, посещающих Россию.

С 2004 года начал проводиться «Совет мудрецов». Задача Совета – разрабатывать рекомендации руководству двух стран относительно того, что следует предпринимать для продвижения вперед российско-японских отношений по всем направлениям. В этом же году между партией «Единая Россия» и правящей либерально-демократической партией Японии был подписан меморандум об установлении отношений сотрудничества.

В 2008 году товарооборот между двумя странами достиг рекордной величины – 29 млрд. долл., товары топливно-сырьевой группы (уголь, нефть и нефтепродукты) занимали ведущее место (около 58 %) в структуре российского экспорта в Японию [5, с. 42].

Совпали интересы Японии и России в сфере энергоснабжения и применения новых источников энергии. Так, в 2009 году был подписан новаторский для двух стран межведомственный «Меморандум о сотрудничестве в области повышения энергоэффективности и использования возобновляемых источников энергии».

В этом же году был подписан меморандум о модернизации экономики. В документе говорилось о том, что стороны будут прилагать усилия для улучшения делового климата для торговли и инвестиций, про-

ведения диалога между бизнес-сообществами и ассоциациями деловых кругов, органы исполнительной власти двух стран [6].

Таким образом, с начала 2000-х годов после практически десятилетнего застоя в российско-японском экономическом взаимодействии наблюдается заметное оживление, обусловленное изменением внешних условий. Это видно из позитивной динамики сотрудничества двух стран.

Оба государства стремятся найти выход из ситуации временной экономической стагнации. Для этого между ними регулярно проводятся встречи в верхах, конференции, форумы.

Выход из потенциально тупиковой ситуации можно найти, но для этого нужно, чтобы обе страны были заинтересованы в поиске пути разрешения указанной проблемы. Потенциальным аргументом нормализации торгово-экономического сотрудничества двух стран может стать обоюдная и значительная выгода.

Возможно, Японии нужно отказаться от жесткого притязания на «северные территории», ведь это только усугубляет ситуацию и ни к чему в итоге не приведет. Со своей стороны, России же не нужно осложнять ситуацию, и идти на приемлемые компромиссы.

В целом за последние два десятилетия в отношениях между двумя странами произошли беспрецедентные за всю историю их развития позитивные перемены. И хотя самый главный – территориальный вопрос между Россией и Японией пока не решен окончательно, положительные перспективы экономического взаимодействия обозначены очень четко.

Литература

1. Колчин. С. Основные направления развития внешней торговли России // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 8. С. 47-51.
2. Панов А. Россия и Япония. Становления и развитие отношений в конце XX начале XXI века. М.: Известия, 2007. 311 с. (Монография)
3. Добринская. Отношения Японии с крупными державами АТР // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 3. С. 96-101.
4. Российско-японские торгово-экономические отношения. Министерство экономики развития Российской Федерации [Электронный ресурс]: <http://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 19 декабря 2011).
5. Носова И. Российско-японский энергетический диалог // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 4. С. 39-47.
6. Россия и Япония подписали меморандум о модернизации экономики // Комсомольская правда [Электронный ресурс]: <http://kp.ru> (дата обращения: 13 ноября 2011).

СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОСТИ ПЕТРА I И ЕГО КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Л. В. Миненко

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: А. В. Лосева, к.и.н., доц.

Первая четверть XVIII века – это особый период в истории России. Он ознаменован быстрой и болезненной ломкой старого уклада народной жизни, складывающегося на протяжении нескольких столетий. Ни одна сторона народной жизни не осталась нетронутой: государственное и административное устройство, финансовая и военная отрасли, семейная и частная жизнь, – всё в большей или меньшей степени подвергалось изменению. В своих преобразованиях Петр I подверг изменению и стержень русской народности: реформы в церковном строе и духовенства отразились на религиозном быте и состоянии религиозности русских. Но необходимо заметить, что эти реформы не касались православного вероучения и догматов, и сам Петр I «заявлял особенное усердие к сохранению чистоты вероисповедного учения» [10, с. 13]. В связи с этим научное сообщество обращает внимание на изучение личной религиозности Петра, её проявлений и характере.

Отечественные историки середины XIX – начала XX вв. в своих работах, посвященных Петру I, выделяют его начальное религиозное воспитание и специфику благочестия, которые выражались в весьма своеобразной форме. Петр учился читать по Часослову, знал Псалтирь и Евангелие, изучал церковный устав и богослужebное пение, осваивал русскую историю по летописям и житиям святых. Таким образом, Петр получил первоначальное «древнерусское воспитание: грамотность повела непосредственно и можно сказать исключительно к изучению св. писания, что и дало на всю жизнь обильное питание его глубокой религиозности» [8, с. 53]. Церковная жизнь, по справедливому замечанию С. М. Соловьева, не коснулась его внешне, «но обхватила его своим светом и теплотой, как человека и как русского человека» [8, с. 53]. Внутренние отголоски религиозного воспитания Петра выражались в участии в русском богослужении, где он сам пел и читал на клиросе.

Свои суждения по вопросам религиозного воспитания Петра I имел и историк русской церкви П. В. Знаменский. По его мнению, Петр не получил религиозного воспитания ни в киевском духе, ни в духе великорусского древнего благочестия. Отсюда, по мнению П. В. Знаменского, берет начало «шаткость его религиозных убеждений, готовность к восприятию всего нового в религиозной сфере и светский характер его реформы» [3, с. 353]. К тому же на Петра влияло и новое окружение – период его социализации прошел в Немецкой слободе, где он, не зная

религиозную ксенофобию (ввиду отсутствия должного религиозного воспитания), «протянул к иноземцам свою руку, прося их быть его учителями» [3, с. 354].

Историк русской церкви А. В. Карташев в «Очерках по истории русской церкви» отвёл значительное место для анализа личной религиозности Петра, в которой навсегда остался стиль традиционного церковного благочестия. В переписке с родными или в издании указов, Петр «не только по заведенному порядку обставлял важные государственные события обычными церковными церемониями, но и в своих манифестах и заявлениях часто делал откровенные религиозные оценки переживаемых событий» [4, с. 321]. В 1711 г., окруженный в Прутском походе турками и едва не попавший в плен, Петр пишет: «Понеже так воля Божия благоволила, грехи христианские не допустили. Однако ж Господь Бог наших людей ободрил» [4, с. 321]. Известен эпизод с В. Н. Татищевым, который развязно болтал, издеваясь над Библией и разными церковными непорядками. Петр прикрикнул на него: «Как же ты осмеливаешься ослаблять такую струну, которая составляет гармонию всего тона? Я тебя научу, как должно почитать оное и не разрывать цепи, все в устройстве содержащей. Не соблазняй верующих честных душ; не заводи вольнодумства, пагубного благоустройству. Не на тот конец старался я тебя выучить, чтобы ты был врагом общества и Церкви» [4, с. 322]. Петр признавал за церковью функцию консолидации общества, и в своих реформах не затрагивал основы православия и богослужения, отождествляя их с «национальным нервом», по которому русские отождествляли себя с истинными христианами.

Интересные замечания по поводу религиозности Петра I оставили иностранцы в своих записках. И. – Г. Фоккеродт замечает, что ревнители старины подозревали Петра в неправославии, а простой народ считал его немцем-еретиком. Это было связано с тем, что в личном поведении царя было много такого, чего народ никак не мог примирить с выработавшимся в общественном сознании идеалом православного царя. Но иностранцы не говорили о полном отсутствии религиозного чувства у Петра, отмечая, «что при такой кипучей, многосторонней деятельности у него, очевидно, оставалось мало времени на богомолье» [9, с. 115]. Иностранцы являлись свидетелями того, как царь лично участвовал в службе, часто даже принимал на себя управление хором. Ф. – В. Берхгольц описывает отношение Петра к религиозным праздникам: «Сам император целуется с последним солдатом, если он при встрече с ним поднесет ему яйцо» [2, с. 379]. Личные религиозные убеждения Петра подтверждаются его вмешательством в дело человека, который был убежден, что почитание икон есть идолопоклонство. Петр предлагал признать данное высказывание заблуждением, за что обещал помилова-

ние. Многие отмечают в своих дневниковых записях, что всякое предприятие, закладка дома или гавани всегда сопровождалось молитвой. Перед своей смертью Петр дважды причастился и повелел «повсеместно освободить и избавить от всякого взыскания лиц, содержащихся по обвинениям в оскорблении величества и в воровстве, дабы они молились за упокой его души» [9, с. 119].

Тем не менее, многие историки приходят к одному мнению: Петру был свойственен утилитарный, прагматический взгляд на роль религии в деле государственном. Ю. Ф. Самарин пишет по этому поводу: «К несчастью Петр Великий понял религию только с ее нравственной стороны, насколько она нужна для государства. И в этом выразилась его протестантская односторонность. Со своей точки зрения он не понимал, что такое церковь. Ибо сфера ее выше сферы практической, и потому он поступал, как будто бы ее не было, отрицал ее не злоумышленно, а скорее по неведению» [7, с. 252]. Если доктрины православной церкви Петр не касался, то его отношение к обрядам и невежественному суеверию характеризовалось как негативное. Ненависть к суеверным религиозным представлениям выразилась в издании указа о брадобритии: «Наши старики по невежеству думают, что без бороды не войдут в царство небесное, хотя оно отверсто для всех честных людей, с бородами или без бород, с париками или плешивыми» [5, с. 215].

Но как ни боролся Петр с общественными суевериями, главным для него являлся вопрос о патриаршестве и подчинении церкви государству. Царь рассматривал представителей клира как служащих, отвечающих за определенный «сектор» социальной и идеологической работы. В связи с этим стоит отметить отношение Петра к патриархам. Начиная со второй четверти XVII в. патриархи в России имели существенную власть – начиная с Филарета, который помогал своему сыну, Михаилу Федоровичу, принимать решения государственного значения, заканчивая Никоном при его отце, Алексее Михайловиче, грозная тень которого постоянно была в глазах Петра. В связи с этим логично предположить, что церковная реформа была продиктована самим Петром I, как реакция на притязания патриарха на светскую власть. Но многие историки отмечали, что потребность в реформе ощущалась высшим духовенством, авторитет которого был подпорчен расколом и репрессиями против самого патриарха. При таком подходе Петр является как спаситель внешнего «авторитета» русской православной церкви.

Стремление Петра заставить церковь служить государству окончилось победой Петра – церковь превратилась в административный орган, при помощи которого Петр проводил свою политику. С утверждением Духовного Регламента и Священного Синода, Петр обозначил основные обязанности церкви и духовенства, выражающиеся «в устройстве духо-

венства, преимущественно черного, противодействие расколу, преследование суеверий и распространение религиозно-нравственного просвещения в народе» [8, с. 143]. Петр неоднократно поручал Синоду сочинять краткие книжки и поучения с изложениями сущности веры, «поощрял церковное проповедничество, переводы религиозных книг, даже лютеранских и кальвинистских катехезисов, и предпринял важное дело распространения в народе Библии» [3, с. 404]. Духовным Регламентом были закреплены уставы духовных школ, вводились требования для кандидатов в священники. Внесенные изменения были необходимы для поднятия морально-этического облика церкви и духовенства перед мирянами. Многие иностранцы, приезжающие в Россию в XVII в., отмечали низкий уровень богословских знаний как у мирян, так и у клириков.

Рассматривая конфессиональную политику Петра, стоит отметить его отрицательное отношение к папству, которая выражалась в виде шутовской коллегии кардиналов с князем-папой. Тем не менее Петр по провозглашенному в 1702 г. принципу свободы вероисповеданий, позволял католикам строить в России храмы и держать при них духовенство. К протестантам Петр относился всегда благосклонно. Это было связано с тем, что все окружавшие его иностранцы были протестантами, а не католиками. Отрицательно относился Петр к иезуитам, приговорив их к изгнанию в 1719 году. Неоднозначным было отношение Петра к раскольникам: в начале своего правления он был равнодушен к ним, но в 1720-ых гг. ввел для них ряд ограничений.

С реформ Петра I церковь перешла в новое для себя состояние – начинается Синодальный период, характеризующийся усилением авторитета и власти императора и светским управлением в Священном Синоде. Теперь церковь служила Отечеству, выполняя цель Петра по улучшению земного благоденствия. Прагматическое воззрение Петра на церковь создавало новый тип религиозности и благочестия, «в котором сочетается глубокая личная религиозность и постоянное соотнесение своей воли с Творцом и Победителем» [1, с. 117], выражающееся во внутреннем противоречии мистического ощущения богоизбранности с дикими (похабными) антицерковными выходками. По замечанию Ю. Лотмана, «государственная служба приобретала для Петра религиозное значение непрерывной литургии в храме Государства» [6, с. 20]. Работа для него была молитвой, а забота о душе казалась незначимой перед лицом государственной жизни.

Литература

1. Антоненко С. «Священная пародия» или новое благочестие? Личная религиозность Петра I как феномен «культуры перехода» // С. Антоненко // Родина. 2007. №11. С. 117-118.

2. Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца 1721 – 1725 / Неистовый реформатор: Россия при Петре Великом / Сост.: А. Либерман, В. Наумова. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 107 – 502.
3. Знаменский П. В. Руководство к русской истории церковной истории. Минск: Белорусский экзархат, 2005. 575 с.
4. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. М.: Терра, 1992. – Т.2. 569с.
5. Ключевский В. О. Исторические портреты: Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1991. 622 с.
6. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 399 с.
7. Самарин Ю. Ф. Сочинения: в 10 т. М.: Типография А. И. Мамонтова. 1880. – Т. 5: Стефан Яворский и Феофан Прокопович. 464 с.
8. Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. 231 с.
9. Трегубов С. Религиозный быт русских и состояние духовенства в XVIII в. по мемуарам иностранцев. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1884. 212 с.
10. Фоккеродт И.-Г. Дневник камер-юнкера / Неистовый реформатор: Россия при Петре Великом / Сост.: А. Либерман, В. Наумова. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 11-104.

МАССОВОЕ РАЗВИТИЕ ОГОРОДНИЧЕСТВА В СТАЛИНСКЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «БОЛЬШЕВИСТСКАЯ СТАЛЬ»)

О. В. Морозова

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: А. Г. Борин, к.и.н., доц.

В период Великой Отечественной войны изменилась специфика организации свободного времени жителей Сталинска. Люди сталкивались со множеством бытовых проблем. Это сложные жилищные условия, трудности получения медицинской помощи, недостаток одежды и обуви. Главное место на их фоне занимала проблема нехватки продовольствия. Все эти проблемы возникли еще в 1930-е гг., но наиболее остро их решение потребовалось в условиях войны. Для адаптации населения к реалиям военного времени были созданы различные механизмы. Одним из них являлось массовое развитие огородничества.

Идея развития огородничества противоречила идее соцгорода. Как известно, Сталинск проектировался и строился с одной стороны как город при комбинате, с другой – как социалистический город, то есть как город нового типа. Это означало, что образ жизни жителей нового индустриального города должен был кардинально отличаться от деревенского и городского в его дореволюционном варианте. В занятиях жителей города нового типа не предусматривался аграрный компонент. Но уже в 1930-е гг. эта концепция, на которой держались представления о городе

нового типа, начинает рушиться. Основным ресурсом для формирования городского населения являлись бывшие крестьяне. Вместе с крестьянами в «новый» город пришла деревня. Кроме того, Сталинский горсовет активно поощрял и стимулировал сельскохозяйственные занятия жителей города [1].

В период войны идея города нового типа продолжала размываться. Не случайно решение о массовом и системном развитии огородничества приняли именно тогда [2]. Необходимо было обеспечить рабочих и служащих дополнительными продуктами питания. Поэтому выполнение решения имело «важное хозяйственное значение» [3].

Процесс развития огородничества нашел отражение в материалах ежедневной городской газеты «Большевицкая сталь». Она являлась органом Сталинского горкома ВКП(б) и городского Совета депутатов трудящихся и активно пропагандировала занятие сельским хозяйством. Вопросы, касающиеся этой стороны повседневной жизни горожан, освещались в газете с периодичностью 2-3 раза в месяц.

В организации огородничества в Сталинске были вовлечены партийные органы, милиция и прокуратура, городские власти, фабрично-заводские и местные профсоюзные организации, уличные комитеты и домоуправления, а также вся общественность города.

Существовала сложная процедура получения земельного надела, напрямую связанная с острой нехваткой свободных земель. Его выделением занималось земельное управление горисполкома. Оно закрепляло участки за огородными комиссиями, домоуправлениями Соцгорода и уличными комитетами частного сектора. Желавшие получить огород подавали заявления в эти инстанции. Зачастую один человек мог получить несколько наделов. Такие люди считались «спекулянтами» [4]. Желавших получить надел было больше, чем наделов.

Многоступенчатый механизм наделения землей приводил зачастую к организационным казусам. Так в 1943 г. оказалось, что участок в 3000 кв.м., расположенный на берегу Томи, был предназначен одновременно двум организациям, а именно коллективу детского сада №25 и сотрудникам «Южгипроруды». Вторая организация вскопала землю раньше. Работники детского сада просили разрешить спорный вопрос, но им предложили освободить участок. «Прозевали? Ничего не получите!» [5].

В представлениях жителей Сталинска, идеальный огород – это надел, имеющий хорошую почву, расположенный в черте города и недалеко от воды. Каждый хотел получить именно такой участок. Поэтому вопрос распределения земли вызывал бурные конфликты. В 1943 г. жители улицы Димитрова не могли поделить выделенную им землю. Ее три раза перераспределяли, потому что «некоторым придирчивым огородникам не понравились отведенные им делянки» [6].

С течением времени получить хороший участок становилось все сложнее. В Сталинске в годы войны насчитывались десятки тысяч «посевщиков», и их число постоянно увеличивалось. Это привело к тому, что к 1944 г. свободных земель в черте города не осталось [7]. Земельный дефицит был связан с особенностями местности, не позволявшими расширить городскую территорию. Сталинск проектировался и строился в болотистой котловине.

Проблему недостаточного количества земли жители Сталинска решали разными способами. Они сокращали пастбища, занимали под посевы все свободные земли, в том числе дворы, площадки, проезжие части улиц и пешеходные дороги. Такое насаждение огородов лишало детей места для игр. Они выходили на проезжую часть улицы, «а это влекло за собой несчастные случаи» [8].

Городские власти были обеспокоены сложившейся ситуацией и принимали меры для ее разрешения. Чтобы обеспечить всех желающих огородами, норму надела постепенно сокращали. В 1942 г. площадь участка, приходящегося на одного человека, составляла 150 кв.м., в 1943 г. – 130 кв.м., в 1944 г. – 110 – 120 кв. м. [9]. Решением горисполкома от 4 мая 1943 г. был запрещен «самовольный захват городских земель» [10]. Однако переломить тенденцию стихийного устройства огородов не удалось. В 1945 г. в одном только Орджоникидзевском районе под огороды не хватало площадки в 90 га [11].

В Сталинске размещались огородные участки разных видов. Это индивидуальные и коллективные огороды, подсобные хозяйства предприятий. Индивидуальными огородами были приусадебные участки вокруг домов частного сектора. Коллективными огородами – объединения индивидуальных хозяйств на различных началах: по принципу артели, когда урожай распределялся между владельцами по трудодням, или по принципу индивидуального сбора урожая. По данным плановой комиссии горисполкома в 1943 г. около 55000 индивидуальных хозяйств занимали площадь в 4015 га, а в 1944 г. 62700 индивидуальных огородов имели общую площадь 5114 га [12]. В занятие огородничеством вовлекалось все возрастающее число жителей города.

Значительную часть населения Сталинска составляли выходцы из деревни. Тем не менее, многие горожане не имели опыта сельскохозяйственных работ. Для них в годы войны была создана многоплановая система помощи.

В период войны стали создаваться объединения «посевщиков» по месту их работы и по месту жительства. Из числа рабочих и служащих этих объединений избирались огородные комиссии. К 1942 году в Сталинске действовало больше двухсот таких комиссий [13]. Так, огородная комиссия жителей по проспекту Энтузиастов объединяла «около 500 по-

севщиков» [14]. Представители комиссий добивались отведения земельных участков, приобретали семена и рассаду, обеспечивали рабочих и служащих необходимым инвентарем, контролировали процессы вспашки огородов, сбора и хранения урожая.

Не меньшую помощь горожанам в изучении основ ведения сельского хозяйства оказывали агрономы и практики-огородники. Под руководством фабрично-заводских и местных комитетов (ФЗМК) проводились беседы и обучающие семинары. Характерно, что требовалось объяснять даже то, как нужно поливать посевы и собирать урожай. Однажды, при уборке урожая в подсобном хозяйстве санатория «Топольники» с людьми не провели разъяснительные работы. Это привело к тому, что был собран не весь выращенный картофель. «В каждом выкопанном кусте можно найти еще 2-3 клубня» [15].

Немалую роль в обучении огородников играла сама газета. В ней регулярно публиковались советы академика ВАСХНИЛ Т.Д. Лысенко и местных агрономов А. Николаева, П. Козака и др. Они давали подробные рекомендации по агротехнике выращивания картофеля и овощей, способам обработки и удобрения почвы, методам борьбы с вредителями и болезнями растений.

Проблема заключалась не только в том, как вырастить урожай, но и в том, как сохранить выращенное. В условиях войны в городе участились погромы посевов и «случаи массового хищения овощей и картофеля на индивидуальных и коллективных огородах трудящихся города» [16]. В 1943 г. горисполком принял ряд мер для пресечения этих явлений. Силами милиции, а также сторожей и самих граждан была организована охрана посевов. Газета разъясняла, что виновные в кражах и погромах будут привлекаться к уголовной ответственности по 79 статье УК РСФСР, предусматривавшей наказание до 5 лет лишения свободы.

Исполнение принятых решений было нелегким делом. Оказалось, что даже «при наличии сторожа на огороде происходят погромы» [17]. Выяснилось также, что тех, кто умышленно крадет урожай, как правило, не найти. Виновных в погромах выявляли, но милиция не желала вести расследование по делам такого рода. Например, огородники Водной станции обнаружили 5 коров, уничтоживших урожай. В пятое отделение милиции были направлены фамилии владельцев коров, но оно «отмахнулось от этого хлопотного дела» [18].

Несмотря на все возникающие сложности, массовое развитие огородничества позволяло если не решать, то в значительной степени смягчать продовольственную проблему в городе. Успехи отличившихся огородников широко освещались в газете. Примером для подражания была домохозяйка Н.Я. Чурина, которая получала богатый урожай. «С одного посаженного ведра картофеля она собирает 18 ведер. Овощей с огорода

хватает ... на семью в семь человек» [19]. Огородники, получавшие высокий урожай, неоднократно поощрялись горисполкомом. В частности, Н. Я. Чурина получала премию несколько раз.

Действенным способом популяризации огородничества было проведение сельскохозяйственных выставок. Первая такая выставка состоялась в Сталинске в 1942 г. в зале заседаний горисполкома. На ней был продемонстрирован «превосходный урожай»: «кочан капусты в обхват величиной, весом в 10 кг., свекла размером с человеческую голову, весом около 3 кг. и др.» [20]. В этой выставке принимали участие подсобные хозяйства и совхозы города. Другая сельскохозяйственная выставка проходила в 1944 г. в здании цирка. Следует отметить, что в ней участвовали и индивидуальные огородники. Продолжалась она 16 дней. Ее посетил каждый десятый житель города [21].

В результате реализации идеи развития массового огородничества, в Сталинске получили распространение сельские способы организации жизни. Почти все свободное от основной работы время жители города проводили на огороде. Возрождались традиции сельского уклада: переделы земли и сельскохозяйственные артели. Такие формы ведения хозяйства были привычны для выходцев из деревни, составлявших значительную часть населения Сталинска. В годы войны жители города, не имевшие опыта работы в деревне, массово приобщались к сельскохозяйственному труду.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в Сталинске усилилась аграрная составляющая в жизни общества и еще отчетливее, чем 1930-е гг. стали проявляться черты сельской жизни. Идея города нового типа к концу войны осталась не реализованной.

Литература

1. НФ ГАКО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 63. Л. 56.
2. Массовое развитие огородничества – дело большой государственной важности. Постановление Президиума Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов // Большеви́стская сталь. 1942. №31.
3. Терентьев П., Мельников А. О массовом выходе на огороды // Большеви́стская сталь. 1942. №56.
4. Мельников А. Об индивидуальных и коллективных огородах // Большеви́стская сталь. 1944. №45.
5. Владимирова Л. Получили землю – не зевайте! Захватывайте – и копайте! // Большеви́стская сталь. 1943. №108.
6. Давыдов В. Земля ждет хозяина... // Большеви́стская сталь. 1943. №105.
7. Мельников А. Указ. соч.
8. Там же.
9. Большеви́стская сталь. 1944. №45, 1945. №59.
10. Под суд за самовольный захват земли // Большеви́стская сталь. 1943. №100.

11. Кузьмина А. Организованно проведем огородную кампанию// Большеви́стская сталь. 1945. №70.
12. НФ ГАКО. Ф.3. Оп.1. Д.115. Л.2. об.
13. Куцух В. Огородные комиссии готовятся к посадке овощей// Большеви́стская сталь. 1942. №32.
14. Сергачев М. Внимание огородным комиссиям// Большеви́стская сталь. 1942. №34.
15. Бракоделы разоблачены// Большеви́стская сталь. 1944. №195.
16. О потравах и хищениях на огородах// Большеви́стская сталь. 1943. №165.
17. Покончить с хулиганством на огородах// Большеви́стская сталь. 1943. №151.
18. Там же.
19. Галанова В. Образцовая огородница// Большеви́стская сталь. 1945. №70.
20. Хохлова Л. Первая сельскохозяйственная выставка в Сталинске// Большеви́стская сталь. 1942. №114.
21. Посчитано по: НФ ГАКО. Ф.12. Оп.1. Д.156. Л.78; 25 тысяч посетителей// Большеви́стская сталь. 1944. №225.

ЮНЫЕ ГОДЫ МАРШАЛА ПОБЕДЫ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА РОКОССОВСКОГО

В. В. Носырев

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: И.Ю. Николаева, д.и.н., проф.

Город с запоминающимся названием Великие Луки стал родиной великого полководца Константина Константиновича Рокоссовского. Вы спросите, почему Константина Константиновича многие люди, и я в том числе, называют великим. Я отвечу, что для меня величие полководца определяется, прежде всего, теми десятками тысяч жизней солдат, которые ему удалось сохранить. В доказательство моих слов есть любопытная статистика, убедительно показывающая соотношение потерь в войсках, руководимых Рокоссовским, и в войсках противника (ликвидация окружённой группировки под Сталиградом, Курская дуга, крупнейшая за всю войну Белорусская операция и т. д.) [7, с.89]. Почти всегда фашисты теряли значительно больше, к концу войны уже в разы больше. Получается, вопреки распространённому мнению, уже Германию заваливали трупами немецких солдат войска Рокоссовского, а не наоборот. Больше того, сюда можно добавить сотни тысяч мирных жителей, которых замучили бы фашисты, не будь побед этого блестящего маршала. Таков масштаб этой личности. Поэтому всегда интересно как такие люди воспитываются, растут, мужают. Почему Рокоссовский был без преувеличения «душой армии»?

Детство Кости Рокоссовского было счастливым. Отцу будущего Маршала Советского Союза, Ксаверию Юзефу, было уже 43 года, когда

родился сын. Тем не менее Ксаверий Рокоссовский нежно заботился о детях и старался дать образование сыну Косте и дочерям Марии и Елене. Возможно эта отцовская забота впоследствии трансформируется в знаменитую заботу великого маршала о своих солдатах.

Профессия железнодорожника в конце XIX века была весьма высокооплачиваемой. Рокоссовский-отец зарабатывал хорошие по тем временам деньги, и семья его жила в достатке.

Мать Кости, Антонина Овсянникова, была учительницей из города Пинска [4, с.23]. Воспитанная на лучших образцах русской литературы XIX века, она всеми силами старалась привить детям любовь к ней и добилась больших успехов в этом. Костя Рокоссовский научился читать с 6 лет, и книгами, с помощью которых начала формироваться его личность, были русские книги. Раннее и глубокое знакомство с русской культурой имело решающее влияние на жизнь будущего русского полководца.

В семье Рокоссовских говорили и читали как по-русски, так и по-польски, Костя с детских лет умел говорить на обоих языках, хотя впоследствии несколько подзабыл польский. Это обстоятельство через много лет дало пищу для нескольких забавных историй, связанных с именем министра обороны Польши Рокоссовского.

Еще совсем ребенком Костя вместе с семьёй переехал в Варшаву: его отца перевели работать на Варшавско-Венскую железную дорогу. На новой службе отец Кости стал зарабатывать ещё лучше и, заботясь о будущем сына, послал его учиться в училище Антона Лагуна. [5, с.18]

Косте жилось хорошо в Варшаве. Однако безмятежное детство окончилось неожиданно. Ксаверий Рокоссовский попал в железнодорожную катастрофу, был тяжело ранен. Он долго болел и, лишенный помощи со стороны государства, умер, оставив семью без средств к существованию. Теперь содержать детей приходилось матери. Не имея возможности работать учительницей, она стала брать на дом работу с чулочной фабрики. Сестра Кости – Елена устроилась на работу в мастерскую искусственных цветов (вторая сестра, Мария, умерла вскоре после отца).

Мать делала все, чтобы сын продолжал образование, и Костя оправдывал ее надежды. Учение давалось ему легко, он много читал и увлекался, как и многие его сверстники, книгами Майн Рида. Очень скоро самыми любимыми стали для него книги о войне, о необыкновенных подвигах необыкновенных людей. Костя восхищается образами прославленных героев и полководцев, с упоением читает он книги о военных походах и кровавых битвах. По признанию Константина Константиновича, любимой книгой, запомнившейся и полюбившийся ему на всю жизнь, был гоголевский «Тарас Бульба». Что довольно странно,

ведь его отец был поляком. Прочитав главу этой книги, Костя закрывал глаза, и уже кажется ему, что в руке у него сверкает кавалерийская пашка, что ноги его прочно охватывают бока боевого коня и вместе с Тарасом Бульбой летит он навстречу врагу. Вот уже ясно виден передний, пригнувшийся в седле всадник, в роскошной одежде, с направленным на него копьем, и смерть неотвратимо приближается на конце этого копья. Мгновение, и Костя ловко уклоняется от острия копья – вот так! А теперь получи! Победённый враг медленно падает с лошади. И в ответ на традиционный вопрос слышит дружное: «Есть ещё порох в пороховницах, не гнуться ещё казаки, батька Константин!»

Костя и не догадывался, что в возрасте сыновей Тараса Бульбы он не только сам будет биться с врагом, но и поведет в бой эскадрон, полк, и много, очень много раз, прежде чем ему исполнится двадцать пять лет, доведется ему сходить в рукопашных схватках со всадниками, на которых будет форма немецких драгун, чехословацких и польских легионеров и даже монгольские халаты.

Кто мог подумать, что в своей жизни он будет участником многих ожесточенных и кровопролитных битв, не имеющих себе равных в истории, что будет он сражаться и в сибирской тайге, и в песчаных пустынях Монголии, что возглавляемые им войска в майские дни 1945 года вырвутся на побережье Балтийского моря в самом сердце фашистской Германии?

Без всякого сомнения, так формировался один из его идентификационных идеалов. Быть лидером, военным героем, вести людей к победе все это вошло в плоть и кровь маленького Рокоссовского.

Костя мог учиться только пока была жива мать. Она сильно заболела в 1910 году, и мальчику пришлось прекратить учение. Едва успев окончить четырехклассное городское училище, он начинает работать. Сперва, правда, недолго, Костя помогает кондитеру, из-за побоев уходит от хозяина, некоторое время работает у зубного врача – по той же причине покидает и дантиста. «Пожаловаться было некому, месткомов тогда не существовало», – будет шутить на этот счет впоследствии маршал Рокоссовский [7, с.112]. Затем Костя устраивается чернорабочим на той же чулочной фабрике, где работала и его мать. В начале 1911 года мать умерла, и 14-летний Константин Рокоссовский теперь уже совершенно самостоятельно вынужден добывать себе кусок хлеба [4, с.27]. За участие в первомайской демонстрации его уволили с фабрики и даже на месяц посадили в тюрьму. Можно предположить, что это обстоятельство повлияло на выбор Рокоссовским стороны в будущей гражданской войне. Приходилось искать новую работу. В условиях безработицы в Варшаве это было делом нелегким [5, с.45].

Муж одной из его тёток, Высоцкий, имел в Праге небольшую, мастерскую по изготовлению памятников. Так, Костя стал помощником каменотеса.

Работа исполнялась примитивной техникой, физический труд был очень тяжелым, но вскоре Костя научился делать изящную резьбу по граниту и мрамору. Это хорошо видно на примере моста Николая II, о котором говорят, как о произведении молодого Рокоссовского.

На изнурительной работе камнетёса закаляется и крепнет воля и трудолюбие молодого человека. Здесь продолжается воспитание Кости. У своих товарищей по профессии он перенимает уважительное отношение к трудовому человеку. «Поставь себя на место другого», – эти слова, многократно повторяемые им впоследствии подчиненным, были услышаны Костей Рокоссовским от старого каменотеса. Естественно эта установка стала его идентификационным идеалом, ведь сам он неукоснительно следовал этому правилу, пропуская боль и чаяния других людей через себя. Это простое правило хорошо известно современному человеку, но немногие ему следуют. Некоторые – не умеют, большинство – просто не хотят. Что же касается Константина Константиновича, то он пошёл ещё дальше. Он не просто ставил себя на место другого человека, но и умел смотреть на мир через призму интересов и убеждений этого человека, которые, в свою очередь, могли значительно отличаться от его собственных. А это, согласитесь, сделать не так легко как кажется на первый взгляд. Очень велика вероятность ошибочных выводов. Однако природные способности и богатый жизненный опыт Рокоссовского сделали из него тонкого психолога, способного разбираться в людях.

Согласно теории габитуса П. Бурдьё, габитус интерпретируется как бессознательно усвоенные, закреплённые привычки поведения, принадлежащие к сфере неосознанного, необсуждаемого, само собой разумеющегося [10, с.55]. Именно такие габитусы сформировались у Рокоссовского в детстве. Условно их можно назвать габитусом военного полководца и габитусом понимающего человека.

Рубежом, резко изменившим судьбу Константина Рокоссовского, была первая мировая война. 2 августа 1914 года 5-й Каргопольский полк вступил в Гроец. Почти сразу же полковому командиру полковнику Артуру Адольфовичу Шмидту пришлось зачислять в полк молодого камнетёса. Конечно же, это был не кто иной, как Константин Рокоссовский, которому пришлось к своим 18 добавить 2 года, чтобы сражаться в рядах русской армии.

Война началась с пограничных сражений. И еще до того, как развернулись грандиозные сражения осени 1914 года, молодой Константин Рокоссовский уже успел познакомиться с войной. Костя Рокоссовский начал ее с подвига уже через 6 дней после зачисления в полк.

Уже 8 августа передовые разъезды Каргопольского полка обнаружили у посада Ново-Място на речке Пилице кавалерийские части противника, но не смогли определить их численности. Возникла необходимость разведки. Провести ее вызвался наш герой. Вечером он в гражданской одежде отправился в местечко и сумел выяснить, что занято оно кавалерийским полком немцев. Дерзость разведчика понравилась начальству, сведения, принесенные им, подтвердились, и Константин Рокоссовский получил первую боевую награду – Георгиевский крест 4-й степени [2, с.77]. Рисковать своей жизнью было естественно для Рокоссовского: «сработал» габитус военного-полководца.

Очень много времени и труда у драгун отнимал уход за лошадьми. В Каргопольский полк отбирались лошади рыжей масти, а в 6-й эскадрон – наиболее темные из них. Константину Рокоссовскому достался конь с весьма выразительной кличкой – Ад, своенравный, но выносливый. Молодой драгун проводил все свободное время около него, полюбил свою первую лошадь и на всю жизнь сохранил эту любовь. «На Аду я чувствую себя в раю», – смеялся Рокоссовский [2, с.78]. Может это совпадение, а может и нет, но свою дочь он назовет Адой.

С весны 1915 года на русско-германском фронте развернулись упорные и кровопролитные сражения. Особенно памятен был для каргопольцев день 19 июля. Русские эскадроны выбили три неприятельских эскадрона со станции Трошкуны, захватить же местечко не могли, так как оно оказалось занятым полком пехоты с пулеметами. Выждав, пока темнота ночи опустится над позициями, пятеро добровольцев (в том числе и наш герой) начали подбираться к вражескому караулу. Их появление перед немецким окопом оказалось совершенно неожиданным. В последовавшей рукопашной схватке трое немцев были убиты, а двое бежали. Все пятеро смельчаков за поиск в ночь на 20 июля были награждены Георгиевской медалью 4-й степени [4, с.37]. В очередной раз смертельная пика вражеского всадника из книги детства пронеслось мимо сердца русского богатыря.

Для диверсионных и разведывательных операций в дивизии из лучших, храбрейших солдат-добровольцев был создан партизанский отряд. Одним из первых пожелавших записаться в партизанский отряд вызвался ефрейтор Константин Рокоссовский (13 августа 1915 года его произвели в ефрейторы).

Утром 6 мая 1916 года команда разведчиков начала переправу у фольварка Ницгаль. Выйдя на берег, столкнулись с вражеской заставой. Шестеро немцев явно не ожидали встречи, и выстрелы драгун застали их врасплох. После первого же залпа трое немцев были убиты, а остальные бросились бежать, но уйти удалось лишь одному. Преследуемые немецким отрядом драгуны попрыгали в лодки и вскоре благополучно

достигли своего берега. За эту успешную вылазку Константин Рокоссовский, так же как и его товарищи, получил Георгиевскую медаль 3-й степени [1, с.74].

Как видите габитус воина-полководца очень характерен для нашего героя. Он неизменно следовал своему идентификационному идеалу, почерпнутому из книг о войне. Участник бесчисленных вылазок в тыл врага, лихой кавалерийский рубака, вечный доброволец и инициатор многих рискованных предприятий Константин заслужил авторитет и уважение своих сослуживцев. Конечно же его скоро взяли в учебную команду полка, где готовили офицеров (29 марта 1916 года Рокоссовского произвели в младшие унтер-офицеры). И неудивительно, ведь за время Первой Мировой, юноша собственноручно вывел из строя свыше десятка германских солдат. И это в то время, когда на фронте с центральными державами дело обстояло в точности наоборот. Русская армия испытывавшая хронический недостаток артиллерийских снарядов, да и просто винтовок смогла вывести из строя только 4 миллиона неприятельских солдат, потеряв 8 миллионов [6, с.55]. Да, не повезло немцам с Рокоссовским в первую мировую, но особенно не повезёт во вторую.

В годы первой мировой войны, в суровых боевых буднях, складывается, формируется, крепнет и закаляется характер Рокоссовского: спокойный, уверенный, лишенный позы, бахвальства. В то же время, несмотря на тяготы и ужасы войны, которая нередко огрубляет душу человека, Рокоссовский сохраняет на всю жизнь доброжелательность, стремление понять человека, войти в его положение, что впоследствии иногда воспринималось и людьми, его окружавшими, и его начальниками как мягкость характера. Некоторые люди склонны видеть сильную волю в жестокости, а твердый характер в грубости. Но вот Рокоссовский, обладая и волей и характером, с юных лет и всю жизнь начисто был лишен и жестокости и грубости в отношении подчиненных. Да и не только подчиненных. Он всегда ставил себя на место другого, его габитус понимающего человека был постоянно «при деле».

«Мы Жукова очень высоко ценили, очень его уважали и боялись», – это высказывание маршал авиации А. Е. Голованов слышал от десятков людей, известных генералов и офицеров. Солдату в окопе, очевидно, бояться Жукова было незачем. О Рокоссовском эти же люди говорили: «Мы его не просто уважали, мы его любили» [4, с.57].

Заканчивая это небольшое исследование мы делаем вывод, что на формирование идентичности взрослого Константина Константиновича большое влияние оказали вынесенные из детства по меньшей мере два идентификационных идеала. Жуков считается полководцем Великой

Отечественной номер один, но это спорный вопрос, а вот Рокоссовский является «душой нашей армии» в тот период – и это бесспорно.

Литература

1. Асович А.С. Записки рядового адмирала. М.: Орбита-М, 2005. 400 с. (Монография)
2. Ворсев М.С. Разведчики. Герои Советского Союза и Герои России. М.: Молодая гвардия, 2005. 336 с. (Монография)
3. Гасов И.Б. Разгром Императорской России. Санкт-Петербург: Альтернатива, 2005. 316 с. (Монография)
4. Дайнес В.Г. Рокоссовский против Моделя. Гений маневра против мастера обороны. М.: Эксмо, 2010. 384 с. (Монография)
5. Куркин В.В. Стратегические и фронтовые операции русской армии. М.: Молодая гвардия, 2005. 384 с. (Монография)
6. Куркин В.В. Людские потери Вооруженных Сил в 1914-1917 гг. М.: Воениздат, 1999. 457с. (Монография)
7. Куркин В.В. Ликвидация окруженной группировки (операция "Кольцо" в цифрах). М.: Воениздат, 1999. 557с. (Монография)
8. Касвинов М.В. Двадцать три ступени вниз. М.: Воениздат, 1992. 341 с. (Монография)
9. Машичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма М.: Наука, 1993. 664 с. (Монография)
10. Николаева И.Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск: Издательство томского университета, 2010. 410с. (Монография)
11. Свердлов Ф. Неизвестное о советских полководцах. М.: Биографический клуб, 1995. 216 с. (Монография)

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ССЫЛЬНЫХ ПО ДОКУМЕНТАМ ГАТО

Е. А. Перемитин

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Ю. М. Гончаров, д.и.н., проф.

История Западной Сибири неразрывно связана с историей пенитенциарной системой императорской России. Уголовная и политическая ссылка в Сибирь являлась одним из основных инструментов карательной политики, в том числе и в решении «польского вопроса».

История политической ссылки в Сибири неразрывно связана с борьбой польского народа за национальную независимость. Поляки попадали в Сибирь еще со времен начала освоения этого края и походов Ермака. Именно с отрядом Ермака в Сибири появились первые представители этой нации, так как при организации похода купцы Строгановы включили в состав отряда «литвы 300 человек» из числа плененных в ливонской войне. Литвины и шляхтичи польского происхождения

постоянно фигурируют в истории Сибири, начиная с XVI в. Поляками были первый воевода Сибири Семен Болховский и Ян Павлуцкий, впервые составивший список населения Тобольского уезда в 1624 г. Наемники и военнопленные поляки составляли в среднем 15 % от личного состава гарнизонов, а в Таре их число достигало 50 %. Поляки принимали участие в строительстве городов Тобольска и Тюмени [1].

Сибирскую ссылку отбывали участники Барской конфедерации 1768 – 1772 гг., повстанцы первого польского восстания 1830-1831 гг., участники революционных событий 1848 года [2, с.57]. Наиболее массовой стала ссылка участников восстания в Царстве Польском 1863 года. Для подавления этого восстания власти пошли на исключительную меру: высылку в Сибирь стали применять не только к непосредственным участникам мятежа, но и ко всем подозрительным и неблагонадежным в политическом отношении лицам. Причем практиковалась высылка не только отдельных лиц, но и целых семей. Правительство выделяло неблагонадежных поляков в особую группу ссыльных – «политических преступников», отличную от «государственных преступников». Их водворяли в восточных регионах империи на казенных землях на правах государственных крестьян. В делопроизводственных документах и переписях населения второй половины XIX в. эта категория населения получила условное название – «польские переселенцы» [1]. Всего по подсчетам историков, в Западную Сибирь было выслано около 20 тысяч поляков, в 1883 году получив высочайшее прощение, часть из них смогла вернуться на родину [3].

На основании указа императора от 5 марта 1864 года о правилах высылки, водворения и отдачи под надзор полиции участников восстания Томская губерния стала одним из регионов Западной Сибири определенных царем для жительства высланных. В связи с этим в Государственном архиве Томской области сохранилось множество документов связанных с историей польской ссылки. Целью же данной работы является описать материальное положение и обеспечение польских переселенцев в Томской губернии на материалах ГАТО.

Для руководства делами польских переселенцев в Томской губернии было назначено ответственное лицо – состоящий при МВД заведующий по делам польских переселенцев барон Фелькерзам.

В 270-м фонде ГАТО присутствуют регистры составленные Усть-тартаским Волостным правлением о деньгах выданным польским переселенцам на домообзаводство. В регистре от 11 февраля 1865 года на двадцать переселенцев в общей сумме было выдано 500 р. серебром, причем одному из поселенцев Адаму Стырдисю пособие было выдано дважды, сначала 12 р. 50 коп., затем 37 р. [4, л.8]. А 24 февраля 1865 года то же волостное правление, на основании имеющихся у него общест-

венных удостоверений просило выдать польским переселенцам из шести деревень и сел волости по 55 р. на переселенца на домообзаводство и приобретение земледельческих орудий [5, л.14]. Известны случаи нецелевого расходования средств переселенцами. Так, было установлено, что поселенец села Спасского Франц Богданович полученное пособие потратил на свои «надобности, а не на домообзаводство». Также было выяснено, что Богданович происходит из дворян и должен попасть в список лиц, которым пособие на домообзаводство не назначается. Томский окружной исправник должен был взыскать с Франца Богдановича выданные ему деньги [6].

В фондах ГАТО хранятся представляющие большой интерес документы, которые дают возможность достаточно полно судить о политике местных властей в деле материального обеспечения польских поселенцев [7, л.2]. В рапорте Томскому губернатору председатель 5-го участка томского округа от 31 января 1869 года сообщает список ссыльных, проживающих в Нарыме и получавших пособие от казны. Список интересен тем, что выполнен в виде разграфленной ведомости, в которой помимо основных сведений о ссыльном, содержится информация о роде его деятельности, о размере получаемого пособия, и графа, уточняющая, могут ли указанные в ведомости лица существовать и без пособия от казны. Так, например Ромуальд Сенкевич, 39 лет, получал по 6 р. ежемесячно, однако был дополнительно отмечен, как способный существовать без пособия, поскольку получал «от доверенного содержания и жалованье до 200 р. в год» [Там же, л.2]. Денежному содержанию по этой же ведомости подлежали Антон Карповский (7 коп. в сутки) «как потерявший зрение и неспособный к работам», Константин Янковский «по неспособности к работам и расстроенному здоровью» получал по 15 коп. в сутки и 1 р. 20 коп. квартирных ежемесячно. А Ивану Пашковскому выдача пособий была прекращена, в связи с тем, что он занимался «черными работами».

Однако, не смотря на выдачи властями денежных пособий, в целом материальное положение ссыльных оставалось очень тяжелым. Во многом это объясняется сложными условиями ссылки, оторванностью от родных мест и утратой своего имущества, неспособностью заниматься приносящей какой-нибудь доход деятельностью по причине болезней или в силу возраста, или по прямому запрету властей.

Фонд Томского губернского управления содержит множество документов, которые красноречиво говорят о тяжелом материальном положении польских переселенцев. Сохранилось множество прошений к уездным властям, волостным правлениям, а также напрямую к Томскому губернатору, поляков различного социального статуса о выдаче им материальной помощи [8]. Так, проживающий в Томске уже два года,

Доминик Станецкий в прошении на имя губернатора 4 марта 1867 просил «избавить от нищеты» и назначить ему пособие, поскольку он владеет только одной рукой и никаким ремеслом заниматься не может [9].

Крайнюю нужду испытывал ссыльный Иосиф Рогоза, дворянского происхождения, проживающий в Мариинске под надзором полиции. Имея слабое здоровье, не был в состоянии зарабатывать «черными работами», «а работой по письменной части заниматься было отказано»; дошел до крайней нищеты: первое время жил, продавая свое имущество. К моменту написания прошения у него не осталось никаких средств к существованию [10, л.10]. Это прошение дошло до главного управления Западной Сибири, и ему было назначено вместе с другими просителями 1 р. 50 коп. квартирных денег в месяц [Там же, л.18]. Ксендз Августин Вайгинцер, сосланный особым порядком, пользуясь Высочайшим повелением, получал от казны пособие, но, по неизвестной ему причине, данная выдача денежных средств была прекращена с ноября 1873 года. В прошении на имя губернатора он указывал, что без данного пособия «остался без малейших средств к существованию» и «при преклонных летах и неспособности к физическому труду без пособия от казны грозит неминуемая голодная смерть среди многолюдности города Томска». Это прошение также было удовлетворено (назначено пособие в 4 р. 65 коп. и квартирных 1 р. 20 коп.).

Распространенным методом борьбы с тяжелым материальным положением было получение ссыльными поляками денег, вырученных от продажи собственного имущества, находившегося в их собственности перед ссылкой в Сибирь. 24 февраля 1872 года в письме Томскому губернатору директор департамента Полиции исполнительной Косиловский отправил квитанцию на получение 5014 р. 17 коп. вырученных от аукционной продажи в северо-западных губерниях движимого имущества лиц, водворенных на казенных землях Томской губернии. В письме помимо квитанции на получение денег была подробная инструкция о том, как поступать с деньгами. Их надлежало выдавать только тем лицам, которые находились в списке, в случае смерти лица деньги передавались только прямым наследникам. Если указанное в списке лицо не обнаруживалось на водворении в Томской губернии, то необходимо было принять все необходимые средства для его скорейшего розыска. Также департамент сообщал, что из общей суммы были удержаны «страховые» в пользу казны за доставку денег из Петербурга в Томск [11, л.1-2]. Таким образом, из присланного департаментом списка, состоящим из 44-х человек, в Томской губернии деньги были розданы соответствующим лицам [Там же, л. 6-10].

В качестве показателя работы местных руководящих властей в деле розыска принадлежавшим польским переселенцам средств, любопытно

дело Юзефы Концевичевой. В 1864 году она была выслана из Минской губернии в Сибирь и водворена в Каинском округе, Устьтартаской волости. Перед высылкой она продала свое хозяйство в деревне Сушины, Игуменского уезда но по прибытии в Сибирь не получила причитающихся ей денег. В сентябре 1869 года она обратилась с прошением к Томскому губернатору и до ноября 1870 года не получила от него «никакой резолюции», что вынудило ее обратиться к генерал-губернатору Западной Сибири. 26-страничное дело во всех подробностях освещает деятельность бюрократического аппарата Российской империи. Дело Концевичевой было направлено из Сибири в МВД при Минском губернаторе, оттуда в Министерство государственных имуществ, где выяснилось, что денежными суммами польских ссыльных с 1866 года занимается департамент Полиции исполнительной при МВД. Таким образом, деньги в сумме 77 р. 12 коп. были найдены и отправлены в Томскую губернию для получения их владелицей [12].

Из вышесказанного становится понятно, что материальное положение польских поселенцев в Сибири оставалось очень трудным. Однако следует отметить лояльность по отношению к ним со стороны местных властей. Это проявлялось в зачастую искреннем желании облегчить тяжелое существование ссыльных: при недееспособности ссыльного зарабатывать себе на хлеб выдавалось пособие, тщательно разбирались прошения и спорные вопросы, о чем свидетельствует огромное количество дел, хранящихся в фондах ГАТО.

Литература

1. Жарова А.С. Польская диаспора в Западной Сибири 1863-1917 гг. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kurgangen.org/local-finding/Poles%20in%20Zaurali/Poles%20in%20Sibir/> (дата обращения: 10.03.2012)
2. Kuczynski A. Czterysta lat polskiej diaspory / A. Kuczynski. Wrocław: Dolnoslaski oddzial Stowarzyszenia «Wspolnota Polska» we Wrocławiu Oficyna wydawnicza «Biblioteka Wschodnia», 1995. 433 S.
3. Гончаров Ю.М. Польская семья в Сибири во второй половине XIX начале XX века. [Электронный ресурс] // <http://zeslaniec.pl/29/Gonczarow.pdf> (дата обращения: 10.03.2012)
4. ГАТО. Ф. 270. Оп. 1 Д. 5. Л. 8
5. ГАТО. Ф. 270. Оп. 1 Д. 4. Л. 14
6. ГАТО. Ф. 3. Оп. 54 Д. 765.
7. ГАТО. Ф. 3. Оп. 54 Д. 675. Л. 2
8. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4 Д. 356.
9. ГАТО. Ф. 2с. Оп. 54 Д. 593.
10. ГАТО. Ф. 3 Оп 4 Д. 356. Л. 10
11. ГАТО. Ф. 3 Оп. 54 Д. 976. Л. 1-2
12. ГАТО. Ф. 3 Оп. 54 Д. 828.

КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. – ПЕДАГОГ

А. И. Полякова

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: А.В. Лосева, к.и.н.

Московский университет на протяжении XIX и начала XX века оставался крупнейшим центром интеллектуальной жизни страны. Именно вокруг университета и создаваемого им интеллектуального пространства шло формирование новой системы ценностей и новых научно-исследовательских школ (речь идет о сообществе исследователей, интегрированных вокруг ученого – генератора идей, обладающего особыми преподавательскими качествами [13, с.376].

Ученик Василия Осиповича М.М. Богословский однажды сказал о своем учителе: «Глубокий и тонкий исследователь исторических явлений, он сам стал теперь законченным историческим явлением. Этот факт ждет и требует исследования»[3, с.69]. Несмотря на большое число исследований о творчестве В.О. Ключевского, эти слова актуальны и сегодня, поскольку многогранность его таланта позволяет специалистам из самых разных научных областей постоянно открывать для себя что-то новое.

Нам представляется, что педагогические идеи и мастерство историка актуальны и в современном образовательном пространстве.

Широкую известность В.О. Ключевский получил, в первую очередь, благодаря своей преподавательской деятельности. Василий Осипович осознавал, какую роль играют лекционное взаимодействие с аудиторией, а потому освоил мастерское произнесение как учебных, так и публичных лекций, что способствовало увеличению числа его учеников и почитателей.

С конца 1860-х годов до последнего года жизни историк был востребован как лектор: он преподавал в Александровском военном училище, Московской духовной академии, Московском университете, Политехническом музее, Училище живописи, ваяния и зодчества, на Высших женских курсах, выступал с многочисленными публичными речами, а также читал курс великому князю Георгию[12, с.77].

Сильной стороной Ключевского-преподавателя было воздействие на эмоциональные составляющие восприятия аудитории. По мнению самого историка, полученные студентами на лекции впечатления «не пропадут бесследно в общем движении исторической науки», они окажут прямое воздействие на сознание, что в дальнейшем скажется на собственной манере преподавания, «формирование которой вполне может начаться с попытки повторить учителя, подражая ему»[10, с.320]. В то же время Василий Осипович считал преподавание делом индивидуальным:

«В преподавательстве много индивидуального, личного, что трудно передать и еще труднее воспроизвести»[10, с.351].

Василий Осипович отдавал предпочтение лекционной форме работы. Мастерство Ключевского-лектора оттачивалось ежедневно. Обладая выдающимися научными способностями и бесспорным артистическим даром. Василий Осипович тщательно работал над каждым своим выступлением. «Говоря публично, – подчёркивал он, – не обращайтесь ни к слуху, ни к уму слушателей, а говорите так, чтобы они... видели Ваш предмет»[7, с. 359]. Василий Осипович как пианист, чьё искусство требует ежедневных упражнений, каждый день трудился, совершенствуя и оттачивая своё любимое мастерство. То, что он любил его, несомненно, одна из тайн самого мастерства и его поразительного успеха.

Исследуя и обобщая опыт предшественников и коллег, Василий Осипович разграничивал собственно научное исследование и использование его результатов в процессе преподавания. Педагоги, считал он, ставят перед собой и научные, и педагогические цели, поэтому они должны различать методы научного изучения и методы преподавания, ибо те и другие не одно и то же, последние даже сложнее первых.

Движущей силой лекций В.О. Ключевского было её содержание. Ключевский развертывал перед слушателями новую концепцию исторического прошлого. Своим лекционным курсом он отвечал запросам времени. Ко времени «восшествия» Ключевского на кафедру отечественной истории, в 1879 году, после смерти С.М.Соловьева, сложилась твердое представление в умах студентов, «что русской историей заинтересоваться нельзя»[6, с.448]. Предшествующая лекторская школа представляла собой кладёшь накопленных материалов. Это можно проследить в воспоминаниях М.М.Богословского о С.М.Соловьеве, как о продолжателе традиций русской профессуры первой половины XIX века: «Главная заслуга Соловьева состояла именно в накоплении фактов»[1, с.27].

В отличие от своих учителей, С.М.Соловьёва и Б.Н. Чичерина, которые в основу исторического процесса клали юридическое, или государственное начало, Василий Осипович анализировал развитие русской истории в совокупности трёх факторов – политического, социального и экономического, определяя в качестве доминирующего социальный. Создаваемая им историческая концепция стала «скачком» в процессе преподавания русской истории в Московском университете и в целом в России. По мнению А.А. Кизеветтера, этот «скачок» характеризовался тем, что Ключевским «впервые» было поднято «изучение исторического прошлого на степень истинной научности»[4, с. 64].

Дополняют портрет В.О. Ключевского-учёного отзывы о описании его научном стиле. По мнению М.М. Богословского, этот стиль состоит из трёх качеств: «точности, силы и образности»[1, с.67]. Раскрывая пер-

вое качество – точность, Богословский отмечал «некоторую математичность, которая создавалась благодаря точным определениям и формулам, к которым любил прибегать Ключевский»[2, с.67]. Во многом данное качество проясняет понимание Василием Осиповичем сути и места исторического факта. Для него сам по себе факт не имел самостоятельного значения, а являлся материалом для исторических интерпретаций и выводов.

Точность и серьезная методологическая база исторических представлений Василия Осиповича обусловили другое качество научного стиля – силу. Ключевский, по мнению Милюкова, впервые доказал, «что можно мыслить над историей, что здесь есть что понимать...»[9, с.126]. «Через Ключевского, – пишет Милюков, – мы впервые поняли русскую историю. И те из нас, кто потом спорил с этим пониманием, всё-таки из него же исходили»[9, с.187].

Важной стороной научного стиля В.О. Ключевского является его отношение к роли и значению исторических личностей. Любые личности, даже великие, он рассматривал как участников какого-то сложного и многопланового исторического действия, «всегда старался ввести их, – по замечанию Любавского, – в историческую перспективу, всегда рассматривал великие культурные деяния плоды коллективного творчества поколений»[9, с.45].

Точность и сила научного стиля Ключевского дополнялись и обогащались третьим его качеством – образностью и красотой языка. «Язык Ключевского, – писал Богословский, – красив ещё особой разлитой в нём художественной красотой, красотой поэтических сравнений и колоритных образов»[2, с.68].

Словарный запас Василия Осиповича был очень богат. В лексике Ключевского много слов художественной речи («золоченная нищета», «волшебная действительность»), характерных народных оборотов («по русскому обычаю многие бранили при жизни и ... оплакивали по смерти»), немало пословиц и поговорок. Ключевский умело применял выразительные строки старинных документов (первое известие о Москве, употребленное В.О. Ключевским по Ипатьевской летописи: «Приди ко мне, брате, в Москов»[11, с. 5]); давал яркие исторические определения («подлые люди значили тогда просто низшие классы, лежащие под верхними, не имея неприятного нравственного значения, приданного этому выражению позднее»[11, с.171]).

Лекционное мастерство Василия Осиповича было особым, оно вырабатывалось им самым целеустремленно и последовательно. В.О. Ключевский никогда не был оратором в общепринятом понимании этого слова. Сохранившийся с детства физический недостаток – заикание, он преодолевал особой манерой выступления: говорил негромко, очень от-

четливо и неспешна; богатство интонаций создавало ту музыку речи, которая завораживала аудиторию, а артистическая способность вживания в ту или иную эпоху и чеканность фразировки при использовании всего богатства русского языка держали слушателей в ожидании какой-либо изысканной образности или ядовитой шутки.

В постоянной работе над текстом В.О. Ключевский отказывался от дешёвых эффектов, дополняя их более яркими афоризмами и экспромтами, «неожиданно» выпускаемыми в свет, а в действительности заранее заготовленными (например: «Петр был жертвой собственного деспотизма. Он хотел насильем водворить в стране свободу и науку. Но эти родные дочери человеческого разума жестоко отомстили ему»[7, с.385]).

В своей преподавательской работе Василий Осипович, не уделяя должного внимания, методики проведения семинарских работ. На его семинариях ученики не учились «самостоятельной критической работе над источниками», а были пассивными слушателями, которых знакомили с «готовыми выводами» и не впускали в творческую «лабораторию»[5, с.116]. Как заметил П. Н. Милюков, «интерес семинария сосредоточивался, поневоле, не в наших работах, а в непрерывном комментарии нашего руководителя»[6, с. 456].

Образность речи В.О. Ключевского была органично связана с образительностью, отчего его лекции в Училище живописи, ваяния и зодчества имели своеобразный отклик. Эти лекции слушали В.А. Серов, А.М. Васнецов и другие художники, в творчестве которых видное место занимала исторические сюжеты. Бытовало мнение, что В.А. Серов свой известный эскиз «Пётр I» создал под впечатлением лекций В.О. Ключевского. В.О. Ключевского не чуждался связей с театральной интеллигенцией; сюда следует отнести подготовку Ф.М. Шаляпина к постановке оперы «Борис Годунов». Масштаб популярности лекций и опубликованных работ Василия Осиповича позволил современникам и историографам говорить о том, что русское общество прошло историческую школу Ключевского.

Много нововведений Василий Осипович ввел и в систему университетского образования, положив в основу разработки своего лекционного курса проблемный подход. На первый план Ключевский ставил различные средства воздействия на ум и слух студентов: афоризмы, эпитеты, метафоры, переливы интонации и многие другие. Глубина проникновения в историю стала всеобъемлющей, анализ и синтез исторических фактов стали доминирующими. Все это находило отражение в неподдельном интересе аудитории к тому, что с кафедры читал В.О. Ключевский.

1. Богословский М. М. В.О. Ключевский как ученый //Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие). – М.: Наука, 1987. – С. 22 – 36.
2. Богословский М. М. Ключевский – педагог // Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие).- М.: Наука, 1987. – С. 36 – 63.
3. Богословский М. М. Из воспоминаний о В.О. Ключевском// Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие). – М.: Наука, 1987. – С. 63 – 69.
4. Кизеветтер А.А. Студенческие воспоминания// Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881 – 1914. – М.: Искусство, 1996. – С. 46 – 73.
5. Милюков П.Н. Студенческие годы (1877 – 1882)// Милюков П.Н. Воспоминания (1859 – 1917). – М.: Современник, 1990. – С. 102 – 142.
6. Милюков П.Н. В.О. Ключевский [Текст]/ П.Н. Милюков // Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. – М.: Наука, 2002. – С. 446 – 476.
7. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории/ В.О. Ключевский – М.: Наука, 1968. – 525 с.
8. Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни/ Ф.И. Шаляпин // Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни: Повести. – М.: Кн. Палата, 1990. – С. 25 – 222.
9. В.О.Ключевский. Характеристики и воспоминания/Ключевский В.О. – М.: Научное Слово, 1912. – 223 с.
10. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Курс русской истории. Т. 7/ В.О. Ключевский – М.: Мысль, 1989. – 476 с.
11. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. / В.О. Ключевский – М.: Мысль, 1989. – 398 с.
12. Александров В.А. Василий Осипович Ключевский/В.А. Александров // Портреты историков: Время и судьбы. В 2т. Т.1. Отечественная история. – Москва-Иерусалим: Университетская книга, 2000. – С. 78 – 89.
13. Ляхович Е.С., Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России/ Е.С. Ляхович, А.С.Ревушкин – Томск: Изд-во Том. Унта, 1998. – 580 с.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА В РАБОТАХ М.О. МЕНЬШИКОВА

Д. В. Соколов

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н. И. Сазонова, д.ф.н., проф.

Сегодня целый комплекс противоречивых национальных проблем, существующих в стране и в нашем обществе, вызывает бурные споры. При поиске ответа на национальный вопрос учёные обращаются к русским мыслителям прошлого. Одним из таких ориентиров стал Михаил Осипович Меньшиков – публицист и философ рубежа XIX-XX вв. Ли-

тературные труды М. О. Меньшикова не утратили своей актуальности за прошедшее столетие. Какого бы вопроса он ни касался, для нас все они содержат прямую аналогию с нашим временем.

Жизнь Михаила Осиповича проходила на стыке эпох. Остроактуальные публикации по национальным вопросам в журнале «Новое время» и заслуги в консолидации русских националистических партий во «Всероссийский национальный союз» сделали его важной фигурой в националистическом дискурсе истории России. После его расстрела в 1918 году, как личность М. О. Меньшикова, так и его творчество награждали весьма нелестными эпитетами «реакционный публицист», «черносотенец», «махровый реакционер». Только семьдесят пять лет спустя родные смогли добиться реабилитации опального публициста. В эпоху современности, когда многие ценности пересматриваются, исследователи начали обращать внимание на работы М. О. Меньшикова. Причём Михаил Осипович рассматривается как видный философ «русской идеи». За короткое время переиздаётся несколько работ мыслителя [1, 2, 3, 4, 5, 6]. Такой внезапный интерес к неоднозначной фигуре публициста и философа неслучаен. В частности, существенный вклад в исследование творчества М. О. Меньшикова внес П. И. Шлемин [7, 8, 9, 10, 11].

Особый интерес к работам публициста и философа на современном этапе связан с проблематикой национализма, которой посвящены его статьи и книги. В данной статье мы обратимся к определению русского национализма, которое даёт М. О. Меньшиков, поскольку проблема определения национализма является сейчас одной из наиболее актуальных. Так, нередко понятие национализма отождествляют с фашизмом и ксенофобией, так же можно наблюдать подтасовку этих понятий при обсуждении этносоциальных проблем. Как же определяется национализм в работах М. О. Меньшикова? «При всей бессовестной клевете на русский национализм необходимо помнить, что это не какая-нибудь новость в природе. Это просто национализм, только русский. Он точь-в-точь схож со всеми национализмами на свете и разделяет все их добродетели и грехи. Вообще, национализм – будь он английский или еврейский – есть племенное самосознание или, как нынче любят говорить, племенное самоопределение. Вот это небо – наше родное небо, слышавшее молитвы предков, их плач и песни. Эта земля – наша родная земля, утучненная прахом предков, увлажненная их кровью и трудовым потом. В этой народной природе держится тысячелетний дух нашего племени. Каковы мы ни есть – лучше иностранцев или хуже их – мы желаем вместе с бессмертной жизнью нашего племени отстоять и натуральное имущество, преданное прошлым населением для передачи будущему. Желаем, чтобы это небо и земля принадлежали потомству нашему, а не какому иному. Желаем, чтобы тот же священный язык наш, понятный святой Ольге

и святому Владимиру, звучал в этом пространстве и в будущем, и та же великая душа переживала то же счастье, что и мы, сегодняшние. Да будет мир между всеми народами, но да знает каждый свои границы с нами!» [12, с. 129]

В данной цитате обращает на себя внимание отношение М. О. Меньшикова к другим народам. Автор определяет национализм как общее для всех народов явление, общий факт культуры. Михаил Осипович не отрицает право других народов на идентичность, что подчеркивается в другой его статье: «Мне лично всегда было противным угнетение инородцев, насильственная их руссификация, подавление их национальности и т.п. Я уже много раз писал, что считаю вполне справедливым, чтобы каждый вполне определившийся народ, как, например, финны, поляки, армяне и т.д., имели на своих исторических территориях все права, какие сами пожелают, вплоть хотя бы до полного их отделения» [12, с. 232]. Вместе с тем сохранение своей культуры не должно негативно сказываться на чужой культуре. Михаил Осипович указывает, что если эти народы «захватывают хозяйские права на нашей исторической территории. Тут я кричу, сколько у меня есть сил, – долой пришельцев! Если они хотят оставаться евреями, поляками, латышами и т.д. на нашем народном теле, то долой их, и чем скорее, тем лучше. Никакой живой организм не терпит инородных тел: последние должны быть или переварены, или выброшены» [12, с. 232-233]. Это М. О. Меньшиков называет «не нападением, а обороной, спросите кого хотите. А разрешена оборона, она должна вестись с несокрушимой энергией – до полного изгнания «двунадесятиязыц» из России» [12, с. 233].

Таким образом, национализм М. О. Меньшикову представляется как «народная искренность». Для него эта искренность выражалась в отождествлении себя с нацией, которое человек не стыдится и не боится открыто выражать. Михаил Осипович пытался напомнить мыслящей русской интеллигенции, которая стыдилась своей страны, о существовании национальной культуры. «Национализм, мне кажется, – писал он, – есть народная искренность, в отличие от притворства партий и всякого их кривляния и подражания. Есть люди искренние, которые не терпят, чтобы казаться чем-то другим, и которым хочется всегда быть лишь самими собой. Наоборот, есть люди, как бы боящиеся самих себя, внутренне не уважающие себя, которые готовы быть чем угодно, только не тем, что они есть. Эта странная трусость напоминает так называемый миметизм в природе, стремление слабых пород – особенно среди насекомых – подделывать свою наружность под окружающую среду, например, принимать очертания и цвета растений. Чувство национальное обратно этому малодушному инстинкту» [12, с. 251]. Обращает на себя внимание то, что М. О. Меньшиков не видит в национализме идеологии или полити-

ческой программы: для него это качество, черта характера. Это естественное чувство, которое приходит на определённом этапе взросления человека, если его личностный рост не был нарушен вредоносными факторами. Здоровый человек любит и не стесняется себя, так же он любит и не стесняется свою страну, и свой народ, поскольку ощущает себя их частью. «Национализм всегда чувствуется как высшее удовлетворение, как «любовь к отечеству и народная гордость». Нельзя любить и нельзя гордиться тем, что считаешь дурным. Стало быть, национализм предполагает полноту хороших качеств или тех, что кажутся хорошими. Национализм есть то редкое состояние, когда народ примиряется с самим собою, входит в полное согласие, в равновесие своего духа и в гармоническое удовлетворение самим собой» [12, с. 256].

Михаил Осипович выделяет несколько важных на его взгляд характеристик национализма. Одна из них это сохранение особенностей культуры русского народа. «Национализм есть полное развитие личности и стойкое бережение всех особенностей, отличающих данный вид от смежных ему» [12, с. 285]. Помимо сохранения культуры, национализм предполагает также и творчество на благо своей культуры: «Национализм есть не только полнота самосознания, но полнота особенного – творческого самосознания, а не подражательного» [12, с. 287]. Таким образом, по М. О. Меньшикову национализм есть следствие здорового развития личности. Надо заметить, что рассматривая человеческую личность, он резко критиковал как демократический культ обособленной индивидуальности человека, так и социалистические представления о народе как о «безликой массе». Меньшиков ратует за развитие индивидуальных качеств, но развитие это должно проходить в контексте государства, вовлекая человека в дела народа и страны. «Отдельная личность – лишь звено в бесконечной цепи рода, и все призвание этого звена – не разрываться, удерживать в себе полную передачу жизни из прошлого в будущее. Для этого каждое звено должно быть такой же железной крепости, как род, которого он является продолжателем. Эта родовая крепость, преобразуясь в личное сознание, дает патриотизм, расширяющий отдельную душу до неизмеримого объема родины» [12, с. 295].

Таким образом, М. О. Меньшиков определял национализм как «народную искренность». Человек должен ощущать свою связь с нацией и не стыдиться этого. С этим ощущением и приходит любовь к своей стране, к своему народу. Михаил Осипович считал это естественным вектором духовного развития человека как личности. Выделяя характеристики национализма, автор видит логичным защищать то, что любишь, то есть русскую культуру. Но не просто «охранить», а приумножить своим творчеством на благо культуры. М. О. Меньшиков так же подчёркивает что человек, который любит свою культуру, и свой народ не будет ис-

пытывать ненависти к другим нациям. Стоит добавить, что взгляды Михаила Осиповича Меньшикова актуальны и сейчас, так как отрицательные характеристики, которыми награждают национализм в современном мире, совсем упускают из вида его позитивное начало.

Литература

1. Меньшиков М. О. Реакция на убийство Николая II. Страницы из дневника (Зачем эта кровь?) // Русский вестник. 1991. № 20. (Статья)
2. Меньшиков М. О. Праведники и пустосвяты; Национальная комедия // Московский журнал. 1993. № 7. (Статья)
3. Меньшиков М. О. Сироты Верещагина. // Московский журнал. 1993. № 8. (Статья)
4. Меньшиков М. О. Из статьи "Чиновники и герои" // Московский журнал. 1993. № 9. (Статья)
5. Меньшиков М. О. Быть ли России великой // Московский журнал. 1993. № 11. (Статья)
6. Меньшиков М. О. В Москве // Наш современник. 1997. № 9. (Статья)
7. Шлемин П. И. М. О. Меньшиков: мысли о России. М., 1997. (Монография)
8. Шлемин П. И. Авторитаризм и либерализм в России (Русская идея М.О. Меньшикова) // Политическая наука в России (История, современность, модели будущего). М., 1994. (Сборник)
9. Шлемин П. И. М.О. Меньшиков о национально-территориальном переустройстве России (1911-1912 гг. в публицистике М.О. Меньшикова) // Политическая наука в России (История, современность, модели будущего). М., 1994. (Сборник)
10. Шлемин П. И. Национальные отношения и права человека в России (Диалоги с М. О. Меньшиковым. 1906-1908) // Россия и современный мир. М., 1995. № 1. (Статья)
11. Шлемин П. И. "Политический писатель" М. О. Меньшиков // Политическая наука. М., 1996. (Сборник)
12. Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М., 2000. 512 с. (Монография)

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В. А. Хлызова

Красноярский государственный аэрокосмический университет
им. Академика М. Ф. Решетнева

Научный руководитель: А. В. Михайлов, к.ф.н., доцент

С самого начала своего существования Советская власть стремилась как можно скорее уничтожить религию, преследуя и оказывая давление на религиозные организации. Основной удар пришелся на Русскую Православную Церковь, т.к. она являлась самым крупным религиозным объединением в СССР (официально к 1914 г. в Российской империи было 117 млн православных христиан [1]).

Начало процесса уничтожения было заложено в 1917 г. с ликвидацией монархии. Русская Православная Церковь казалась советской власти государственным институтом, который обеспечивал стабильность царской власти и обладал ценным имуществом. Проблема Церкви заключалась в том, что ко времени Октябрьской революции у нее не было ни патриарха, ни традиционной соборной системы. Как пишет Д.В. Поспеловский, «Церковь вступила в революцию разъединенной, а с отречением царя – формального земного главы Церкви – и обезглавленной» [2].

Вера людей была крепка, поэтому антирелигиозная пропаганда была слабым толчком преобразования по сравнению с административным и экономическим давлением на Церковь. 23 января 1918 г. был опубликован Декрет Совета Народных Комиссаров, который лишил Церковь всего имущества. Так, к 1921 г. уже было ликвидировано 722 монастыря. Советский закон гласил, что ни один священник не будет арестован только за то, что он духовное лицо, однако если в 1917 г. насчитывалось более 100 тысяч духовных лиц, то через 12 лет их осталось около 35 тысяч.

1 мая 1932 г. Декрет правительства за подписью И. В. Сталина объявил «безбожную пятилетку», в которой основной задачей являлось то, что «имя Бога должно быть забыто на территории страны» к 1 мая 1937 г. [3]. Советский антирелигиозник Николай Никольский для первого издания Большой Советской энциклопедии писал, что когда под руководством Ленина и Сталина была разгромлена белая контрреволюция, православная церковь не имела опоры в массах и превратилась в замкнутые организации, вступив на путь шпионажа, измены и предательства. Он считал, что это последняя позорная страница истории православной церкви.

Чтобы выжить, Русской Православной Церкви пришлось уйти в подполье. Историк А.Л. Беглов подсчитал, что численность монашеских лиц из закрытых монастырей составляла около 30 тысяч человек в 1920-е гг. Практически все они ушли в тайные монастыри.

А.Л. Беглов полагает, что «именно подполье оказалось главным способом сохранения церковной жизни, которая не могла существовать в легальных условиях» [4]. Иерей Петр Боев, которого мы расспросили, считает, что не только лишь подполье смогло спасти Церковь в безбожное время, т.к. «Отношения с демократическими государствами обязывало Советский Союз демонстрировать лояльное отношение к религии. Именно такая ситуация дала возможность церковным иерархам «зацепиться» за возможность не уйти в подполье и попытаться сохранить официальный статус Церкви».

Но даже в ходе Великой Отечественной мировой войны при политике частичного возрождения религии Советской властью у Священного

Синода одной из проблем стал отказ организаций выходить из подполья. Иерей Петр Боев назвал их «непримиренцами», которые считали, что нельзя мириться с установившейся политической ситуацией, они таким образом исповедовали свою веру и «выйти из подполья они готовы были только после свержения тоталитарного строя». Поэтому со временем большинство таких подпольных организаций начали свой путь деградирования, что приводило к зарождению сектантских организаций.

Как утверждает Петр Боев, «В Красноярском крае гонения были более сильными, нежели где-то. Церквей практически не было. По сравнению с центральной частью здесь государственный беспредел был более ощутим». 27 декабря 1942 года знаменитый архиепископ Лука Войно-Ясенецкий получил управление Красноярской епархией с титулом архиепископа Красноярского. Он вложил большой вклад в сохранение религии в Красноярске, добился восстановления церкви в предместье Николаевка, а поскольку в это время практически отсутствовали священники, он проводил службу по праздникам и вечерние службы, а со всей епархии ему слали ходатайства о восстановлении церквей.

Нелегкий период возрождения для Церкви длился вплоть до правления Н.С.Хрущева, заявившего, что он обещает показать последнего попа по телевизору к 1980 г. Петр Боев говорит, что «радикальные изменения начались лишь после 1988 г., когда дата 1000-летия Крещения Руси вызвала духовное движение в народе. Стало понятно, что запрет на религию далее существовать не сможет». Он также отметил, что «эпоха гонения на Церковь смогла поставить вопрос о вере со всей остротой. Люди, верующие лишь в обряды, покинули Ее. В Ней остались лишь те, кто верил по-настоящему. Другими словами, как это ни парадоксально, гонение скорее укрепило Церковь».

Так, несмотря на все притеснения и гонения, продолжавшиеся более 70 лет, ничто не смогло сломить Русскую Православную Церковь в XX в.

Литература

1. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. – 511 с.
2. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. – 511 с.
3. Независимая газета религии: http://religion.ng.ru/history/2002-10-30/7_ussr.html
4. Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008. – 73 с.

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ В 2011 Г. НА Р. ТОМИ В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ

А. Ю. Цурикова

МБУ «Музей г. Северска»

В сентябре 2011 г. под руководством автора были проведены разведывательные работы, целью которых был осмотр состояния известных памятников археологии левобережья и правобережья Нижней Томи и выявление новых. В результате проведённых работ был обследован правый берег р. Томи от п. Самусь до д. Орловка (территория ЗАТО Северск и Томский район Томской области). Были осмотрены следующие археологические памятники: поселение Самусь III, Самусь IV, городище Кижирово (комплекс памятников). Дополнительно были проведены рекогносцировочные исследования на городище Чернильщиковское II (Курлак I), расположенном выше по течению п. Самусь. Также был обследован и левый берег р. Томи от д. Нагорный Иштан до урочища Чердашный лог (Томский район Томской области). Были осмотрены городище Нагорный Иштан I, Нагорный Иштан II и поселение Чердашный Лог.

Городище Чернильщиковское II (Курлак I) находится в 400 м юго-восточнее с. Чернильщиково на коренном мысу правобережной террасы р. Томи, образованном краем второй надпойменной террасы р. Томи и логом, по которому протекает руч. Курлак. Под террасой, на которой располагается памятник, находится золоотвал северской ТЭЦ. Через городище проходит грунтовая дорога. Городище было открыто в 1994 г. инспектором по охране памятников А. Д. Гаманом. Памятники он датировал ранним железным веком [1]. Городище Чернильщиково II (Курлак I) относится к мысовым городищам. Система фортификации состоит из внутреннего и внешнего валов и рва с проходом. В 2008 г. отрядом археологической экспедиции МУ «Музей г. Северска» под руководством сотрудника музея А. Е. Соколовой была проведена инструментальная съёмка памятника. Внутри городища А. Е. Соколовой были зафиксированы 3 западины. Планиграфия их расположения (западина № 1 – мысовая часть, № 2, и № 3 – край береговой террасы) даёт основание предположить их связь с фортификационной системой памятника, а не жилищным комплексом [2, с.13]. Городище по найденному подъёмному материалу она датирует васюганским этапом кулайской культурно-исторической общности [2, с.23]. Позже под руководством С.И. Рудковского на памятнике работал отряд МУ ЗАТО Северск «Археологическая инспекция». Внутри городища был заложен разведочный шурф (площадью 1 кв. м). В нём было обнаружено два неорнаментированных фрагмента керамики и один фрагмент венчика сосуда, который С. И. Рудков-

ский датирует развитым средневековьем. По найденным материалам и внешнему виду оборонительных сооружений он относит городище к развитому средневековью [3, с.3]. Для уточнения культурно-хронологической принадлежности памятника в 2011 г. был заложен шурф (2 x 2 м) в южной части городища Чернильшиково II (Курлак I) у края террасы. Рекогносцировочные исследования не дали датирующего материала (в шурфе был найден неорнаментированный фрагмент придонной части плоскодонного сосуда).

Поселение Самусь III является памятником археологии Федерального значения. Памятник открыт М.П. Грязновым и А.К. Ивановым в 1924 году. В 1955 г. В.И. Матющенко было раскопано 60 кв. м. также памятник исследовался в 1955 г. Г.В. Трухиным, в 1961 г. – М.Ф. Косаревым, а в 1976 г. – Л.М. Плетнёвой [4, с.97]. На поселении в 2011 г. был произведён осмотр состояния сохранности памятника. И произведён сбор артефактов в обнажениях культурного слоя и на современной дневной поверхности: это керамика, фрагмент орудия из камня, нож из сливного песчаника (рис.1, 1). По комплексу находок все исследователи выделяют два периода существования поселения: неолит и бронзовый век. Найденный материал этой хронологии не противоречит. Топографических и земляных работ на поселении не проводилось. Визуальный осмотр показал, что прогрессирует разрушение террасы со стороны реки – наблюдается ветровая эрозия, следствием которой является выветривание верхнего слоя и обнажение артефактов. Опасения вызывают разрушения, связанные с хозяйственной деятельностью местных жителей. В восточной части памятника, на пересечении ул. 40 лет октября и пер. 1917 года вырыто три ямы, выкопанные видимо для забора песка и глины. Значительная часть памятника находится в аварийном состоянии.

Поселение Самусь IV также является памятником археологии Федерального значения. Большая площадь сохранившейся части поселения раскопана [5, с. 114 – 127]. На памятнике в 2011 г. был произведён осмотр состояния сохранности памятника. С восточной стороны памятника расположено ограждение ремонтно-механического цеха Самусьского судостроительного завода. В юго – восточной части поселения находятся жилые двухквартирные дома (адреса: ул. Набережная 14, 16, 18, 20). Прилегающая территория используется под огороды. На поселении была проведена фотофиксация, сбор артефактов на современной дневной поверхности. Это керамика эпохи бронзы, фрагмент пластины из сливного песчаника и орудие из камня (рис.1, 6). Юго-восточная часть памятника находится в аварийном состоянии.

Следующим по маршруту был осмотрен многослойный памятник городище Кижирово, который расположен в 150 м от устья

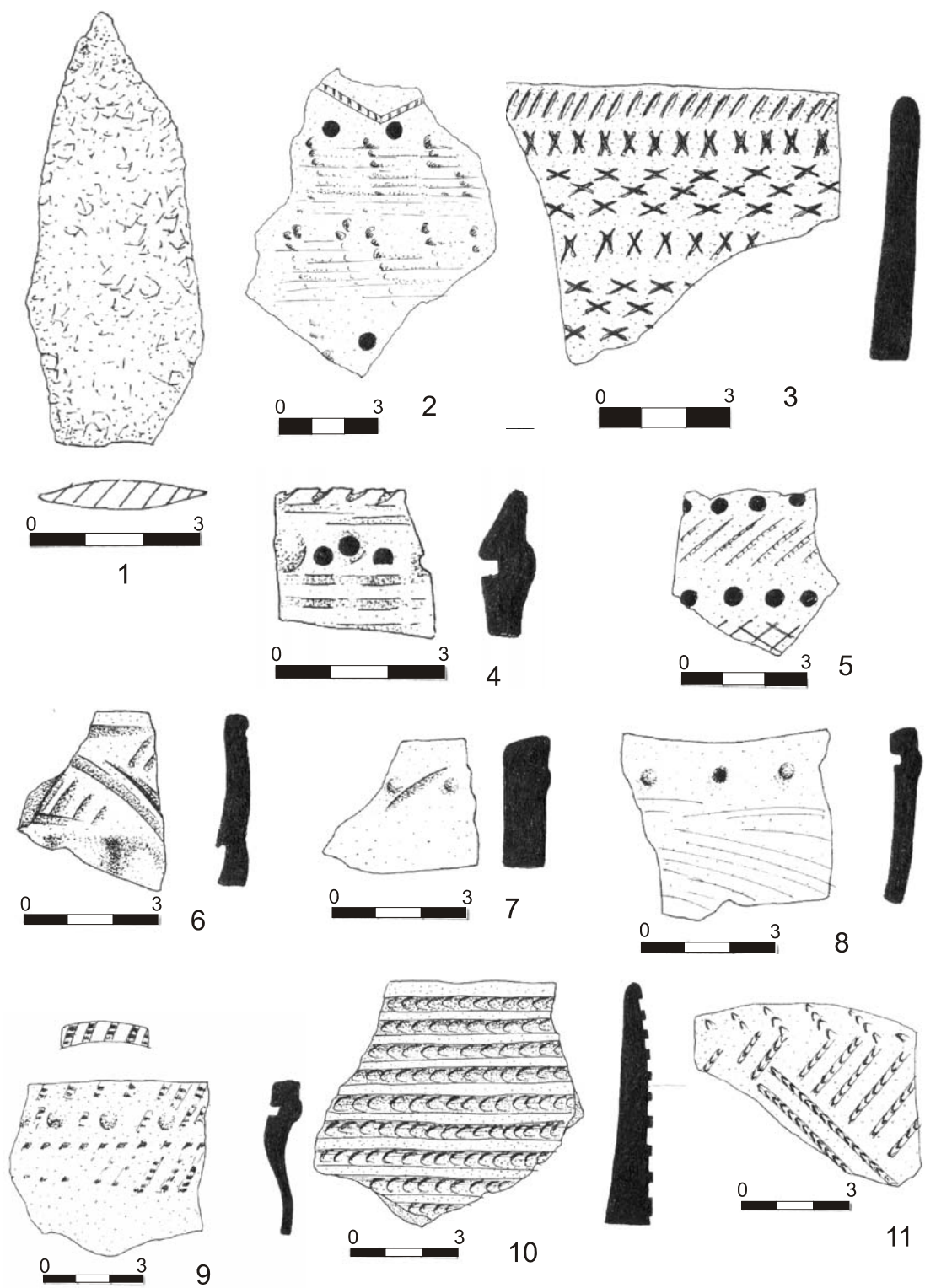
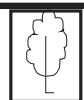
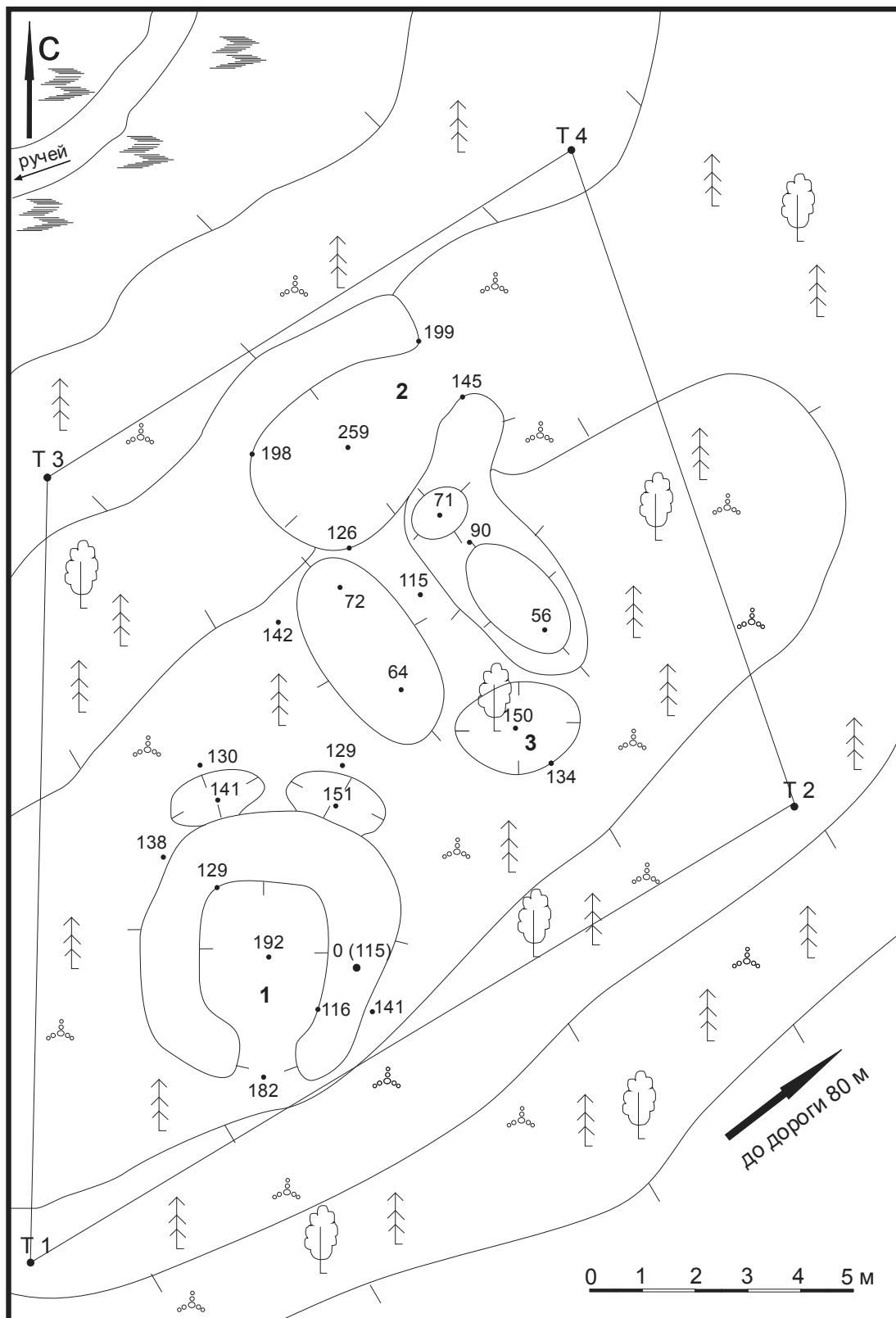

рис. 1 Подъёмный материал

лиственный лес

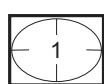
хвойный лес

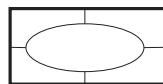
болото

кустарник

западина

насыпь

границы объекта

рис. 2 План поселения Мурашка VI

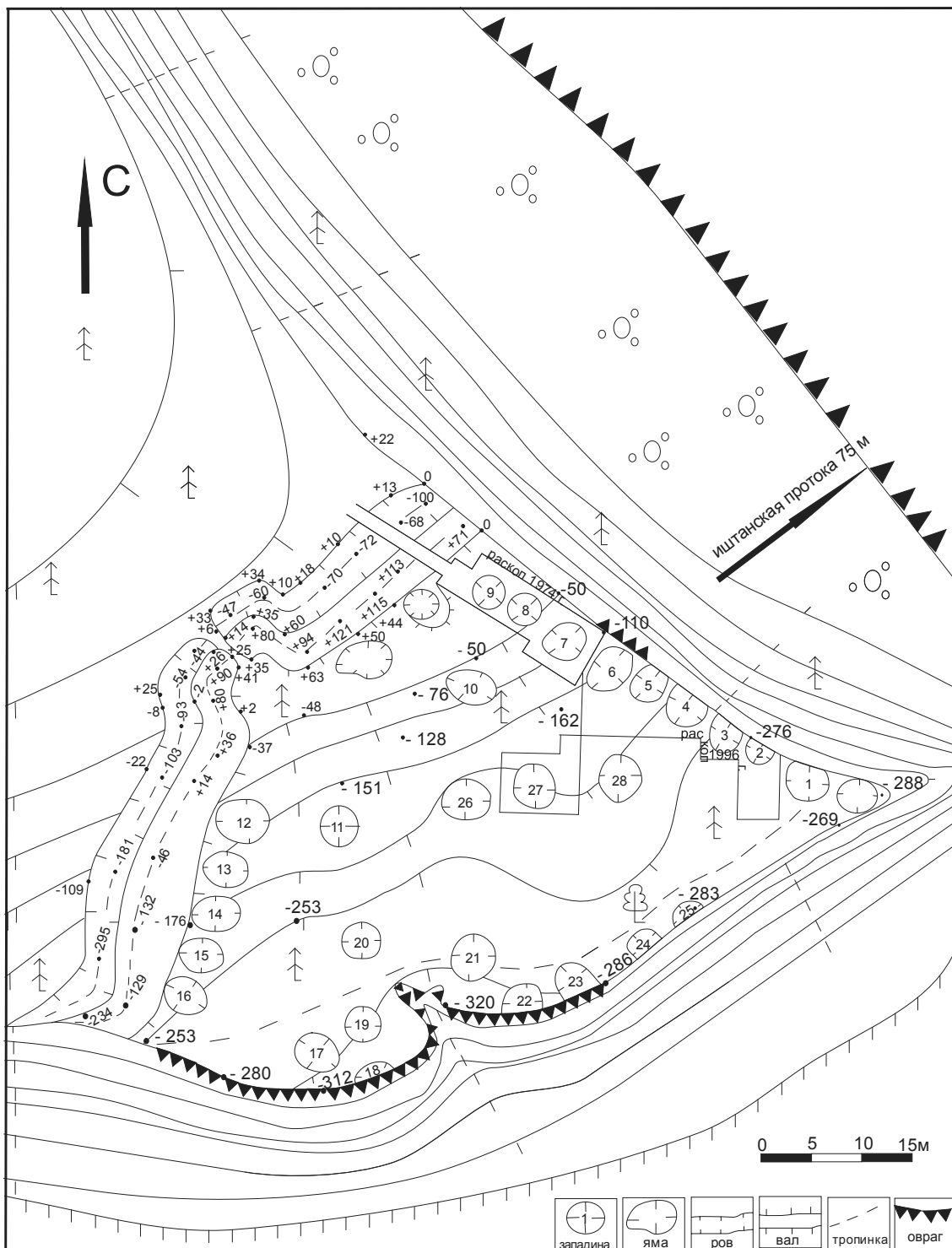

рис. 3 План городища Нагорный Иштан I

р. Камышинки и на 200 м южнее д. Кижирова. Большая часть городища исследована [6, с. 6-7].

На памятнике был произведён сбор артефактов в осыпи берега. Собрана керамика, относящаяся, к эпохе раннего железного века (шеломокская и кулайская культуры) и керамика позднего средневековья (рис.1, 4, 7,8). Можно отметить, что памятник активно разрушается в результате береговой абразии. Южная часть памятника находится в аварийном состоянии.

Маршрут разведки севернее д. Орловка проходил в глубине правобережной террасы в удалении от кромки берега на 1,5 – 3 км. Зона осмотра составила 300 м. В глубине террасы в 3 км восточнее р. Мурашки и в 3 км северо-западнее д. Орловка было обнаружено поселение, состоящее из трёх западин. Между ними фиксировались насыпи, которые очевидно являются выкидом (рис.2). Учитывая, что поселение тяготеет к бассейну рч. Мурашки памятник получил наименование – Мурашка VI.

Западины № 1 и № 2 подквадратной формы с обваловкой и выходом, первая – с двумя ямками (3 x 1,5 м). Ширина обваловки первой западины от 1,5 до 2 м, высота – от 15 до 25 см; ширина обваловки второй западины с северо-западной стороны 2 м, юго-восточная сторона западины упирается в насыпь, высота – 30 см. Третья западина овальной формы, размерами 3 x 4 м и глубиной 0,16 м. Размеры первой западины – 4 x 6, второй – 5 x 7 м. Глубина первой западины – 0,51 м, глубина второй – 0,8 м.

Между второй и третьей западинами расположены две насыпи размерами: 6,5 x 3 м, 7,5 x 3,5 м. Рекогносцировочных исследований не проводилось, но, судя по внешним архитектурным особенностям западин (наличию обваловки), они относятся к позднему средневековью.

Маршрут разведки на левом берегу р. Томи начинался с северной окраины д. Нагорный Иштан, где у церкви находится городище Нагорный Иштан II. Осмотр памятника показал, что терраса, на которой он находится, разрушается оврагом и обрывом берега.

Далее было обследовано городище Нагорный Иштан I (городище на Иванушкиной горе), которое находится в 200 – 300 м вниз от д. Нагорный Иштан, на мысу коренного левого берега Иштанской протоки (рядом кладбище). Городище выявлено в 1947 г. В.С. Синяевым, Е.М. Пеняевым и Р.А. Ураевым. В 1954 г. оно было обследовано В.И. Матющенко [4, с. 90], а в 1974 г. на нём была проведена разведка Л.М. Плетнёвой и составлен план городища [7]. На городище зафиксировано 28 жилищных западин и две ямы. Ей же были проведены раскопки в 1984 г. и 1996 г., в результате которых вскрыто 9 западин. Городище да-

тировано развитым средневековьем. В 2011 г. была произведена инструментальная съёмка городища (рис.3), которая уточнила уже имеющийся план 1974 г. Городище по форме треугольное. На северо-западе расположен вал и ров, в их центральной части находится проход шириной 1 м. В районе прохода был зафиксирован изгиб рва и вала в наполненную сторону в виде подквадратного выступа. Очевидно, в период функционирования городища, проход на его внутреннюю площадку был укреплен сооружением башенного типа. Длина оборонительного сооружения – 68 м. Ширина вала в юго-западной части варьируется от 5 до 7 м, в северо-восточной – 4 м; ширина рва 2,5 м около прохода, и до 5 м в остальной части. Высота вала варьируется от 0,3 м до 1 м. Глубина рва варьируется от 0,7 м до 1 м. В центральной части оборонительного сооружения выявлен башенный выступ. Из 28 жилищных западин, 5 – наполовину разрушены в результате береговой абразии со стороны лога.

В 2 км ниже д. Нагорный Иштан находится урочище Чердашный Лог, где было осмотрено поселение Чердашный Лог, расположенное на первой береговой террасе. С 20-х гг. XX века исследователи в этом месте собирали подъемный материал: И.М. Мягков, Г.В. Трухин, В.И. Матющенко, Л.М. Плетнёва. В 1997 г., 1999 г., 2001 г. и 2003 г. на поселении И.В. Рудковским были проведены аварийно-спасательные раскопки [8]. Собранная в 2011 г. керамика и сколы из сливного песчаника – материал с поселения Чердашный Лог, который относится к разным эпохам: неолита, бронзы (молчановского и еловского типа), раннего средневековья (рис.1, 2, 3, 5, 9-11). В результате осмотра берега, можно сказать, что памятник продолжает разрушаться вследствие береговой абразии.

Литература

1. Гаман А.Д. Отчёт по программе: Определение территории археологических памятников в г. Северске (центральная и северная части). Северск, 1994. – 32 с.// Архив МБУ «Музей г. Северска».
2. Логинова А.Е. Отчёт о работах Усть-Томского отряда нижнетомской экспедиции МУ «Музей г. Северска» в 2008 г. Территория ЗАТО Северск, Томская область. Северск. 2009. 28с.// Архив МБУ «Музей г. Северска».
3. Рудковский С.И. Отчёт о полевых исследованиях в Томском районе Томской области в 2008 г., – с. 3 // Архив МБУ «Музей г. Северска».
4. Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта томской области. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1993. Т. 2. – 208 с.
5. Васильев Е.А. Самусь IV: старые проблемы на фоне новых исследований// Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья. – Томск: Томский государственный университет, 2007. – 352 с.
6. Плетнёва Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. ун-та. 1990. – 134 с.

7. Плетнёва Л.М. Отчёт об археологических исследованиях Археологической экспедиции Музея г. Северска. Северск. 1997. 10 с. // Архив МБУ «Музей г. Северска».
8. Рудковский И.В. Полевой отчёт. Аварийно-спасательные работы на поселении Чердашный Лог в Томском р-не, Томской обл. в 2003 г. 48 с. // Архив МБУ «Музей г. Северска».

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРОБЛЕМАХ ИМАГОЛОГИИ

Е. В. Чернова

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: К. В. Герш, к.и.н.

Тема взаимодействия культур в отечественной исторической науке на современном этапе развития становится все более востребованной. Это связано прежде всего с тем, что большинство государств активно пытаются включиться в европейские и общемировые процессы. В связи с развитием процесса глобализации актуализируется проблема сохранения идентичности культур, этнических, национальных и конфессиональных групп. Уже в конце 1960-х – 1970-х гг. в мировой историографии сложилось новое направление исследования. Политология, социология, культурология, этнология, психология, литературоведение, история и ряд других гуманитарных дисциплин объединили свои усилия и способствовали возникновению нового научного направления, имагологии (*imago* (от лат.) – образ, подобие). Эта отрасль знаний, активно развивающаяся в настоящее время, занимается изучением этнических представлений в рамках межкультурных коммуникаций. Ее своеобразие заключается в том, что она обращает внимание на особенности формирования и функционирования образа того или иного государства или народа. Кроме того имагология соединяет в себе фольклор, литературу, различные виды искусства; элитарную, «высокую», и массовую культуры; СМИ.

В современной исторической науке нет единого понимания этой научной дисциплины. Литературовед А. Р. Ощепков определяет ее как сферу исследований в разных гуманитарных дисциплинах, занимающуюся изучением образа «чужого» (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи [7]. Она направлена на исследование устойчивых образов (имиджей) чужого, другого (по этнической, культурной и языковой принадлежности), отраженных в литературных текстах. Кроме того исследователь отмечает, что есть и те, кто рассматривают эту отрасль научного знания с позиций культурологии и социологии. В своих

исследованиях они обращают внимание на представления участников культурного диалога друг о друге. А. Р. Ощепков выделяет и другую группу исследователей, которые рассматривают имагологию с практической точки зрения как «технологии создания имиджей» [7]. С. А. Мезин относит имагологию к одному из разделов исторической науки, который изучает представления народов друг о друге. Эти представления отражаются в общественном сознании той или иной страны на определенном историческом этапе [6, с. 148 – 157]. Совсем недавно вышла монография Л. П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика», посвященная современным концепциям исторической науки. В работе выделена целая глава, посвященная «исторической имагологии». Под имагологией исследователь понимает научную дисциплину, занимающуюся конкретно-историческим анализом культурных стереотипов, коллективных представлений народов друг о друге, этнический и национальных стереотипов, путей их формирования, способов функционирования и процессов трансформации в контексте отношений «мы – они», «свой – чужой» [8, с. 251].

На современном этапе развития в рамках имагологии стали появляться новые направления, например, потестарная имагология или культурная иконография. Предметом изучения первого направления стали образы власти. В нашей стране в рамках этого направления работает московский историк-медиевист М. А. Бойцов. Главным для исследователей этого направления является изучение систем образов, которые участвуют в установлении отношений господства и подчинения, в приобретении и удержании власти [2]. Основоположником культурной иконографии является французский ученый Даниель-Анри Пажо. Цель данного направления – изучить сложный механизм формирования имиджей, образов «чужого» под воздействием политических, исторических, социокультурных и прочих факторов. Исследования в этой области смогут обеспечить сближение компаративистики с культурной антропологией и историей идей [7].

Предметом изучения имагологии являются отличные друг от друга формообразующие механизмы, имеющие различный диапазон действия: стереотипы, имиджи, образы. Многие исследователи не видят в этих понятиях различий, однако, эти феномены отличаются друг от друга своей природой. Стереотип самое устойчивое средство формирования картины мира другого. Науки, которые работают с проблемой возникновения и функционирования стереотипов, дают ему самые разные определения и рассматривают его с различных аспектов. Впервые понятие «стереотип» было введено в науку американским политологом и социологом У. Липпманом. В 1922 г. в книге «Общественное мнение» он использовал

термин «социальный стереотип», определяя его как принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте [5, с.93 – 114]. Похожее определение встречаем у В. З. Демьянкова. О стереотипе он говорит как о «стандартном мнении» о социальных группах или об отдельных лицах как представителях этих групп. Однако у него стереотип не «логическая форма суждения», а «упрощенная и обобщенная форма», которая эмоционально (выд. Е. Ч.) окрашивает свойства и установки определенных лиц [3]. Этнический стереотип, являясь одной из форм социального стереотипа, обладает всеми свойствами последнего и отличается лишь содержанием. Наиболее полное и подробное его определение дает историк Ю. Чернявская, которая под этническим стереотипом понимает упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какого-либо этноса, с легкостью распространяемый на всех его представителей [10]. В содержании этнического стереотипа, как правило, зафиксированы оценочные суждения о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей. Несмотря на все многообразие определений стереотипа, у исследователей нет однозначного взгляда на природу и сущность стереотипа. Одни находят, что стереотип общественного сознания всегда специально организован и функционирует на основе какого-то определенного социального опыта. Он зависит от задач социализации, а не от стихии чувственной природы восприятия. Другие в формировании стереотипа придают значение чувственному опыту.

Важнейшей составляющей этнического стереотипа является этнический образ, т.е. образ типичной личности для данного этноса. Ю. Чернявская отмечает, что образ отражает собирательное представление членов какого-либо народа о себе («интраобраз») или о членах другого народа («экстраобраз») [10]. «Немецкая аккуратность», «французская галантность», «китайские церемонии» – в этих образах воплощаются распространенные этнокультурные стереотипы.

Этнические стереотипы можно разделить на автостереотипы и гетеростереотипы. Автостереотипы отражают представления, мнения, суждения людей о собственном народе. Обычно они содержат положительные оценки. Гетеростереотипы – оценки и суждения, выносимые о других народах представителями данной этнической общности. Они могут быть не только положительными, но и отрицательными (в зависимости от взаимодействия с данным народом и его восприятием) [6].

Американский ученый У. Липпман выделяет две основные функции возникновения стереотипов. Первый – принцип экономии усилий. Он свойственен для повседневного мышления человека, где люди не реаги-

руют каждый раз на новые факты и явления, а лишь подводят под уже существующие [5, с.104]. Второй – защита групповых ценностей. Стереотипы становятся защитниками своих традиций, и посягательство на них воспринимается как покушение на собственную культуру [5, с.107 – 114]. К этим функциям можно отнести функцию самооправдания, которую выделяет Ю. Чернявская. Этнос стремится оправдать свое негативное отношение к «чужому» как низшему по развитию и культуре при помощи соответствующего отрицательного стереотипа. Среди факторов, влияющих на формирование стереотипов, В. Б. Земсков выделил природно-географический, религиозно-конфессиональный, историко-культурный, уровень развития экономики, бытовой культуры, обычаи [4]. К этим факторам можно добавить еще один, который выделяет М. А. Сорока, это личные или политические контакты [9, с.49]. Войны, колонизация, опустошение земель или, наоборот, отношения сотрудничества и взаимного уважения оставляют отпечаток в генетической памяти народа, определяя и через столетия окраску и направленность образов друг друга. Большое значение имеет также продолжительность взаимодействия и сотрудничества народов, которые могут быть постоянными, долговременными или кратковременными. Культурные различия не ограничиваются только областью взаимодействия, но распространяются на традиционные интересы, ценности, нормы, правила, стандарты отношений, свойственные представителям конкретных народов. Отношение к представителям других культур во многом определяется понятием этноцентризма, когда «свои» обычаи и «свой» язык мыслятся единственно «правильными» и «верными» [1, с.166]. Попытки создания образа чужого, соседа, чужеземца или иноверца, это способность осознавать себя самого, свою уникальность и своеобразие.

Кроме того исследователи выделяют признаки, которые выдают представителя другого этноса. О. В. Белова в своей работе рассматривает их на примере народных представлений об инородцах и иноверцах. Она отмечает, что образ любого этнически или конфессионально «чужого» описывается по единой схеме, при этом выделяется ряд черт, по которым чужого можно определить безошибочно. У чужих нет души, его выдают внешность, язык (речь), специфический запах. [1, с.167].

Ранее было упомянуто еще об одном предмете (инструменте) имагологии – имидже. Исследователи также отводят ему значительную роль. Часто его употребляют в значении «стереотип» и «образ». Однако это специфический инструмент отрасли научного знания. Он в большей степени является своеобразной «калькой» слова «образ», а способ его формирования отличается от способа формирования «образа». Имидж – представление, которое методом ассоциаций наделяет объект дополнительными ценностями (социальными, психологическим, эстетическими).

Они не имеют основания в реальных свойствах самого объекта, но отвечают социальной значимости для человека, который воспринимает этот образ [11, с.46].

Подводя итоги, представляется целесообразным напомнить, что имагология – это междисциплинарная научная отрасль. На современном этапе развития нет единого понимания дисциплины. Во многом это определяет многозначность трактовок ее предмета. С увеличением объема исследований и исследовательского пространства в рамках имагологии появляются новые направления, расширяется объем знаний о функциях, факторах возникновения представлений о нормах и ценностях других народов, а также о признаках «чужого». Историографы в своих имагологических исследованиях опираются на «нарративные» исторические источники: дневники, записки, заметки, мемуары и др. В них сохраняются представления о культуре, быте, нормах, ценностях другого этноса. В большинстве случаев оценочные суждения о других носят субъективный характер и поэтому требуют тщательного перекрестного анализа источников.

Литература

1. Белова О. Чужие среди своих // Родина. 2001. № 1. С. 166 – 171. (Статья)
2. Бойцов М. А. Потестарная имагология Средневековья как область междисциплинарных исследований [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/bojcov.htm> (дата обращения 21. 12. 2011) (Статья)
3. Демьянков В. З. Стереотип [Электронный ресурс] // Когнитивные аспекты лексикографии. URL: <http://www.infolex.ru/Cs23.html> (21. 02. 2012). (Статья)
4. Земсков В. Б. Образ России на переломе времен [Электронный ресурс] // «Новые Российские гуманитарные знания». URL: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=37 (дата обращения 25. 02. 2012). (Статья)
5. Липпман У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с. (Монография)
6. Мезин С. А. Стереотипы в европейской общественной мысли XVIII в // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 148 – 157. (Статья)
7. Ощепков А. Р. Имагология [Электронный ресурс] // Французская литература от истоков до начала Новейшего периода / Под ред. профессора В. А. Лукова. URL: <http://www.litdefrance.ru/199/1217> (дата обращения 25. 02. 2012). (Статья)
8. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с. (Монография)
9. Сорока М. А. Сорока М. Е. «Просвещенные мореплаватели»: англичане в восприятии русских до и во время Первой мировой войны // Российская история. 2010. №5. С. 49 – 56. (Статья)
10. Чернявская Ю. В. Народная культура и национальные традиции. – Минск, 1998. – 168 с. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/index.php (дата обращения (18. 03. 2012)). (Монография)

11. Чугров С. Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения // Мировая экономика и международные отношения, 1993. № 1. С. 41 – 53. (Статья)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ФАКТОРЫ АКТИВИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (НА ПРИМЕРЕ КОРНУОЛЛСКОГО ВОПРОСА)

С. А. Алтухова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Г.В. Грошева, к.и.н., доц.

История борьбы отдельных регионов Великобритании за получение независимости насчитывает не одно столетие. Весной 2012 г. «о своем стремлении к автономии заявило графство Корнуолл на юго-западе Соединенного королевства» [1]. Корнуоллский вопрос дополняет ставшие уже традиционными ирландский и шотландский вопросы. Представители СМИ интерпретируют происходящее как корнуоллский национализм [2], сепаратизм [3], автономизм [4], возрождение региональной (в данном случае, корнуоллской) национальной идентичности и рост национального самосознания [5]. Но все эти понятия не являются дефинициями одного смыслового ряда и подразумевают под собой далеко не одно и то же историко-политическое явление.

Что же, по сути, представляет собой «феномен Корнуолла» и какие факторы обуславливают процессы, происходящие в этом регионе?

Во-первых, речь идет о проведении демонстрации жителями графства в марте 2012 г., а также о подаче десять лет назад петиции с требованием учредить Корнуоллский национальный парламент. Вопрос отделения и получения независимости в петиции не затрагивается, речь идет об учреждении самостоятельного от Лондона парламента. В 2005 г. в Корнуолле было проведено социологическое исследование, согласно которому 55 % опрошенных жителей выступили за самостоятельное управление. Это предполагает факт отсутствия сепаратистской направленности корнуоллского движения. Речь идет о получении бóльших региональных прав в рамках Британского государства. Это предположение подтверждает источник «The guardian»: «Мы не нуждаемся в независимости, нам просто нужна подлинная местная автономия, т.к. на локальном, а не на национальном уровне, возможно более справедливое финансирование» [6]. Таким образом, можно говорить о корнуоллском феномене в терминологии «автономизма», который сопровождается подъемом «корнуоллской идентичности».

Вопрос выявления факторов, способствующих активизации корнуоллского движения, более проблематичен. Существует множество исследований по проблематике европейского сепаратизма. Многие темы имеют «традиционный», «исторический» характер: например, испано-баскский конфликт или шотландский вопрос в Британии; начинают привлекать внимание вопросы бретонской идентичности во Франции. Тогда как тема корнуоллского автономизма в современной историографии не получила широкого освещения. Однако существует ряд теоретических работ, посвященных изучению факторов, обуславливающих сепаратистские и автономистские тенденции, имеющие место в Европе в последние 20-30 лет.

Графство Корнуолл, являясь единицей административно-территориального деления Великобритании, может рассматриваться как отдельный регион, поэтому целесообразно рассмотреть корнуоллский феномен с точки зрения концепций регионализма. В частности, теория С. Роккана и Д. Урвина построена на утверждении, что любое государство образуется в результате слияния двух «пространств»: территориального и пространства принадлежности. Территориальное пространство – это часть территории, над которым центр и его элита осуществляют административный, культурный и экономический контроль, таким образом, проявляется тенденция к унификации, или «моноцефальности» [7, с.124]. Пространство принадлежности – это собрание отдельных групп, каждая из которых обладает особой культурной идентичностью и особыми политическими и экономическими целями, проявляя тенденцию к «полицефальности» [7, с.124]. Соответственно государству присуще одновременное наличие тенденций к единообразию и множественности¹. Великобритания характеризуется как «старое союзное государство, которое допускало существование своеобразия в своих различных перифериях и проводило политику особого стиля согласований между участниками». Возникшее напряжение отношений между центром и периферией рассматривается как результат усиления проводимой центром политики стандартизации (т.е. стремление к унификации этно-региональных различий), а также как следствие экономических изменений, которые происходят внутри все еще смешанного и неоднородного государства каким является Великобритания [7, с.130]. Таким образом, Корнуолл это британская периферия, обладающая культурным своеобраз-

¹ Подобный взгляд на британский сепаратизм можно встретить в работе Н.В. Ереминой: «Европа представляет собой совокупность разнообразных этнических сообществ (этничностей, малых наций, этнонаций), и ныне проживающих на так называемых исторических территориях (регионах) в границах различных государств»[8]. Далее она отмечает: «актуализация этой идентичности и рост идеи сепаратизма среди населения отдельных регионов обуславливается политикой Центра (столицы государства) направленной на ограничение прав регионов» [8].

разием, которая вследствие проводимой Лондоном политики унификации и централизации в новых экономических условиях выдвигает требования по изменению этой политики. Но данная теория лишь констатирует сохранение региональных различий внутри британского общества, не объясняя, почему эта корнуоллская идентичность «дремала» на протяжении 600 лет. К тому же, остаются не освещены те экономические изменения, которые и привели к росту активной демонстрации регионом своих культурных отличий от центра и требований их учета в государственной политике.

Самые существенные изменения в экономической сфере связаны с процессами интеграции Европы. В результате экономического объединения Европы, а также все возрастающей роли ТНК как политических акторов, возникает новое соотношение сил между государством, рынком и гражданским обществом, формируется «Европа регионов»¹. «Субъектами данных процессов стали как субнациональные регионы, узаконенные административно-территориальным делением многих стран (департаменты во Франции, федеральные земли в Германии, области в Италии, графства в Великобритании, фюльке в Норвегии, кантоны в Швейцарии и т.д.), так и регионы, образующиеся в результате трансграничного сотрудничества». Наиболее значимым в происходящем является то, что «благодаря новым формам сотрудничества между регионами, происходит процесс трансформации национальной идентичности в Европе» [9]. При этом «каждый отдельный европейский регион <...> реагирует на данный вызов в меру своих национальных, культурных, исторических, геополитических, правовых, социальных и экологических особенностей» [9]. Каким образом реагирует корнуоллский регион? Графство Корнуолл в рамках единого европейского сообщества «априори» обладает равными с другим английскими графствами правами для осуществления самостоятельной экономической деятельности. С другой стороны, Корнуолл – одно из беднейших графств Великобритании, юридически находясь в равных условиях государственного налогообложения с другими экономически более развитыми регионами, фактически занимает более ущемленную позицию. Соответственно, требуя от Лондона автономный парламент и стремясь получить право независимо собирать и распоряжаться налогами, руководство графства может получить возможность самостоятельной более эффективной экономической деятельности. Таким образом, можно говорить о наличии в корнуоллском фе-

¹«Европа регионов – понятие, возникшее вследствие кризиса нации – государства, тенденций глобализации экономики и развития интеграционных процессов, а вместе с тем и явлений пробуждения активности на местах и обострения «локальной этничности», нивелирующейся под воздействием научно-технического прогресса» [9].

номене экономических факторов, способствующих активизации регионального самосознания и стремления к его проявлению.

Другим фактором возрождения этнической идентичности корнуолльцев можно назвать кризис общebritанской идентичности, которая после распада Британской империи в 1960–х гг. стала стремительно «дробиться на английскую, шотландскую, валлийскую и ирландскую составляющие» [10]. Предпосылки происходящего кризиса кроются в историческом прошлом складывания Великобританского государства: англичане явились государствообразующим этносом, который смог объединить и интегрировать в общегражданскую национальную идентичность «кельтскую периферию». «Распад империи привёл к фундаментальному сдвигу в самосознании британцев. Активизировались национальные движения, всё большее число людей ощущали себя не британцами, а шотландцами, валлийцами, ирландцами. По опросам общественного мнения, даже в Англии лишь треть населения считает себя в первую очередь британцами» [10]. Катализирующим фактором происходящего кризиса послужила трансформация традиционных британских институтов и представлений (протестантизм, патриархальность, монархия, империя) в условиях современной глобализации, которые ранее долгое время объединяли жителей страны. Но опять же, вопрос о существовании шотландской или ирландской идентичности, отличной от английской насчитывает не одно столетие, тогда как о существовании корнуоллской идентичности говорят лишь последние 20 лет. Возникает вопрос о соотношении понятий обще-британской национальной идентичности и идентичности этнического, локального плана, а также вопрос: какое место занимает последняя в структуре общebritанских представлений и почему ее дробление произошло по линии региональных различий.

Соответственно, целесообразно обратиться к теориям, объясняющим механизмы функционирования идентичности с точки зрения социопсихологических факторов. В частности, концепция С. Шульмана рассматривает национальную идентичность как «многоуровневую систему, включающую в свою структуру этническую, культурную и гражданственную компоненты» [11]. Утверждается, что в рамках этой многоуровневой системы, «как правило, преобладает какой-либо один из трех ее компонентов так, что остальные два выступают менее значимыми по своему влиянию факторами идентичности» [11]. Другими словами, в структуре национальной идентичности любой нации доминирует и оказывает определяющее влияние либо этнический, либо гражданский, либо культурный компонент, в зависимости от того который из них представители этой нации считают «наиболее значимой для их объединения, а также для дифференциации их от представителей других» [11]. Суще-

ственным в данном ракурсе будет вывод, сделанный С. Шульманом на основе данных компаративного анализа материалов эмпирических исследований стран Западной Европы и Северной Америки, а также Центральной и Восточной Европы: «страны Запада отличает сохранение сильного влияния культурного компонента национальной идентичности» [11]. Это, несомненно, корректирует ставшее уже традиционным представление об исключительно гражданском типе национальной идентичности европейцев и объясняет актуальность вопроса культурной принадлежности в среде европейского общества. С другой стороны, выводы Шульмана объясняют причину актуальности вопроса культурной отличительности корнуолльцев.

Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы отметить следующее. Несмотря на противоречивые интерпретации, корнуоллский вопрос в первую очередь связан с тенденциями, имеющими историческую основу, к перераспределению административных, экономических и политических прерогатив между центральной властью Лондона и регионами. Корнуоллский автономизм сопровождается также генезисом региональной идентичности, активизация которой обусловлена множеством факторов. Экономические, политические, международные процессы, происходящие в мире и в целом обозначаемые как глобализационные, преломляясь сквозь призму культурно-этнической идентичности корнуолльцев, приобретают характер политических требований. Несомненно, что спектр составляющих этих глобализационных сдвигов в действительности гораздо шире, чем те, которые приведены в этой статье. В частности остались «за кадром» факторы, связанные с процессами объединения Европы и создания общеевропейской идентичности; или проблемы, которые возникают в Великобритании в связи с миграционными изменениями; противоречивые последствия мультикультурной политики и многое другое.

Литература

1. Графство Корнуолл требует независимости от Британии // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.euromag.ru/great_britain/19088.html (Дата обращения: 14.03.2012).
2. Корнуолл не хочет быть в Англии // [Электронный ресурс]. – URL: <http://ntstudio.ru/?p=208> (Дата обращения: 28.03.2012).
3. «Националистическая партия британского графства Корнуолл, вдохновившись идеями референдума в Шотландии, заявила о необходимости выхода региона из состава Великобритании» / Националисты графства Корнуолл потребовали отделения от Британии // [Электронный ресурс]. – URL: <http://vz.ru/news/2012/1/26/556626.html> (Дата обращения: 28.03.2012).

4. Великобритания рассыпается на автономии // [Электронный ресурс]. – URL: <http://crimea24.info/2012/03/12/velikobritaniya-rassyupaetsya-na-avtonomii/> (Дата обращения: 14.03.2012)
5. Хабаров А. Великобритания: вслед за Шотландией о независимости заговорил Корнуолл // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=736789&cid=9> (Дата: обращения: 28.03.2012).
6. Cornwall needs a revolution, not a divorce // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2008/nov/14/cornwall-independence-fair-funding> (Дата обращения: 21.04.2012).
7. Роккан С., Урвин Д. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Логос. 2003. №6(40). С. 117-132. (Статья)
8. Еремина Н.В. Национально-политический разлом // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.perspectivy.info/print.php?ID=83865> (Дата обращения: 06.12.2011).
9. Симон М.Е. Воздействие процессов регионализации на национальные государства Европы // [Электронный ресурс]. – URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-221126.html> (Дата обращения: 24.04.2012.).
10. Громыко А.А. Великобритания – модернизация на фоне традиций // [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2007/19/gr17.html> (Дата обращения: 16.04.2012).
11. Цит. по: Бунаков М.Ю., Лукин Н.В. Национализм и национальная идентичность в условиях глобализации: проблемы концептуализации // [Электронный ресурс]. – URL: <http://credonew.ru/content/view/553/58/> (Дата обращения: 12.04.2012).

ОБРАЗ НОВОГО КОНТИНЕНТА: СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВ ДОКОЛУМБОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ КОНКИСТАДОРОВ

Н. О. Бровкина

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: И. Н. Заводская к.и.н.

В исторической литературе по теме открытия и освоения Америки то осуждается, то оправдывается деятельность конкистадоров, обсуждаются причины жестокости некоторых из них. Для того чтобы лучше понять мотивы деятельности конкистадоров необходимо определить, то каким предстал перед ними новый континент и его жители, то есть воссоздать образ нового континента в глазах его первооткрывателей. В данной работе мы уделим внимание социальной структуре обществ доколумбовых цивилизаций по представлениям конкистадоров.

В течение освоения Америки, конкистадоры познакомились с социальной структурой представших перед ними обществ, описывая социальные группы с опорой на собственные представления о европейском

обществе, параллельно перенося свой понятийный аппарат на доколумбовые цивилизации.

Рассмотрение социальной структуры целесообразно начать сверху. Лучше всего альтернативу управления на территории Америки представляет нам Гонсало Фернандес де Овьедо: «В этой провинции Награндо... имеется множество людей... и многие из них не управляются касиками (вождями) или единым владыкой, а управляются общинным способом определенным числом выбранных народом старейшин.»[2, с.421]. Но управление советом старейшин было скорее исключением, чем правилом, и, по мнению конкистадоров, это был «не лучший способ управления». Совет старейшин избирает «...военачальника для руководства вопросами войны... иногда же этих военачальников убивают, если случится так, что они не подчинятся своей республике»[2, с.421]. Разумеется, о республике, говорить на территории Америки было недопустимо, так как было распространено скорее общинно-родовое устройство характерное для небольших поселений. Необходимо отметить, что старейшины избирались из двух-трех наиболее значимых родов в поселении, и место в совете наследовалось старшим сыном.

Но более распространенным был институт вождей или, что было бы правильнее, касиков. Вот как описывает Антонио де Лебрих одного из правителей: «Этот Богота – самый великий правитель, какой есть в этой земле... он подчинил и держит в тирании большую часть этого края.»[9,с.4]. «Сеньорами» испанцы, обычно называли вождей, которые находились под властью более сильного касика. Бартоломео де Лас Касас описывая Кубу, говорит: «...их цари и повелители правили без свода законов...»[6,с.156]. Солидарны с Лебрихом и Лас Касасом и другие конкистадоры, отмечая тиранию и незаконность власти касиков. Но это объясняется желанием конкистадоров оправдать свои действия в Америке стремлением освободить индейцев от тирании их владык и привнести законную и «добрую» власть испанских королей на новые земли.

К касикам было особое отношение, вот как описывает встречу Кортеса с Монтесумой Берналь Диас: «...Кортес приблизился к Монтесуме...но когда он попытался обнять императора, то был удержан двумя ацтекскими вельможами, которые посчитали это оскорблением своего государя...»[2, с.372-373].

Существовал особый обычай подготовки будущих касиков, описанный Кесадом : «Тех, кто должен стать касиками или полководцами, как мужчин, так и женщин, помещают, ещё малолетних, в неких запираемых домах. Там они находятся несколько лет... всё это время он не должен видеть солнца... им дают есть особо предназначенные кушания, и никакие другие.»[3,с.11-12]. Конкистадоры осуждали данный обычай, указывая на необходимость особого, но не жестокого воспитания буду-

щих правителей, так как жестокость в воспитании может породить тиранию в будущем.

Касики имели некоторые послабления: «На всех сих островах... обитатели довольствуются одною женой, своему же правителю или королю предоставляют их до двадцати»[4,с.28]. Причем касик мог иметь жен «каких желал, из всякого сорта родов, высоких и низких, и среди них всех имел одну в качестве законной... с которой устраивали некоторые обряды, какие не устраивали с остальными...»[8, с.29]. На самом деле, это скорее было исключением, так как у большинства вождей было по одной, максимум две жены, и, то, это было возможно при отсутствии наследников от первой жены.

Диего де Ланда пишет: «Сеньоры управляли селениями, улаживая тяжбы, распоряжаясь и приводя в порядок дела своих общин. Все это делали руками наиболее знатных, которые были очень влиятельны и уважаемы, особенно люди богатые.»[5,с.20]. Касики решали различные вопросы на подвластных территориях, которые в свою очередь обеспечивали двор касика и его знать.

Особое место в окружение касика отводилось жрецам, и в особенности «Великому жрецу». «Он (великий жрец) был очень уважаем знатью... у него был ключ к их знаниям, и именно этими делами он больше всего занимался – давал советы знатым лицам и отвечал на их вопросы...»[5,с.8]. Так же «Великий жрец» «назначал жрецов в селения, когда в этом была нужда, испытывая их в науках и церемониях, и поручал им дела по должности» [5,с.8]. Должность «Великого жреца» передавалась по наследству, но после долгого обучения.

Обычные же жрецы «...занимались службой в храмах и обучением своим наукам, а также сочинением религиозных книг. Они давали... знания о... летоисчислении, празднествах и церемониях, управлении таинствами... о том, как читать и писать их иероглифы и рисунки, которыми они объясняли значение своих письмен» [5,с.8]. Диего де Ланда считал жрецов носителями культуры индейцев – так оно и было, на самом деле. Так же конкистадоры отмечали некоторый страх местного населения перед жрецами, но это скорее было проявлением уважения, чем страха, которое объяснялось помимо религиозной деятельности жрецов, их способностями к врачеванию.

Наряду со жрецами, важное место в социальной структуре индейцев Южной и Центральной Америки занимали представители знати. Диего де Ланда пишет, что «дома знати строили окрестные земледельцы за свой собственный счет. Они даже вели полевые работы на землях саванников и вождей, давали им в виде подарков рыбу и дичь.» [2,с.219]. Как мы видим, конкистадоры считали, что знать находилась на полном – прямом обеспечении общества, но это было несколько иначе. Так пред-

ставители знати: «предоставляют семена... для подготовки этих посевных полей собираются все индейцы... и что они [касики] дают им весьма приличную еду... в те дни, когда они работают на них [землях]»[11]. Из вышесказанного следует, что работа на землях знати не была бесплатной и не считалась тяжелой повинностью. Так же необходимо отметить, что основная часть знати не проводила время в праздности, а, как сказали бы мы сейчас, находилась на государственной службе, и за это касик платил им некое подобие жалованья[1,с.215].

Но не всегда знать вела мирное существование, так «между тремя домами главных сеньоров, какими были Кокомы, Шиу и Чели, происходили раздоры и вражда, которые продолжаются до сегодняшнего дня, хотя они стали христианами.»[5,с.11]. В этом случае Ланда употребляет понятие «сеньоры» для обозначения трех знатных родов. Эти роды стремились повысить свой авторитет, продвинув в «Великие жрецы» своего родственника, так как долгое время у жрецов не было наследников, и «Великого жреца» стали выбирать.

Основную же массу населения составляли крестьяне, ремесленники и торговцы. «Ремесленниками у индейцев были гончары и плотники, которые много зарабатывали, делая идолов из глины и дерева, с соблюдением многочисленных постов и обрядов...»[5,с.11]. Ремесленники, изготавливающие идолов, были почитаемы среди индейцев. Но так было не со всеми, так Берналь Диас отмечал невежественное отношение к изготовителям предметов быта, и, как ни странно (для конкистадоров), к ювелирам и золотых дел мастерам. Это легко объяснимо, тем, что золото у индейцев особо не ценилось, оно было лишь элементом украшения, но не более.

Диего де Ланда отмечает, что «занятием, к которому они (индейцы майя) наиболее склонны, была торговля. Они вывозили соль, ткани и рабов, обменивая все это на какао и камешки, которые служили у них монетами...» [5,с.25]. Торговцы были не только среди майя, но также и у ацтеков и других индейцев. Большим уважением пользовались торговцы с другими населенными пунктами, которые плавали вдоль берега на больших каноэ, связывая крупные города между собой[1, с.235].

Основная же часть индейцев занималась земледелием «сбором кукурузы и остальных посевов... Мулов и быков у них заменяли люди... Они сеют во многих местах, чтобы в случае недорода с одного участка возместить с другого.»[5,с.22-23]. Испанцы считали хозяйство крестьян не развитым и труд исключительно ручным. Они не писали ни про ирригационную систему, ни про смену посевных культур, которая позволяла сохранять высокую плодородность земель. Так же конкистадоры неоднократно заявляли об отсутствии собственности на землю, правда некоторые не исключали, что земля принадлежала общине или касику.

Диего де Ланда отмечал дополнительные виды деятельности крестьян: «Они соединяются также по 50 и больше или меньше для охоты. Приходя в селение, они делают подарки сеньору и дружно распределяют остальное. То же делают с рыбой.»[5,с.22-23]. Особенно охота помогала выжить в неурожайные годы, о наличии которых неоднократно упоминаю конкистадоры в своих трудах.

У некоторых индейцев существовали и рабы. Зачастую ими становились представители других племен, которых брали в плен в ходе военных конфликтов. Иногда рабами становились крестьяне, ремесленники или торговцы из-за долгов или по иным обстоятельствам: «Имели в качестве дозволенного обычая обращаться в рабов те, кто захотел бы, с тем, чтобы получить цену, которую платили за их личность, и из-за этого обязывались быть в подчинении и в рабском служении, и не могли никаким образом освободиться, если только не отдавали и не возвращали то, что получили...»[8,с.46].

Но вопреки мнению многих конкистадоров институт рабовладения в Америке не был похож на известный в Европе. Так Бартоломео де Лас-Касас отмечал, что «индейцы обращались с невольниками так же, как со свободными людьми и даже как с собственными детьми ...»[6,с.146]. Рабы у индейцев становились членами семьи, на которых были возложены специальные обязанности, обычно связанные с ручным трудом.

Необходимо отметить, что описанная нами социальная структура была распространена на всей территории Южной и Центральной Америки, о чем свидетельствуют записки первооткрывателей и конкистадоров. Единственным исключением являлись поселения так называемых «амазонок», которые по разным сведениям были в нескольких частях нового континента.

Гансало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес упоминал «...о государстве женщин, кои живут одни, сами по себе, без мужчин, и ходят на войну; женщины эти могущественны, богаты и владеют обширными провинциями...».[7,с.138]. Сведения об амазонках подтверждает Антонио де Лебрих «..мы назвали их амазонками ... они зачинают [детей], и если рожают сына, то отправляют его к его отцу, а если это дочь, то растят её для увеличения этой их республики.»[9,с.5-6]. Упомянув об амазонках, конкистадоры считали, что женщины среди индейцев не ущемлялись в правах, просто в одном случае они занимались семьей и домом, а в другом были включены во все структуры общества.

Отличия в восприятии социальной структуры индейцев связаны с тем, что не все конкистадоры стремились детально изучить индейское общество, с переносом стереотипов европейского общества на новые земли, а так же с осознанным искажением информации некоторыми конкистадорами.

Литература

1. Вега, Инка Гарсиласо де ла. История государства инков [Текст]/ Инка Гарсиласо де ла Вега.- Л.: Наука, 1974.- 420с.
2. Гуляев В.И. Древние цивилизации Америки [Текст]/ В.И.Гуляев.- М.: Вече, 2008.- 448с.-(Terra Historica).
3. Кесада, Гонсало Хименес де. Краткое изложение завоевания Нового Королевства Гранада [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://kuprienko.info/gonzalo-jimenez-de-quesada-epitome-de-la-conquista-del-nuevo-reino-de-granada-1539-al-ruso/> (дата обращения 21.09.2010).
4. Колумб Х. Письмо Католическим королям Изабелле и Фердинанду об открытии Индий [Текст]/ Христофор Колумб// Хроники открытия Америки: Новая Испания. Кн.1: Исторические документы.- М.: Академический проект, 2000.-С.23-30.- (Библиотека Латинской Америки).
5. Ланда, Диэго де. Сообщение о делах в Юкатане [Текст]/Диэго де Ланнда.- М.: Издательство Академии наук СССР, 1955.- 237с.
6. Лас, Касас Бартоломе де. История Индий [Текст]: перевод с испанского/ Бартоломе де Лас Касас.- Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968.-468с.
7. Овьедо-и-Вальдес, Гонсало Фернандес де. Всеобщая и естественная теория Индий, островов и материка моря-океана [Текст]/ Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес.- М.: Наследие, 1998.-567с.
8. Помар Хуан Баутиста де. Сообщение из Тескоко[Текст]/ под ред. В. Талаха. – К.: Blok.NOT, 2011. – 85 с. – <http://kuprienko.info/juan-bautista-de-pomar-relacion-de-tezcoco-1582-al-ruso/> (дата обращения 30.03.2012)
9. Сан Мартин, Хуан де, Антонио де Лебрих. Доклад о завоевании Нового Королевства Гранада и основание города Богота (июль 1539 год) [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://kuprienko.info/juan-de-san-martin-antonio-de-lebrija-relacion-del-descubrimiento-del-nuevo-reino-de-granada-y-fundacion-de-bogota-al-ruso/> (дата обращения 4.09.2010).
10. Сан-Мигель Гарсии Диес де Отрывки из его Доклада (1567). [Текст]: пер.на русский язык: А.Скромницкий.-К.:Blok.NOT, 2009.-<http://bloknot.info/tag/garci-diez-de-san-miguel/> (дата обращения 30.03.2012)

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ИТОГОВ XVII СЪЕЗДА КПК В АСПЕКТЕ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР

Е. А. Бухалова

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: А. Н. Полухин, к.и.н., доц.

Итоги прошедшего с 15 по 21 октября 2007 г. XVII съезда очень значимы как для самого Китая, так и для мира в целом. Сам 17-й съезд – это не просто исключительно важное событие в политической жизни Китая, но и привлекает к себе пристальное внимание мировой общественности. Следовательно, возникает вопрос, почему вызывает повышенный интерес 17-ый съезд Компартии у других стран. Это свидетельствует о все

более значимой роли Китая на мировой арене, а так же о стремительном растущем потенциале страны, с которым сложно не считаться.

Бесспорно, главным событием съезда стал доклад лидера КНР Ху Цзиньтао, в котором отражены основные достижения Китая в различных областях, обозначены новые цели и задачи внутригосударственного строительства, а также ключевые внешнеполитические позиции КНР. Обратимся к самим итогам 17-го съезда и подробно их проанализируем, чтобы понять особенность и специфику китайской внутренней и внешней политики.

Одной из главных мер на съезде обсуждался вопрос о политической системе КНР, где центральное место принадлежит правящей коммунистической партии. В этой связи важным моментом, указанном в докладе Ху Цзиньтао, является «антикоррупционная борьба в ее рядах» [4,с.6]. При этом подчеркивается долговременность, сложность и трудность борьбы с коррупцией, а акцент ставится на эффективном ее предотвращении, усилении воспитания кадровых работников с целью обеспечения их неподкупности и на совершенствовании механизма контроля исполнения кадровыми работниками служебных полномочий. В целом, как видно из материалов пленума и последующих выступлений руководящих деятелей КПК, коррупция вызывает у них особое беспокойство, поскольку она подрывает авторитет правящей партии как руководящей силы китайского общества, легитимность её правления, и препятствует выполнению ею своей руководящей миссии. Поэтому, в условиях усложняющейся обстановки внутри страны и в мире, можно ожидать дальнейшей активизации усилий руководства КПК в направлении борьбы с этим социальным злом.

Эта линия была продолжена и в дальнейшем. В сентябре 2009 г. в Пекине состоялся очередной пленум ЦК КПК. Пленум принял ряд решений, которые направлены «на повышение руководящего потенциала партии» [7]. Предполагаются при этом такие меры, как ужесточения партийной дисциплины и совершенствования стиля работы с соблюдением демократических норм и законов. Так же съезд поставил задачу дальнейшего укрепления и усиления низовых партийных организаций в городах и деревнях. Можно отметить и то обстоятельство, что партия собирается «постепенно перейти к равному избирательному праву для жителей города и деревни» [1]. Это важное обстоятельство, которое требует поэтапной разработки программы со стороны правительства, но в данный момент положение находится в стадии планирования.

Разбирая программу съезда, касающуюся политической организации, можно выделить второй блок решений пленума. Он направлен на «реформирование кадровой системы и формирование корпуса кадровых работников, обладающих высокими деловыми и моральными качества-

ми и способных выполнять задачи стратегии научного развития и содействовать установлению социальной гармонии в китайском обществе» [1]. Ключевым моментом в подготовке кадров объявлено создание «динамичного механизма подбора и использования кадров с соблюдением принципов демократии, гласности и конкуренции» [6].

Главная кадровая интрига съезда заключалась в том, даст ли он четкий ответ на вопрос, кто именно придет на смену Ху Цзиньтао в качестве лидера партии и страны ориентировочно в 2012–2013 гг. В качестве будущего лидера партии и государства был окончательно закреплен статус Си Цзиньпина. В рамках формирующегося в КНР механизма регулярной смены высших руководителей страны это означает, что член ПК ПБ ЦК КПК и заместитель председателя КНР Си Цзиньпин осенью 2012 г. на XVIII съезде КПК должен будет получить пост генерального секретаря, а весной 2013 г. на сессии ВСНП ему предстоит занять должность председателя КНР» [2,с.47].

В Пекине 17-ый съезд компартии Китая подтвердил курс на строительство в стране социализма с китайской спецификой, продолжение реформ и политики открытости для внешнего мира. Делегаты съезда вписали в устав партии в качестве задачи превращение Китая в «богатое, мощное, демократическое, цивилизованное и гармоничное модернизированное государство» на основе «концепции научного развития»[6].

Заметный акцент съезда был сделан на социальную проблематику. Прежде всего, была поставлена цель как построение в Китае гармоничного общества, так и стремления добиться приемлемого уровня социальной стабильности в стране. В первую очередь необходимо «начать отмену платы за обучение и возрождение системы медобслуживания в сельской местности»[4,с.5]. При этом уровень развития социальной инфраструктуры в Китае остается, по общемировым меркам, все еще весьма невысоким.

Помимо проблем на селе, Ху Цзиньтао подчеркнул, что есть «необходимость серьезно придерживаться и претворять в жизнь курс на приоритетное развитие образования как стратегической задачи, всемерно пропагандировать уважение к роли учителя и образованию в целом, развивать образование в качестве гаранта по обеспечению страны специалистами и людскими ресурсами, необходимыми для всестороннего построения среднезажиточного общества, ускорения социалистической модернизации и великого возрождения китайской нации»[5]. Мы видим, что не маловажную роль в построении сяокан отводится и развитию образования. Ху Цзиньтао в этой связи опирается на китайскую культуру, которая в свою очередь является гарантом построения среднезажиточного общества. Таким образом, правительство планирует достичь сяокан к

2020 г. Проблема заключается в том, что для создания среднестатистического общества требуются не малые силы и ресурсы со стороны КПК.

Генсек пообещал создать за 13 лет «всеобъемлющую систему социального обеспечения, учитывающую жизненные потребности всех и каждого»[6].

Для большей наглядности было выделено правительством свыше десятка главных ориентиров для Китая на 2020 г. В их числе:

- выход в тройку ведущих держав мира по комплексной мощи;
- повышение уровня урбанизации до 55 %, формирование рациональной системы распределения населения по малым, средним и большим городам;
- достижение «нулевого роста» расходов ресурсов к 2015 г. и «нулевого роста» в ухудшении экологической обстановки к 2020 г. [4,с.5].

Невозможно ни обратить внимание на экономическую составляющую программы 17-го съезда. Главной модификацией в данной сфере стало выдвижение задачи увеличения ВВП Китая на душу населения в «2020 г. по сравнению с 2000 г. в 4 раза» [4,с.5]. Исследователь Островский А.В. указывает на то, что китайская экономика будет постоянно увеличиваться. Он пишет: «К 2020 году Китай догонит Америку. А если к этому добавить, что у Америки огромный государственный долг, который равен примерно объему ВВП, а у Китая такового нет, и китайцы являются основными кредиторами Америки»[3]. Следовательно, заключал автор, Китай выйдет на передовое место в мире по экономическому потенциалу.

Внешнеполитический аспект был также затронут на XVII съезде, где были закреплены новации и произошли уточнения международной политики Китая, которые были сформулированы Ху Цзиньтао в выступлении 30 сентября 2005 г. Тогда китайский лидер обратился «к международному сообществу с призывом к строительству гармоничного мира, характеризующегося прочной мирной обстановкой и общим процветанием» [4,с.7]. Данное положение ныне включено в программный раздел Устава КПК. Соответственно, в докладе Ху Цзиньтао акцент сделан на приверженности Китая «мирному пути развития и широкому сотрудничеству со всеми странами мира принципах обоюдного выигрыша» [7]. Тем самым Пекин стремится недвусмысленно сигнализировать всему миру, что от него не надо ожидать каких-либо потрясений для нынешней системы международных отношений.

Говоря уже о взаимоотношении Китая с другими странами, можно отметить то обстоятельство, что конкретные страны в материалах съезда прямо не упоминались. Но упоминается в докладе Ху Цзиньтао намерение продолжать «укреплять дружественное добрососедство и деловое сотрудничество с соседними странами, активно развивать региональное

сотрудничество»[1]. В этом контексте прямо указывалось и на взаимоотношения с Россией.

Подводя итог можно обратить внимание на то, что в Китае создаются новые проекты по улучшению работоспособности политической партии, которые направлены на искоренения коррупции и других антигосударственных мер. Помимо этого наблюдается смена партийного руководства, в том числе и председателя КПК, которого сменят на посту в 2012 г. Что касается внешней политики, то Китай придерживается мирного пути развития с другими государствами, уделяя большое внимание соседям. Как мы видим, партия планирует устранить возможные проблемы и улучшить жизнь китайского общества. Партия так же наметила широкие ориентиры на построение «сяокан», как основу полноценного общества, но данные проекты пока не готовы к применению их на практике. Поэтому «общество средней зажиточности» планируется окончательно построить к 2020г. В структуре образования также планируются в будущее время значительные перемены, касающиеся ликвидации безграмотности и распространении базового образования, в том числе, и на селе.

Анализ программы 17-го съезда КПК позволяет нам обратить внимание и провести параллели между докладом предыдущего председателя КНР Цзянь Цзэминя на 16-м съезде КПК (2002 г.) и нынешним докладом Ху Цзиньтао. Отчетливо видно новые акценты, сделанные на всестороннем, сбалансированном и устойчивом развитии страны. И как мы видим из всего выше сказанного, китайские специалисты отмечают, что партийное руководство уточнило путь и способы дальнейшего развития Китая.

Литература

11. Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК (полный текст) [Электронный ресурс] URL: http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-10/24/content_511579.htm;
12. Круглый стол в ПДВ. Ламанов А.В. // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – №1.- 47-54 с.;
13. Островский А.В. Будущее Китая решится в ближайшие две пятилетки [Электронный ресурс] URL: <http://www.iferas.ru/component/content/article/21/261-budushhee-kitaya-reshitsya-v-blizhajshie-dve-pyatiletki>;
14. Портяков В. Основные итоги VXII съезда КПК// Азия и Африка сегодня.- №2.- 2008.- 2-9 с.;
15. Разумов В. Семнадцатый съезд коммунистической партии Китая [Электронный ресурс] URL: <http://www.polit.lv/?article=160>;
16. Семнадцатый съезд коммунистической партии Китая [Электронный ресурс] URL:http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/node_7030749.htm

17. Смирнов Д.А. Внутренняя политика КНР [Электронный ресурс] URL: <http://www.ifes-ras.ru/events/4/153-vnutrennyaya-politika-knr-istoriya-i-sovremennost>.

Б.ХМЕЛЬНИЦКИЙ И И. МАЗЕПА КАК КЛЮЧЕВЫЕ ФИГУРЫ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.

Т. А. Васильева

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Научный руководитель: В. С. Киселев, д.ф.н., проф.

В украинском историографическом дискурсе основное внимание сосредоточено на двух ключевых фигурах – Б. Хмельницкого и И. Мазепы. Так из двадцати двух глав, составивших текст «Истории Малороссии» Д. Н. Бантыш-Каменского, пять полностью посвящены деяниям Б. Хмельницкого, три обширные главы – фигуре И. Мазепы. Таким образом, мы можем говорить об образах-архетипах, являющихся воплощением двух моделей взаимоотношений Российского государства с Украиной: Богдан Хмельницкий (1595-1657), гетман Славного войска запорожского, полководец и государственный деятель, организатор восстания запорожских казаков против владычества Речи Посполитой (воплощает сферу единения Украины с Россией, сотрудничества с российской властью) и гетман Украины с 1687 по 1708 г. – Иван Мазепа. Образ последнего – воплощение негативной стороны русско-украинских отношений, он ассоциируется с предательством и коварством.

Жизнеописанию и славным подвигам Хмельницкого отведена значительная часть повествования как в «Разговоре Великороссии с Малороссией» С. Дивовича, так и в «Истории Русов». Гетман Украины именуется «победителем», «освободителем», «любезным отцом», «пастырем». Как нельзя лучше масштаб его личности и деяний передают слова автора «Истории русов»:

«Онъ, при превосходномъ своемъ рязумѣ, былъ весьма добродушенъ и справедливъ; въ дѣлахъ національныхъ совершенный политикъ, а въ войнѣ неустрашимый и предприимчивый вождь. Храбрость его равнялась равнодушію. Въ побѣдахъ своихъ никогда не тщеславился, а въ неудачахъ вовсе не унывалъ. Терпѣніе его въ тягчайшихъ трудахъ и подвигахъ ни какъ ему не измѣняло. Голодь и жажду, холодъ и зной, сносилъ онъ съ совершеннымъ спокойствіемъ. Отечество свое и народъ такъ любилъ, что покоемъ своимъ, здоровьемъ и самою жизнью всегда ему жертвовалъ безъ малѣйшаго роптанія. Словомъ сказать, былъ совершенный въ народѣ верховный начальникъ, а въ войскѣ безпримѣрный вождь...» [1, с. 141].

Тонкий политик, искусный воин, справедливый предводитель, защитник слабых и угнетенных, Б. Хмельницкий представлен патриотом своего народа. Автор подчеркивает, что, вступая в войну с противником, он никогда не обуреваем жадной мести, крови своих врагов или попросту воинской славы, напротив, Хмельницкий выходит на поле боя с единственной целью – защитить свой народ и восстановить справедливость. Смерть гетмана приближена по своему масштабу к национальной трагедии:

Не встаешь, пастырь? Поразят нас вероломцы,
Ищезнет слава наша, бывшая при тебе.
Увял цвет наш, увянет с тем и храбрость у себе.
Которых многие преж ужасались страны –
И от малых волков будем уже пограны.
Оставил полководец, отстал, пошел вождь прочь,
Не устоит без тебя одна уже наша мочь.
Которые в сражения смело входим, было.
Тех сие несчастье ныне в робость впредь ввело.
Ну, куда идти нам без тебя и что начать?
Потеряв голову, можно ль ногами ступать? [2]

Подобное выдвигание героической составляющей образа Б. Хмельницкого на первый план было свойственно для большинства сочинений литературного и критического характера как в период XVIII в., так и в эпоху современности. Образ героя предстает целостным, лишенным каких-либо существенных недостатков (особенно относительно национальной патриотической идеи), почти непротиворечивым, он не подразумевает явных разногласий в своей интерпретации, а единогласно передается как образ национального героя исторически крупного масштаба. Однако при детальном структурно-семантическом анализе образа Б. Хмельницкого начинают отчетливо проступать две основные составляющие: прорусская и антипольская, что вносит неоднозначность и некую свободу при интерпретации данного образа. Так в источниках может наблюдаться уклон в ту или иную сторону. Деяния великого украинского гетмана (и прежде всего – его разрыв с Польшей и начало сближения с Московским государством) могут предстать и как способ отмщения личных обид в совокупности со стремлением к независимости, так и искренняя попытка восстановления единства между Украиной и Россией. Выдвигание на первый план прорусской семантической составляющей, безусловно, способствует окружению образа Хмельницкого еще более внушительным ореолом самоотверженности и идеализации. Если же мы, напротив, делаем акцент на личностных мотивах гетмана, это привносит заметные потери в представление о высокой степени героики Б. Хмельницкого. Как правило, во многих источниках обе

составляющие образа героя настолько переплетаются между собой, что усложняется однозначное утверждение о доминировании одной из них. Так Н. И. Костомаров в своем сочинении, посвященном жизнеописанию и подвигам прославленного украинского гетмана, стремится сохранять объективность, отсюда подчеркнута нейтральный тон, что, однако, не отменяет в целом исключительно положительной оценки действий Хмельницкого. В интерпретации Костомарова, он не предстает человеком идеализированным в плане морали или абсолютно лишенным каких-либо пороков. Однако ни один из них не компрометирует его как национального героя, скорее, наоборот: так, например, проявляемая жестокость представляется вполне обусловленной требованиями военного времени и, скорее, напоминает справедливое возмездие, достойный ответ действиям врагов. Для Н. И. Костомарова важно высветить обе семантические компоненты образа. Б. Хмельницкий с уважением относится к России, чувствуя родственную связь с Московией и русским народом, в чем, безусловно, не последнюю роль играет общность религии («Хмельницкий осознал, какую дивную перемену в короткое время сделала с ним судьба, когда, будучи, за несколько месяцев бедным изгнанником, теперь увидел себя окруженным послами владетельных особ, но он знал, что обязан всем русскому народу...» [3, с. 302]).

Однако не стоит забывать, что одновременно гетманом движет жажда мести, стремление к свободе и независимому положению (возможно лишь на первых порах только от Польши): «Нельзя удержаться от меча, – отвечал Хмельницкий, – и до тех пор будем держать его обнаженным, пока станет жизни и не добьемся вольности: лучше голову положить, чем в неволю воротиться» [3, с. 313]. Он же и искусный военачальник, видящий в Московском государстве сильного союзника, общность веры с которым сулит стать надежным залогом союзнических отношений. Не полностью раскрыт у Костомарова мотив, коим руководствуется гетман, не допуская военных действий Крыма и Польши против России. Это может быть как искреннее сочувствие и радение за безопасность русского народа и православной церкви, так и хитрый стратегический ход.

Антиподом широкой и цельной натуре Богдана Хмельницкого выступает образ гетмана-изменника Ивана Мазепы, являющийся богатым источником самых разных, нередко противоположных интерпретаций во многом за счет включения двух семантических компонентов: Мазепа как украинский националист, идейный борец за самобытность и независимость украинского народа, герой-мученик, потерпевший поражение в своей нелегкой борьбе (данная точка зрения отражена в критических работах В. Б. Антоновича, Ф. М. Уманца [4] и др.) с одной стороны и Мазепа как предатель, проявивший склонность к сепаратизму (А. М. Лазаревский [5]). Второй точки зрения придерживается и Н. И. Костомаров в

своем сочинении «Мазепа». Для автора Иван Мазепа, прежде всего, воплощение личности авантюрного характера (не зря без внимания не остаются любовные похождения гетмана, высвечиваются истинные мотивы действий, как правило, диктуемые тщедушным страхом, эгоизмом и жаждой наживы). Гетман предстает и тонким психологом, легко втирающимся в доверие («Мазепа, с его изумительным умением влезать всем в душу»), а затем с легкостью сметающим с пути своих вчерашних благодетелей: «В нравственных правилах Ивана Степановича смолоду укоренилась черта, что он, замечая упадок той силы, на которую прежде опирался, не затруднялся никакими ощущениями и побуждениями, чтобы не содействовать вреду падающей прежде благодетельной для него силы. Измена своим благодетелям не раз уже выказывалась в его жизни» [6].

Однако, по мнению Б. Г. Литвака, для Костомарова Иван Мазепа предатель по складу своего характера, но не предатель украинского народа, т.к. он никогда не выражал народные интересы и был «чужд всякой национальной идее» [7].

При сопоставлении образов двух гетманов Украины невозможно не обратить внимание на возможную аналогию с библейскими образами Христа (Спасителя) и Иуды (предателя). Не случайно в «Разговоре Великороссии с Малороссией» автор сравнивает малороссийский народ после кончины Б. Хмельницкого со стадом заблудших овец, оставшихся без пастыря, а Н. И. Костомаров, описывая измену Мазепы приводит речь Петра великого, именующего гетмана «изменником» и «Иудой».

Литература

1. Кониский Г. История Русовъ. М.: В Университетской типографии, 1846. 261 с.
2. Дивович С. Разговор Великороссии с Малороссией [Электронный ресурс] / donklass.com: справ.-информ. портал – Электрон. дан. – URL: http://donklass.com/arhiv/histdisk/litopys/litopys/old18/old18_31.htm
3. Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. М: Чарли, 1994.
4. Уманец Ф. М. Гетман Мазепа. Спб.: Типография М. Меркушева, 1897. (Историческая монография)
5. Лазаревский А. М. Очерки, заметки и документы по истории Малороссии, Т.5., Киев, 1899.
6. Костомаров Н. И. Мазепа [Электронный ресурс] / fictionbook.ru : справ.-информ. портал – Электрон. дан. – URL: http://fictionbook.ru/author/nikolayi_ivanovich_kostomarov/mazepa/read_online.html?page=2.
7. Литвак Б. Г. [Электронный ресурс] / bookZ: электронная библиотека – Электрон. дан. – URL: http://bookz.ru/authors/nikolai-kostomarov/mazepa_667/page-3-mazepa_667.html.

ПРОЦЕССЫ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ВО ФРАНЦИИ XIV–XVI ВВ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

О. А. Великанова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Т. И. Зайцева, к.и.н., доц.

В XVI веке Франция выступает как крепкое и сплоченное по тем временам королевство. Эта сплоченность – продукт длительного процесса, начавшегося в классическом средневековье. На протяжении XIV–XVI вв. централизаторские тенденции во Франции усиливались, и к концу XVI в. страна предстает как одно из самых сильных национальных государств Западной Европы. Проблема образования единого французского государства волновала отечественных историков еще с середины XIX в. На протяжении XX в. и по сегодняшний день историками были созданы оригинальные концепции образования централизованного государства во Франции. В данной статье мы не ставим своей целью подробное освещение этих концепций, наша задача – выявить основные составляющие французской централизации XIV–XVI вв., которые выделяли отечественные ученые в ходе ее изучения.

Т.Н. Грановский в 40-х гг. XIX в. в своих лекциях по истории позднего средневековья одну из важнейших ролей в процессе образования единого французского государства отдавал личностям правителей. Так, Карл VII, в изображении автора, начал преобразования в военной и административной сфере, направленные на политическую централизацию Франции, а его преемник Людовик XI продолжил данные преобразования, и помимо этого, сделал многое для территориального объединения французских земель. Т.Н. Грановский так описывает значение Людовика в истории средневековой Франции: «...Франция обязана ему многим. Он собрал ее опять, нанес страшные удары феодализму...» [1]. Деятельности Франциска I историк тоже отвел важное место в централизации Франции. Главное достижение этого правителя, по мнению Т.Н. Грановского, заключалось в укреплении королевской власти, чему немало способствовали практически постоянные военные походы короны [2].

Н.И. Кареев в своей работе «Западно-европейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков» (1908) главную составляющую французской централизации также видел в деятельности королей. Он выделил две стороны процесса: расширение территорий, находившихся под руководством французского короля, и усиление власти, какую он пользовался над этими территориями. В первом случае автор говорит о процессе «собирания Франции», во втором – о союзе монарха и Генеральных штатов, которые «скорее помогали королевской власти в деле сплочения страны и подчинения местных властей королевскому автори-

тету, чем ограничивали королевские права» [3, с. 60]. После уменьшения значения Генеральных штатов король пользовался поддержкой разных советов, которые тоже содействовали централизации управления страной.

В книге «Очерки истории Франции с древнейших времен до окончания Первой мировой войны» (1957) разделы, посвященные средневековой Франции, были написаны советским историком-медиевистом А.Д. Люблинской. Здесь автор выделила несколько составляющих французской централизации. Во-первых, по мнению историка, Столетняя война усилила потребность Франции в национальном единстве [4, с. 68]. Во-вторых, образованию единого французского государства способствовало общее экономическое развитие страны, и в частности развитие мануфактурного производства, так как это обстоятельство укрепило внутренний рынок страны [4, с. 76]. И в-третьих, как выразилась А.Д. Люблинская, функция централизации страны составила «историческую миссию абсолютизма». Именно под эгидой королевской власти завершилось территориальное объединение страны, ее экономическое сплочение, административная централизация, происходило сплочение новых социальных классов [4, с. 85-88].

Примерно такая же схема представлена в разделах первого тома «Истории Франции» (1972), посвященных шестнадцатому веку, под авторством С.Д. Сказкина. Важнейшее место в его концепции образования единого французского государства занимают роль социально-экономического фактора и деятельность правителей. Стоит также отметить, что в качестве одного из главного приверженца централизационных процессов историк выделяет население Парижа [5, с. 199].

Н.А. Хачатурян в статье «К вопросу о природе французской сословной монархии» (1978) отметила два направления процесса централизации во Франции в период сословной монархии. Это усиление центральной власти, с одной стороны, и консолидация, а также рост политической активности сословий – с другой [6, с. 33].

В работе Н.И. Басовской «Столетняя война 1337-1453 гг.» (1985) данный конфликт рассматривается как важный этап формирования французской народности, составляющей процесса централизации Франции. Война, по мнению автора, оказала заметное воздействие на зарождение элементов национального самосознания Франции и дальнейшую судьбу страны [7, с. 5].

Современная исследовательница истории Франции С.А. Польская в статье «“...Передача собственности никогда не имела места...”. Французская корона и система апанажей: практика манипулирования» (2008) рассматривает французскую централизацию с точки зрения расширения королевского домена и урезания прав местных правителей в своих зем-

лях. Автор указывает, что, начиная с XIII в. у французских королей формируется стремление к увеличению своего домена, прекращению раздаривания земель и осуществлению объединения страны. Однако эти процессы были длительными и противоречивыми, практика отчуждения королевских земель стала редкой только во второй половине XVI в [8, 53-54, с. 60].

Таким образом, отечественные историки-медиевисты выделяют ряд составляющих французской централизации. По мнению большинства исследователей, ведущее место в формировании единого государства во Франции занимает деятельность правителей. Помимо этого среди составляющих ученые выделяют также значение Столетней войны и экономического развития Франции. Следует также отметить эволюцию во взглядах историков на процессы централизации во Франции XIV-XVI вв. Так, дореволюционные отечественные медиевисты обращались в основном к описанию роли королевской власти в образовании единого французского государства. Советские ученые большое значение отводили также социально-экономическому развитию средневековой Франции и межгосударственным конфликтам. Историки постсоветского периода вновь вернулись к детальному изучению роли личности короля в централизационных процессах, но уже на другом уровне.

Литература

1. Лекции Т.Н. Грановского по истории позднего средневековья // [Электронный ресурс] URL.: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st05.shtml> (Дата обращения: 16.04.2012).
2. Лекции Т.Н. Грановского по истории позднего средневековья // [Электронный ресурс] URL.: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st38.shtml> (Дата обращения: 16.04.2012).
3. Кареев Н.И. Западно-европейская абсолютная монархия 16,17 и 18 веков. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1908. 452 с. (Монография)
4. Люблинская А.Д., Прицкер Д.П., Кузьмин М.Н. Очерки истории Франции с древнейших времен до окончания Первой мировой войны. Л.: УЧПЕГИЗ, 1957. 369 с. (Монография)
5. Сказкин С.Д. Реформация и религиозные войны // История Франции. Т. 1. М.: Наука, 1972. С. 181-234. (Сборник)
6. Хачатурян Н.А. К вопросу о природе французской сословной монархии // Средние века. Вып. 42. М., 1978. С. 27-48. (Сборник)
7. Басовская Н.И. Столетняя война 1337-1453 гг. М.: Высшая школа, 1985. 183 с. (Монография)
8. Польская С.А. «...Передача собственности никогда не имела места...». Французская корона и система апанажей: практика манипулирования // Право в средневековом мире. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 42-68. (Сборник)

РОЛЬ МИСТИЦИЗМА, СУЕВЕРИЙ, ОБРЯДОВ И ЗАКЛИНАНИЙ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ИХЭТУАНЕЙ

Ю. И. Инговатова

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: А. Н. Полухин, к.и.н., доц.

С середины XIX века в Китай начали активно проникать западноевропейские государства, в результате чего Поднебесная подписала около тринадцати неравноправных договоров с Японией, США и странами Европы. К концу XIX века Китай уже был поделен на сферы влияния крупнейшими империалистическими державами.

Проникновение иностранного влияния, подчинение страны европейским державам, голод, стихийные бедствия, высокие налоги, отказ правительства от проведения либеральных реформ послужили толчком социального взрыва против «европеизации» Китая. В таких условиях в 1898 году на севере Китая начали активно действовать множество отрядов, наиболее распространёнными из которых были: отряды повстанцев «Ихэцюань» и затем «Ихэтуань». Некоторым аспектам их жизненного мировоззрения и посвящена эта статья.

Целью повстанцев было: очистить страну от иностранцев, хотя отдельные их группы желали низложения династии Цин. Не все жители Китая разделяли мнение ихэтуаней, так как те совершали нападения на их селения. Китайский историк Фань Вэнь-Лань писал: «Внешне движение «ихэтуаней» отражало отсталую идеологию и было облечено в религиозно-мистическую оболочку» [5, с. 483].

По мнению Непомнина О.Е., ихэтуани верили, что заклинания и амулеты делают их бессмертными и неуязвимыми. В их среде процветали суеверия, мистицизм и черная магия, а также разного рода вымыслы [2, с. 491–492].

Автор работы «Маньчжурские правители Китая», Сидихменов В.Я. отмечает мнение русского дипломата об ихэтуаньском восстании: «Боксерское восстание, – писал русский дипломат И.Я. Коростовец, – подобно многим народным движениям в Китае, также заключало в себе элемент сверхъестественного. Боксерские вожди стали привлекать последователей обещанием бессмертия и неуязвимости. Установилось мнение, что настоящий боксер не мог умереть, а в случае смерти должен воскреснуть. Этот элемент сверхъестественности, магической силы стал привлекать в ряды боксеров простолюдинов не только из городской, но и из деревенской среды, вообще более склонной к суевериям» [4, с. 177–178].

Широкорад А.Б. полагал, что вожди «боксеров» уверяли своих последователей, что путем определенных заклинаний и обрядов они могут

сделать бессильными и безвредными пушки и винтовки «белых дьяволов» [6, с. 123], а потому молодые крестьяне, прежде чем стать настоящими ихэтуанями, проходили соответствующий курс обучения: заучивали заклинания, участвовали в обрядах, изучали боевое искусство, о чем и говорят ихэтуани в своих песнях:

«Изгнать дьяволов не трудно»
«Военное искусство – дело легкое;
Овладеем приемами ихэцюаней –
Изгнать дьяволов не трудно» [1, с. 185].

Исполнение различных обрядов преследовало одну цель – вызвать сошествие духа и вселение его в молящегося, чтобы его тело наполнилось сверхъестественными силами. Восставшие верили, что сошествие на них духа достигается соединением физической стороны существования со сверхъестественными силами и боится ихэтуаня от всякого оружия, как холодного, так и огнестрельного.

Духов вызывали по-разному. Участники школы Цянь-мынь прибегали к следующим приемам: когда «фа-ши» или «учитель магических способов», обыкновенно глава сектантской общины, жжет бумажки с изречениями и читает заклинания, то ихэтуань, по его приглашению простирается ниц перед алтарем, и крепко стискивает зубы, производя через них быстрое дыхание, отчего уста вскоре покрываются пеной. Это служит знаком явления духа. Кандидаты в общину Кань-мынь «исполнялись божества» при такой же обстановке, за исключением того, что посвящаемый должен был делать быстрые прыжки. Сильное порывистое дыхание, являвшееся результатом всех этих упражнений, считалось предвестником появления небесных сил [3, с. 11].

Для того чтобы духи были всегда рядом, каждый ихэтуань носил при себе маленький кусочек желтой бумаги, на которой был грубо нарисован таинственный образ. Вокруг этого изображения было нацарапано несколько слов мистического содержания.

Перед тем как выступить с оружием в руках против иностранцев, ихэтуани под руководством своих наставников заучивали заклинания. Таким путем, по их убеждению, достигалось «бессмертие» и обреталась большая сила в борьбе с врагом. О заклинаниях, как отмечает исследователь Сидихменов В.Я., говорилось: «Тот, кто знает семь-восемь слов, может противостоять 10 тысячам человек, а знающий шестнадцать-семнадцать слов может легко разрушить дома иностранцев» [4, с. 177–178]. Заклинания, как правило, были написаны на малопонятном языке.

Ихэтуани полагали также, что, произнеся один раз заклинание, можно, будучи вооруженным только мечом и копьем, открыто противостоять европейским ружьям и пушкам. Если амулет или заклинание не спасали человека на поле брани, то смерть его объяснялась тем, что дух

отказался войти в тело тех, кто предстал перед врагом со «скверной» нравственной природой.

Среди ихэтуаней бродили и другие самые невероятные слухи о действии заклинаний. Говорили, например, что наклеенное на иностранное здание специальное заклинание громкого возгласа «гори» вызывало пожар, что железнодорожное полотно недалеко от города Тяньцзиня было разрушено от одного прикосновения стебля гаоляна (сорго – травянистое растение):

«Выступим против иностранцев»

«Разрушим железные дороги,

Вырвем телеграфные столбы,

И тогда полюбуемся, как трудно иностранцам!» [1, с. 187].

Верили в то, что некая девушка по имени Ван Юйцзе могла свободно взбираться на высокие иностранные здания и вызывать пожар, и ее не брали пули иностранцев. Была и версия о том, что дети-ихэтуани перелетают с места на место на красных платках.

Существовала история и о том, что в одной деревне появилась святая девочка, которая одарена сверхъестественными силами и делает чудеса. Боксеры перевозят ее из деревни в деревню и поклоняются ей как кумиру. Она предсказала изгнание всех «янгуйцзы» – заморских чертей и торжество «ихэтуань» – боксеров.

Существовали и особые рецепты и отвары. Например, к Боксерской прокламации в Пекине был приклеен рецепт против отравленной воды: «7 кислых яблок, кора дерева и маоцао (буквально – мохнатая трава). Опущенное в чан с водой, это лекарство разрешает яд иностранцев» [7].

Существовали у них аналоги наших «писем счастья». Ихэтуани считали, что «увидевший эти письма (объявление) и быстро распространивший 6 экземпляров, избавит от беды одну семью, распространивший 10 экземпляров, избавит от беды один квартал. Увидевший эти письма и не распространивший их, поплатится головою. Если не уничтожить иностранцев, небо не пошлет большого дождя» [7].

Важным элементом ритуалов ихэтуаней были земные поклоны. К ним прибегали всюду, где только возможно. Степень святости человека была пропорциональна числу челобитий (кэтоу), которые он исполнял с большим усердием. Нужно было бить челом о камни или о землю, и «от такого постоянного челобитья волосы на голове буквально стирались о землю, и на поверхности головы, которая бреется раз или два в месяц, образовывались величиною с монету круглая плешь, на которой не показывались волосы» [3, с. 11]. Земные поклоны сопровождалась воскурением фимиама (ароматическая смола, благовоние) и являлись отличительным признаком ихэтуаней.

Женские организации движения: девушек – «Хундэнчжао» («Алый фонарь»), старых женщин – «Хэйдэнчжао» («Голубой фонарь»), вдов – «Циндэнчжао» («Синий фонарь»), также большое внимание уделяли заклинаниям и обрядам. «Перед жертвенником жгли фимиам, а юные подвижницы, держа в руках по красному платку, должны были во главе с наставницей, обходить кругом чашу, в которую налита чистая вода, – символ невинности. Хождение вокруг сосуда сопровождалось быстрым, насколько возможно, речитативом посвящаемых, состоящим из непрерывно повторяемого одного только слова: «фэй», или «полечу» [3, с. 16]. Свидетельством тому служит и ряд песен ихэтуаней, посвященных женским отрядам восстания:

«Одеты во все красное»
«Одеты во все красное,
В руках маленькие лампы,
Обмахиваются небольшим веером,
Прыжок – и [хундэнчжао] в воздухе» [1, с. 189].

Когда девушка достигала совершенства в своем искусстве, отмечает Рудаков А.В., она «обрела философский камень» [3, с. 17] и потому улетала на свои необыкновенные и дивные похождения. Она могла летать по воздуху на громадные расстояния, сеять смерть и пожары.

Заучивая заклинания, ихэтуани поклонялись традиционным божествам, святым и духам, а предпочтение отдавали богу войны Гуаньди. Гуань-ди – бог войны, богатства и покровитель литераторов, чиновников. Его прототип – реальный человек, живший во II веке нашей эры, и прославившийся воинскими подвигами, за что ему и стали позднее поклоняться как богу. Среди богов фигурировали также имена героев старинных произведений, снискавших огромную популярность среди народа как борцы за правду, защитники бедняков, благородные и мужественные рыцари (Чжан Фэй – герой романа «Троецарствие», Сунь У-кун – герой романа «Путешествие на Запад» и другие).

Магические способы, верования, обряды, заклинания общества «Кулак, поднятый во имя мира и справедливости» содержатся в литературе ихэтуаней, известной у китайцев под общим именем: се-шу. При помощи их угадывается будущее, призываются духи, произносятся пророчества, лечатся путем заговоров болезни, и очаровываются животные.

Таким образом, мистика, суеверия, вера в различные заклинания, талисманы и амулеты, религиозные гимнастические упражнения составляли духовный мир восставших ихэтуаней. Эта таинственность и мистицизм считались непременным условием успеха деятельности общества.

1. Восстание ихэтуней. Документы и материалы. М.: Издательство «Наука», главная редакция восточной литературы, 1968. 276 с. (Сборник документов)
2. Непомнин О.Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М., 2005. 712 с. (Монография)
3. Рудаков А.В. Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. Владивосток, 1901. 77 с. (Монография)
4. Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. 301 с. (Монография)
5. Фань Вэнь-Лань. Новая история Китая. Т.1. /пер. с кит. Р.В. Вяткина, Б.Г. Мудрова и др. М.; Изд-во Иностран. литературы, 1955. С. 483–590. (Монография)
6. Широкопад А.Б. Россия и Китай: конфликты и сотрудничество. М.: Вече, 2004. 448 с. (Монография)
7. Боксерское восстание // Красный архив, № 1 (14), 1926 // vostlit.info : Восточная литература. Средневековые исторические источники востока и запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1880-1900/Boxer_vosst/frametext.htm (дата обращения: 6.03.2012). (Сборник)

КАТЕГОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КИТАЙСКОГО ЭТНОСА

К. К. Клипка

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н.И. Сазонова, д.ф.н, проф.

Гуманитарная наука на современном этапе развития стремится к размежеванию предметной области. Данная тенденция приводит к исследованию одного и того же явления, одной и той же категории под разным углом зрения, присущим той или иной науки, к возникновению многоаспектности категорий. Одной из таких категорий является время. Время изучают в физике, лингвистике, истории. Говорят о физическом, историческом, мифологическом и других видах времени, выделяют различные его свойства и характеристики [3, с. 23].

Язык как сложная знаковая система кодирует знания, полученные в ходе восприятия и осмысления мира, в том числе и результаты познания свойств [4, с. 11]. Мышление не существует без языка, без мышления не существует языка. Таким образом, основываясь на первоначальных посылах, можно предположить, что в языке реализуются когнитивные модели времени, которые определяются культурно-познавательным опытом этноса, и свойствами функционирующего языка. При этом у каждого этноса когнитивные модели времени дифференцируются.

В данной работе, делается попытка исследования восприятия категории времени китайским этносом на основе лингвистического анализа.

В лексикографической практике описание лексических и грамматических значений через изучение картины мира носителей языка интересовало ряд исследователей уже в XIX-XX веках: Фон Гумбольдта В., Апресяна Ю.Д., Вежбицкую А., Яковлева Е.С., Рахилину Е.В. Проблема пространства и времени также привлекала внимание следующих ученых: Топорова В.Н., Апресяна Ю.Д., Лотмана Ю.М., Степанова Ю.С., Флоренского П.А., Селиверстова О.М., Цивьян Т.В., Хайдеггера М., Яковлева Е.С. Однако обобщающего материала выведено не было.

Связь пространства и времени естественна: то, что расположено близко от человека – достигается быстро, а то, что далеко – медленно [4, с. 11].

Имеет ли место такая позиция в китайском языке? В современном китайском языке понятия времени и пространства передаются биномами с общим элементом: 时间(shíjiān) – время и 空间(kōngjiān) – пространство. Знак 时 и 空 – родовые понятия, 间 – родовое понятие. Таким образом, иероглифы время и пространство имеют общий родовой элемент 间 – помещение. Такая связь говорит о неотделимости в картине мира китайцев понятия времени и пространства. Для обозначения даже мельчайшей частицы времени иероглифом 瞬(shùn) – мигание глаза, также может иметь в качестве второго компонента иероглиф 间 – помещение: сочетание 瞬间(shùnjiān) – миг, момент. Связь пространства и времени в языковой картине мира китайцев также проявляется и в том, что время измеряется по длине. Например, в предложении: 你要多长时间 – требуется какой длины время, сколько понадобится времени?

В китайском языке существует 2 модели времени: линейно-историческая и традиционная (антропоцентрическая) [5, с. 14].

Они отражены в ряде слов, фразеологизмов, словосочетаний. Образуются обычно антонимами, двумя глаголами перемещения, наречием, связанным с пространством и временем: 前(qián) – спереди, 后(hòu) – сзади, 上(shàng) – верх, 下(xià) – низ, 来(lái) – прийти, 去(qù) – уйти, 先(xiān) – первое по порядку, сначала, спереди, раньше, 前(qián) – спереди [1, с. 57].

Выделенные семь базовых знаков и четыре пары антонимов 前/后, 先/后, 上/下, 来/去 образуют двоичную временную систему, в которой фиксируется только срез прошедшего и будущего времени. Настоящее

время – это момент речи или точка отсчета во времени, которая берется по умолчанию [2, с.125].

За каждой из четырех морфем закреплена своя предметная область. 前/后 – понятия, связанные с человеческим родом. Например, 前辈 (qiánbèi) – старшее поколение, 后辈 (hòubèi) – младшее поколение. Или пословица: qian shi bu wang, hou shi zhi shi – не забывать о прошлом – вот урок для будущего [5, с. 29]. А также название династий, родственных отношений: 前/后汉 – Ранняя/поздняя Хань, 前夫, 前妻 – муж в первом браке, жена в первом браке. Также они участвуют в образовании временных слов с родовым понятием: год – 年, месяц – 月, день – 天. Отглагольные прилагательные 来/去 выполняют аналогичную функцию: 来年 – будущий год, 去年 – прошлый год. Пара 上/下 дает сочетание: 上个月 – прошлый месяц, 下个月 – следующий месяц. Иероглифы для обозначения недели отражают цикличность времени: 星期 – неделя (дословно звездный цикл). Здесь мы сталкиваемся с альтернативной моделью времени – с временем как последовательность однотипных событий [5, с. 29].

Большинство лексических образований с 前/后 связано с пространственными значениями опосредованно. Например, кто родился раньше говорящего, это впереди идущие, его предшественники 前人, а те, кто родился позже говорящего, это следующие за ним, его потомки 后人. Таким образом, линейное историческое время отсчитывается говорящим как бы в обратном порядке, задом наперед [5, с. 29].

Время ассоциируется с тропинкой в прошлое, протоптанной представителями человеческого рода: те, кто идут впереди, уходят в прошлое раньше. Наблюдатель, говорящий повернут лицом в прошлое, делая шаг вперед, он удлиняет историю еще на одно поколение. Человек мыслится как активное начало,двигающееся навстречу истории. Это подтверждается фразеологизмом: 后浪推前浪 – волна позади толкает волну впереди [5, с. 35].

Что же касается линейно-исторической точки зрения на время, то она выражается парой 来/去 [1, с.77]. В этом случае человек повернут лицом в будущее. 来 – движение в сторону говорящего от будущего, 去 – движение от говорящего к прошлому. Например, 过去 – прошлый (бук-

важно миновавший что-то). В этой модели человек – пассивный элемент. Будущее приходит к нему, минуя сейчас, и уходит в прошлое.

Что же касается антропоцентрической модели времени, то она выражает замкнутые пространственные представления китайцев о мире, выражающиеся в термине 天下 – Поднебесная. Такое этноцентрическое представление о пространстве и времени связано с представлением об историческом времени. Здесь, время отсчитывается по смене поколений и смене династий, что отражает культ предшествующих поколений.

Таким образом, на основе полученных результатов можно отметить следующее:

1. Идея времени очеловечена сменой поколений и их преемственностью, причем направление поступательного движения здесь обратно по отношению к представлению о нем европейцев.

2. В китайском языке субъектом поступательного движения является род, а не само время, в отличие от европейцев (время бежит).

3. Модель времени неоднородна. Эта черта, видимо, присуща многим цивилизациям, у которых наивная картина сосуществует с научным взглядом на данный феномен.

4. Культурно-историческая, антропоцентрическая модель преобладает в лексике.

5. Форма самого слова время все же отражает естественнонаучные представления о времени, что объясняется развитостью в древнем Китае астрономии.

Литература

1. Modern Mandarin Chinese Grammar: A Practical Guide (Modern Grammars) (9780415700108): Claudia Ross, Jing-heng Sheng Ma: Books, 425 pages. Publisher: Oxford University Press, USA. (Монография)
2. YUFA!: A Practical Guide to Mandarin Chinese Grammar Author: Wen-Hua Teng Paperback: 352 pages. Publisher: Oxford University Press, USA. (Монография)
3. Аскольдов С. А. «Время и его преодоление» // Мысль. 1922. № 3. С. 80-83. (Статья)
4. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5-33. (Сборник)
5. Тань Аошуан. Т 14. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с. (Сборник)

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В ИЗУЧЕНИИ ВАХХАБИТОВ АРАВИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Д. А. Ложкина

Кузбасская государственная педагогическая академия

Научный руководитель: А.Н. Полухин, к.и.н., доцент

В изучении ваххабитов наибольшую ценность составляет информация европейских путешественников, дипломатов, ученых, разведчиков, посетивших Аравию и соседние с нею страны в XVIII в. и в первой половине XIX в. К сожалению, труды многих исследователей данной темы не переведены на русский язык, соответственно, эти сведения очень фрагментарны. Их можно найти только в форме цитат в работах каких-либо современных авторов, занимающихся изучением Аравии и ваххабитского движения. Также первая половина XVIII в. – один из наименее изученных у нас в стране периодов истории этой страны. Поэтому изучение данной проблемы очень актуально в наше время. Необходимо систематизировать все раздробленные сведения по этой теме.

В XVIII столетии среди бедуинов Аравии огромное развитие получило ваххабитское движение. Ваххабизм – это религиозно-политическое движение в исламе, которое зародилось в государстве Саудидов в Аравии в XVIII веке [5, с.90]. Ваххабизм назван по имени Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба (1703–1792), шейха, выступившего с пуританской проповедью среди беднейших племен в Неджде [8, с. 367–368], он проповедовал возвращение к чистоте раннего ислама времени пророка Мухаммада [3, с.24]. Это сравнительно молодое исламское религиозное течение. Наибольшее влияние ваххабизм оказал на Аравийский полуостров, Египет, Турцию, Северный Кавказ, Индию, Индонезию, Западную и Северо-Восточную Африку [3, с.39].

В настоящее время в некоторых регионах мусульманского мира ваххабизм получил широкое распространение. На Северном Кавказе ваххабизм превратился в оплот международного терроризма. Поэтому необходимо разобраться в особенностях религиозного учения ваххабитов, знать их догмы, и понять, может ли относиться учение Аль-Ваххаба к тому феномену, которое имеет место быть сейчас.

Для того чтобы дать оценку ваххабизму как религиозно-политическому движению, необходимо остановиться на истоках и особенностях изучаемого движения в данный период. Информация путешественников как непосредственных наблюдателей за представителями данного движения дает колоссальный массив важнейших сведений о состоянии Аравии накануне возникновения ваххабизма, причинах его зарождения, постулатах его представителей, обрядах и т.п., поэтому является крайне ценной.

Первые сообщения о ваххабитах принес в Европу более двухсот лет назад немецкий учёный на датской службе, путешественник и исследователь Аравии, математик, картограф, натуралист Карстен Нибур (1723–1815). Он создал первую карту восточной части Красного моря, первую карту и первое описание Йемена [4, с. 206]. Путинцева Т.А. в своем труде «Следы ведут в пески Аравии» говорит, что труд Нибура "Описание Аравии", вышедший в 1772 году на немецком языке, является колоссальным по важности источником сведений о данном регионе: он содержит ценнейшие для своего времени сведения о природе, истории, экономике арабского мира, религии и быте, движении ваххабитов. Путинцева отмечает, что данный труд остается вплоть до наших дней наиболее полным исследованием аравийских земель [6, с. 125]. Муромов выражает такое же мнение о труде данного путешественника [4, с. 208; 4, с. 209].

Нибур в 1761 году возглавил датскую научную экспедицию на Ближний Восток. В работе Муромова указывается, что в 1762 году шестеро членов экспедиции высадились в порту на восточном берегу Красного моря. Карстен Нибур как инженер должен был заниматься всякого рода географическими измерениями. По мнению самого Нибура, от тяжести путешествий, непривычного климата, мерзкого обращения со стороны некоторых тогдашних властителей Йемена умерли все члены этой экспедиции. Он один выжил и продолжал исследования [4, с. 206]. Через Сирию, Палестину и Кипр он в 1767 году вернулся в Данию [4, с. 209].

Когда Нибур проезжал по Месопотамии, 20 лет уже минуло с тех пор, как пророк Муххамад Абд аль-Ваххаб и шейх Сауд воевали с целью привести соседние города и бедуинские племена к повиновению Ибн Сауду и сделать их сторонниками религиозной реформы ваххабизма. Нибур показал плачевное состояние священных городов, вызвавшее негодование Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба и побудившее его к проведению реформы [4, с. 209]. Таким образом, Нибур рассуждал о причинах, которые вызвали появление ваххабизма.

Муромов отмечает, что одна из заслуг Нибура заключается в том, что еще при зарождении ваххабизма он предвидел всю серьезность последствий, которые может вызвать это религиозное движение, и дал об этом Европе реальное представление [4, с. 209]. Можно без сомнений сказать, что Нибур предоставил важные сведения о ваххабитах.

Васильев А.М. говорит, что выдающееся место среди путешественников занимает Иоганн Людвиг Буркхардт (1784–1817) – швейцарский востоковед, британский подданный, прославившийся путешествиями по Ближнему и Среднему Востоку под именем Ибрагим ибн Абдалла. Он был движим неукротимой страстью к путешествиям. Посетил Хиджаз в 1814–1815 гг. Он собрал обширнейшие сведения об Аравии и жизни

арабов на основе личных бесед с хиджазцами и неждийцами. Васильев отмечает, что И. Буркхардт изучал не только общественные отношения и право как бедуинов, так и оседлых, интересовался формами семьи, собственности, но и, что самое важное, причины зарождения ваххабизма, историю ваххабитов, их идеологию и структуру первого государства Саудидов. Также автор говорит, что Буркхардт написал книги, без которых наши знания об Аравии XVIII–XIX вв. были бы гораздо более скудными. Ко многим достоинствам И. Буркхардта добавляется увлекательный стиль, который избавляет читателя от утомительной скуки многих путевых заметок европейцев [1, с. 11].

Как и Васильев, Путинцева отмечает, что благодаря беседам с арабами Буркхард собрал очень ценный материал о догмах ваххабитов [6, с. 226–227]. Также она приводит цитаты самого Буркхардта о нескончаемых военных притязаниях ваххабитов и Муххамеда Али [6, с. 274].

Муромов указывает, что Буркхардт начал свои путешествия в 1809 году [4, с. 258], а живя среди бедуинов, Буркхардт приобщился к их нравам и на основе своих наблюдений создал труд "Заметки о бедуинах и ваххабитах" [4, с. 258]. Автор повествует, как 7 июля 1814 года Буркхардт отплыл на корабле в Джидду, служащую портом для Мекки [4, с. 260], посетил первым из европейцев Таиф (Аравия). Тогда глазам Буркхардта предстали печальные развалины – свидетельство взятия города ваххабитами в 1802 году, и могила местного святого, разграбленная этими фанатиками – именно так Васильев назвал ваххабитов. После Буркхардт отправляется в Мекку. Буркхардту повезло, что завоеватели-ваххабиты ушли, оставив Хиджаз и священные города туркам и египтянам. Он был первым из тех, кто проник в Хиджаз вслед за победившими ваххабитов турецко-египетскими армиями [4, с. 261]. 15 января 1815 года Буркхардт покинул Мекку [4, с. 262], а вскоре посетил Медину, где собрал много сведений об арабах и ваххабитах [4, с. 263]. Муромов отмечает, что исследователи, побывавшие после Буркхардта в странах, посещенных им, восхваляют его точность, его знания и проницательность. Его "Путешествие в Аравию" и "Заметки о бедуинах" вышли в свет почти сразу после его смерти [4, с. 264]. Весной 1816 года он умер [2, с.31]. «Путешествия по Аравии» был опубликован в 1829 г. [5, с. 280].

Внуков Н.А. также говорит, что Буркхардт посетил как Медину, так и Мекку, где прожил три месяца, и своё описание мусульманских святынь и покушавшихся на них ваххабитов переслал в Европу [2, с.29]. Анализируя работу Внукова, можно сделать вывод, что Буркхардт считал ваххабитов не просто представителями религиозного течения, а ещё и агрессивными фанатиками, нацеленными на захват обширных территорий.

Об Аравии сообщали европейцы и из сопредельных стран. На первое место из такого рода работ следует поставить «Историю ваххаби-

тов», выпущенную в 1810 г. Л. Корансезом, французским консулом в Алеппо (Халебе). Васильев отмечает, что его работа содержит немало информации о политической истории государства Саудидов, его структуре, идеологии. Но в то же время говорит, что «История ваххабитов» Л. Корансеца имеет неточности и легковесные суждения [1, с. 11]. Л. Корансез считает, как указывает Васильев, что ваххабизм – это мусульманство в его первоначальной чистоте. Уже первые исследователи раннего ваххабизма, И. Буркхардт и Л. Корансез считали ваххабитов «пуританами» или «протестантами» ислама [1, с.81].

Также следует отметить труд выдающегося российского востоковеда, дипломата и историка Константина Михайлович Базили. Работы Базили о Сирии, где часто упоминается и Аравия, оставили значительный след в науке. Автор заимствует материал из арабских рукописных хроник, европейских путешествий, используя собственные наблюдения [7]. Его книга «Сирия и Палестина под турецким правительством» частично освещает и обрисовывает события 30–40-х годов XIX в. в Аравии, и немалое внимание данный автор уделяет мировоззрению ваххабитов и войнам, которые они вели. Данная книга представляет историографический интерес как одна из ранних работ в области русской арабистики.

Было также много исследователей, которые изучали не только ваххабизм, а в первую очередь непосредственно Аравию. Это, к примеру, французский энциклопедист и путешественник К.-Ф. Вольней, создавший заметки об арабах-бедуинах, составленные на основе наблюдений за племенами и рассказов о племенах внутренней Аравии, которые отличаются меткостью наблюдений и суждений [1, с.11]. Книга француза Франсуа Вольнея «Путешествие Вольнея в Сирию, Египет, бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах» имеется в переводе с немецкого Н. Маркова.

Европейские путешественники, посетившие Аравийский полуостров в XIX в., дают богатый и первоклассный материал для выяснения множества моментов его общественно-политической жизни [1, с.11]. Добавляя, подтверждая или опровергая И. Буркхардта, К. Нибура и арабских летописцев, они помогают изучить аравийское общество XVIII, XIX, начала XX в. Это такие путешественники, как Дж. Сэдльер, Д. Уэлстед, М. Тамизье, Г. Валлин, Ч. Доути, Ш. Юбер. Золотой период европейских исследователей Аравии продолжался и в первой половине нашего столетия. Особое место занимают Г. Филби и Х. Диксон [1, с.12], англичанин Т. Лоуренс [1, с.13].

Так, мы видим, что путешественники – исследователи ваххабитского учения отмечают немало основополагающих моментов учения Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, дают ценные факты о структуре первого государства Саудидов и важные сведения об аравийском обществе. Эти данные стоят наравне по информационной ценности с арабскими хрони-

ками, написанными как сторонниками династии Саудидов и ваххабитского учения, так и их противниками и нейтральными наблюдателями, а также с работами Ибн Абд аль-Ваххаба, его последователей и видных аравийских богословов.

По сути, работы путешественников являются исключительным по значению источником, существенно важным для изучения идеологии ваххабизма, так как четко выражают некоторые его догматические установки. Собранный в них материал является результатом личных наблюдений автора или получен им из первых рук. Там не имеет место быть искажение сведений о догматике ваххабитов и их принципах и обрядах, нежели как в официальных летописях и сведениях сторонников династии Саудидов и ваххабизма.

Таким образом, можно сделать вывод, что информация европейцев, посетивших Аравию и сопредельные страны в XVIII – начале XIX столетия, имеет огромную ценность, так как дает много важнейших сведений по ваххабитскому движению. К сожалению, по данным проблемам не сложилась историография ни в отечественной, ни в зарубежной школе исторического познания. Лишь некоторые авторы как в нашей стране, так и за рубежом, освещали отдельные проблемы истории Аравии и ваххабизма в рассматриваемый период.

Литература

1. Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – кон. XX в.). М.: Классика плюс, 1999. 671 с.
2. Внуков Н.А. Великие путешественники: биографический словарь. СПб: «Азбука», 2000. С. 27–31.
3. Иванов Н.А. и др. Ислам: краткий справочник. М.: Наука, 1983. С. 24–25.
4. Муромов И.А. 100 великих путешественников. М.: «Вече», 2007. С. 206–210, 256–264.
5. Новейший словарь религиоведения / С.Н. Смоленский, О.К. Садовников, Г.В. Згурский, Г.Д. Панков и др. Р/н/Д: Феникс, 2010. С. 90.
6. Путинцева Т.А. Следы ведут в пески Аравии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. С. 3–126, 211–281.
7. Смилянская И. Предисловие к изданию: К. М. Базили «Сирия и Палестина под турецким покровительством в историческом и политическом отношении» [Электронный ресурс] // И. Смилянская. – Электрон. дан. – М.: Издательство восточной литературы, 1962. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1800-1820/Bazili/pred.htm> (дата обращения: 21.03.2012).
8. Таевский Д. Секты мира. Р/н/Д: Феникс, 2007. С. 367–368.

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ ЕКАТЕРИНЫ II (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

Д. Р. Садикова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Н. Мухин, к.и.н., доц.

Вопросы образования и воспитания занимали значительное место в системе воззрений французских мыслителей века Просвещения. Вопросами воспитания и обучения занимались практически все видные просветители: Дидро, Гельвеций, Вольтер, Монтескье, Руссо и др.

В России второй половины XVIII века вопросам воспитания и образования так же уделялась значительное внимание. К проблемам просвещения обращались многие представители общественной мысли: директор Петербургской академии наук и президент Российской академии княгиня Е.Р. Дашкова, русский просветитель, книгоиздатель Н.И. Новиков, историк и публицист князь М.М. Щербатов [1, с. 200], видный представитель российской общественной мысли А.Н. Радищев и др. Особое внимание вопросам просвещения, народного воспитания и образования было уделено императрицей Екатериной II в рамках проводимой ею политики просвещенного абсолютизма. Одним из основных ее помощников в образовательной политике являлся Иван Иванович Бецкой, президент Академии художеств, попечитель Московского воспитательного дома и Смольного института, руководитель сухопутного Шляхетного корпуса [2, с. 70].

В период до правления Екатерины II в России была серьезная проблема нехватки квалифицированных учителей, отсутствовала сложившаяся система образования, вследствие чего обучать детей небогатых дворян брались приглашенные иностранцы – бывшие кучера, лакеи и др. Распространенной была практика физических наказаний [2, с. 69].

Екатерина II осуществляет широкую политику в сфере народного просвещения. В целом, за годы правления императрицы было открыто 223 учебных заведения, к концу века в 45 губерниях России работало 49 главных и 239 малых училища с 22220 учениками и 760 учителями. Впервые в стране была создана система единообразно устроенных бессословных учебных заведений с едиными учебными планами, классно-урочным обучением, с единой методикой [2, с. 74].

Отсутствие воспитательных и образовательных программ ко времени проведения образовательной политики императрицы привело ее к изучению педагогических трудов западноевропейских мыслителей, в том числе французских, с трудами которых, посвященными различным

вопросам, она была довольно хорошо знакома. Екатерина II позиционировала себя в качестве просвещенной монархини, проводившей в жизнь принципы французских философов-просветителей о мудреце на троне. Ее увлечение французской литературой началось после ее приезда в Россию в качестве супруги Петра III [3, с. 45]. Уже в качестве российской государыни Екатерина устанавливает личные контакты с просветителями, ведет переписку с Вольтером, Дидро, Д'Аламбером, приглашает их посетить Россию, оказывает помощь от материальной поддержки до предложения напечатать их запрещенные на родине произведения [3, с. 48]. Когда же наступила необходимость проведения преобразований в области просвещения, Екатерина обращается к педагогическим идеям философов Франции, занимающим видное место в философии Просвещения. В своей деятельности в области образования Екатерина II опиралась на ряд педагогических просветительских идей и теорий.

Большую роль в образовательной политике Екатерины II сыграл И.И. Бецкой. Он был хорошо знаком с передовыми педагогическими западными теориями своего времени, освоил передовые системы Локка, Руссо, Гельвеция, ездил по учебным заведениям Европы, изучая их устройство и на основе всего этого создал собственную педагогическую систему [4, с. 224]. Взгляды Бецкого во многом совпадали со взглядами Екатерины, в связи с чем целесообразно рассмотрение позиций современных отечественных исследователей в отношении рецепции Екатериной II и И.И. Бецким просветительских идей совместно.

Рецепция Екатериной II и Бецким педагогических идей французского Просвещения в современной историографии освещена довольно слабо. Отсутствуют работы, посвященные непосредственно данной теме. В самом общем виде исследователями признается факт влияния идей французского Просвещения на просветительскую деятельность Екатерины II. При более детальном рассмотрении вопроса выявляется восприятие идеи, характерной для Просвещения, о значительной, даже решающей роли образования и воспитания в деле создания идеального общества, и заимствование Екатериной II педагогических идей Ж.Ж. Руссо.

Так, современная исследовательница А.Г. Львова, автор статьи об образовательной политике Екатерины II, объясняет сам факт обращения императрицы к вопросам воспитания влиянием идей французского Просвещения о безграничности возможностей образования в вопросе исправления человека и общества. В качестве аргумента Львова приводит слова Екатерины из Наказа Уложенной комиссии: «Самое надежное, но и самое труднейшее средство сделать людей лучшими, есть приведение в совершенство воспитания» [1, с. 196]. По мнению исследовательницы, Екатерина верила в идеи Локка, Фенелона и энциклопедистов о «воз-

возможности создания идеального человека и безупречного гражданина». Поэтому после известных неудач с Комиссией по созданию нового уложения Екатерина задумала исправить нравы российского общества, в зависимости от которых и находятся, по ее убеждению, законы.

Историк Н.И. Павленко, автор статьи о просвещенном абсолютизме Екатерины II, так же придерживается мнения о соответствии целей образовательной политики Екатерины II просветительским идеям о всеобщности просвещения. В подтверждение этого исследователь приводит заявление Екатерины II от 1782 г. своему секретарю А.В. Храповицкому: «В 60 лет все расколы исчезнут; сколь скоро заведутся народные школы, то невежество истребится само собою, тут насилия не надобно» [5, с. 46]. В качестве практической меры по реализации принципов просветительской идеологии исследователь называет «Устав о народных училищах», обнародованный 5 августа 1786 г. Этот документ, согласно оценке Н.И. Павленко, является отражением «основы основ» просветительской идеологии – веры в то, что просвещение неизбежно ведет за собой исправление нравов, исчезновение нравственных и социальных пороков, ликвидацию рабства, невежества и суеверий [5, с. 46].

Советский исследователь Г.П. Макогоненко признает использование Екатериной просветительских педагогических идей, в том числе идей французских просветителей: «Как всегда, Екатерина в решении важных задач обращалась за помощью к Западу. Здесь она также пошла по проторенному пути, пути применения новейших педагогических систем, какими были системы Локка и Руссо, к нуждам русского самодержавия» [6, с. 494]. Однако, придерживаясь мнения о ложности политики просвещенного абсолютизма Екатерины II, характерной для советской историографии, Г.П. Макогоненко видит иные причины столь обширной образовательной политики Екатерины II. По его мнению, они связаны со страхом императрицы перед возможностью новых крестьянских волнений после восстания Пугачева: «страх перед новой пугачевщиной обусловил решение Екатерины взять все школы и народные училища под непосредственный контроль правительства» [6, с. 494].

В своей непосредственной деятельности Екатерина так же опиралась на идеи французского просвещения в лице Руссо. Примечательно, что Екатерина, не принимавшая политической теории Руссо, обращается к нему в вопросе воспитания и образования. Восприятие педагогических идей Руссо Екатериной в исторической литературе чаще всего ограничивается приведением ее негативной оценки главного педагогического романа Руссо «Эмиль, или о воспитании», ввоз которого в Россию был даже запрещен по ее указанию.

А.Г. Львова отмечает, что Екатерина принимает проповедуемую Руссо и Локком идею о приоритетном значении воспитания, т.е. «выработки добронравия» перед обучением [1, с. 196].

В связи с вопросом рецепции Екатериной II и Бецким идей Руссо особое внимание исследователями уделено учреждению закрытых учебных заведений, явившихся в определенном смысле реализацией идеи французского мыслителя о необходимости нейтрализовать негативное влияние окружающей действительности на ребенка посредством изолированного обучения.

Так, Г.П. Макогоненко утверждает, что закрытые учебные заведения, основанные Екатериной, – это воплощение на практике в искаженном виде заимствованной идеи Руссо о необходимости индивидуального обучения вдали от пагубного влияния общества. Екатерина, по мнению исследователя, по-своему трактовала идею просветителя в соответствии со своими интересами: «Выступление Руссо против общественного воспитания оказалось вполне приемлемы для Екатерины. Бецкой по ее указанию разрабатывает педагогическую систему, целью которой было создание “новой породы людей”. Достигалось это полным изгнанием их образования принципа общественного воспитания ребенка. Ребенок, отдаваемый в школу, полностью изолировался от среды, от окружающей его жизни; исключалось даже влияние семьи. Всю заботу брало на себя государство, которое должно было воспитывать верноподданных. Так чудовищно искажалась теория Руссо, к таким неожиданным последствиям приводила проповедуемая им полезность уединения и необходимость изоляции ребенка» [6, с. 495].

Советский исследователь М.М. Штранге считает, что Бецкой своеобразным образом воспринял идеи Руссо о том, что человек от рождения добр и приобретает отрицательные черты в дальнейшем под влиянием окружающей среды. Эти идеи были использованы Бецким «для устранения вредных феодально-крепостническому обществу мыслей и устремлений среди людей умственного труда» посредством создания специальных закрытых учреждений, где бы учащиеся были изолированы от влияния среды и воспитывались в соответствии с преследуемыми целями [7, с. 348]. Как указывает Штранге, в закрытых учебных заведениях предполагалось обучать не только детей дворян, но и детей городской бедноты, созданных в 60-70-х годах в Петербурге и Москве при Академии художеств, Академии наук, Коммерческом училище и др. Исследователь также видит в этом искажение Бецким идеи Руссо. Так, если целью французского философа было создание независимого человека, равноправного гражданина, то Бецкой стремился воспитать «послушного подданного для удовлетворения нужд привилегированного класса в области науки и искусства» [7, с. 348]. Для обоснования своей позиции

Штранге приводит следующие слова Бецкого: «Будучи воспитаны под опекою нашею, – писал Бецкой, – и уверены о усердном нашем участии в их благополучии, коликую во всю их жизнь вдохнем мы в них благодарность!» [7, с. 348].

Исследователи постсоветского периода И.А. Заичкин и И.Н. Почкарев утверждают, что Бецкой действительно придерживался мнения Руссо о том, что, изолировав ребенка от негативного влияния среды, можно воспитать идеального человека [4, с. 224]. По их мнению, он считал, что для достижения целей воспитания необходимо разделение двух поколений – старшего и младшего с тем, чтобы первое не оказывало отрицательного влияния на молодых. В качестве искусственной преграды, с помощью которого предполагалось осуществление этого принципа, Бецкой видел закрытые учреждения [4, с. 227]. В данной оценке восприятия Бецким идеи Руссо отсутствует характерное для советских исследователей представление о ее намеренном искажении.

В русле теории просвещенного абсолютизма трактует создание закрытых учебных заведений О.В. Хаванова. Согласно ее мнению, в своей образовательной политике Екатерина руководствовалась одним из основных принципов просвещенного абсолютизма – повышением отдачи от каждого отдельного подданного. Таким образом, стремясь использовать потенциал дворянского сословия, Екатерина создает специальные учебные заведения закрытого типа. В 1776 г. при Московском университете был открыт первый в России дворянский Благородный пансион, который в 1783 г. обрел самостоятельность, став общеобразовательной школой для дворян. Этими мерами Екатерина также думала обеспечить лояльность дворянского сословия своему режиму: «...просвещенный абсолютизм, повышая образовательный уровень молодых дворян, стремился воспитать когорту высококвалифицированных чиновников, верных государю, трону и отечеству» [8, с. 32].

В.В. Пономарева и Л.Б. Хорошилова обращают внимание на восприятие императрицей идей французских просветителей о предоставлении права женщинам получить образование. Внимание Екатерины к вопросу женского образования, главным результатом которого, прежде всего, явилось учреждение ею Смольного института для благородных девиц, отвечала, как полагают авторы, теориям Просвещения, а также связана с тем, что престол занимала женщина. Вывод кажется вполне обоснованным, так как вопрос женского образования так же поднимался французскими просветителями [2, с. 71].

Таким образом, вопрос рецепции Екатериной II педагогических идей французского Просвещения освещен слабо. Имеющийся материал сводится к признанию восприятия Екатериной общей цели воспитания – исправления нравов с его помощью, акцент на воспитании, а не на обра-

зовании. Однако, советский историк Г.П. Макогоненко видит в обращении императрицы к образовательной политике стремление подчинить систему воспитания своему контролю во избежание крестьянских восстаний, но признает применение идей французского Просвещения для реализации своих образовательных задач. Прежде всего, речь идет о Руссо. Исследователи говорят о заимствовании Екатериной принципа Руссо о необходимости обучения вдали от пагубного влияния общества. Советские исследователи Г.П. Макогоненко и М.М. Штранге считают это искажением теоретического положения мыслителя. В современных исследованиях И.А. Заичкина и И.Н. Почкарева отсутствует негативная оценка заимствованной идеи. Забота о женском образовании так же приписывается влиянию идей Просвещения.

Литература

1. Львова А.Г. Счастливый дар. О педагогической культуре Екатерины II // Нева. 2007. № 1. С. 191-204. (Статья)
2. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. «Золотой век» Екатерины и образование // Педагогика. 1999. №1. С. 69-76. (Статья)
3. Лабутина Т.Л. Была ли Екатерина II англофилом? (К вопросу о «вестернизации» политической элиты России) // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 44-55. (Статья)
4. Заичкин И.А., Почкарев И.Н. Екатерининские орлы. М.: Мысль, 1996. 350 с. (Монография)
5. Павленко Н.И. Екатерина Великая. В зените просвещенной славы. Политическое благочиние // Родина. 1997. № 6. С. 44-47. (Статья)
6. Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л.: Гослитиздат, 1952. 542 с. (Монография)
7. Штранге М.М. Жан-Жак Руссо и его русские современники // Международные связи России в XVII-XVIII вв. (экономика, политика и культура). Сб. статей. М.: Наука, 1966. С. 345-357. (Сборник)
8. Хаванова О.В. Просвещенные монархи Екатерина II и Иосиф II: опыт сопоставления // Век Екатерины II: Россия и Балканы / Отв. ред. И. И. Лециловская. М.: Наука, 1988. 165 с. С. 24-39. (Сборник)

СРАВНЕНИЕ ИСТОКОВ БУСИДО И РЫЦАРСКОГО КОДЕКСА. ПОДСКАЗКИ ЭТИМОЛОГИИ

О. А. Серкова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: И.Ю. Николаева, д.и.н., проф.

Сравнение культуры рыцарства и самурайства логично начать с этимологического анализа понятий, обозначающих членов средневековых японских и европейских военных сословий.

Классическим термином для обозначения воина в Японии является понятие «буси». Но само слово буси (武士) является составным из 2-х иероглифов, причём изначально использовалась лишь вторая часть данного слова – «си» (士), обозначающая дословно «воин». Иероглиф «си» также несёт гендерную нагрузку – в словах он используется исключительно для обозначения мужчин или чего-то мужского. Первую же часть слова, «бу» (武), можно понимать как «искусство войны». То есть, «буси» можно перевести как искусный воин. В действительности слово заимствованно из китайского языка, и является японским прочтением китайских иероглифов «ву» и «ши», обозначающие сильного человека или человека «меча и учености». Воинское сословие также именовалось буси и, добавляя к этому слову другие иероглифы, обозначались различные виды военных сил. Но со временем в обиход вошло понятие «самурай».

Слово самурай (侍) состоит из одного иероглифа и происходит от старояпонского глагола «сабурау» или, в другом прочтении, «хабэру» – «охранять, служить», и первоначально имело значение «личный слуга». Не совсем ясно, когда его смысл изменился до понятия «вооруженный слуга», обозначающего определенный тип воина. В более широком смысле это понятие трактовалось как «человек, находящийся на военной службе», «профессиональный воин». Тут мы дополнительно подчеркнём, что само понятие «самурай» несёт в себе целый комплекс взаимосвязанных смыслов – это уже не просто сильный человек с мечом или обычный воин, а, профессиональный воин, несущий перед господином службу.

Тем не менее, как отмечает в своём исследовании Хироаки Сато «изначальный смысл слова определил путь самурая и в дальнейшем: даже когда в XII в. *de facto* он стал правителем Японии, *de jure* он подчинялся высшему гражданскому лицу – императору» [1, с. 10]. Об этом свидетельствует сам факт того, что даже высший пост, которого мог достичь самурай, сёгун «главнокомандующий, подчиняющий варваров», формально являлся не более чем помощником императора по военным делам в случае особой необходимости.

Что касается понятия «рыцарь», то тут можно встретить очень много вариаций среди переводов названий тех сословий, которые считались рыцарскими в разных европейских регионах. Пожалуй, самый универсальный термин для обозначения воина в Европе – *milites*, уходящий своими корнями в название римского рядового пешего legionera. В римском лексиконе термин *miles*, приобрел со временем значение полурабского существования. По крайней мере, в том смысле, который римляне вкладывали в понятие «служение», «прислуживание». Но сохранялось ли данное значение в Европе? И можно ли проследить связь

средневековых европейских терминов с социальным положением рыцарей?

Само слово рыцарь имеет немецкие корни, и попало к нам в язык опосредованно из польского языка. Польский термин «rycerz» означает то же, что и немецкий «ritter», а именно, «всадник». Что, конечно, указывает нам на то, что изначально рыцарство – это не что иное, как конница. Французское понятие «chevalier», итальянское «cavaliere» дублируют изначальный смысл, так как происходят от латинского «caballus» – конь. Это отсылает нас к временам Великого переселения народов, где мы видим очевидный прототип рыцарей в сарматской коннице: тяжело-вооруженные всадники с длинными прямыми мечами пришли с Востока и пересекли всю Европу в IV-VII веках.

Тем не менее, этимология этих понятий даёт нам мало информации об особенностях социального положения рыцарей. Для разъяснения этого вопроса мы считаем логичным обратиться к англоязычному понятию рыцарства. Подкрепить такое решение можно тем, что английское понятие «knight» происходит от староанглийского понятия «cniht» (что означало «мальчик» или «слуга»), которое в свою очередь является когнатом немецкого понятия «knecht» («работник», «слуга»), или, проще говоря, лингвистически и этимологически родственно ему. Оба слова имеют схожее значение, варьирующееся от «мальчик / парень» до «слуга / раб / вассал». Интересно, что понятие рыцарства или «kighthood» на староанглийском «cnihtād» также означало юность как некий период жизни между детством и зрелостью. Лишь с XIII в. понятие «knight» обретает отчётливо военный смысл, а именно, «военный последователь короля или других господ». Этимология слова «knight» схожа, на наш взгляд, с эволюцией значения слова «самурай». Тот факт, что оба слова первоначально означали слуг, говорит нам о том, что очень важную роль в возникновении сословий, как самураев, так и рыцарей играло формирование специализированной системы соподчинения. Создание подобной системы являлось необходимым этапом формирования изучаемых средневековых государств такими, которыми они стали впоследствии.

Читатель может справедливо возразить, что понятие «knecht» в чистом его виде не использовалось на континенте для обозначения рыцарства. Тем любопытнее, что у германцев был специальный необычный составной термин – «edelknecht» или, дословно, благородный слуга. В терминологических словарях есть лишь такой сухой и узкий перевод этого понятия, как оруженосец. Термин «edelknecht», в целом, редко упоминается авторами на русском языке. Однако существует достаточно много статей на немецком языке, всецело посвящённых понятию «edelknecht» и соотношению его с другими разновидностями средневековых рыцарей. Так кем именно были эти «благородные слуги»? В книге

«Эпоха крестовых походов» авторы дают следующее определение: «Первоначально – простые военные слуги рыцаря, они становятся потом владельцами некоторого количества земли (равного тому, что мы теперь называем крупным поместьем) и в XIII в. живут господами среди своих держателей. В Германии их называют Edelnknecht (благородный слуга), в Англии – squire (испорченное escuyer – щитоносец), в Испании – infanzon. Они-то в XIII в. будут составлять массу дворянства, и в последующие столетия горожанин, возведенный в дворянство, будет гордиться титулом оруженосца» [2, с. 31]. Вышесказанное следует дополнить тем, что социальный разрыв между «Ritter» и «Edelnknecht» не был столь велик – часто даже крупные феодалы не могли финансово обеспечить всех своих сыновей и старший становился «ritter», а младшие оставались в статусе «edelnknecht». Почему мы употребляем тут слово «оставались»? Потому что все непосвященные в рыцари мужчины, имеющие собственное оружие и доспех, считались edelnknecht-ами. Так, в рыцарских турнирах, лишь около четверти участников считались «ritter», остальными же были рыцари ранга «edelnknecht». Повседневная жизнь рыцарей и их «благородных слуг» мало чем различалась, но условия турниров для них были разными. Основная разница была в количестве коней, используемых на турнире – рыцари могли иметь 3 боевых скакуна, тогда как «благородные слуги» должны были довольствоваться двумя. Со временем разница между ними увеличивалась и уже далеко не все «благородные слуги» могли стать рыцарями, даже если финансовое положение им это позволяло.

Продолжая этимологический анализ, стоит сказать, что ещё одну параллель мы видим в особом значении конницы. Поскольку лошадь, как средство верховой езды, использовалась в обоих изучаемых регионах, то логично попытаться найти различия в нюансах использования такой военной единицы. Как уже было сказано, рыцарь в основном его значении был ни кем иным как всадником. Но ни в понятии буси, ни в понятии самурай мы не видим ничего, что бы выделяло особое значение коня для воина. Здесь нам следует обратиться к другому раннесредневековому японскому понятию «кюба-но мити» – «Путь лука и скакуна». Справедливости ради стоит отметить, что приравнивание этого понятия к понятию «бусидо» Спешаковским А.Б. в работе «Самураи – военное сословие Японии», видится нам некорректным. Спешаковский утверждает: «Бусидо, первоначально трактовавшееся как «путь коня и лука», впоследствии стало означать «путь самурая, воина» [3, с. 27]. В действительности бусидо и кюба-но мити понятия хоть и взаимосвязанные, но различные. Кюба-но мити являет собой неписанный моральный кодекс самурая, сложившийся к X-XII вв. в Японии. На его основе позже возникло бусидо – письменно зафиксированный свод правил поведения са-

мураев. Само слово бусидо изначально означало путь воина (или долг, мораль воина), так как состоит из двух слов: буси, значение которого мы раскрыли выше, и до – путь, учение, способ, средство, долг, мораль. Возвращаясь к попытке найти различия в нюансах использования конницы, обратим внимание на выделение в куба-но мити особой значимости лука. Такой вывод можно подкрепить следующими рассуждениями. Известно, что технология изготовления оружия и брони на Западе и Востоке сильно различалась. В рыцарском вооружении выигрывала броня кольчужная и панцирная, на Востоке высока была технология изготовления луков, а вот к металлической броне японцы не прибегали даже в поздний период, когда они узнали рецепты более прочных и лёгких сплавов от европейцев. Следовательно, степень защиты воинов так же была различной. Борьба с помощью среднего размера и качества лука и стрел против хорошо экипированного тяжёлого рыцаря не эффективно, если, конечно, твой военный опыт и качество оружия не позволяют тебе попасть рыцарю точно в забрало или в места соединения доспеха на шее или в подмышечной впадине. Для самураев же лук был достаточно эффективным оружием, о чём свидетельствуют не только многочисленные его описания в литературе, но и устройство классического самурайского доспеха, специально приспособленного к верховой езде и стрельбе из лука: при стрельбе из лука наплечники съезжали назад, не мешая стрелять, а при опускании рук съезжали обратно, закрывая руки. Для сравнения: европейские наплечники настолько мешали стрельбе, что даже те из английских лучников, которые могли позволить себе хороший доспех, никогда не носили наплечников. Важность лука в писанных и не писанных морально-поведенческих кодексах самураев крайне высока вплоть до времени появления на островах огнестрельного оружия.

Продолжая выделение специфических различий, отражённых в этимологии терминов, нужно отметить особое значение учёности для воина в Японии. Такой вывод может показаться банальным и не имеющим научной ценности, но одной из задач данного исследования является верификация научного знания посредством использования различных инструментов исторического исследования, в том числе применения этимологического анализа. Первичный этимологический анализ может выявить коренные различия, которые могут быть подтверждены рядом исторических событий того времени. Мы знаем о том, что в средневековой Японии сильно было культурное влияние Китая. Присущий конфуцианству культ знания, безусловно, повлиял и на японских самураев. Известно, что в основе системы образования буси лежали именно конфуцианские тексты. Конечно, реальный самурай далеко не всегда соответствовал идеальному образу, описываемому в литературе. Но наше

исследование посвящено истории идей. Поэтому нам интересен сам факт того, что в идеале японский воин буси – это образованный человек, причём это отражено в изначальном значении самого слова «буси».

Литература

1. Сато, Хироаки Самураи: история и легенды. СПб.: Евразия, 1999. 415 с. (Монография)
2. Эпоха крестовых походов / ред. Левис Э., Рамбо А. Смоленск: Русич, 2002. 670 с. (Сборник)
3. Спеваковский А. Б. Самураи – военное сословие Японии. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1981. 168 с. (Монография)

ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И МЕДИЦИНЫ ВОСТОКА И МИРА

Х. Р. Хамдамов, И. М. Моминов

Сибирский государственный медицинский университет

Научный руководитель: Л.А. Мочалина, старший преподаватель.

С именем Аллаха, Милостивого, Милостивейшего. Хвала Аллаху, Господу миров, мир и благословение Посланнику его семье, сподвижникам, и всем тем, кто последовал за ним с чистыми сердцами.

Подобными словами начинались книги многих учёных, которые оставили миру великое наследие. В их числе ибн Кайим аль-Джаузийя, Ар-Рази, Ибн ан-Нафис, аз-Захрави, ибн Сина и многие др. В восьмом веке границы исламского мира простирались от аравийского полуострова до Персии, Индии, Китая, северной Африки, достигли Испании и юга Франции, что позволило учёным востока сконцентрировать научные знания всего мира и в последующие пять веков исламский мир стал колыбелью науки, культуры и образования. Недаром этот период именуется «Золотыми веками ислама», и это действительно была золотая эпоха открытий и изобретений, становления праведной и справедливой цивилизации, благотворной науки, уникальной культуры. С. Г. Ковнер писал: "вычеркните арабов из истории, и возрождение наук в Европе отодвинулось бы на несколько столетий".

16 июля 622г. Пророк Мухаммад (571– 633 гг.), да благословит его Аллах и приветствует, переселился в Медину и положил начало первому исламскому государству, которое превратилось в обширную мусульманскую державу – Халифат. В истории Халифата выделяют три периода.

Первый период (622–750) истории Халифата связан с правлением Посланника Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, пер-

вых четырех праведных халифов и династии Омейядов. В завоеванных странах распространялись арабский язык и ислам, во многом определивший дальнейшее развитие многих наук в данном регионе. Завоевая города, арабы не стремились разрушить их, т.к. это запрещалось Пророком, да благословит его Аллах и приветствует. Мусульмане проявляли значительную терпимость к иноверцам (христианам, иудеям), которые могли сохранять свою, старую веру и которые принимали широкое участие в хозяйственной и научной жизни Халифата. Многие ученые-иноверцы принимали ислам, что также имело свои последствия: будущи образованными людьми, они во многом определяли пути развития мусульманской культуры.

Второй период истории Халифата (750 г. – середина IX в.) – время правления династии Аббасидов – явился периодом, расцвета многогранной исламской культуры. Арабский язык стал для них языком политики и религии, науки и культуры, которая вобрала в себя, преумножила и развила многовековые традиции многочисленных народов.

Третий период его истории (IX– XIII вв.) – время распада на ряд более мелких халифатов (Багдадский, Египетский, Кордовский) и национальных государств (например, государство Саманидов в Средней Азии). Некогда могущественный Халифат постепенно превратился в небольшой Багдадский халифат. Окончательный удар по нему нанесли завоевания монголов и турок-сельджуков в 1258 г.

В то время как в Западной Европе было лишь два университета (в Салерно и Болонье) в исламском мире насчитывалось 17 высших школ, в которых среди других дисциплин преподавалась и медицина. Существовали такие центры науки и высшего образования как Багдад, Басра, Каир, Дамаск, Кордова, Толедо, Бухара, Самарканд. В каждом большом городе создавались библиотеки с читальными залами и комнатами для научных и религиозных дискуссий, помещениями для переводчиков и переписчиков книг. Со временем библиотеки выросли в крупные центры науки и образования, такие как "Дом мудрости" в Багдаде или "Дворец мудрости", учрежденный в Каире. Ученые, работавшие в этих научных центрах, объединялись в "Общества просвещенных" – прообраз научных обществ и академий наук, возникших в Европе в XVII–XVIII вв. Глава багдадских врачей Ибн ал-Талмид (XII в.) – автор лучшей фармакопеи своего времени – собрал более 20 тыс. томов, многие из которых были переписаны лично им, а в одной только мусульманской Испании (Кордовском халифате) функционировало 70 библиотек, в одной из них насчитывалось более 250 тыс. томов, в то время как королевская библиотека Франции имела только лишь около 900 книг. Насчитывалось большое количество больниц, где больные лечились за счет государственных средств. Организация больничного дела получила в халифатах

значительное развитие. Одна из больниц Каира, открытая в 1284 г. в помещении бывшего дворца, по свидетельству историков, была рассчитана на 8 тыс. больных, которых размещали в соответствии с их заболеваниями в мужских и женских отделениях. При больницах создавались библиотеки и медицинские школы. Обучение было теоретическим и практическим: учащиеся сопровождали учителя во время его обхода в больнице и посещали вместе с ним больных на дому.

Высокий уровень организации медицинского дела на средневековом Востоке тесно связан с развитием гигиены и профилактики заболеваний. Запрет производить вскрытия, с одной стороны, ограничил исследования строения тела и его функций, а с другой – направил усилия врачей на поиск иных путей: сохранения здоровья и привел к разработке рациональных мероприятий гигиенического характера. Многие из них закреплены в "Куръане" (пятикратные омовения и соблюдение чистоты тела, запрет пить вино и есть свинину, нормы поведения в обществе, семье и т. п.) и сунне (образе жизни) благородного Посланника, да благословит Его Аллах и приветствует, который учил людей правилам личной гигиены, приему пищи, сочетанию и ограничению продуктов и многому другому. При лечении внутренних болезней первейшее внимание уделялось установлению правильного режима, и только потом применялись лекарства. Применялись простые и сложные лекарственные средства, в приготовлении которых мусульмане достигли высокого совершенства. В значительной степени это связано с развитием алхимии. Заимствовав у сирийцев идею использования алхимии в области медицины, мусульмане сыграли важную роль в становлении и развитии фармации и создании фармакопеи. В городах стали открываться аптеки для приготовления и продажи. Мусульмане изобрели водяную баню и перегонный куб, применили фильтрацию, получили азотную и соляную кислоты, хлорную известь, аммиак, нитроглицерин и спирт (которому дали название алкоголь). При этом эти научные открытия не мешали учёным быть глубоко набожными людьми.

Абу Бакр Мухаммад ибн Закарийа Ар-Рази (850–923) был врачом и химиком, составил "Всеобъемлющая книга по медицине" в 25 томах, "Медицинскую книгу" в 10 томах. Описывая каждую болезнь, он анализировал ее с позиций греческих, сирийских, индийских, персидских и арабских авторов, после чего излагал свои наблюдения и выводы. Особую ценность представляет небольшой трактат "Об оспе и кори". Также врачи-мусульмане внесли существенный вклад в развитие отдельных областей анатомии и хирургии. Особенно ярко это проявилось в офтальмологии. Исследуя строение глаза животных, известный египетский астроном и врач Ибн ал-Хайсам (965–1039, известный в Европе как Alhazen) первым объяснил преломление лучей в средах глаза и дал на-

звания его частям (роговица, хрусталик, стекловидное тело и т. д.). Изготовив модели хрусталика из хрусталя и стекла, он выдвинул идею коррекции зрения при помощи двояковыпуклых линз и предложил использовать их при чтении в пожилом возрасте. В XIII в. сирийский врач Ибн ан-Нафис описал легочное кровообращение, т. е. на три столетия раньше Мигеля Сервета. Самым выдающимся хирургом средневекового исламского мира считается Абу-л-Касим Халаф ибн 'Аббас аз-Захрави (лат. Abulcasis; ок. 936–1013). Знание анатомии он считал абсолютно необходимым для хирурга и рекомендовал изучать ее по трудам Галена. По сравнению с хирургией античности аз-Захрави сделал большой шаг вперед. К его приоритетам относятся: применение кетгута в абдоминальной хирургии и для подкожных швов, шов с ниткой и двумя иглами, первое применение лежачего положения при операциях на малом тазе (ставшее потом классическим); он описал то, что сегодня называется туберкулезным поражением костей и ввел в глазную хирургию Запада операцию удаления катаракты (термин аз-Захрави); он был автором новых хирургических инструментов (более 150) и единственным автором античности и раннего средневековья, который их описал и представил в рисунках. "Книга о представлении медицинских знаний в распоряжение тому, кому не удастся их составление», содержит 30 томов. Первый перевод этого грандиозного сочинения на латинский язык был сделан во второй половине XII в., сразу же он стал настольной книгой хирургов средневековой Европы.

В 980 г. недалеко от Бухары родился Абу Али ал-Хусейн ибн Абдаллах ибн ал-Хасан ибн Али ибн Сина. Его фундаментальный труд "Канон медицины" явился энциклопедией медицинских знаний того времени. Он состоит из пяти книг. В XII в. "Канон" был переведен на латинский язык. После изобретения книгопечатания по числу изданий он соперничал с "Библией" и, по мнению ряда исследователей, явился самым изучаемым трудом в истории человечества. И приведенное выше является лишь частичным и поверхностным перечнем достижения цивилизации ислама.

Если грандиозность прорыва и расцвета исламской науки, культуры и образования достаточно ясна, то многим не известно что способствовало такому прогрессу справедливости и познания, и в следствии чего он угас, и мы сегодня видим мусульман и их государства отсталыми в науке, образовании, производстве. Несомненно причиной прорыва является то с чем пришел пророк Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует. Необходимо как можно яснее подчеркнуть, что ислам – это не религия в обычном смысле слова. Это в такой же степени религия, как и образ жизни, который самым решительным образом охватывает все многосторонние аспекты человеческого существования – ду-

ховный и материальный, моральный и физический, эмоциональный и интеллектуальный, личный и социальный. В нем сливаются этот мир и мир иной, пересекаются тело, ум и дух, и все три объединяются, образуя единую реальность. Но на этом ислам не заканчивается. Он также указывает путь – практический путь осуществления создания счастливой и гармоничной жизни в пределах нашего земного существования. Соответственно он тщательно избегает требовать от человека, в качестве необходимого условия его спасения, веру в догмы, которые могут быть либо непосильными для интеллектуального восприятия, либо противоречить научным истинам. И действительно, в структуре исламского верования и обычаев мы не находим и тени догм. Никакой первородный грех, никакие преступления прошлой жизни не стоят между человеком и его судьбой. Не требуются ни умерщвление плоти, ни отказ от мира, чтобы открыть потайную дверь духовного процветания. Такие вещи абсолютно чужды исламу, который не является ни мистической доктриной, ни философией, а программой личного и

общественного поведения, которая не только не предполагает врожденного конфликта между физическим и духовным существованием человека, но и, более того, настаивает на их сосуществовании как естественной основе жизни. Ислам в переводе с арабского означает «покорность, подчинение», другим его значением является «мир». Мусульманином называется тот, кто подчиняет свою волю Аллаху, т.е. смыслом всей его жизни является служение и поклонение только одному Творцу, Господу миров, никого с ним не равняя. Под служением понимается всё то, что любит Аллах и чем Он доволен, а это сообщалось людям через пророков. Ислам это не новая религия, это образ жизни который был дан ещё Адаму, мир ему, и эта вера в единого Бога Творца была дана всем пророкам и посланникам, которых было великое множество, включая Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса сына Марии, мир им всем. Исламский мир призывает верить в Аллаха, в пророка и в божественное руководство. Следствие этой веры будет переход от тьмы к свету, от поклонения людям к поклонению Аллаху, от ограниченных условий этого мира к простору вселенной, от тирании и несправедливости – к справедливости, равенству и братству ислама. Благодаря своей способности находить гармоничное равновесие между миром веры и миром действия, ислам никогда не оказывался преградой для прогресса и науки. Истории не известна другая религия, которая бы оказывала такую поддержку научному прогрессу, как ислам.

Гнетущее зрелище культурного и социального упадка, которое бросается в глаза повсюду в мусульманском мире, создало в умах европейцев устойчивую тенденцию приписывать ошибки и слабости современных мусульман учению и влиянию ислама и использовать это в качестве

аргумента в пользу теории, гласящей, что чем скорее мусульмане избавятся от «оков» своей веры и усвоят западный образ жизни, тем лучше будет для них и для остального мира. История же показывает ложность этой точки зрения. И я попытался донести до вас на примере развития медицины, какой великий толчок дал людям простой способ соблюдения того к чему призывал пророк Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует. И никакой непредубежденный человек, который захочет познакомиться с учением ислама, не станет утверждать, что в нем есть нечто, противоречащее разуму или прогрессу. Упадок мусульман объясняется не какими-то недостатками ислама, а неумением жить согласно его законам. Мусульмане превратили ислам в тело без души. Они убрали из него его социальное содержание, его стремление к цели и динамизм и сделали его всего лишь оболочкой веры и обычая, погрязли в роскоши, потаканиям страстям, эгоизму и оставили свою религию. Но, к счастью, идея, на которой основаны предписания Корана и их толкование в Сунне, осталась нетронутой, и нет никакой причины, чтобы снова не воплотить ее в жизнь.

ОБРАЗ ПРОРОКА ИЛЬИ В СРЕДНИЕ ВЕКА: МИФОЛОГИЗАЦИЯ ВЕТХОЗАВЕТНОГО ОБРАЗА

А. С. Часовских

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: А.В. Соболевский, старший преподаватель

В обыденной речи слово «пророк» означает предсказателя будущего. Но в христианской и иудейской религиях пророки сыграли гораздо более важную роль: своими устами они вещали избранному народу Израилеву волю Бога и провозглашали приход Спасителя – Мессии. Эта пророческая традиция получила основное развитие в самой ранней и наиболее объемной части Библии – в Ветхом завете.

Личность ветхозаветного пророка сложна и неразрывно связана с историческими условиями 1-го тысячелетия до н.э. Она сформировалась в осевое время истории человечества и представляла собой тип подвижника, религиозного реформатора. Человеку вообще по своей природе свойственно жить во имя чего-то, во имя какой-то высшей идеи. Пророки это качество человеческой природы довели до предела, утвердив Бога высшей ценностью людского бытия. Жить во имя Бога – вот, что требовали они от каждого, ежедневно, не отступаясь от своих убеждений.

История пророка Илии описана в 3 и 4 Книгах Царств [17. 1-19; 18; 21. 17-28; 4 Цар 1. 3-17; 2. 1-18]. Имя пророка переводится как «Бог мой Яхве». Илья родился в г. Фесва в Заиорданье («Фесвитянин, из жителей

Галаадских») [1]. Он жил в Израильском царстве в правление царей Ахава и Охозии, принадлежавших к династии Омри, в период, когда в Северном царстве благодаря Иезавели, широко распространялся культ Ваала и Астарты.

Илия был призван на пророческое служение после того, как израильский царь Ахав заключил брак с дочерью царя Сидона Иезавелью. Брак имел политические цели – усиление Израиля в конфронтации с Сирией [2]. В это время Ахав «стал служить Ваалу и построил ему храм в столице Израильского царства Самарии» [3]. Это была попытка соперничества с Иерусалимом, на стороне которого, были все преимущества в религиозном и нравственном отношении, так как в его столице находился храм, главная святыня всего народа, построенная общими народными усилиями, освященная при общем народном участии и потому, невольно притягивавшая к себе всеобщее народное сочувствие [4]. Возрастающая социальная напряженность в сочетании с нарушением привычного религиозного уклада вызвала к жизни протестное движение ярким представителем которого выступил пророк Илия. Ни один из ветхозаветных пророков не упоминается в последующей теологической традиции так часто, как Илия. Основой для раннехристианской литературы служат как ветхозаветный рассказ о жизни пророка и совершенных им чудесах, который трактуется аллегорически и типологически, так и новозаветные тексты. В Ветхом Завете образ пророка рассматривается в эсхатологическом контексте, в Новом Завете история его жизни толкуется как прообраз событий земной жизни Иисуса Христа, впоследствии эти традиции развиваются в патристической экзегезе.

Отцы Церкви нередко ссылаются на ветхозаветный рассказ об Илии. Кирилл Иерусалимский приводит в одной из бесед эпизод с виноградником Навуфея, когда Илия выступил против беззакония, совершенного Иезавелью. Царь, раскаявшийся в содеянном, удостоивается Божьего милосердия. Свт. Кирилл Иерусалимский указывает на то, что Илья, перед тем как вознестись на небо, прошел через Иордан, заставив его расступиться. Этот переход Кирилл рассматривал как символ Крещения, которое становится для человека началом спасения, а согласно Евангелию от Луки во время Преображения Иисуса Христа Илия пророк являлся, вместе с Моисеем и они беседовали с Иисусом «об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме» [5]. В «Строматах» Климент Александрийский кратко рассказывает о жизни пророка, о пребывании его в пустыне в период засухи. Иринеи Лионский пишет о его борьбе с жрецами Ваала на горе Кармил, и о явлении Бога пророку на Синае в виде «веяния тихого ветра» [6]. Он считает, что таким образом Бог преподал урок Илье: пророк должен быть снисходительнее и милосерднее к людям.

Чудо воскрешения пророком сына вдовы из финикии Сарепты используется Кириллом как аргумент против иудеев, которые отрицают воскресение Иисуса Христа. Иоанн Златоуст говорит о том, что как Илья, вознесшись на небо, оставил ученику только свою накидку, которая стала для Елисея дорожкой золота, так и Иисус Христос после вознесения оставил ученикам Свое Тело.

Таким образом, чудотворство пророка Илии отцы церкви рассматривают как причастность к высшему, тем самым возвышая Илию над пророческим движением и причисляя его к таким персонажам Библии как Моисей и Иисус. Патристики говорят о его благодетели и скромности, в то время как в ветхом завете он выступает как пророк реформатор, ревнитель веры, заступник и утешитель людей. В ветхом завете жизнь Илии обрисована как равноангельская, за что Яхве подарил ему бессмертие и неисчерпаемые чудотворения. Илья уникален, его чудеса не только носили пророческий характер, но и демонстрировали всесильность Яхве, хотя чудесное перенесение Илии на небо позднее привело к спекуляциям о его истинной сущности.

Литература

1. 3 Цар 17. 1
2. 3 Цар 16. 29-31
3. 3 Цар 16. 32-33
4. Лопухин А. П. Библейская история Ветхого Завета. [Электронный ресурс]: URL: <http://mystudies.narod.ru/library/l/lopuhin/history/11.html> (дата обращения: 01.04.2012).
5. Лк. 9:31
6. Климент Александрийский. Строматы. [Электронный ресурс]: URL: http://krotov.info/acts/03/1/kliment_aleksandr_09.htm (дата обращения: 01.04.2012).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА О СОВЕТСКОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ВЯДОМОСЦИ ЛИТЕРАЦКЕ»)

О. Н. Швец

Университет Марии Кюри-Склодовской в Люблине (Польша)

Политическая составляющая польско-российских, а затем польско-советских отношений в значительной степени определяла специфику культурных контактов двух народов. Пристальное внимание независимой Польши к тому, что происходит за восточной границей, было обусловлено поиском путей собственной идентичности в условиях построе-

ния новой государства и общества – с одной стороны, и интересом к неизвестному – Советскому Союзу – государству, новому по форме и содержанию, – с другой. Польская творческая интеллигенция, будучи заметным участником процессов национальной самоидентификации и культурного самоопределения, играла значимую роль в польском обществе межвоенного периода. Важной трибуной для нее стала периодическая печать, освящавшая проблемы культуры и общества. «Советская тема» и ее культурные аспекты были среди актуальных, часто обсуждаемых и дискуссионных тем на страницах польской общественно-культурной прессы 20 – 30-х гг. XX столетия. Специфика мнений и дискуссий определялась многочисленными факторами, в т.ч. политико-идеологическими воззрениями, гражданской позицией, временными рамками, культурными предпочтениями, стереотипами авторов и редакторов изданий, разнонаправленностью прессы.

Исследование образа советской культуры в польском общественном сознании межвоенного периода до сих пор остается вне сферы внимания как польских, так и российских историков. Актуальность изучения столь многогранной проблематики обусловлена необходимостью расширения польско-российского культурного диалога и преодоления стереотипов, даже в XXI веке, определяющих представления двух народов друг о друге.

Целью данной публикации является изучение особенностей восприятия польской творческой интеллигенции межвоенного периода советской прозаической литературы по материалам газеты «Вядомосци Литерацке» («Wiadomości Literackie»).

Еженедельник «Вядомосци Литерацке» на протяжении всего периода издания (1924 – 1939 гг.) по праву считался одним из лучших периодических изданий общественно-культурной тематики в межвоенной Польше. Редакция не сотрудничала с конкретными политическими силами, а либеральный статус издания позволял представлять на его страницах различные позиции, в т.ч. по самым острым вопросам. С изданием активно сотрудничали поэты и писатели, Юлиан Тувим (Julian Tuwim), Юзеф Виттлин (Józef Wittlin), Ярослав Ивашкевич (Jarosław Iwaszkiewicz), публицист Антоний Слонимский (Antoni Słonimski). На страницах еженедельника свои художественные и публицистические произведения, а также критические статьи публиковали Тадеуш Бой-Зеленский (Tadeusz Boy-Zieleński), Кароль Иржиковский (Karol Irzykowski), Александр Янта-Полчинский (Aleksander Janta-Połczyński), Теодор Парницкий (Teodor Parnicki), Ирена Кшивицкая (Irena Krzywicka) и многие другие. Кроме того издание активно сотрудничало с представителями творческой интеллигенции, открыто позиционирующими свои левые убеждения и симпатии к СССР. Среди них поэты Ана-

толь Стерн (Anatol Stern), Владислав Броневский (Władysław Broniewski), критик и публицист Анджей Ставар (Andrzej Stawar).

«Вядомосци Литерацке» с огромным интересом реагировали на ситуацию вокруг культуры в СССР. Наибольшей популярностью пользовались публикации, посвященные советской литературе. Ситуация в советской литературной среде 20-х гг. на страницах газеты характеризовалась как «хаос, творчество, сочинительство... воскресающие и новые школы и направления, группы, секты, кланы... гудела столбовая Вавилонская башня» [1, s.1]. Без сомнения, послом советской прозы в Польше можно считать писателя Илью Эренбурга. В 20-е гг. на страницах газеты о нем часто писали, положительно оценивая его творчество. Интерес к творчеству Эренбурга был вызван прежде всего его эмигрантским прошлым, не вполне советским образом писателя, а также революционной тематикой его произведений не в традиционном ракурсе. Необходимо отметить, что именно революционная проблематика, тема «человек и революция» в советской прозе более всего притягивали внимание творческой интеллигенции Польши и рядового польского читателя. Уже в 30-е гг. интерес к творчеству Эренбурга стал угасать. В вину писателю ставилась чрезмерная заидеологизированность его произведений, однако и это не мешало писателю Т. Парницкому характеризовать Эренбурга как «наиболее европейского среди советских авторов» [2, s.5].

Открытием еженедельника второй половины 20-х гг. прошлого столетия стал писатель Борис Пильняк. С самого начала польская творческая интеллигенция ассоциировала литературную деятельность писателя с проблемой цензуры и творческой несвободы в СССР. Высоко оценивался писательский талант Пильняка. До начала 30-х гг. на страницах еженедельника появлялись статьи и рецензии на произведения таких советских писателей, как Лидия Сейфуллина, Исаак Бабель, Константин Лидин, Евгений Замятин. Надо отметить, что творчество многих советских писателей было знакомо не только узкому кругу польской творческой интеллигенции, но и массовому читателю. Советская литература активно переводилась и издавалась в межвоенной Польше. Характерной чертой советской прозаической литературы 20-х гг., по мнению авторов газеты, была ее безысходность и пессимизм. Мария Домбровская (Maria Dąbrowska) в статье, посвященной творчеству Сейфуллиной и Бабея, писала: «Новое устройство мира, который будто бы зародился в России, выдал самую мрачную литературу из всех, которые есть в мире. Здесь уже нет воздуха, нет надежды, нет ни одного знака того, что откуда-нибудь приближается освобождение» [3, s.3].

Не остались не замеченными в польской общественно-культурной прессе изменения в культурной жизни СССР, спровоцированные свер-

тыванием НЭПа и рядом ключевых постановлений конца 20-х – начала 30-х гг., в т.ч. «О порядке разрешения издания новых журналов», «О Главлите» и «О перестройке литературно-художественных организаций». Это привело к новым тенденциям в восприятии советской культурной действительности и дискуссиям в рамках «советской темы» на страницах «Вядомосци Литерацких». Чаще в этот период стали появляться публикации, посвященные проблемам цензуры, политического контроля и пропаганды в советской литературе.

В 30-е гг. предметом обсуждения в польской общественно-культурной прессе стало творчество таких писателей, как Борис Лавренев, Леонид Леонов, Федор Гладков, Михаил Шолохов, Алексей Толстой. Литературное творчество М. Шолохова и А. Толстого вызывало наибольшее количество дискуссий и противоречий в среде творческой интеллигенции межвоенной Польши. Неоднозначно оценивалось принятие советской власти дворянином Толстым и сложная идеология его историко-литературных произведений, идеализирующих советскую действительность и мифологизирующих образ Сталина. Как отмечал Т. Парницкий, «Алексей Толстой является самым идеальным типом русского писателя, сочетанием того, чем является сегодняшняя Россия с тем, чем была Россия историческая» [4, s.5]. Не вызывал сомнений писательский талант Толстого, даже у представителей польской творческой интеллигенции, стоявших на националистических позициях и резко негативно отзывавшихся о советской культуре.

Перевод на польский язык романов М. Шолохова «Поднятая целина» и «Тихий Дон» во второй половине 30-х гг. привлек внимание к творчеству писателя. Интерес творческой интеллигенции межвоенной Польши вызывали прежде всего сложная общественная тематика произведений писателя и неоднозначная оценка событий революции, гражданской войны и коллективизации. Известный публицист И. Кшивицкая в рецензии на роман «Поднятая целина» отмечала, что «...достаточно прочесть честное описание этих «реформ» у Шолохова, чтобы содрогнуться от отвращения» [5, s.4]. Воспринимая Шолохова, с одной стороны, как выразителя официальной линии партии в вопросе коллективизации, с другой – показывая писателя как автора неоднозначно оценивающего события в советской деревне. Очередным успехом Шолохова в межвоенной Польше стал роман «Тихий Дон». Постоянный автор «Вядомосци Литерацкмх» Т. Парницкий подчеркивал, что «Тихий Дон» Шолохова несомненно является наибольшим триумфом русской литературы, создаваемой сегодня в СССР...это триумф воскресающей, непредосудительно классической, наиболее традиционалистской из всех видов литературной эпики, со всем ее размахом, широким дыханием,

беспристрастным спокойствием и объективизмом и вместе с тем динамикой повествования» [6, s.3].

В 1933 году в рамках традиционной рубрики «Анкета «Вядомосци Литерацких» редакция газеты провела опрос среди представителей польской творческой интеллигенции на тему «Польские писатели и Советская Россия». На вопросы редакции ответили К. Иржиковский, Ю. Виттлин, Ф. Оссендовский (F. Ossendowski), Я. Корчак (J. Korczak), Ю. Тувим, З. Налковская (Z. Nałkowska) и многие другие. Мнения были весьма разнообразны и интересны: от однозначно позитивно оценивающих достижения советской литературы, как, например, позиция Ю.Тувима, который считал, что «советская литература является продолжение великой и восхитительной русской литературы» [7, s.3], до крайне негативных – «...не знаю и желаю ничего знать о советской культуре» [8, s.2]. Интересным является тот факт, что многие из опрошенных показали достаточно низкий уровень знаний о советской литературе. Дискуссионным оказался вопрос, можно ли советскую литературу считать полноправной наследницей русской литературой. Мнения по данному вопросу также разнились. В очередной раз подчеркивалось общее пессимистическое настроение советской литературы: «Если бы весь мир выглядел так, как Россия описанная русскими, лучше было бы сегодня умереть» [9, s.3].

Важным культурным событием 1933 года в Польше стал выход в свет «советского номера» еженедельника «Вядомосци Литерацке». Двадцать шесть страниц издания (надо отметить, что традиционный номер газеты не превышал четырех – восьми страниц) стали трибуной для советской творческой интеллигенции. О советской прозе писали Л. Леонов, А. Толстой, Б. Пильняк, М. Шолохов и многие другие. Главной тенденцией специального номер газеты стал идеологический пафос советских писателей, который был остро раскритикован в следующем номере еженедельника публицистом А. Слонимским.

Большой резонанс в среде творческой интеллигенции Польши получил I Всесоюзный съезд советских писателей, состоявшийся в августе 1934 года в Москве. Данное событие освящалось собственным корреспондентом газеты на первых двух разворотах издания. Соцреализм, окончательно утвердившийся в советской литературе после съезда, спровоцировал интерес польской общественно-культурной прессы к новой тематике советской прозаики. Советская «производственная» проза в духе соцреализма, характерной чертой которой стали новые герои, широкие массы трудящихся и стахановцы, а также идеологический пафос, остро критиковалась на страницах «Вядомосци Литерацких», в т.ч. авторами, симпатизировавшими левым идеями и СССР. Со второй половины 30-х гг. наблюдался значительный спад интереса к советской

прозаической литературе, спровоцированной тотальной идеологизацией последней.

Культурный аспект «советской темы» вызывал огромный интерес польской творческой интеллигенции. Еженедельник «Wiadomości Literackie», будучи ведущим общественно-культурным изданием межвоенной Польши, представлял различные мнения о советской литературе, которые разнились от восторженных до крайне негативных, были обусловлены временем, политическими взглядами автора и ментальными особенностями его мировоззрения.

Источники и литература

1. Jakubowicz T. Pod skrzydłami R.S.F.S.R. Współczesna literatura rosyjska. Prądy i grupy // Wiadomości Literackie. 1924. № 14. S. 1.
2. Parnicki T. Trzeci Erenburg // Wiadomości Literackie. 1935. № 6 (586). S. 5.
3. Dąbrowska M. Na niskich tonach // Wiadomości Literackie. 1928. № 26 (234). S. 3.
4. Parnicki T. Dwie powieści Aleksieja Tołstoja // Wiadomości Literackie. 1935. № 3 (583). S. 5.
5. Krzywicka I. Zorany ugór // Wiadomości Literackie. 1934. №42 (569). S. 4.
6. Parnicki T. Epikość «Cichego Donu» // Wiadomości Literackie. 1934. № 50 (577). S. 3.
7. Pisarze polscy a Rosja Sowiecka. Ankieta «Wiadomości Literackich». Literatura sowiecka – Eksperyment komunistyczny – Zbliżenie polsko-rosyjskie // Wiadomości Literackie. 1933. № 44 (515). S. 3.
8. Pisarze polscy a Rosja Sowiecka. Ankieta «Wiadomości Literackich». Literatura sowiecka – Eksperyment komunistyczny – Zbliżenie polsko-rosyjskie // Wiadomości Literackie. 1933. № 39 (510). S. 2.
9. Pisarze polscy a Rosja Sowiecka. Ankieta «Wiadomości Literackich». Literatura sowiecka – Eksperyment komunistyczny – Zbliżenie polsko-rosyjskie // Wiadomości Literackie. 1933. № 38 (509). S. 3.

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

ПОЛИТИЗАЦИЯ ИСЛАМА В СОВРЕМЕННЫХ СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ)

С. А. Алтухова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Г.В. Грошева, к.и.н., доц.

Реалии современного мира позволяют говорить о глобальных, структурных изменениях традиционных явлений и процессов. Данные трансформации находят свое отражение в научных работах современных исследователей, представителей различных дисциплин и научных направлений. Появляется множество статей, в которых пересматриваются привычные, устоявшиеся трактовки каких-либо понятий, а также и сфер и возможности их применений. В данном контексте особый интерес представляет такая категория как религия. Несомненно, что происходящие изменения не могут не затронуть концептуальные основы человеческой цивилизации, и именно религия является тем базисом, который по сути определяет и задает культурные рамки социума, и в которых отражаются качественные характеристики того или иного культурно-исторического сообщества. В настоящее время большинство исследователей отмечают заметное усиление роли религии в сфере политики, когда конфессиональная принадлежность граждан государства становится важным фактом при принятии политических решений в управлении этим государством, игнорировать, нивелировать который нет возможности. Религия прочно обосновывается в сфере политических страстей и дискуссий, влияет на расстановку сил в политической структуре. Религия из сферы социокультурной категориальности переходит в разряд политических явлений. Процесс политизации религии в наибольшей мере затронул мусульманскую веру.

В рамках настоящей работы речь пойдет не об агрессивной и террористической направленности ислама в его крайних формах проявления – исламского радикализма и экстремизма. Цель работы – освещение вариантов политизации ислама на примере опыта иммиграционной политики, проводимой в Великобритании, во Франции и в Германии. Акцент исследования будет сделан на выявлении причин и специфика политизации ислама в этих странах Западной Европы.

Если обратиться к традиционному определению понятия религии можно обнаружить несколько десятков формулировок. В большинстве случаев они даны филологами, культурологами, философами. В Новейшем философском словаре религия (от лат. religio – благочестие, набожность, святыня, предмет культа) определяется как «категория из сферы духовности и культуры, идеологическое мировоззрение, миропонимание, мироощущение, а также сопряженное с ними поведение людей, определяемое верой в существование сверхъестественной сферы, артикулируемой в зрелых формах религии в качестве Бога» [1]. В популярной электронной энциклопедии «Кругосвет» дано следующее определение: «Религия – это особая форма осознания мира, обусловленная верой в сверхъестественное, включающая в себя свод моральных норм и типов поведения, обрядов, культовых действий и объединение людей в организации (церковь, религиозную общину) [2]. Более расширенное определение религии дает А. Осипов¹: «с внешней стороны религия представляет собой, прежде всего, мировоззрение, включающее в себя ряд положений (истин), без которых (хотя бы без одного из них) она теряет самое себя <...> Религиозное мировоззрение всегда имеет общественный характер и выражает себя в более или менее развитой организации (Церкви) с определенной структурой, моралью, правилами жизни своих последователей, культом и т.д. С внутренней стороны, религия – это непосредственное переживание Бога» [3].

Ключевыми в этих определениях являются слова мироощущение, мировоззрение, миропонимание, и соответствующее с ними поведение и положение людей в социуме. Как уже говорилось, это социокультурная дефиниция, которая определяет человеческое существование. Но на сегодняшний день политика и религия тесно взаимосвязаны, как никогда раньше. Религия и религиозные убеждения все чаще используются для достижения политических целей, причем не имеет значения, каким способом эти цели будут достигнуты. В связи с этим, если говорить об исламе, любой мусульманин, не важно, гражданином какой страны он является, волей-неволей втягивается в мировые политические процессы [4].

Тезисно причины роста актуальности вопросов религии в Европейских странах можно представить следующим образом. Во-первых, это интенсификация миграционных процессов. По данным Евростата, население стран ЕС-25 в 2004 году увеличилось на 2,3 млн. человек. Из них более 80 % составлял миграционный прирост [5]. По абсолютному количеству мигрантов на протяжении последних 50 лет основным центром притяжения в Европе является Германия. Она принимает 36,2 % всех

¹ А.И. Осипов – современный российский историк, сфера исследовательских интересов которого: этничность, национализм, социология права.

мигрантов приходящихся на ЕС. Далее следует Франция (18,7 %) и Великобритания (11,35 %). Эти три страны притягивают 63,6 % всех мигрантов, направляющихся в ЕС [5]. Данные цифры объясняют выбор именно этих стран для данного анализа. Что касается этнического состава мигрантов, то он напрямую связан с количеством и этничностью мигрантов, которые прибывают в одну из выше названных стран по принципу «бывшая колония – бывшая метрополия». Соответственно, большинство иммигрантов во Франции – из Алжира и Марокко, в Великобритании из Индии и Пакистана. Этнический состав иммигрантов Германии обусловлен спецификой найма рабочей силы, основным поставщиком которой для этой европейской страны послужила Турция. Главной объединяющей характеристикой стран поставщиков иммиграции является приверженность исламу и именно в результате миграции ислам становится важным фактором политической жизни Европы. На настоящее время число мусульман в странах Западной Европы оценивается по-разному – от 15 млн. до свыше 23 млн. человек [5]. Ислам называют второй религией Западной Европы.

Во-вторых, локальность расселения и процессы геттоизации иммигрантов в Европе способствуют актуализации религиозных вопросов. Ориентация трудовой миграции связана с современным сектором экономики и сферой обслуживания, это объясняет концентрацию иммигрантов в крупных городах и городских агломерациях, и тем более в столицах государств, в которых их насчитывают до 40 % от общей численности¹.

Третья причина роста актуальности вопросов религии в европейских странах связана с глобализацией. Резкое увеличение объёмов и скорости миграционных потоков делает более проблематичным их контроль, ведение статистики, а так же проведение границ между «своими» и «чужими», мигрантами и беженцами, легальными и нелегальными и т.д. Объединение Европы, стирание границ, а также развитая инфраструктура современных обществ способствуют сохранению связей между иммигрантами и «странами – донорами».

И, в-четвертых, изменения функций гражданского общества в отношениях с государством в сторону тенденции увеличения доли обществ-

¹ Например, «в Великобритании мигранты из Азии проживают в основном в районе Большого Лондона, Большого Манчестера, Бирмингема и прилегающей зоны Йоркшира (город Бредфорд называют «маленьким Пакистаном»). Во Франции большая часть граждан, у которых как минимум один из родителей иностранец (их 10 млн.) живет в Большом Париже (38,3 %), в Лионе (12 %), Марселе и Ницце (8,4 %). В Германии отмечают сходные тенденции: самое большое количество мигрантов в абсолютном выражении проживает в больших городах (Берлине, Мюнхене, Гамбурге, Франкфурте на Майне, Кёльне, Штутгарте). В последних трех городах, а также в Оффенбахе доля мигрантов достигает 20 % всего населения» [5].

венного участия в управлении государством, т.е. в сфере политики. Традиции либерализма и демократизма в западноевропейских государствах обуславливают стремление руководства стран избежать расовых и дискриминирующих мер в политике и, следовательно, проводить более мягкую политику по отношению к иммигрантам, что в свою очередь стимулирует их более активную деятельность, в том числе и политическую.

Традиционно, ислам отрицает участие истинного адепта в голосовании и политической жизни государства, поскольку «законотворчество является исключительным правом Аллаха и не может быть оставлено "на капризы и желания человека» [6]. Но с другой стороны, религия для мусульманина неотделима от политики, государства и всех сфер жизни человека, поскольку в исламе нет деления на светскую и духовную жизнь. Оказавшись в «чужеродной» среде, новые члены европейского общества прилагают все усилия по введению норм ислама как в существующие законодательные практики, так и в повседневную жизнь. Различные страны в силу своей специфичности культурно-исторического развития по-разному отвечают на происходящие перемены.

В частности, в Великобритании, как отмечают большинство отечественных исследователей (Е.А. Дребушенко, Р.Г. Ланда, Ф.О. Плещунов и др.) наблюдается высокий уровень политизация британских мусульман. Сегодня в этой стране проживают около двух миллионов мусульман, существуют 2 тыс. мечетей и 80 медресе¹. Причины политизации связаны в первую очередь с тем, что мусульманская община Великобритании одна из старейших в Европе (приверженцы ислама стали селиться на Британских островах с середины XIX в).

Второй причиной можно назвать традицию британского парламентаризма и практику решения проблем государственного управления путем участия всех социальных слоев общества в политическом диалоге посредством представления своих интересов через политические партии.

В Великобритании существует множество организаций самого разного толка, в которые объединены британские мусульмане: Исламский культурный центр, ассоциация Мусульманская помощь в Лондоне, объединение Исламская помощь в Бирмингеме, Федерация студенческих исламских обществ, Союз мусульманских организаций Соединенного Королевства и Европы, Исламский совет Европы, Союз исламской прессы, Организация молодых мусульман Соединенного Королевства и, на-

¹Эти культовые сооружения в определенной мере являются центрами политизации мусульман. «Здесь они слушают лекции по основам религии, истории и философии ислама, внимают проповедям имамов, среди которых немало бывших «афганцев», да и самых настоящих афганцев» [4].

конец, Исламская миссия Соединенного Королевства. Для координации действий всех вышеперечисленных организаций в 1990 г. было создано Исламское общество Великобритании. Лондон называют «Бейрутом на Темзе» и он становится все более значительным международным центром «исламского освоения Европы» [4].

Можно выделить несколько форм участия мусульман в политической сфере:

- образование политических партий. В июле 1989 г. с целью получения депутатских мандатов на парламентских выборах мусульманами была создана Исламская партия Британии¹. В целом ее деятельность не увенчалась успехом, и партия пока не может набрать достаточное количество голосов, чтобы быть представленной в парламенте, по вполне объективным причинам;²
- выдвижение своих кандидатов в органы государственной власти, в том числе и от других партий. «В настоящее время около 300 южноазиатов – члены местных муниципальных советов, четыре депутата индийского происхождения заседают в нижней палате парламента и одиннадцать – назначенные члены Палаты лордов» [7, с.145];
- в качестве электората активисты мусульмане предпочитают принимать участие в продвижении ряда британских партий, особенно они поддерживают лейбористов («57 % британских мусульман намереваются отдать свой голос именно лейбористам» [6]).

Таким образом, политологи и эксперты утверждают, что мусульманское сообщество Соединенного Королевства, сегодня составляет значительный процент от численности населения и становится одной из главных сил в политической системе Британии. Около полутора миллионов последователей пророка Мухаммеда на британских островах имеют право голоса и многие демонстрируют решимость воспользоваться своим избирательным правом. Кроме того, более 150 мусульман являются членами местных советов, а несколько их единомышленников были избраны

¹ Очень важно: «в одном из документов партии утверждалось, что вся деятельность партии, будь то управление государством или иные сферы, является политической деятельностью, не обучение является основной задачей партии, ибо это не учебное заведение. И не проповеднической деятельностью занимается партия. Ее дело – политика» [4].

² Во-первых, в основе системы парламентских выборов в Великобритании лежит мажоритарный принцип, а мусульмане ни в одном из избирательных округов не образуют большинства; во-вторых, симпатии мусульман-избирателей делятся примерно поровну между консерваторами и лейбористами, что дополнительно ослабляет их позиции; и, в-третьих, маловероятно, чтобы программный лозунг с официального сайта ИПБ – «К лучшему будущему с исламом» – привлек на сторону партии коренных жителей Британии.

мэрами городов [6]. Одним из направлений деятельности политически-активных мусульман можно назвать борьбу за предоставление мусульманским школам государственного финансирования, некоторые специалисты прогнозируют возможность получения ими этого права [8].

Ситуацию с иммигрантами – мусульманами и их потомками во Франции¹ большинство отечественных исследователей считают значительно более конфликтной². Например, известный парижский демограф Франсуа Эран (директор Института демографии, г. Париж), говорит о том, что иммиграция во Францию меняет в корне французское общество [11]. Предлагаются следующие интерпретации: светское государство с явной католической доминантой в культуре и традициях испытывает очевидные трудности во взаимодействии с исламом, который не вписывается в рамки привычных установлений [12, с.25]. Ислам, который исповедуют в своем большинстве современные французские иммигранты и их третье поколение, приходит в столкновение с христианскими религиями, а в случае с Францией, не только с католицизмом, но и с заметно растущей светской идеологией, лаицизмом. 70 % французов полагают, что мусульмане плохо интегрируются в принимающее общество из-за культурно-религиозных различий [13]. Это влечет за собой пессимистические настроения в среде общественного мнения³, негативные оценки возможности успешной интеграции мусульманских граждан во французское общество. Политическая элита, пытаясь повысить уровень доверия со стороны электората, соответствующим образом реагирует на подобные настроения в среде общественного мнения. В доказательство можно привести слова нынешнего президента Н. Саркози: «Франция – это не мешанина общин и индивидов...это страна толерантности и уважения, но она требует и уважения к себе, в ней нет места парандже...Стать французом означает вступить в особую форму цивилизации, ценностей, обычаев» [13].

В качестве французской специфики политизации ислама можно назвать конфликт христиано-исламского взаимодействия на идеологическом уровне и акцентирование внимание на внешних, атрибутивных социокультурных различиях двух религий, например: «Дело о платках»

¹ «В настоящее время во Франции проживает самая многочисленная в Европе мусульманская диаспора: около 5–6 млн. чел., или около 9–10 % населения страны» [9, с.53]. «На современном этапе разрозненные общины мусульман Франции концентрируются вокруг следующих организаций: Соборной парижской мечети, Национальной федерации мусульман Франции, Федерации исламских организаций, центра связей Ислам – Запад, отделения Мирового исламского единства, отделения Исламской помощи, Союза исламских организаций Франции» [10].

² И.В. Понкин, К.Б. Дьяконов, Я.Р. Стрельцова, Е.И. Филиппова и др.

³ В феврале 2006 г. $\frac{3}{4}$ французов, или 76 % полагали, что Франция находится в состоянии заката [13].

2004 г., парижские погромы осени 2005 г., требования некоторых мусульманских групп о выделении отдельных дней или часов для мужчин и женщин в бассейнах. Все это приводит к радикализации взглядов коренных французов и французов – мусульман. Растет популярность «крайне правой» идеологии и выражающих ее партий, в первую очередь Национального фронта (НФ), последовательно в отличие от других политических сил, выступающего за ужесточение иммиграционной политики и, в том числе, за «нулевую» миграцию.

В Германии, несмотря на довольно высокую численность мусульман¹, их религиозная активность сравнительно низка. Специфика иммиграционной политики Германии, в том числе и по отношению к мусульманам, связана с ее ориентацией на модель «этнической нации». Довольно долго использовалась стратегия игнорирования миграции; до 1998 г. Германия юридически признавалась неиммиграционной страной, хотя фактически уже являлась ею; был затруднен процесс натурализации немецкого гражданства [15].

Немецкое руководство не пыталось, как французское, заставлять иммигрантов принимать свои обычаи, традиции и нормы (т.е. отсутствие мер инкультурации), отношения с ними строились на экономической основе. Правительство рассматривало турецких мигрантов в качестве временных рабочих, поэтому политика по отношению к ним нацелена только на их профессиональную подготовку, подкрепляемую обучением языку. Основными органами интеграции в Германии выступают власти городов и местного самоуправления: городские биржи труда, жилищные и социальные службы и др. [16]. Можно говорить об относительном успехе интеграции иммигрантов в германскую экономику: «Иностранцы стали серьезным фактором современного экономического развития страны. Им принадлежит 281 тысяча фирм, что составляет 6,3 % всех зарегистрированных в стране предприятий (2005). Лидерство в сфере бизнеса прочно захватили турки, они владеют 22,9 % принадлежащих иностранцам предприятий» [17].

Однако с точки зрения культурной интеграции эта политика оказалась крайне недальновидной, особенно после появления новых поколений иммигрантов. Она привела к большей сегрегации, то есть отделению населения иммигрантского происхождения от немецких граждан. Более того, данная политика не позволила избежать в Германии общественных дискуссий о религиозных отличиях новых членов общества, доказательством чего является выход в 2010 г. скандально известной книги

¹ «На начало XXI в., по оценкам федеральной статистической службы ФРГ, в стране, при общей численности населения в 82 млн. человек, от 2,8 млн. до 4,1 млн. жителей исповедовали ислам, среди них 70 % составили турки. Таким образом, ислам стал второй по значимости религией в стране» [14].

германского политика, члена Совета директоров Немецкого национального банка – Тило Сарацина «Германия самоликвидируется». В ней он озвучивает идеи о губительности проводимой (демографической, социальной, миграционной и образовательной) политики. Используя определенные статистические данные, Сарацин говорит о том, что в результате действующих процессов коренное население Германии не только существенно сократится, но и станет глупее и невежественнее. По сути дела, можно прогнозировать ассимиляцию коренного населения [18].

О социо-культурном отчуждении иммигрантов свидетельствует и активизация религиозной жизни мусульман¹. Подробных данных по политизации ислама в Германии очень мало. В целом в Германии насчитывается 2,5 тыс. мусульманских общин, они объединены в несколько организаций (Центральный совет мусульман Германии, Турецко-исламский союз и др.) и действуют под эгидой Координационного совета мусульман Германии [9, с.58].

Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы отметить неоднозначность и большую вариативность проявления религиозной составляющей в политической сфере. Правительство Великобритании, Франции и Германии предлагают свои пути решения возникающих проблем, но говорить о найденной панацее пока еще рано. Поскольку ни игнорирование существующих религиозных различий (Германия), ни попытки их стирания и ассимилирования (Франция), либо попытки институализации в процессуальную политическую сферу (Великобритания) не дают желаемых результатов бесконфликтного существования ислама в христианском европейском мире. Ислам уже является внутренним фактором европейской жизни и с ним необходимо считаться во всех сферах деятельности общества, дабы избежать усиления исламофобских тенденций в сфере проводимой национальной политики, и, самое главное, в среде общественного мнения.

Литература

1. Новейший философский словарь // [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1017/%D0%A0%D0%95%D0%9B%D0%98%D0%93%D0%98%D0%AF (Дата обращения: 11.04.2012).
2. Энциклопедия «Кругосвет» // [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/RELIGIYA.html (Дата обращения: 24.11.2011).

¹ В Германии увеличилась доля верующих среди иммигрантского населения: к 2008г. более 85 % мусульман Германии позиционируют себя как верующие, а число посещающих мечеть хотя бы раз в неделю увеличилось в 2000–2005 гг. с 30,7 % до 41,6 %. Более 90 % мусульман выступают за введение уроков по изучению Корана [9, с.58].

3. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/3357> (Дата обращения: 24.11.2011).
4. Дребушенко Е.И. Политизация британских мусульман на рубеже XX–XXI вв. как часть глобального цивилизационного кризиса // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.teoria-practica.ru-1-2011istoriyadrebuschenko.pdf> (Дата обращения: 24.11.2011).
5. Молодикова И.Н. Без иммиграции Европе не обойтись // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/04/28/demoscope243/> (Дата обращения: 25.11.2011).
6. Плещунов Ф.О. Мусульманские голоса как определяющий фактор на всеобщих выборах в Англии // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1272744420> (Дата обращения: 16.11.2011).
7. Котин И.Ю. Под знаком Бредфорда. Конец политики мультикультурализма в Британии? // Этнографическое обозрение. 2005. №2. С. 135–151.
8. Плещунов Ф.О. Мусульманские школы Великобритании: борьба за государственное финансирование // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2008. № 1. С. 74–82.
9. Трофимова О.Е. Мусульмане и ислам в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2009. №10. С. 52–62.
10. Пономарева А. Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0351/print.php> (Дата обращения: 16.11.2010).
11. Эран Ф. Пять иммиграционных мифов Франции // [Электронный ресурс]. URL: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/europa-dis/mif_frans/ (Дата обращения: 08.12.2011).
12. Филиппова Е.И. Французы, мусульмане: в чем проблема? // Этнографическое обозрение. 2005. №3. С. 20–38.
13. Стрельцова Я.Р. Интеграция иммигрантов во Франции: в чем особенность? // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawinrussia.ru/blogs/redaktsiya-po/2011/06/01/integratsiya-immigrantov-vo-frantsii-v-chem-osobennost> (Дата обращения: 20.11.2011).
14. Бибилова О.П. Мусульмане в странах Старого света // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspectivy.info/print.php?ID=35923> (Дата обращения: 06.12.2011).
15. Варюхина Н.Н. Управление иммиграционными процессами в Европейском Союзе: опыт Германии // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mgimo.ru/fileserver/books/rami4konvent/t9-varyukhina.pdf> (Дата обращения: 19.11.2011).
16. Цапенко И. Развитые страны: интеграционная политика в отношении иммигрантов // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0339/analit03.php> (Дата обращения: 19.11.2011).
17. Карачурина Л.Б. Иммиграционная политика Германии: успешный – неуспешный опыт // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0351/print.php> (Дата обращения: 16.11.2011).
18. Якоби Т. Иммиграционная дилемма Германии. Как привлекать рабочих, которые нужны? // [Электронный ресурс]. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Immigratcionnaya-dilemma-Germanii-15356> (Дата обращения: 06.12.2011).

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КОСОГОЛЬСКИХ УРЯНХОВ В СООБЩЕНИИ Г.М. ПЕРМИКИНА

Ч. К. Иргит

Тувинский государственный университет

В 1850-х гг. изучение тувинцев Прикосоголья было осуществлено чиновником особых поручений Петергофской гранильной фабрики Григорием Маркиановичем Пермикиным (1813–1879). Он был геологом и по поручению Русского Географического общества (далее РГО) в 1857 г. провел исследование района оз. Косогол (юго-восточные оконечности Тувы) и его нагорной долины, а также истоков р. Енисей. Ему была дана инструкция, какую информацию необходимо собрать об этой территории, обратившись к урянхам и дархатам, проживавшим на китайской границе [1, с. 47].

Свое путешествие Г.М. Пермикин начал поздней осенью 1857 г. Он сумел побывать только у урянхов, обитавших в районе оз. Косогол. Собранные материалы он передал правителю дел Сибирского отдела РГО И.С. Сельскому, которые под заглавием «Озеро Косогол и его нагорная долина по сведениям, собранным членом-сотрудником ИРГО Пермикиным» были напечатаны в Вестнике РГО за 1858 г. Следует отметить, что этот труд получился очень содержательным. Сообщение Г.М. Пермикина было дополнено историческими сведениями И.С. Сельского. Данный источник имеет следующую структуру: 1) Исторические данные «местности оз. Косогола, его долины, верхних истоков р. Енисея и водораздела, отделяющего эти воды от источников рек Оки и Иркуты, находящихся в наших владениях»; 2) Краткая история изучения этой территории; 3) Сведения об урянхах в «маньчжурских источниках»; 4) Этнографические сведения Г.М. Пермикина, собранные в земле урянхов; 5) Выводы И.С. Сельского к сведениям Г.М. Пермикина [1, с. 43–76].

Записи самого Г.М. Пермикина представляют собой дорожный дневник. Этнографические сведения в нем не выделяются, поэтому нам пришлось вычленять их из общего содержания, следуя хронологии записей.

5 октября Г.М. Пермикин прибыл в Хангинский пограничный караул в верховьях р. Иркут. Оттуда через Восточные Саяны он спустился в нагорную долину оз. Косогол. В пути его сопровождали переводчик с монгольского языка и четверо бурят. Чтобы получить разрешение на проникновение в Китайские пределы им пришлось отправиться к начальнику местности Данаину Шултум-Комбо в долину реки Коль. По дороге им повстречались «бесчисленные стада разного рода скота». Г.М.

Пермикин писал: «Но меня более всего поразили животные, которых я и не думал здесь встретить – это целые табуны яков... Табуны быков и овец с курдюками были еще многочисленнее» [1, с. 54]. Примечательны сведения Г.М. Пермикина о разведении прикосогольскими урянхами яков – животных, характерных для высокогорных районов Центральной Азии.

В долине реки Коль они нашли семь войлочных юрт, в трех помещался сам Данаин Шултум-Комбо, а в остальных его домочадцы. Юрта Данаина отличалась особенною белизной войлоков, и одно из трех жилищ этих сверх того было с нашивками красных узоров, сделанных в китайском стиле [1, с. 55]. О внутреннем убранстве юрты Данаина Г.М. Пермикин писал: «При входе в юрту, прежде всего мне бросились в глаза удивительная во всем чистота и порядок. Против самого входа была расположена божница с тремя уступами, на которых помещались бронзовые идола с разными принадлежностями буддийской веры; по левую сторону стояли в два ряда сундуки... По правую сторону находились полки с посудой из медных кувшинов, деревянных чашек и китайского фаянса и деревянных ведер с медными и железными обручами... Посреди юрты устроен очаг, в котором беспрестанно поддерживается огонь. Данаин занял место на правой стороне от божницы, на ковре, разостланном на полу; на нем была надета овчинная шуба монгольского покроя и такая же шапка. По левую сторону помещалась женщина лет сорока, одетая также в овчинную шубу и в такой же шапке» [1, с. 55]. Это описание показывает традиционное распределение жилого пространства юрты, четко делившееся на две половины – мужскую и женскую. Место напротив входа, где располагались божница и другие культовые предметы, было почетной частью жилища, туда мог садиться только хозяин юрты и самый уважаемый гость. Располагавшийся посреди юрты очаг считался семейным, хозяйственным и сакральным центром жилища.

Г.М. Пермикин предварительно узнал о местных обычаях при встрече с урянхами. Обычай приветствия он описывает следующим образом: «...я подошел к Данаину, приложил мою правую руку к его левому боку, а левую взял его правую руку выше локтя и таким образом приветствовал хозяина, который то же самое сделал и со своей стороны. За сим, мы сказали друг другу менду мур и на вопросы его: здорово ли мое семейство, каков скот, хорошо ли у нас кормы, я отвечал ему и сделал в свою очередь те же самые вопросы» [1, с. 56].

В ходе беседы Г.М. Пермикину удалось узнать важные сведения, в частности о том, что на прибрежных, степных местах нагорной долины оз. Косогол обитало более 5 тысяч урянхов, они управлялись местным родовым князем, и назначался из Монголии особый чиновник Тузалакчы [1, с. 57].

Для угощения гостя закололи лучшего барана. Как писал Г.М. Пермикин, «часть мяса изрубили в мелкие куски; положили в котел, в кипящую воду и засыпали потом китайской вермишелью; из этого отвара вышла довольно густая и вкусная похлебка» [1, с. 58]. Пермикин сообщил и о способе приготовления чая у урянхов, отметив, что чай урянхов с примесью листовенничной коры был очень не дурен, а главное чрезвычайно питателен [1, с. 60].

Г.М. Пермикин осмотрел буддийский монастырь урянхов на северной стороне оз. Косогол. В украшениях кумирен был соединен вкус тибетский вместе с китайским. Он описал и внутреннюю обстановку главной кумирни, где было собрано все, что имеет у себя буддийская священная космогония с бесчисленными атрибутами этого верования. Кроме этой кумирни, Г.М. Пермикин осмотрел еще две, найдя в них то же расположение предметов, но с той разницей, что бронзовые изображения и глиняные слепки были гораздо меньшего размера, и что в них находилось множество новых видов буддийских божеств [1, с. 62-63].

Чиновник особых поручений из Российского государства стал очевидцем буддийского служения, происходившего в четвертой кумирне и совершавшегося пятьюдесятью ламами.

Он сообщил также о шахматной игре, которая между богатыми урянхами была в большом ходу. Игра называлась шетер; количество пешек был таким, как в шахматах у русских. Названия пешек: нойон, берсы, тымэ, морэ, тыргэ. Приведенные Г.М. Пермикиным названия шахматной игры и некоторых фигур – монгольские. Это объясняется тем, что косокольские урянхи по сравнению с другим населением Тувы в наибольшей степени подвергались влиянию соседних монголов.

Имеется в сведениях Г.М. Пермикина описание женской одежды. Наряд женщин был очень красив и удобен и много напоминал покрой монгольского. Зимняя их одежда состояла из овчин, очень тщательно выделанных, по подолу нашита довольно широкая красная обшивка; рукава их показались ему очень странными, у самих плеч делались буфы, набитые шерстью. Поверх шубы надевался китайчатый халат без рукавов, большею частью синего цвета, ворот которого застегивался серебряными тонкими бляшками [1, с. 66].

Из сведений Г.М. Пермикина, где описаны прически женщины и девушки, можно определить их социальное положение. Так он отмечал, что девицы заплетали свои волосы в одну косу и пускали ее подобно русским по спине, а женщины – в две косы и распускали их по передней части шеи. Жены нойонов отличались от простых женщин передним убором волос, носимых ими в виде широких, тонких плетешков, для поддержания которых они смачивали клеем и чтобы они не мялись,

скрепляли волосы двумя камышевыми дощечками, а нижний конец плетешков украшают подвесками из моржанных и цветных камней [1, с. 66].

Кроме шахматной игры, Г.М. Пермикин сообщил о других традиционных играх – конных скачках и борьбе. Их устраивали в августе, после буддийского служения, на которое собирались народ и ламы в главном курене. Боролись урянхи или нагие, или в узком платье, сделанном из плотной китайской материи, совершенно обтягивающей тело [1, с. 66]. В последнем дано описание традиционного костюма борцов, называемый содак.

О языке урянхов Г.М. Пермикин писал, что они говорят между собой уйгурским языком, следовательно, должны принадлежать к тюркскому поколению. При этом в совершенстве владели монгольским языком. Он привел сравнительный материал по языку урянхов. Это 15 слов с переводами на монгольский и русский языки [1, с.68]. Большая часть слов являются тюркскими и соотносима с лексикой современного тувинского языка. Г.М. Пермикиным была приведена и система счета урянхов, которая также совпадает с современной тувинской и является тюркской. Эти данные указывают на то, что в середине XIX в. косокольские урянхи в языковом отношении оставались еще тюркоязычными, но испытывали со стороны монголов сильное этнокультурное влияние.

Г.М. Пермикин отмечал: «На одной земле с урянхами, только в различных местностях, живут также Сойоты, Дархаты и Карагасы; любопытно знать, составляют ли эти инородцы отдельные роды или принадлежат к урянхайскому племени? Если же это не урянхи, то кто из этих инородцев заключает в себе элементы финского языка и кто из них монголы» [1, с. 68]. Однако исследователь не пояснил, о каких сойотах он упоминает: сойотах Тункинского ведомства Иркутской губернии или сойотах Бий-Хема (Тува). Мы можем заключить, что в 1850-х гг. у русских исследователей еще не было четкого представления о том, что сойоты и урянхи в указанное время представляли собой одну складывающуюся народность. Пояснение этих этнонимов во второй половине XIX в. делает известный тюрколог В.В. Радлов.

В земле урянхов Г.М. Пермикин пробыл три дня. Краткость времени не позволила ему собрать достаточно сведений и побывать у дархатов.

В своих сведениях Г.М. Пермикин описал различные стороны культуры и быта косокольских урянхов. А именно: 1) Юрта как традиционное жилище урянхов; 2) Пища; 3) Женская одежда; 4) Ламаизм и комплекс буддийских монастырей; 5) Обычай приветствия, гостеприимства; 6) Народные игры – шахматы, борьба и скачки; 7) Лингвистический материал.

Кроме того, Г.М. Пермикиным указан факт многоженства.

У исследователя остались благоприятные впечатления об урянях. Но следует заметить, что он был в гостях у Данаина – чиновника высокого ранга. Главный его вывод был таковым: «...жизнь урянхов во всем далеко выше наших зажиточных монголов, притом она резко отличается от сих последних своеобразным типом, в котором виден особый народ по языку, нравственным качествам и хозяйственному быту» [1, с.61].

Следует отметить, что родоплеменные группы, обитавшие в долине оз. Косогол и известные в источниках XIX в. как косогольские урянхи, с середины XVIII по начало XX в. составляли отдельный Хасутский (Хубсугульскому) хошун Тувы. В 1878 г. он был оторван от Тувы и перешел в ведение Цинской династии в г. Улясутай и позже вошел в состав Северной Монголии [2, с. 112].

Таким образом, что с наблюдений геолога Г.М. Пермикина во второй половине XIX в. началось изучение не обследованного в этнографическом отношении района Прикосоголья.

Литература

1. Сельский И. Озеро Косогол и его нагорная долина по сведениям, собранным членом-сотрудником ИРГО Пермикиным // Вестник РГО. СПб., 1958. Ч. 24. Разд. 2. С. 41–76. (Сборник)
2. Маннай-оол М.Х. Тувинцы: Происхождение и формирование этноса. Новосибирск: Наука, 2004. 166 с. (Монография)

ГРИФОНЫ ИЗ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ

З. С. Мошкина

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Л.М. Плетнёва, д.и.н., проф.

Определяющей особенностью самобытного искусства евразийских кочевников I тыс. до н.э., было доминирование изображений животных и птиц, включая реальных представителей животного мира и совершенно фантастические образы.

Загадку представляют собой, фантастические образы зверей, которые достаточно многочисленны и представлены изображениями, как целых фигур, так и их отдельных частей, чаще голов, соединяющих в себе черты разных существ и свободно комбинирующие, например, птичий клюв с рогатой головой оленя и телом кошачьего хищника с когтистыми лапами, голова верблюда может завершаться клювом орла, при этом иметь зубастую пасть хищника.

Крылатых зверей с телом хищника, но обладающих кроме крыльев и другими признаками, не совместимыми с внешним обликом хищника

принято называть грифонами [1, с. 49]. Грифоны могут иметь и другое определение, так как могут быть и не крылатыми. Типы грифонов выделяются по сочетанию признаков изображений. Грифоны бывают: орлиноголовые и львиноголовые, но этим их разнообразие не исчерпывается. В разные периоды, в разных традициях эти существа могли иметь ещё и гребень, и хохолок, рога и т.д.

Орлиноголовые грифоны раннегреческого типа (длинные, вертикально стоящие уши, клюв раскрыт, в нём виден изогнутый язык на длинной шее локоны) встречаются в раннегреческом искусстве (VIII–VI вв. до н.э.). В скифской культуре подобные грифоны – редкость. Чаще можно встретить сильно видоизменённые изображения. Облик орлиноголовых грифонов начинает меняться в V–IV вв. до н.э. Появляются грифоны 2х типов, греческого и персидского.

Орлиноголовые грифоны греческого типа (сочетание головы птицы с туловищем хищного зверя) отличаются изображениями от раннегреческих. В скифском искусстве этот тип грифона в чистом виде воспроизводится редко. В основном эти грифоны изображались упрощённо. В наиболее чистом виде, грифоны этого типа представлены в памятниках Алтая [11, табл. СІХ–2].

Грифоны персидского (ахеменидского) типа, сложившегося в искусстве персидской империи, сочетают в себе голову хищной птицы с характерно загнутым клювом, с крыльями и туловищем хищного зверя. Но в отличие от других грифонов на голове у них помещены рога, характерные для горного козла – ребристые и изогнутые. Эти грифоны не имеют ни гребня, ни хохолка между ушей [5, с. 334].

Классический пример изображений таких грифонов можно увидеть на золотом браслете из Амударьинского клада [10, с. 32; 2, с. 108]. Сходно трактованы и выполнены грифоны на концах гривен из Сибирской коллекции Петра I, только вместо птичьей головы у них голова хищного зверя. Такие существа получили название львиноголовые грифоны ахеменидского типа. Туловище их показано весьма схематично, оно как бы служит основой, на которую помещаются прочие детали изображения. Зато самим деталям уделено значительное внимание.

Редкими в искусстве других народов древности были звери, у которых туловище и голова хищника сочетались с рогами оленя. Сочетание оленьих рогов, когтей хищника и оскаленной пасти указывает на тип синкретического существа. И ещё один тип существа, специфически скифского, за которым утвердилось название грифо-бараны, относится к синкретическим существам. В их облике сочетаются черты барана (характерная форма рога), и хищной птицы (загнутый клюв). Исследователь искусства скифского мира Е.В. Переводчикова считает, что восприятие скифским звериным стилем образов фантастического грифона и

подобных существ – одно из проявлений сложного процесса контактов между различными культурами древности [1, с. 54].

Томское Приобье, находящееся в северо-восточной части Западной Сибири, привлекало внимание многих археологов, потому что оно оказалось в сфере влияния других культур: тагарской и культуры саков и имело особое своеобразие, что прослеживалось и в экономике, и в скифской триаде: в вооружении, конской упряжи и в предметах искусства.

Памятники, из которых происходят предметы изобразительного искусства раннего железного века, известны уже в 30–60 г. XX столетия (городище Шеломок), а также в 50–70 г., поселение Самусь II. Внимание исследователей привлекала Степановская коллекция, происходящая из окрестностей г. Томска. В этой статье рассматриваются грифоны из Томского Приобья, которые происходят из культурного слоя поселения Самусь II, курганного могильника Аникин Камень I и из Степановской коллекции [12].

Изображения грифонов представлены как отдельными бляшками, так и изображением на предметах. Все изображения грифонов из Томского Приобья можно разделить на 3 группы:

1 группа: Общие признаки: клюв грифона загнут, глаз окантован кольцом, литьё плоское, посередине втулка [рис. 1]. В этой группе выделяется две подгруппы:

1а подгруппа: бронзовые бляшки с двумя грифоньими головами. Голова с шеей плавно загнута и опираются на выпуклый круг в центре бляшки. Клюв прочерчен двумя линиями, глаз оконтурен валиком. На шее, с внешней стороны дано по кольцу с ямкой в середине [рис. 1а]. Аналогом данной бляшке является бляшка с 2 грифоньими головами сарматской культуры [3, рис. 16–32].

1б подгруппа: бронзовая бляшка с изображением четырёх голов животных две сверху, две снизу, обращены головами друг к другу [рис. 1б]. Подобная бляшка найдена в кургане у г. Казылган (V–IV вв. до н.э.) [7, табл. IV, рис. 80; 8, рис. 140–36; 4, рис. 2–3].

2 группа: бронзовые бляшки в виде стилизованных грифоньих голов. Выделяется три подгруппы:

2а подгруппа: на правой и левой половине бляшки дано по пять полукруглых линий, в центре бляшки – втулка [рис. 2а]. Подобные бляшки имеются в собраниях Минусинского музея [6, рис. 2–7].

2б подгруппа: бронзовые бляшки в форме бабочки (стилизованные грифоньи головы) [рис. 2б]. Аналогичная бляшка найдена в Туве у села Туран (V–IV вв. до н.э., могильники Казылсан) [6, рис. 2–7]. Могильник Фирсово 14 [8, рис. 133–4–6]. Могильник Старолейка II [8, рис. 77–11].

2в подгруппа: две бронзовые бляшки с втулкой посередине, заканчивающиеся стилизованными грифоньими головами, обращёнными друг

к другу, украшены продольными и поперечными линиями [рис. 2в]. Аналогичная бляшка известна из Минусинского края [9, табл. 26, 39].

Згруппа: бронзовая бляшка с головами грифонов, обращёнными в разные стороны. Клюв загнут. На нём нанесены 2 линии и глаз оконтурен выпуклым кольцом [рис. 3]. Аналоги данной бляшке, найдены в Иркутской губернии у села Бирюльское. Несколько подобный предмет найден в могильнике Обские Плесы II [8, рис. 120–3].

Для Томского Приобья наиболее характерны изображения грифонов, которые имеют широкий ареал распространения, что свидетельствует о влиянии и взаимодействии культур скифо-сибирского мира.

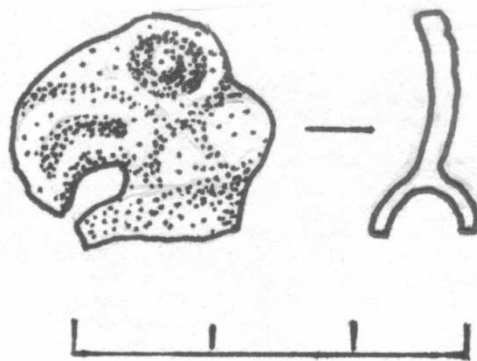

Рис. 1. Голова Грифона.

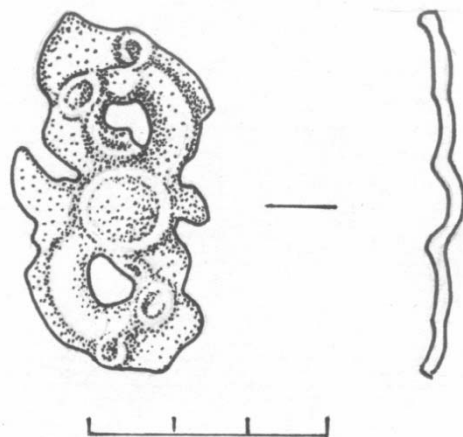

Рис. 1а. Бронзовая бляшка с двумя головами грифона.

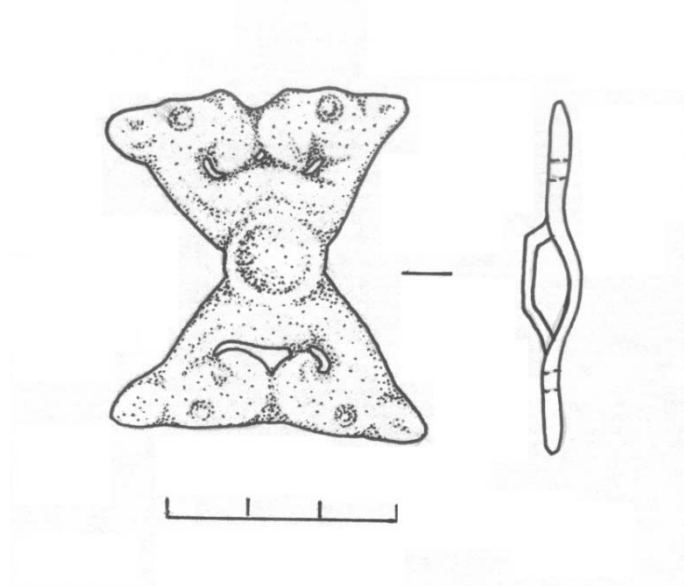

Рис. 16. Бронзовая бляшка с изображением четырех голов грифона.

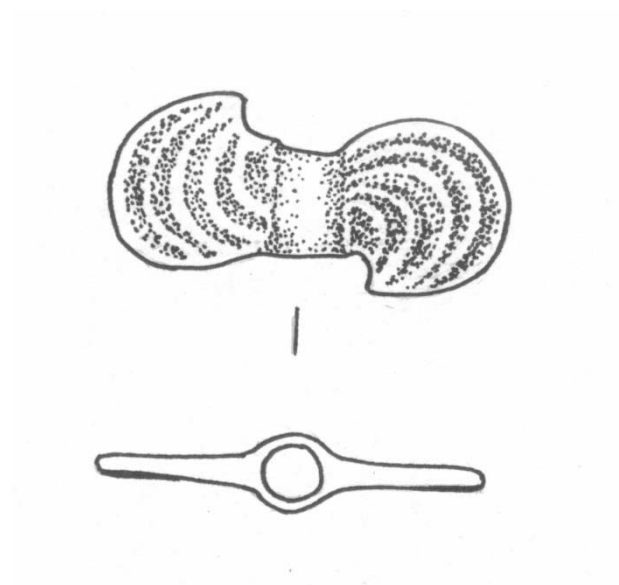

Рис. 2а. Бронзовая бляшка в виде стилизованных грифоньих голов с пятью полукруглыми линиями правой и левой половине бляшек.

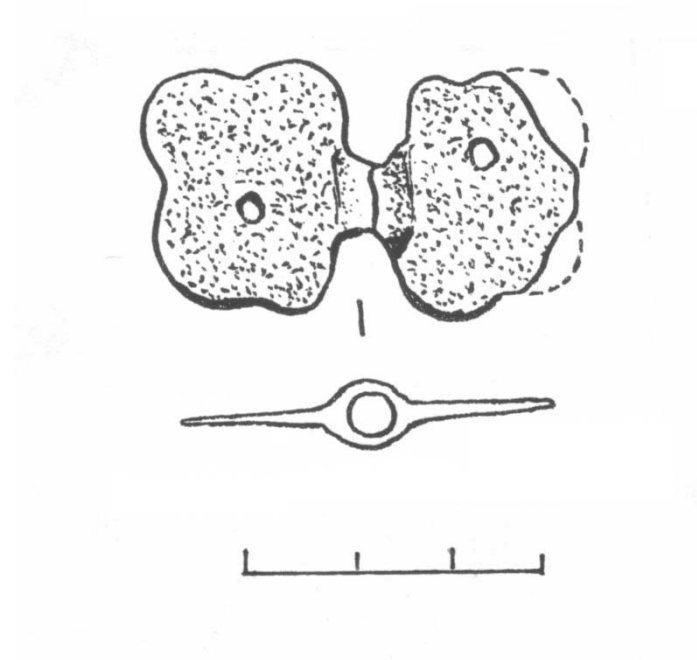

Рис. 26. Две бронзовые бляшки в форме бабочки (стилизованые грифоньи головы).

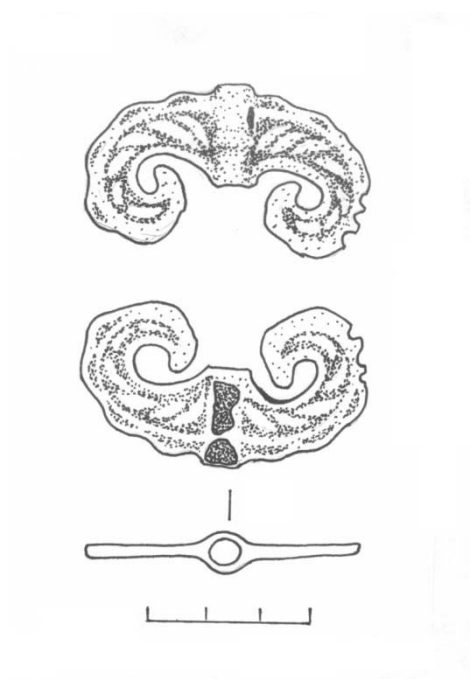

Рис. 2в. Две бронзовые бляшки, заканчивающиеся стилизованными грифоньими головами.

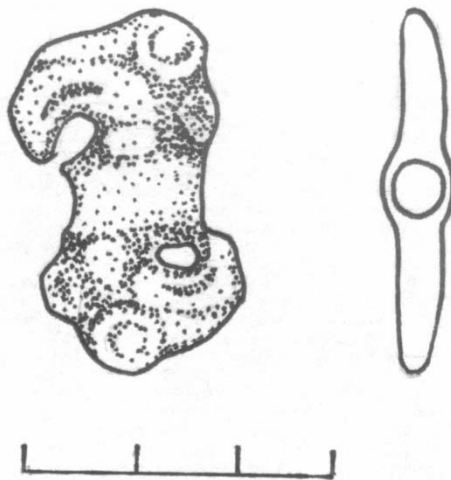

Рис. 3. Бронзовая бляшка с головами грифона, обращенными в разные стороны.

Литература

1. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 206 с. (Монография)
2. Плетнёва Л.М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. Томск, Изд-во ТГПУ, 1977. 141 с. (Монография)
3. Смирнов К.Ф. Савроматы. М.: Наука, 1964. 326 с. (Монография)
4. Троицкая Т.Н., Назарова О.С. «Ещё раз о Кижировской культуре // Итоги изучения Скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. С. 199–202. (Сборник)
5. Азарпай Г. 1959. С. 334.
6. Вайнштейн С.И. Памятники скифского времени Западной Туве // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1955. Т.III. (Сборник)
7. Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тув. НИИЯЛИ 1956–1957 // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл. Т.VI. (Сборник)
8. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI–II вв. до н.э. (по данным грунтовыми могильникам). Барнаул: Изд-во «Азбука», 2008. 479 с. (Монография)
9. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М.: Изд-во Наука, 1967. 298 с. (Монография)
10. Плетнёва Л.М. Савинский курганный могильник – памятник раннего железного века // Северск. История и современность. Томск, 1994. С. 22–34. (Сборник)
11. Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. 402 с. (Монография)

12. Коллекция Томского областного краеведческого музея. Степановка (г. Томск) № 1493. Грифоны: № 1, 86, 132, 146, 150, 151, 153, 154, 155, 156, 173.

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПЕРВОМАЙСКОГО РАЙОНА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ*

Е. Ю. Савченко

МБОУ СОШ № 4 г. Асино

В последнее время наблюдается рост интереса исследователей к этнодисперсным группам, в том числе и на территории Сибири. Одной из наименее изученных диаспор региона является белорусская. Это касается и проблемы ее формирования. Вопросы складывания белорусского компонента в границах всего сибирского региона в конце XIX – начале XX в. содержатся в работах Е.Ф. Фурсовой [1], Г.А. Бочановой [2]. Однако Томская область там затронута лишь вскользь. Проблема формирования белорусского населения Томской области занималась Т.А. Гончарова [3]. Однако не все районы области оказались в фокусе внимания автора, в частности, не был затронут Первомайский район. В других ее статьях встречаются сведения о белорусских поселениях в Первомайском районе, но только в контексте рассмотрения вопросов этнической и конфессиональной идентичности белорусов [4, 5]. История одной из белорусских деревень Первомайского района – д. Пролетарка, основанной в 1927 г., рассматривалась автором данной статьи в рамках исследования украинских и белорусских поселений Асиновского района [6]. Таким образом, история белорусских поселений на территории современного Первомайского района в литературе не освещена.

Основу исследования составили полевые материалы, собранные автором в 2012 г. в г. Асино и с. Первомайском. Респонденты являлись бывшими жителями с. Ломовицк I, д. Петровск и д. Константиновка. Также были использованы мемуары местного учителя, директора школ д. Петровск, с. Зимовское, с. Ломовицк I – Флегонта Афанасьевича Юбина. В его воспоминаниях содержится подробная история белорусских деревень Первомайского района от их основания до распада.

Появление белорусских поселений в границах Первомайского района относится к началу XX в. Согласно переписи населения 1926 г., датой основания Константиновских хуторов считается 1900 г., Ломовицкие хутора и пос. Петровский были образованы в 1910 г. [7, с. 34].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Историко-этнографическое изучение белорусов Томской области», проект № 12-11-70000.

Однако стоит отметить, что некоторые старожилы указывают другую дату основания Ломовицких хуторов – 1900 г. [8].

Первопоселенцами д. Петровск были выходцы из Минской, Витебской, Могилевской губ. К их числу относятся семьи Карангович, Кулеш, Козловские, Капчинские, Хило, Лагуны, Соловец, Юбины, Мильто, Люцкие, Гагалинские, Мацур, Гордынцы, Чернель, Мальки, Евтихоевы, Бобрович, Труханович, Струк, Гервятович, Коменки, Головач, Асаевич, Купревич, Глинские, Лихач, Ходины, Жалейчик [9].

Основателями с. Ломовицк I являлись переселенцы из Виленской губ. Среди них были семьи Костень, Шаринские, Селевич, Барило, Филиппович, Таранда, Рудак, Лапа, Круковские, Койра, Квач, Василенок, Радевич, Поволковач, Адамович, Петрокевич, Боровик, Бабуль, Мацур, Наркевич, Счастливые, Соболев, Кобылинские, Спраговские, Авштоль, Вяткины, Субоч, Казакевич, Машнич, Пальцевы, Венсторт [9].

Первыми жителями д. Константиновка были Януш, Вертинские, Лучины, Кремис, Авштоль, Рогутенко, Велейко, Янучковское, Сосновские, Желейко, Ермашонок, Девялтовские, Добрянские, Вишедкевич, Янтовские, Дубовик, Гинько, Карнацевич, Волчек, Гурские, Публицевич, Шилько, Русакович, Мацкевич, Коваленок [9].

Относительно первоначального характера расселения переселенцев выявлено две версии. Согласно одной, изначально прибывшие разместились большей частью хуторами. Так, будущие жители д. Константиновка образовали хутора, известные до сегодняшнего времени под названием Окушенские [10, с. 413]. Также было основано несколько хуторов, получивших название Ломовицкие – по фамилии священника Ломовицкого из с. Пышкино-Троицкое (ныне с. Первомайское). Еще появились хутора, из которых позже сложилась д. Петровск [10, с. 433]. Однако по воспоминаниям некоторых старожилов сначала переселенцы размещались поселками, а по хуторам их расселили по Столыпинской аграрной реформе. И лишь в годы коллективизации хуторяне вновь поселились деревнями.

Использование разных названий в официальной документации не позволяет определить более достоверную версию. Так, в материалах переписи 1917 г. упоминается пос. Ломовицкий [11, л. 513], а в контрольно-учетных карточках по школам всеобщего обучения за 1933 г. фигурируют Ломовицкие хутора [12, л. 87, 106].

Белорусские поселения компактно располагались на берегах реки Туендат: д. Петровск – на правом, с. Ломовицк I и д. Константиновка – на левом [9].

Теперь остановимся на вопросе о конфессиональной принадлежности населения рассматриваемых деревень. Большинство местных жителей являлись католики. В с. Ломовицк I находился костел. Так, старей-

шая жительница этого села помнит, как в костеле проходили службы. Они всегда сопровождались пением хора. В костел на праздники или для проведения обрядов крещения, отпевания, свадеб съезжались с окрестных хуторов и деревень. По воспоминаниям, католики проживали еще в деревнях Шиманы и Марцули. Костел представлял собой деревянное здание, к которому примыкали дом ксендза, сторожка и место для отдыха приезжих прихожан. Ксендз приезжал в село из с. Андреевка по большим праздникам, остальные обряды проводил его помощник. Во время коллективизации здание самого костела было отдано под зернохранилище, затем в нем показывали кино, а в конце 1940-х гг. оно было перевезено в Пышкино, где из него сделали колхозную контору. В доме ксендза поселили учителя местной школы, а в здании сторожки проводились занятия [8].

В с. Ломовицк I существовало два кладбища – католическое и православное. После войны православное кладбище было закрыто, а затем распаханно. На католическом кладбище, которое сохранилось до сих пор, появились православные захоронения [8].

Католическое вероисповедание местных жителей заставляет еще раз обратить внимание на их этническую принадлежность. Разные по характеру источники свидетельствуют о белорусском характере населения. Например, местами выхода первопоселенцев являлись белорусские губернии – Минская, Витебская, Могилевская. В период существования национальных школ преподавание в местных школах велось на белорусском языке [12, л. 57, 58, 70, 87, 106]. В материалах местной делопроизводительной документации жители записаны как белорусы. Большинство респондентов считают, что жители этих деревень были белорусами.

Однако некоторые старожилы утверждают, что жители д. Константиновка были в основном поляками, а д. Ломовицк I и д. Петровск имели белорусско-польский характер [8]. Очевидно, конфессиональное единство с поляками оказало свое влияние в этом вопросе.

В 1930-е гг. в этих деревнях были созданы колхозы. В с. Ломовицк I был основан колхоз «Память Кирова», в д. Константиновка – «Долой хутора!», в д. Петровск – «Червонная зорька» [10, с. 413, 419, 433]. Причиной распада белорусских деревень стало укрупнение колхозов. Так, в 1972 г. с. Ломовицк I и д. Константиновка вошли в колхоз «Заря», образованный в д. Ежи, располагавшейся примерно в 15–20 км от них. Многие жители предпочли переехать ближе к центральным поселениям. С 1980 г. прекратило существование с. Ломовицк I [9]. К 2003 г. в д. Петровск оставалось лишь несколько дворов, жители которых не желали покидать деревню, в которой родились и выросли [13, с. 2]. Сегодня память об исчезнувших деревнях хранят старожилы. Так, в 2010 г. бывшие жители исчезнувшего с. Ломовицк I отмечали его 100-летие [14, с. 4].

Таким образом, в начале XX в. на территории современного Первомайского района Томской области появилось три белорусских поселения – с. Ломовицк I, д. Константиновка, д. Петровск, долгое время существовавших в виде хуторов. Подавляющее большинство жителей составляли католики. Село Ломовицк I и д. Константиновка полностью исчезли с карты Первомайского района в 1970–80-е гг., от д. Петровск осталось лишь несколько домов. Однако старожилы хранят память об исчезнувших деревнях и собираются по праздникам с бывшими односельчанами.

Источники и литература

1. Фурсова Е.Ф. Традиционно-бытовые особенности культуры белорусов-переселенцев конца XIX – начала XX в. (по материалам этнографических экспедиций) // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 102–124. (Сборник)
2. Бочанова Г.А. Выходцы из Белоруссии в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: вопросы миграции и расселения // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 65–101. (Сборник)
3. Гончарова Т.А. К вопросу о формировании белорусской диаспоры в Томской области в конце XIX – первой половине XX в. // Труды Томского областного краеведческого музея: Сб. статей. Томск: Издательство «Ветер», 2008. Т. 15. С. 190–196. (Сборник)
4. Гончарова Т.А. К вопросу об этнической идентичности белорусов Томской области // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 8-й междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию ист.-этногр. исслед. сектора уст. истории и этнографии ЛИК АлтГПА. Вып. 8. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 132–133. (Сборник)
5. Гончарова Т.А. Особенности этнической идентичности белорусов-католиков Томской области // Тезисы докладов 26-ой Международной конференции «Дульзоновские чтения», посвященной 110-летию со дня рождения Андрея Петровича Дульзона и 80-летнему юбилею факультета иностранных языков ТГПУ. 24–28 июня 2011 г. Томск, 2011. С. 164–165. (Сборник)
6. Савченко Е.Ю. Украинские и белорусские поселения на территории Асиновского района Томской области // Тезисы докладов 26-ой Международной конференции «Дульзоновские Чтения», посвященной 110-летию со дня рождения Андрея Петровича Дульзона и 80-летнему юбилею факультета иностранных языков ТГПУ. Томск, 2011. С. 172–173. (Сборник)
7. Список населенных мест Сибирского края. Томский округ. Вып. XI. Новосибирск, 1929. 241 с. (Сборник)
8. Полевые материалы автора.
9. Воспоминания ветерана Велькой Отечественной войны и педагогического труда Юбина Флегонта Афанасьевича // Первомайский районный краеведческий музей.
10. Земля Первомайская: Сборник научно-популярных очерков. Томск: Издательство Томского университета, 2001. 550 с. (Сборник)
11. ГАТО. Ф. 239. Оп. 17. Д. 15.

12. Контрольно-учетные карточки по школам всеобщего обучения. 1933 год // Муниципальный архив Асиновского района. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5.
13. Черемных Л. Наш адрес не дом и не улица, наш адрес деревня Петровск // Заветы Ильича. 30 апреля 2003.
14. Нахтигалова В. Деревни нет, но мы остались // Заветы Ильича. 2010.

СОВРЕМЕННАЯ ТУВИНСКАЯ ГОРОДСКАЯ СВАДЬБА

С. С. Сандык

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н.А. Тучкова, к.и.н., доц.

Свадебный обряд – одна из актуальных тем в этнографической науке, которая всегда притягивает к себе внимание исследователей как уникальный исторический источник. В нем длительный период сохраняются многочисленные пережитки более ранних форм семейного и общественного быта, отголоски древних обрядов и обычаев, и одновременно этот обряд весьма открыт нововведениям.

Актуальность изучения современной тувинской свадьбы связана со слабой изученностью этого обрядового действия. Исследования традиционного тувинского свадебного обряда конца XIX – начала XX в. были проведены Л.П. Потаповым (в его работе «Очерки народного быта тувинцев» [5] есть специальный раздел «Свадебный обряд», непосредственно посвященный данной теме) и С.И. Вайнштейном (в работе «Происхождение и историческая этнография тувинского народа» [2] данный автор целую главу «Семья и брак» уделил рассмотрению данного вопроса). Свадебный обряд Тувы советского периода изучала С.М. Биче-оол, посвятив ему специальное исследование «Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве» [1]. Однако работы, в которых бы освещались и исследовались изменения, произошедшие в обрядовой практике тувинцев конца XX – XXI в. (в том числе и в свадебной обрядности), до настоящего времени отсутствуют. В тувиноведении пока нет специального монографического исследования, рассматривающего современную свадебную обрядность, тем более нет работ, где бы освещались и детально анализировались данные по городской и сельской свадьбе тувинцев.

Важность исследования современной тувинской городской свадьбы вызвана еще и тем, что в последние десятилетия в тувинском обществе наблюдается некое недовольство тем, как проводятся современные свадьбы. Об этом свидетельствуют появляющиеся статьи в тувинских газетах, таких, как «Шын» [7], [3], «Тыванын Аныяктары» [6], «Улуг-Хем» [8] о том, как правильно справлять этот знаменательный день (см.

статьи: Донгак С. Тыва куда ёзулалдары (Обычаи тувинской свадьбы) [3]; Санчы С. Куданын ажыл-чорудулгазы: [куда-дойдан эскериглер] (Заметки о современной тувинской свадьбе) [6]; Сат Н. Оске чоннарда кудага белек бээр чанчылдар: [амгы тыва куда дугайында бодалдар] (Думы про современную тувинскую свадьбу) [7]; Суктер А. Куда-дойну эрттирери: [тыва улустун чанчыл-ёзулалдарындан] (Проведение свадьбы) [8]. По свидетельству авторов этих статей в тувинской современной городской свадьбе обнаруживается наличие не свойственных ей обрядов и действий, вызывающих отторжение у старшего поколения.

Целью данной статьи является введение в научный оборот новых материалов, собранных автором статьи по теме «современная тувинская городская свадьба», и составление научного описания на основе полученных данных важнейших обрядовых действий современной тувинской городской свадьбы.

Описание этого обряда на основе собранного материала построено на интервью с открытыми вопросами на тувинском и русском языках, составленными автором. Сбор информации проводился в г. Кызыл – столице Республики Тыва. Было опрошено 17 человек, среди них: представители старшего поколения – 5 человек, в возрасте от 40 до 62 лет, молодежь – 12, из них 3 семейные пары (возраст от 18 до 24 лет) [4]. В ходе опроса автором применялась аудиозапись. Весь собранный материал репрезентирует три межтувинских свадьбы; в каждом случае жених и невеста этнические тувинцы, выросшие в городской среде г. Кызыла.

Прежде всего, следует отметить, что в настоящее время свадебные мероприятия организуются не строго в соответствии с тувинскими традициями начала XX в., но в соответствии с финансовыми возможностями семей жениха и невесты и с учетом пожеланий будущих супругов. Однако важно отметить, что обоюдность решения молодых стать супругами, хоть и является решающим при заключении брака, но не означает, что молодые могут не советоваться с мнением родителей. Роль родителей в современном тувинском обществе все еще значительна.

Предсвадебный этап начинается *со знакомства родителей молодых*. После того как молодые познакомились с родителями и близкими родственниками друг друга, сторона жениха поднимает вопрос о знакомстве с родителями невесты и приблизительно назначает дату этой встречи. Невеста сообщает дату своим родителям, и они начинают готовиться к знакомству. В назначенный день будущий жених со своими родителями и близкими родственниками приходят в дом родителей невесты. Они приезжают с подарками для невесты и для ее близких родственников. Мама невесты накрывает праздничный стол для угощения гостей. Первым знакомство начинает старший родственник со стороны жениха или тот, кто обладает красноречивостью, объясняя причину приезда, и пред-

ставляет сначала родителей жениха, а затем остальных родственников. Разговор во время этого застолья ведется, как правило, на тувинском языке. Молодая пара сидит за столом вместе со взрослыми только до середины застолья, а затем они уходят в другую комнату. Ближе к вечеру жених со своими родителями и близкими родственниками уходят.

Через несколько дней родители жениха снова приходят в дом невесты, чтобы договориться о встрече, которая на тувинском языке называется *уругнун арагазын кудар* или *уругну дилээр*, т.е. прошение руки невесты. В традиционной свадьбе этот обряд назывался *шай бузар*. По словам информаторов, некоторые люди договариваются об этой встрече еще в день знакомства, но в большинстве случаев через несколько дней. При этом обе стороны договариваются только о предположительном месяце данной встречи. По традиции дату назначают родители жениха. Они идут к ламе, чтобы выяснить наиболее благоприятный день для прошения руки. Как только лама определит дату, то сторона жениха сообщает стороне невесты о назначенном конкретном дне.

Прошение руки устраивается в кафе, столовой или же в доме невесты. До назначенного дня мать невесты должна дать список тех родственников, которые будут присутствовать на этой встрече. В назначенный день родственники жениха приезжают с подарками для тех, чьи имена присутствуют в списке.

Как и в предыдущие эпохи, во время сватовства, родители жениха преподносят для матери невесты *кадак*¹, шелк, плитку чая, для отца – *курдюк*, *арагу* и *кадак*.

Кроме подарков для родителей невесты, сваты преподносят курдюк на кадаке и старшим родственникам невесты. В этот день по традиции мать жениха дарит своей невестке серебряные или золотые украшения, например, сережки, кольцо, цепочку. Смысл данного действия заключается в том, что сторона жениха «отмечает» свою невесту, подчеркивая, что теперь она наполовину уже принадлежит их семье.

Когда все подарки вручены, родители жениха, наполнив рюмки приглашенных гостей спиртными напитками, спрашивают у родственников невесты согласие на передачу невесты в их семью. По традиции родственники невесты должны отказать до трех раз, а иногда и больше, чтобы ситуация не выглядела таким образом, будто они рады отдать свою дочь за любого жениха². Тогда родные жениха начинают расхваливать жени-

¹ *кадак* – тонкий мягкий шелк в форме широкой ленты подносимый уважаемым людям (2 метра); *курдюк* – жировое отложение у корня хвоста барана. Его преподносят всем старшим родственникам невесты (количество старших родственников может достигать от 10 до 20 человек); *арага* – тувинская водка (объем подношения – рюмки).

² Однако бывают такие случаи, когда родители невесты сразу же соглашаются на передачу невесты в семью жениха. Это происходит, если родители невесты великодушны и не хотят мучить родственников жениха.

ха, «рекламируя» его достоинства – какой он хороший, работающий, образованный. Через некоторое время снова спрашивают согласие. Если отвечают «нет», то опять наполняют рюмки гостей. Все это продолжается до тех пор, пока мать или отец невесты не дает согласие следующей фразой: «Да, мы согласны». После этого процесса все продолжают гулять, веселиться и вечером расходятся по домам.

Одной из отличительных особенностей городской тувинской свадьбы является то, что данная встреча в городе происходит по-разному. У одних семей в Кызыле есть такой обычай как взаимное ответное угощение – *удур кудар*. Суть его заключается в том, что родственники невесты, как только дают свое согласие на то, чтобы невеста принадлежала семье жениха, начинают угощать его родственников. Накрывают стол, приглашают их к столу. Сначала угощают горячим чаем с молоком, затем начинают вручать подарки и курдюки на кадаке для родителей и старших родственников жениха. Старшие родственники невесты сидят вместе с ними и поддерживают разговор. Ближе к вечеру все заканчивается. На этой встрече родители жениха, учитывая свои возможности и возможности родственников невесты, предположительно назначают время проведения свадьбы. У других семей данный обычай не наблюдается. Это объясняется тем, что обычай *удур кудар* характерен тем семьям, у которых корни исходят из Сут-Хольского района, поскольку данный обычай существовал именно в этом районе еще в начале XX в. Существование данного обычая в Сут-Хольском районе в начале XX в. упоминал и Л.П. Потапов в своей монографии «Очерки народного быта тувинцев» в разделе «Свадебный обряд» [5].

Хотелось бы отметить, что в настоящее время ламы-астрологи продолжают играть большую роль в предсвадебных мероприятиях. Они определяют подходят ли друг другу жених и невеста, вычисляют благоприятные дни для взаимных посещений родственников жениха и невесты, а самое главное – вычисляют день свадьбы. Поэтому дата свадьбы назначается ламой. Все опрошенные респонденты указали на то, что день свадьбы для них был определен именно ламой.

После того, как лама-астролог определит день проведения свадьбы, родители жениха приходят в дом невесты со сладостями и сообщают о дате свадьбы. Жених и невеста после этой встречи подают заявление в ЗАГС, договариваются, чтобы их бракосочетание происходило в день, назначенный ламой. Если в этот день ЗАГС не работает по каким-нибудь причинам, то спрашивают у ламы другой благоприятный день. После подачи заявления в ЗАГС, жених и невеста вместе готовятся к свадьбе, пишут и посылают всем гостям приглашения, на которых написано время и место проведения свадьбы.

Подготовка к свадьбе является наиболее важным элементом предсвадебного этапа современной городской свадьбы. В настоящее время за жилье для новобрачных отвечает сторона жениха, а всю мебель покупает сторона невесты. Поэтому после того, как родители жениха сообщают родителям невесты о дате свадьбы, они созывают всех своих родственников и распределяют, кто какую мебель берет на себя. За день до свадьбы один из родственников жениха отдает ключ от квартиры родственникам невесты, чтобы они расставили там всю мебель.

В русской свадьбе накануне дня бракосочетания традиционно проводится прощальный вечер у невесты/у жениха, который именуется «девичник»/«мальчишник». У тувинцев такие вечера проводятся редко, исключительно по желанию самих брачующихся.

Свадьба. В день свадьбы семьи жениха и невесты с самого утра начинают готовиться к свадебной церемонии. В назначенное время жених со своими друзьями и старшими родственниками едут за невестой. В это время невесту усаживают за стол в одной из комнат дома родителей. Рядом с ней подруги, которые помогают ей накраситься и одеться.

Тувинская свадьба – это веселое и торжественное событие. *Обряд «выкупа невесты»* является одним из важных элементов тувинской городской свадьбы, суть которого заключается в том, что жених должен «выкупать» невесту у ее подруг и родственников. Основные участники выкупа – свидетельница, подруги и родственники невесты, жених со своим свидетелем, друзьями и родственниками. Выкуп состоит из множества конкурсов, приготовленных подружками невесты.

Вот один из примеров описания обряда «выкупа», происходившего на одной из свадеб г. Кызыла: Лопсан О.В., (1980 г.р., рассказ о свадьбе 2010 года): «Приехав вместе с женихом к дому родителей невесты, мы посигналили, в знак того, что мы приехали. Когда мы все вышли из машины, нас встретили родственники и подруги невесты. Одна из ее подруг нам сказала: «Без выкупа, невесты не видать. Сначала мы хотим знать, за кого выходит замуж наша Ураночка (невеста). Сильный ли, хозяйственный ли ее будущий муж. Нарубите побольше дров!» И мы увидели пень и тупой топор. Вася (жених) нарубил дров, тем самым доказав, что жених сильный и хозяйственный человек. Затем мы зашли в подъезд и рядом с лестницей увидели девушку. Она сказала: «Невестка наша живет на 3-м этаже, чтобы добраться до нее Вы должны пройти испытание: жених должен на каждой ступеньке побольше называть ласковых слов в адрес невесты, спеть много песен о любви вместе со своим свидетелем». Мы сделали все, что она сказала. На площадке перед квартирой нас ждали 3 подружки и несколько родственников невесты. Когда мы уже стали подходить к двери, то нас остановили и сказали, что на стене есть отпечаток губы невесты, и жених должен найти его и поцело-

вать. Мы нашли отпечаток, но жених у нас невысокого роста, и нам пришлось его поднимать.

Когда мы зашли в квартиру, нас пригласили на кухню. На столе стояли три чашки кофе. В одной из этих чашек должен был находиться ключ от двери, за которой находилась наша невеста. Чтобы достать ключ, Вася выпил все чашки кофе, но ключа он там не нашел. Оказалось, что он находился у подружки, за него пришлось заплатить. Когда открыли дверь, то вместо невесты мы увидели молодого парня, перекрашенного в невесту. Это был троюродный брат Ураны. Он сидел у входа и тянул к себе Васю, чтобы потребовать за него выкуп. Мы заплатили сумму, который он требовал. Самым последним испытанием было то, что жених должен был найти руку невесты с завязанными глазами. Вася сразу нашел руку своей будущей жены. Этим и закончились «препятствия». Затем нас пригласили к столу» [4].

Как видно из этого описания, свадьба тувинцев начинается веселыми, игровыми действиями. Кроме того, жених с помощью этого обряда может проявить свой ум, талант и силу.

После обряда «выкупа невесты», молодые едут в ЗАГС, где проводится *торжественная церемония регистрации брака*.

Свадебная церемония в ЗАГСе занимает немного времени. Новобрачных и всех гостей приглашают в праздничный зал. Жених и невеста идут под марш Мендельсона. За ними следуют свидетели и гости. Жених и невеста стоят в центре. Остальные – полукругом с двух сторон. После выступления представителя ЗАГСа, жених и невеста расписываются в книге Актов гражданского состояния. После объявления жениха и невесты мужем и женой, они обмениваются кольцами, целуются, и танцуют вальс. Затем им вручается свидетельство о браке, после чего выступают родители жениха и невесты с пожеланиями и наказами. По словам нескольких информаторов, бывают такие случаи, когда молодожены выходят из ЗАГСа, их «угощают шоколадом, чтобы их супружеская жизнь была сладкой» (Л.К. Адыя, 1966 г.р.) [4]. Все пьют шампанское, молодых поздравляют, им дарят различные цветы с нечетным количеством, высказывая добрые пожелания.

После торжественной регистрации брака в ЗАГСе, следует *прогулка по городу*, которую можно также оценить как обрядовое действие современной городской свадьбы. Свадебный кортеж (обычно 5–10 машин) совершает проезд по красивым местам Кызыла. Обычно маршрут проходит мимо памятника – «Центр Азии», горы Любви, *хурээ*¹, Национального музея, парка и др. В это время родители и старшие родственники отправляются туда, где будет проходить свадебное застолье, для того, чтобы всё подготовить к встрече новобрачных. После свадебной

¹ хурээ – буддийский храм

прогулки молодые с гостями едут к месту проведения свадебного торжества.

Свадебное торжество устраивается обычно в ресторане, кафе или столовой. У входа новобрачных ждут родители жениха. Мать жениха встречает их чаем с молоком на *кадаке*. Сначала она преподносит чай невесте, потом сыну. Это означает, что она принимает невесту в свой дом, и, взяв за руки, провожает ее до стола новобрачных. После молодоженов заходят сначала родственники невесты, а после них родственники жениха.

Следует отметить, что обрядовое действие *бросание букета невесты* совершают в некоторых случаях перед тем, как начать свадебное торжество, но иногда – в конце него, после того, как молодожены произносят благодарственную речь всем гостям. Невеста встает спиной к гостям и бросает свой свадебный букет в сторону незамужних девушек, которые стоят в ожидании, чтобы поймать его. Та, которая поймает этот букет, следующей выйдет замуж.

Важным фактором в современном тувинском городском свадебном обряде является участие в нем тамады. «Он должен сделать свадьбу по-настоящему веселой и незабываемой, поскольку именно от него зависит, как пройдет свадьба. Роль тамады в тувинской свадьбе сложно переоценить. Так как в этот день собираются родственники и друзья жениха и невесты, и большая часть людей, которые не знакомы между собой, тамада должен не только развлекать, но и ненавязчиво представить всех друг другу, перезнакомить, сделать обстановку дружеской и теплой» (И.И. Садыкова, 1982 г.р.) [4]. Поэтому все ведущие свадебного застолья работают по специальному сценарию, который включает в себя «игровые» и «обрядовые» компоненты. Во время проведения свадьбы ведущий говорит на тувинском, либо на русском языках. В роли тамады обычно выступают сотрудники различных агентств и фирм по проведению торжеств, юбилеев, редко выступают родственники.

В самом начале свадебного торжества существует традиция, которая носит название «*обмен подарками*» – *белек солчур*. Суть ее заключается в том, что родители жениха и невесты обмениваются подарками. Это может быть золотые и серебряные украшения, памятные часы, чайный сервиз, настенные плакаты и др.

Одним из самых важных и обязательных обрядов тувинского народа во время свадьбы является обряд преподнесения близким родственникам невесты уважаемого блюда тувинцев – *курдюка*. Этот обряд носит название *ужа салыр*. Тот, кто получил курдюк или грудинку барана, должен поделиться с гостями. Это делалось для того, чтобы невеста не сталкивалась с трудностями в жизни.

Во время праздничного застолья все гости говорят свои пожелания, произносят тосты, дарят подарки. В настоящее время обязательной составляющей свадьбы является возгласы «горько». Услышав это, молодожены должны стоя целоваться, а гости дружно считать «раз, два, три,..., десять...». Считается, что если молодожены смогут целоваться долго, то их союз будет крепким и долгим. Возгласы «горько» и счет происходит на русском и на тувинском языках.

Следует отметить, что вручение подарков молодым имеет определенные правила, которые выражаются в очередности вручения подарков: сначала родители, потом близкие родственники, далее – остальные гости. Молодые при этом во время поздравления стоят и говорят спасибо по-русски и по-тувински. Особо следует отметить, что, по словам некоторых информаторов преклонного возраста, обе стороны, вручая подарки, соперничают друг с другом, стараются показать свое положение в обществе и свою щедрость, выражая ее в таких подарках, как автомобиль, квартира, крупная сумма денег и т.д. Это, по их мнению, отрицательная сторона современной тувинской свадьбы. Однако, есть и такие информаторы, которые выделяют положительную сторону данного действия. По их мнению, крупные подарки, даруемые молодоженам, облегчат будущую супружескую жизнь молодым, так как большинство из них учатся в учебных заведениях и финансово зависимы от родителей.

В процессе свадебного пира проводятся различные игры, одной из которых является «*туфелька невесты*», широко распространенная в свадьбах народов, проживающих на территории постсоветского пространства России и за рубежом. Суть игры заключается в похищении туфельки невесты. С помощью этого «обряда» можно проверить жениха, насколько он любит свою избранницу и на что готов ради нее. Его проводят где-то между началом и серединой свадьбы. В большинстве случаев главным организатором этой игры является сама невеста. Друзья невесты отвлекают молодого супруга и его свидетеля от невесты. В это время с нее снимают туфлю. Через несколько минут невеста или тамада сообщает о пропаже туфельки. Затем появляется вор и требует выкуп. Выкупом могут быть деньги, песни, танцы или же различные задания. После того, как жених и свидетель исполняют все желания и требования вора, в туфельку наливают спиртной напиток, после чего жених должен его выпить залпом. Затем он ее надевает на ножку невесты.

Ближе к концу свадебного застолья жених и невеста разрезают «*торт молодоженов*» на мелкие кусочки, чтобы хватило всем присутствующим на свадьбе, и раздают их гостям. Первый и самый большой кусочек торта тамада «выставляет» на аукцион.

В самом конце тамада объявляет «кассу» или «богатство» молодоженов – *байын чугалаар*, сколько у них скотов, какие подарки были подарены и общую сумму денег.

Свадебное пиршество заканчивается с проводами молодых. Их первая брачная ночь может проходить в одном из родительских домов или же на своей квартире.

Послесвадебный этап начинается с благословения невесты. Утром после свадьбы родители жениха и невесты едут в дом новобрачных. Невеста варит чай с молоком и угощает присутствующих. Чай сначала преподносит своему мужу, затем – его родителям, и после них – своим. Обе стороны снова произносят в адрес новобрачных благопожелания, дают советы и наказания.

Этими обрядами в принципе исчерпывается современная тувинская городская свадьба.

Таким образом, рассмотрев современную тувинскую городскую свадьбу можно прийти к выводу о том, что она по сравнению с традиционной свадьбой начала XX в. и свадьбой советского периода претерпела сильные изменения.

Современная тувинская городская свадьба состоит из 3 этапов: *предсвадебный*, куда входит знакомство родителей между собой, сватовство, прошение руки; *свадебный* – «выкуп», церемония регистрации брака, «прогулка», бросание букета, «обмен подарками», преподнесение курдюка, «туфелька невесты», свадебное пиршество, «торт молодоженов», «касса»; и *послесвадебный*, который включает в себя благословение невесты. Отсюда следует, что современная тувинская городская свадьба хоть и включает в себя, как и традиционная, три этапа – предсвадебный, свадебный и послесвадебный – кардинально перестроила содержание каждого из них.

Например, если в традиционном свадебном обряде в предсвадебном этапе были такие элементы как сватовство, *суй-белек*¹, *эмиг каргыжи*, *шай бузар*, *дугдээшкин*; в свадебном – переезд невесты в дом жениха и празднование свадьбы; послесвадебном этапе – обряд родства или дача благословения молодой жене, то в современном свадебном обряде некоторые из перечисленных элементов утратили свое значение и вместо них

¹ *Суй-белек* – обряд испрошения и задабривания отца невесты конем; *эмиг каргыжи* – букв. переводится как «грудь проклятия». В традиционной тувинской свадьбе сторона жениха, восполняя хозяйство матери невесты и не навлекая в свой адрес ее проклятий, обязана была дать ей корову с теленком. *Шай бузар* – букв. «разбивание чая». В этом обряде мать мальчика, не принимавшая ранее участие в сватовстве, едет знакомиться с родителями девочки. Также в этом обряде обе брачующиеся стороны представляют своих родственников. *Дугдээшкин* – по обычаю полагалось сменить девичью прическу на замужнюю, для чего нужно было, переводя буквально разделить, разбить девичьи волосы, косы и совершить т.н. «дугдээр».

появились новые. Прекратили свое существование такие обряды традиционной свадьбы начала XX в., как сговор, обряды *суй-белек*, *эмиг каргыжи*, *дугдээшкин*, закрепление сватовства. Сохранили свое значение, хоть и в измененном виде, такие обряды, как *шай бузар*, *удур кудар*, церемония регистрации брака, появившаяся в Туве в советский период, «касса», которая ранее называлась *санашкын (подсчет)*, и благословение невесты. К новшествам современной тувинской городской свадьбы относятся «прогулка», бросание букета, возгласы «горько», «туфелька невесты», «торт молодоженов».

Однако, несмотря на исчезновение некоторых обрядов, можно сказать, что современная тувинская городская свадьба сохраняет черты пережитков. Это, прежде всего, проявляется в подарках, даруемые стороной жениха родственникам невесты во время сватовства, а также в таких действиях, как встреча молодых чаем с молоком, обязательное преподнесение близким родственникам невесты уважаемого блюда тувинцев – курдюка, а самое главное – вычисление дня свадьбы ламой-астрологом.

Таким образом, современная тувинская городская свадьба представляет собой сложную систему обрядовых действий и имеет свои специфические черты: во-первых – это наличие в ней элементов свадебной обрядности начала XX в. и элементов «советской» свадьбы; во-вторых – существование в ней новых обрядов, которые пришли из других культур.

Литература

1. Биче-оол С.М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве. Л., 1974. 429 с. (Монография)
2. Вайнштейн С.И. Происхождение и историческая этнография тувинского народа. М. 1969. (Монография)
3. Донгак С. Тыва куда ёзулалдары (Обычаи тувинской свадьбы) // Шын. 2009. № 16, Июнь 2.
4. ПМА. – Полевые материалы Сандык С.С., собранные в с. Ильинка Каа-Хемского района и в г. Кызыл – столице Республики Тыва в 2010–2011 г.
5. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. 402 с. (Монография)
6. Санчы С. Куданын ажыл-чорудулгазы: [куда-дойдан эскериглер] (Заметки о современной тувинской свадьбе) // Тыванын Аныяктары. 2008. № 17. Апр. 1–7.
7. Сат Н. Оске чоннарда кудага белек бээр чанчылдар: [амгы тыва куда дугайында бодалдар] (Думы про современную тувинскую свадьбу) // Шын. 2007. № 19, Июнь 23.
8. Суктер А. Куда-дойну эрттирери: [тыва улустун чанчыл-ёзулалдарындан] (Проведение свадьбы) // Улуг-Хем. 2006. № 5, Окт. 14.

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПШЕВОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

О. В. Скурихин

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: И.В. Рудковский, к.и.н., доц.

Все археологи связывают Пшеворскую культуру со славянами, в этногенезе которых она сыграла решающую роль. Поэтому, прежде чем говорить о поселенческих комплексах, следует дать краткую характеристику культуры.

Пшеворская культура зародилась во II в. до н. э. на территории культуры подклёшевых захоронений (кон. V – кон. II вв. до н. э.). Впервые обнаружена в 1904–1905 гг. возле с. Гаць под г. Пшеворском, где был найден могильник неизвестной ранее культуры. Название ей дал Р. Ямка в 1930-х гг. по городу Пшеворск [2, с. 377]. Территория Пшеворской культуры располагалась от Буга и верховьев Днестра до Одера. Западными соседями были германцы, поселявшиеся на пшеворской территории. На юго-западе проживали кельты, позднее продвинувшиеся в верховья Одера и Вислы. Пшеворцы ассимилировали часть кельтов [3]. Пшеворцы, по мнению В.В. Седова, являлись непосредственно славянами. На юге пшеворцы граничили с фракийскими племенами гетов и даков, достигших южных склонов Западных Карпат, на северо-востоке с балтами, на востоке с Зарубинецкой культурой. В 40–70-х гг. I в. н.э., под давлением германцев и кельтов, по мнению Д.Н. Козака, пшеворцы вторглись на территорию Зарубинецкой культуры в районе верхнего Поднестровья и Волыни [4, с. 56]. Также на юго-востоке появляются готы, прибывшие, возможно, с южной Балтики. В V в. Пшеворская культура прекращает своё существование. Потомки пшеворцев переселились в Паннонию и Западную Дакию. С сер. V в. потомки пшеворцев переселяются на Карпаты, где смешавшись с даками, образуют Пражскую культуру, представители которой больше известны как славяне [1, с. 33].

Поселения Пшеворской культуры располагались группами на небольшом расстоянии друг от друга. Их строили возле речек и ручьёв, на обращенных к солнцу склонах. Позднее поселения стали возникать на песчаных мысах среди луговых долин и на первых террасах возвышенностей, иногда выше. Д. Н. Козак объясняет это сменой формы хозяйства, получивший земледельческий характер [4, с. 57]. Поселения были неукреплёнными [2, с. 377]. Площадь поселений постепенно увеличивалась от 2–3 тыс. кв. м до 13–14 тыс. кв. м в III в. н.э. Это можно объяснить только ростом населения.

На поселениях открыты жилые постройки, хозяйственные сооружения, ямы, очаги из камня. Чёткой системы в расположении жилищ нет.

Они располагались на расстоянии 10–20 м друг от друга. Большая часть хозяйственных сооружений располагалась недалеко от жилищ.

Планировка жилищ устойчива: их стены ориентированы строго по сторонам света, причём длинные стены всегда обращены к солнцу. Жилища были двух типов – наземные и углубленные в землю (полуземлянки) [4, с. 57]. Наличие прямоугольных жилищ, скорее всего, означало, что в них жили большие семьи, насчитывавших несколько поколений и родственников разных степеней родства.

Преобладали полуземлянки. Они были прямоугольной формы, но чаще квадратной. Параметры прямоугольных домов – 3,8 x 7,2, квадратных – 3 x 3 или 4 x 4 м. Стены ровные, пол углублён в материк. Очаг размещался либо в центре, либо в углу, обычно с северной стороны. Они делались из камней, обмазанных глиной. Иногда встречаются глиняные печи [4, с. 57]. Печи прямоугольные, с параметрами 1 x 0,76 м. Нередко очаги отделялись от остальной площади жилища перегородкой, от столбов которой остались ямки. Получалось что-то вроде кухни.

Вдоль одной из стен в ряде жилищ шёл материковый выступ высотой 30–40 см, который обшивался деревом и подпирался с внутренней столбиками. Это устройство использовалось либо для хозяйственных надобностей (как стол), либо как лежанка.

В полу большей части построек по углам и посередине противоположных стенок обнаружены ямки от столбов (диаметром 0,2–0,3 м), предназначенных служить опорой крыши и стен. Между столбами укладывались друг на друга округлые или затесанные с двух сторон брёвна, концы которых впускались в продольные пазы вертикальных опор. Деревянные стены жилищ обмазывались глиной, что подтверждается значительным количеством глиняной обмазки в заполнениях жилищ. Иногда глиной та часть стены, возле которой размещался очаг [4, с. 58]. Это и понятно, ибо глина оберегала древесину от возгорания.

Крыша, по-видимому, была двускатной, т.к. посередине коротких стен помещения вкапывались большие столбы, к которым прикреплялась перекладина. Возможно, покрывались хворостом, сеном или соломой. Вход в жилище находился в одном из углов при длинной стенке, обычно напротив очага [4, с. 58].

Наземные жилища встречаются очень редко, в основном в поселениях 2–3 вв. н.э. Останки их представлены скоплением обожженной глиняной обмазки стен. Дом имел прямоугольную форму и площадь 16–18 кв.м. Опора стенок и крыши – вбитые в землю столбы, ямки от которых обнаружены по углам и вдоль стен. Столбы переплетались прутьями (диаметром 3–6 см), которые обмазывались глиной. Форма крыши не выявлена, но возможно близка по типу полуземлянкам [4, с. 58].

Хозяйственные сооружения незначительно углублены в землю. Они имели округлую, овальную или прямоугольную в плане форму. Овальную или круглую форму можно объяснить тем, что круг всегда считался оберегом от «нечистой силы». Эти сооружения были небольшими по площади – 6–12 кв.м. Внутри построек одна или две ямы. Вдоль стенок помещений прослеживаются ямки от столбов, предназначенных для опор стен и перекрытий. Стенки обмазывались глиной.

Как видно, что основным видом жилищ у пшеворцев были полуземлянки. Они строились в местах с довольно суровым климатом и долго сохраняли тепло. Наземные жилища, судя по конструкции, предназначались для летнего проживания.

Литература

1. Алексеев С.В. Славянская Европа V–VIII вв. М.: Вече, 2009. 528 с. (Монография)
2. Мартынов А.И. Археология. М.: Высшая школа, 2008. 447 с. (Монография)
3. Седов В.В. Этногенез ранних славян / <http://slavya.ru/trad/history/genezis/sed.htm> (дата обращения: 01.03.2012)
4. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. / Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1993. 327 с. (Монография)

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ А. ВАН ГЕННЕПА

Е. В. Чигрина

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н.А. Тучкова, к.и.н., доц.

Обряды перехода, связанные, как известно, с изменением возрастного и социального статуса индивида, занимают одно из центральных мест в традиционной обрядности многих народов мира.

В отечественной этнологии теория «обрядов перехода», изложенная А. ван Геннепом в его работе «Les rites de passage. Etude systematique des rites» (1909 г.) [1], «Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов» (на русском языке впервые опубликована в 1999 г.) [2], оказалась весьма востребованной и успешно применялась в первом десятилетии XXI в. к изучению обрядовых действий разных этнических групп. Например, с использованием подходов ван Геннепа к классификации и анализу имеющегося этнографического материала написаны работы Н.М. Талигиной «Обряды жизненного цикла у сынских хантов» (2005 г.) [3]; Н.А. Лискевич, А.Х. Машарипова «Женщина в ритуалах перехода, связанных с традиционной семейно-брачной обрядностью, у коми Ниж-

него Притоболья» (2010 г.) [4]; Л. Ямурзиной «Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода (на примере восточных мари)» (2011 г.) [5] и др.

Согласно теории Арнольда ван Геннепа, общество, как большая система, состоит из относительно автономных социальных сообществ, к которым индивид имеет отношение в силу своих религиозных, половых, возрастных и других качеств. Преодоление границ между этими автономными группами и изменение социального статуса для индивида выступает важной социальной вехой. Общество фиксирует эту веху особыми церемониями – обрядами перехода. А. ван Геннеп полагал, что к числу важнейших для общества и индивида этапов жизни является рождение, достижение социальной зрелости, бракосочетание, отцовство, материнство, смерть и др. И эти значимые жизненные этапы оформляются в родинной обрядности, инициациях, свадебных и погребальных ритуалах [2, с. 198].

Стержень обрядов перехода, по мнению А. ван Геннепа, составляют следующие обряды:

1. Обряды отделения от определенного состояния или группы (например, в свадебном обряде);
2. Обряды включения в иное состояние или группу (примером может служить свадебный пир, совместная трапеза родственников двух семей);
3. И нередко имеются также промежуточные обряды или «обряды промежуточного периода» (например, обручение, «соборная неделя» и т.п.).

Эти три основных категории обрядов перехода соответствуют трем основным фазам или этапам данных обрядов и являются их отличительной особенностью.

Рассмотрим подробнее каждую фазу:

- Обряды отделения: все они состоят из отделения (изоляции) человека, который претерпевает изменение своего статуса. Происходит отделение такого человека от его старого окружения; организуется символический разрыв с прошлым, так как переход должен происходить за пределами устоявшегося мира.

Отделение может происходить разнообразными способами, каждый из которых может выглядеть как часть одной и той же обрядовой практики: например,

- посвящаемый может быть переселен в другое место;
- двигаться в процессии от пункта «А» к пункту «Б»;
- посвящаемый может снять с себя прежнюю одежду;
- поверхностная грязь может быть удалена путем ритуального мытья и т.п.

Как пишет Э. Лич, в целом же результатом первой фазы обрядов «отделения» становится изъятие посвящаемого из нормального существования; на какое-то время он превращается в аномального человека, пребывающего в аномальном времени [6, с. 95]. Нередко все эти действия дают понять посвящаемому, что он «умер», «не существует» в прежней жизни, в прежнем окружении (т.е., переходя в новый статус, индивид должен уничтожиться, умереть в своем прежнем качестве).

- Обряды «промежуточного периода», который так же называют периодом социального безвременья, могут длиться от нескольких дней до нескольких лет. Примерами служат и медовый месяц новобрачных, и траур вдовы. Общим признаком данной фазы является физическое удерживание объекта перехода на удалении от обычных людей: его либо отсылают, совершенно лишая привычного домашнего окружения, либо временно помещают в замкнутое пространство, где обычных людей не должно быть. Социальная отделённость еще больше подчеркивается тем, что посвящаемый подвергается всем видам особых предписаний и запретов в отношении еды, одежды и передвижения. С точки зрения обычных людей, человек, подвергнутый инициации, оказывается «заражен священным началом». Находясь в священном состоянии, он является, кроме того, опасным, а потому и «грязным». В соответствии с такой точкой зрения, обряды, вновь возвращающие иницируемого к обычной жизни, почти всегда включают в себя действия вроде ритуального мытья, призванные устранить эту «зараженность» [6, с. 96].
- Обряды включения (возвращения, возрождения или трансформации) призваны утвердить человека в новом статусе и включить его в состав новой для него подгруппы общества.

Нередко обряд включения воспринимается как новое рождение человека уже в новом статусе [7, с. 543]. Конкретные обряды данного периода часто весьма схожи с действиями обряда отделения, но имеют обратный знак, т.е. посвященный вновь возвращается в свое жилище, процессии движутся в противоположном направлении (от «В» к «А»); особый костюм, надетый на время периода отделения снимается, и надевается новая одежда, соответствующая новому статусу; жертвоприношения повторяются, пищевые ограничения снимаются и т.д. [6, с. 95].

Совокупность обрядовых действий «свадебного обряда» или обряда «бракосочетания» является ярким примером перехода его главных участников – жениха и невесты – из одной социальной группы в другую. Молодой муж выходит из состава холостяков и попадает в категорию глав семьи; женщина – в разряд жен, хранительниц домашнего очага. Во время свадебного праздника две группы действующих лиц перемещаются, перемешиваются, обмениваются местами, что влечет за собой на-

рушение равновесия. Чтобы преодолеть этот кризисный момент максимально безопасно для всех членов общества нужно четко соблюсти все обряды, установленные богами или предками.

Бракосочетание, как обряд перехода, включает в себя следующие этапы, характерные для данного вида обрядности:

- обряды отделения от прежней среды (половозрастной группы, семьи, племени и т.п.);
- промежуточный период (включающий свой специфичный набор обрядовых действий, одним из которых является сговор–помолвка);
- обряды включения индивида в новую среду (половозрастную группу, семью, племя и т.п.).

В рамках свадебной обрядности *обряды отделения* предполагают выделение/выведение индивида из прежней среды (половозрастной группы, семьи, племени и т.п.). Жениться – значит перейти из общества детского или юношеского в общество взрослых, из одной семьи в другую, из одного селения в другое и т.п. Отделение человека от определенной группы (потеря рабочей силы) наносит материальный ущерб последней, который необходимо компенсировать. Поэтому обряды выкупа или калыма являются важной частью обрядов отделения. Выкуп или калым, в данном случае, имеют чисто экономическую (не сакральную) функцию, так как прежнее общество жениха или невесты теряет живую производительную силу (девушку или парня) и этот ущерб необходимо возместить – материальными благами (едой, ремесленными изделиями, одеждой, деньгами и т.п.) или выполнением определенного рода работ [2, с. 111].

Так же к категории обрядов отделения можно отнести умыкание или увод невесты. Стоит заметить, что брак, заключенный подобным образом, не является нормой, а скорее носит спорадический характер и не приветствуется в большинстве этнических обществ [2, с. 114].

В качестве обрядов отделения можно назвать и следующие действия: перемена одежды, смена прически, стрижка волос, поломка или выбрасывание какой-либо вещи, имеющей отношение к детским годам, преодоление какого-либо препятствия и т.п. Распространенный обряд прятанья невесты ее подружками и нахождение ее женихом так же является разновидностью обряда отделения.

Промежуточный период свадебной обрядности может длиться от нескольких дней до нескольких лет, и включает в основном плату женихом выкупа или калыма за невесту согласно установленной договоренности. При этом молодые могут менять место жительства (переехать в дом свекрови, в хижину мужа, в дом родителей невесты и т.п.).

Среди *обрядов включения* можно выделить две их разновидности: к первой группе относятся те, которые имеют значение для всего сообще-

ства, к которому принадлежат брачующиеся, ко второй группе – те, которые объединяют друг с другом, прежде всего, самих вступающих в брак молодых людей (обмен кольцами, поясами, одеждой, угощение друг друга из рук или из общей чаши, связывание друг с другом и т.п.). Обряды включения первой разновидности, имеют значение для всего коллектива и в целом они в процессе их проведения объединяют две или более группы. К этой категории обрядов включения можно отнести обмен сторон подарками, совместная трапеза, участие в ритуальных танцах. Часто для женщины – быть беременной или родить означает окончательно войти в новое общество, в новую социальную роль [2, с. 121–122].

Так же свадебные церемонии часто включают в себя обряды магического характера, которые имеют функцию защиты от порчи, сглаза, нацеленные на обеспечение будущего потомства, которые так же именуют обрядами плодородия [2, с. 109].

При рассмотрении свадебной обрядности как одного из «обрядов перехода» в свете теории А. ван Геннепа становится очевидным, что обрядовые действия по своей сути практически универсальны в разных культурах мира. Принимая этот факт, отметим, что универсальность значения обрядов не только не нивелирует ценности их этнической специфики, но напротив, повышает уникальность их выражения в каждом отдельно взятом этническом сообществе.

Литература

1. Genep A. van. Les rites de passage. Etude systematique des rites. Paris. Librairie critique. Emile Nourry. 1909. (Монография)
2. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с. (Монография)
3. Талигина Н.М. Обряды жизненного цикла у сынских хантов. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2005. 176 с. (Монография)
4. Лискевич Н.А., Машарипова А.Х. Женщина в ритуалах перехода, связанных с традиционной семейно-брачной обрядностью, у коми Нижнего Притоболъя // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2(13). С. 142-152. (Статья)
5. Ямурзина Л. Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода (на примере восточных мари): дис.... д.философ. наук. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. 218 lk.
6. Лич. Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. Пер. с англ. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 142 с. (Монография)
7. Левинтон Г.А. Инициация и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. М.: НИ Большая Российская энциклопедия, 1997. Т. 1. С. 543–544. (Сборник)

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ В ШКОЛЕ

О. О. Вискунова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О. Ю. Морозова, к.п.н, доц.

В современном образовании произошли кардинальные перемены, школы плавно переходят на стандарты второго поколения. С введением данных стандартов, основой которых является компетентностное обучение, возникло ряд проблем, связанных с реализацией его положений. Одна из главных, отсутствие основных общеобразовательных программ по предметам и как следствие, необходимость их разработки педагогами. Данная проблема является чрезвычайно актуальной особенно для школы.

Данный аспект связан с тем, что еще с момента введения закона РФ «Об образовании» 1992 г., в толковании термина «основная программа» произошли существенные изменения. Основная общеобразовательная программа стала восприниматься как компонент структуры системы образования РФ. Помимо этого в законе «Об образовании» указано: «Система образования в Российской Федерации представляет собой совокупность взаимодействующих: преемственных образовательных программ различных уровня и направленности, федеральных государственных образовательных стандартов и федеральных государственных требований; сети реализующих их образовательных учреждений и научных организаций; органов, осуществляющих управление в сфере образования, и подведомственных им учреждений и организаций; объединений юридических лиц, общественных и государственно-общественных объединений, осуществляющих деятельность в области образования» [1].

При этом особо отмечено назначение основной общеобразовательной программы. Так: Во-первых, образовательная программа определяет содержание образования определенных уровня и направленности. В

Российской Федерации реализуются образовательные программы, которые подразделяются на: общеобразовательные (основные и дополнительные) и профессиональные (основные и дополнительные).

Во-вторых, основные общеобразовательные программы направлены на решение задач формирования общей культуры личности, адаптации личности к жизни в обществе, на создание основы для осознанного выбора и освоения профессиональных образовательных программ.

В-третьих, основные общеобразовательные программы начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования обеспечивают реализацию федерального государственного образовательного стандарта с учетом типа и вида образовательного учреждения, образовательных потребностей и запросов обучающихся, воспитанников и включают в себя учебный план, рабочие программы учебных курсов, предметов, дисциплин (модулей) и другие материалы, обеспечивающие духовно-нравственное развитие, воспитание и качество подготовки обучающихся [1].

Поэтому на сегодняшний день существует противоречие, темду достаточно четко определенным назначением ООП как части системы образования, содержанием, реализацией и отсутствием соответствующего единого документа для общеобразовательной школы, наличие которого казалось бы очевидно.

На данный момент в каждом учебном заведении свои общеобразовательные программы. Разработанные с учетом специфики учебного заведения, с учетом особенностей обучающихся. Каждая такая программа является локальной.

Будущий ФГОС второго поколения не может гарантировать единство общего образования в стране. В новом стандарте планируется лишь три группы требований: к результатам, к условиям обеспечения образовательного процесса и к структуре основной общеобразовательной программы. В данном стандарте не предусмотрен основной содержательный нормативно-методический блок, который в значительной мере определил бы деятельность школы в любом уголке нашей страны.

Вплоть до сегодняшнего дня в Законе "Об образовании" нет положения о том, что основная образовательная программа является нормативно-правовым актом или документом, обязательным для исполнения везде и всеми. Она остается в этом смысле сугубо методическим документом, а потому лишь рекомендательным. Кроме того на основании ФГОС составлены лишь примерные общеобразовательные программы, еще раз доказывая возможность их различных вариаций в исполнении.

Однако необходимо отметить, что при всей сложности решения данной проблемы и высказываемой критики со стороны педагогического сообщества относительно внедряемых государственных стандартов,

свобода действий педагогов в процессе разработки своих авторских программ планировалась как положительный момент, так как невозможно разработать единую основную общеобразовательную программу для всего государства без учета специфики регионов и специфики учебных учреждений, без учета личностных особенностей обучающихся и других сопутствующих факторов.

Литература

1. Закон РФ от 10.07.1992 N 3266-1 "Об образовании" (с изм. и доп. по состоянию на 28.02.2012 № 11-ФЗ). [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.pravo.gov>. (дата обращения: 29.02.2012).

КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Е. А. Кобякова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Ю. Морозова, к.п.н, доц.

В настоящее время Российское образование динамически развивается, что, несомненно, приводит к изменениям в обществе, в том числе и в системе образования. С 2009 года Единый Государственный экзамен (ЕГЭ) стал единственной формой экзаменационных и вступительных экзаменов, в том числе и по социально-гуманитарным наукам. Актуальность темы исследования обусловлена многообразием точек зрения по вопросу необходимости Единого Государственного экзамена, его роли в системе образования личности. А соответственно и значения контрольно-измерительных материалов (КИМов) в процессе обучения учащихся обществознанию.

Мнения специалистов по вопросу целесообразности введения ЕГЭ разделились. По существу, мы видим два непримиримых лагеря: в одном собрались "реформаторы" (или модернизаторы), а в другом – так называемые "консерваторы". К "реформаторам" отечественного образования относят ректора Высшей Школы Экономики Я.И.Кузьмина, бывшего министра образования В.М.Филиппова, а также бывшего министра образования Э.Д.Днепров, ряд бывших и нынешних депутатов Государственной Думы. "Консерваторами" оказались крупнейшие деятели отечественной науки, культуры и образования. Это и ректор МГУ В.А.Садовничий, и выдающиеся математики президент РАН Ю.С.Осипов, вице-президент РАН В.В. Козлов, академик РАН В.И. Арнольд. К ним же относят и наших Нобелевских лауреатов физиков Ж.И. Алферова и В.И. Гинзбурга, писателя А.И. Солженицына, выдающихся

химиков-академиков РАН В.А. Кабанова, А.Ф. Платэ [1, с. 6]. Выдающиеся представители отечественного образования – бывший ректор Московского университета академик Р.В.Хохлов и нынешний ректор академик В.А.Садовничий, утверждают, что настоящим может быть только фундаментальное образование, которое является продуктом соединения научного знания и процесса образования. В.А.Садовничий называет его эталонным в смысле качества, в этом – истинный смысл образования [4, с. 7-9].

Сегодня, несмотря на преодолеваемые трудности в процессе внедрения ЕГЭ в систему образования, необходимо отметить, что КИМы играют важную роль в процессе обществоведческой подготовки, как в рамках обучения, так и в контексте измерения итогового уровня полученных учащимися знаний по обществознанию. Поэтому чрезвычайно важно посмотреть на то, что из себя представляют КИМы, используемые для проведения контроля полученных знаний в системе школьного образования.

Прежде всего, контрольные измерительные материалы – это экзаменационные материалы, которые выдаются всем участникам ЕГЭ. КИМы входят в индивидуальный пакет участника Единого государственного экзамена. Они формируются в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования к результатам освоения основных общеобразовательных программ среднего (полного) общего образования. Разрабатывают КИМ специалисты Федерального института педагогических измерений (ФИПИ). Согласно данным ФИПИ, ежегодный объем разработанных ими контрольных измерительных материалов составляет около 700 оригинальных вариантов КИМ. В каждом варианте, как правило, 40-50 тестовых заданий. Таким образом, общее число тестовых заданий в год составляет около 30 тысяч, что требует формирования базы тестовых заданий, содержащей более 100 тысяч действующих заданий [2]. Такой объем заданий позволяет в различных регионах страны использовать разные, но эквивалентные варианты КИМ. Другими словами, если в силу большой разницы в часовых поясах, задания КИМ появятся в сети Интернет, они помогут выпускникам других регионов не больше чем обычные демонстрационной версии. Содержание КИМ неприкосновенно, поэтому апелляции по вопросам содержания и структуры КИМ по общеобразовательным предметам конфликтной комиссией не рассматриваются. При этом, предусмотрены задания, как базового, так и повышенного уровней сложности, такие как:

1. Задания с выбором ответа: а) задания, содержащие предметный вопрос и предлагающие несколько ответов на него, один из которых правильный. Проверяемый уровень знаний – базовый; б) задания, пред-

лагающие для анализа два суждения по определенной проблеме курса и требующие определить их истинность (повышенный уровень).

2. Задания с кратким ответом, четырех видов: а) задания, требующие восполнить пробел в схеме (базовый уровень проверки знаний); б) задания, требующие вставить пропущенное слово или словосочетание в предложенной фразе (повышенный уровень проверки знаний); в) задания на установление соответствия позиций, предложенных в двух столбцах или колонках (повышенный уровень); г) задания повышенного уровня на выбор нескольких правильных ответов из предложенного списка.

3. Задания со свободным развернутым ответом, среди которых можно выделить: а) задания на перечисление признаков, характеристик какого-либо явления или объекта одного класса (базовый уровень проверки знаний); б) задания, требующие раскрытия какого-либо теоретического положения (понятия) на конкретном примере (повышенный уровень).

В структуре и содержании измерительных материалов должны быть заложены возможности при последующей проверке и обработке результатов количественно ответить на следующие вопросы:

Во-первых, уровень овладения выпускником учебным материалом, предусмотренным государственным образовательным стандартом. При этом контрольные измерительные материалы обязательно должны учитывать все компоненты проверки педагогической триады: знания, умения, навыки.

Во-вторых, уровень владения выпускником стандартный и творческими компонентами программы, Степень развития творческих способностей особенно интересует приемные комиссии вузов, и в основном этот пункт вызывает значительное число их претензий к единому экзамену.

В-третьих, полнота контрольных измерительных материалов. Иными словами, они должны обеспечить полное, без пробелов «покрытие» образовательного стандарта. Именно это свойство измерительных материалов позволяет сказать о человеке, получившем отличную оценку на едином экзамене, что он на 100 % овладел учебным материалом, предусмотренным государственным образовательным стандартом.

В-четвертых, надежность контрольно-измерительных материалов. Термин «надежность» употреблен здесь в математико-статистическом смысле. Это значит, что измерительные материалы должны содержать несколько избыточный запас вопросов (задач, примеров и т.п.) для дублирования наиболее важных тем программы, чтобы случайные «мелкие неудачи» не могли принципиально повлиять на результат экзамена.

В-пятых, дифференцирующая способность контрольных измерительных материалов. Они должны быть составлены так, чтобы обеспечить статистически значимую дифференциацию выпускников по уровню их подготовленности. Это значит, что на стадии проектирования измерительных материалов необходимо предусматривать возможность получения (после статистической обработки) явно выраженных групп «слабо», «средне», «хорошо» и «очень хорошо» подготовленных выпускников. Причем в отличие от школьных оценок («2», «3», «4», «5») эти критерии выявляются после статистической обработки всего массива данных (по всем выпускникам России) в Центре тестирования Министерства образования и науки Российской Федерации, что принципиально изменяет уровень их объективности [3, с. 22-29].

Таким образом, мы видим что, простой обзор требований, предъявляемых к контрольным измерительным материалам по обществознанию (в том числе), показывает, что это совершенно новый «продукт» в школьной практике. При этом составление качественных измерительных материалов под силу лишь высококвалифицированным научно-педагогическим коллективам, которые должны в совершенстве владеть основами тестологии, уметь учитывать психологические, физиологические, возрастные и прочие особенности учащихся и хорошо представлять дальнейшую процедуру математической статистической обработки результатов. Соответственно, контрольно-измерительные материалы играют важную роль в системе обществоведческого образования, так как их результаты являются показателями успеваемости учащихся и эффективности работы учителя.

Литература

1. Кузьменко Н. Е. О модернизации образования в России // Педагогика. 2005. № 3. С. 1-12. (Статья)
2. Мое образование. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.moeobrazovanie.ru/kontrolnye_izmeritelnye_materialy.html. (дата обращения: 22.04.2012).
3. Смушкевич Л.Е. Единый госэкзамен и модернизация общего среднего образования // Высшее образование сегодня. 2004. № 9. С. 22-29. (Статья)
4. Филиппов В.М. Модернизация российского образования. // Педагогика. 2004. № 3. С. 3-11. (Статья)

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ БЫТА В КУРСЕ «ИСТОРИЯ ТУВЫ»

С. С. Сандык

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Ю. Морозова, к.п.н., доц.

Изучение и преподавание курса «История Тувы» всегда оставалась и остается актуальной темой в тувиноведении. В г. Кызыл – столице Республики Тыва – ежегодно проводится научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы преподавания «История Тувы»» с целью выявления актуальных проблем и вопросов в содержании, структуре и преподавании курса «Истории Тувы» в ВУЗе и общеобразовательной школе. Кроме того педагогами разрабатываются новые учебные программы с учетом современных достижений.

В связи с чем на сегодняшний день одной из значимых тем является изучение в школе народных традиций. Народные традиции позволяет приобщить подрастающее поколение к культурному, прежде всего социальному опыту старшего поколения, и способствуют всестороннему, гармоничному развитию личности, решают задачи умственного, нравственного, эстетического, трудового, семейного воспитания.

Понятие «традиция» в толковых словарях русского языка означает: 1) «традиция» (от лат. *traditio* – передача) – исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды и т.п.; установившийся порядок, неписанный закон в поведении, в быту [5, с. 839]; 2) то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений [3, с. 1055]; 3) социальное и культурное наследие, передающее от поколения к поколению и сохраняющееся в течение длительного времени [2, с. 382].

В.А. Федотов в своей работе «Традиции как социокультурное явление» [6] пишет, что народные традиции возникли вместе со становлением человеческого общества и охватывают все стороны общественной жизни: «В условиях, когда отсутствовали иные механизмы удержания, хранения и передачи коллективного опыта, единственным способом общения поколений были традиции, которые закрепляли накопленный опыт, воспроизводили "идеальную программу" жизнедеятельности человека. Люди думали и действовали в рамках традиций, с помощью которых они повторяли все моменты, необходимые для жизни. В истории человечества порядок общественной жизни поддерживался силой привычки, общественного мнения, традиций, моральным авторитетом старейшин рода или племени, которые представляли общие интересы. Традиции занимали важное место в системе регуляции образа жизни этноса

и выполняли свои функции только при активной поддержке общественности» [6, с. 5-6]

Таким образом, можно сделать вывод, что традиция – это исторически сложившиеся нормы поведения, обычаи, передающиеся из поколения к поколению и регулирующие образ жизни людей.

Поскольку народные традиции охватывают и регулируют все стороны повседневной жизни, их можно взять за основу изучения быта в курсе «История Тувы».

В качестве примера приведем комбинированный урок по теме: «Быт Тувы в период господства Цинской империи в Центральной Азии (вторая половина XVIII – начала XX в.)», проводимый с целью ознакомления учащихся с тувинскими народными традициями и их бытовой жизнью.

План урока предполагает освещение таких вопросов, как:

1. Тувинские народные семейно-бытовые традиции
2. Жилище и одежда
3. Хозяйство и пища
4. Праздники

В ходе урока рассматриваются народные традиции, юрта, хойтпак, курут, пыштак, үс, хан, чөреме, төш, ужа, курдюк, праздник как основные понятия данной темы.

Учитель начинает свое вводное слово с дефиниции «народные традиции». Затем спрашивает у учащихся о том, какие тувинские традиции они знают. Слушая и одновременно отчасти корректируя их высказывания, он знакомит учащихся с возникновением тувинских народных традиций, со сторонами общественной жизни и их функцией в повседневной жизни. После этого учитель приступает к рассмотрению остальных вопросов урока. Объясняя учебный материал, он делает большой акцент на народные традиции, которые существовали в быту изучаемого периода и дошедшие до нынешнего времени, тем самым показывая, что предки тувинцев в своей повседневной жизни всегда действовали в рамках традиций и обычаев.

Например, при рассмотрении вопросов о жилище и одежде тувинцев в период господства Цинской империи, учитель разделяет класс на две группы и дает задание на развитие воображения, где первая группа рисует внешний вид и внутреннее устройство юрты, а вторая – рисует национальный костюм тувинского народа. Спустя некоторое время, он выслушивает мнения школьников по поводу их рисунков и приступает к изложению данного вопроса. Учитель вывешивает на доске картинку с изображением юрты и национальных мужских и женских костюмов. При рассказе о жилище, он большое внимание уделяет традиции рассуждения членов семьи и гостей в юрте согласно социальному статусу.

Так, хозяин юрты обязательно сидел за очагом, у изголовья кровати, хозяйка – у ног постели, а между ними было место для маленьких детей. Ниже по направлению к двери сидели незамужние дочери и заходившие в юрту посторонние женщины. Место для высоких гостей находилось за очагом у *антара* между кроватью и домашним алтарем. Перед алтарем сидеть никому не позволялось. Ламы сидели у *антара*. Ниже «против солнца» располагались гости мужского пола по кругу, в зависимости от общественного положения и возраста [4, с. 152].

На третьем вопросе урока учитель рассказывает о национальных блюдах тувинского народа – *хойтпак*, *курут*, *пыштак*, *ус*, *хан*, *чөреме*, *төш*, *ужа*, *курдюк* и т.д.

При анализе материала о способах приготовления пищи он также старается вызвать интерес учащихся к обычаям и традициям, связанные с ним: *хойтпаком* всегда угощали каждого зашедшего в юрту; *ужа* и *курдюк* подавали самому почетному гостю, т.к. это почетные части мяса (в понятие почетного гостя входят прежде всего старшие родственники). Грудная кость (тош) шла только хозяину, а голова барана (после угощения мясом *ужа*) предлагалось снова самому почетному или самому главному гостю. Вместе с головой ему подавали еще три длинных ребра. Матку овцы давали хозяйке юрты. Этот обычай связан с поверьем о благополучном приплоде овец, принадлежащих данной семье. При распределении вареного мяса барана детям запрещали давать головной и костный мозг, т.к. боялись, что они вырастут глупыми. Не давали детям также жилистое (с сухожилиями) мясо с ног животного, чтобы они не были сопливыми, и чтобы у них не болело сердце [4, с. 170-184]. Существовавшие традиции учитель объясняет, либо организует комментированное чтение с обучающимися.

При изучении вопроса о хозяйстве тувинцев, учитель снова разделяет класс на две группы, в котором первая группа находит из источника информацию о хозяйстве тувинского народа, а вторая – придумывает к первой группе вопросы, читая источник. В качестве источника можно взять отрывок из работы А. Адрианова «Путешествие на Алтай и за Саяны» или Е.К. Яковлева «Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея», в которых содержатся сведения о хозяйственной жизни тувинцев.

Традиционные праздники являются важной составной частью бытовой жизни тувинского народа. К «весельям» относятся: праздничное пиршество по поводу рождения ребенка, семейный праздник подстригания волос ребенка, свадьба, праздник шерсти, праздник в честь юрты, а также *шагаа*. Поскольку в настоящее время учителя общеобразовательной средней школы сталкиваются с проблемой нехватки времени на

уроке, педагог знакомит учащихся только с основными праздниками тувинского народа того периода, и представляет в качестве примера только один из них. Например, с традиционной тувинской свадьбой.

На уроке рассматриваются особенности тувинской свадьбы. Учитель рассказывает, что традиционный свадебный обряд тувинцев в конце XIX – начала XX в. в различных районах Тувы был не одинаковым (например, свадебный обряд Монгун-Тайгинского района). Для тувинцев Монгун-Тайги характерным был брак путем сватовства. После сватовства, если родители девочки дали свое согласие на выдачу, идет ее закрепление – *тухтен*, в котором совершали специфический обряд – «жениха и невесту сажали рядом, затем соединяли волосы на концах их косичек и заставляли каждого из них угадать, чьи эти волосы. Если жених угадал, что это коса его невесты, а невеста узнала волосы своего жениха, то это считалось хорошим предзнаменованием, что брак этот будет удачным и хорошим» [4, с. 234-243]. Далее следует свадебное пиршество, сущностью которого является переезд невесты в дом жениха и устройство свадьбы. На другой день после свадьбы соблюдался обычай благословения невесты. Смысл данного обычая заключался в том, чтобы снять запрет общения невесты со свекром и старшими родственниками мужа.

В ходе подачи всего материала учитель прибегает к разным видам деятельности. Например, задает вопросы на сравнение: «Как Вы думаете, существует ли эта традиция в настоящее время?», «Какие традиции утратили свое значение?», «Почему?» и т.д. Также педагог организует групповую работу, работу с текстовым источником, дает задание на развитие творческих способностей, заставляя предметно взглянуть на историческое прошлое (рисунки).

В качестве закрепления пройденного материала учитель раздает учащимся карточки с незаконченными предложениями, которые ученики должны продолжить: «Основной молочной пищей тувинцев был...» и т.д.

На дом педагог дает задание составить маленький кроссворд с основными понятиями урока.

Итак, рассмотрев народные традиции как основу изучения быта в курсе «История Тувы», следует сказать, что народные традиции были и остаются одним из средств приобщения подрастающего поколения к жизни общества. Они не ограничиваются одним периодом жизни человека. Каждый человек с рождения находится в сфере действия обычаев и традиций.

Вышеприведенный анализ урока показывает, что изучение быта тувинцев можно начать с рассмотрения народных традиций, поскольку бытовая жизнь людей регулируется исторически сложившимися обычаями и традициями, которые передаются из поколения в поколение.

Кроме того, народные традиции нацелены на воспитание национальной идентичности, дают возможность учителю общеобразовательной средней школы на основе изучения повседневной жизни сформировать у учащихся правильный стереотип поведения, взглядов и убеждений, отношения к жизни и обществу.

Литература

1. Адрианов А. Путешествие на Алтай и за Саяны // Сибирская газета. 1881. № 43. (Статья)
2. История Тувы: В 2 т. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. 367 с. (Монография)
3. Краткий политический словарь / Сост. и общ. ред. Л.А. О니кова, Н.В. Шишлина. 4-е изд. М.: Политиздат, 1987. 509 с. (Монография)
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Л.И. Скворцовой. 24-е изд. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2005. 1200 с. (Монография)
5. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Изд-во «Наука», 1969. 402 с. (Монография)
6. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2002. 960 с. (Монография)
7. Федотов В.А. Традиции как социокультурное явление. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 136 с. (Монография)
8. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. С. 36, 44, 62.

ФИЛОСОФИЯ

МЕХАНИЗМ РАБОТЫ И МЕТОДЫ РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

А. Т. Алтаева

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Б. Гужавина, к.филос.н., доц.

„*Der tallenvolle Mensch ist in allem talentvoll*“ утверждал немецкий писатель Лион Фейхтвангер. „Талантливый человек, талантлив во всём“ – невозможно звучит интерпретация этой цитаты на русском языке.

Но каким образом формируется этот „всесторонний талант“ или „талант вообще“? Что и как происходит в голове у „творца“, когда он создает очередное гениальное произведение? Если бы ученые нашли ответы на эти вопросы, то наверняка создали бы универсальную формулу по „штамповке гениев“. Но, увы пока это все остается под завесой тайны.

Целью данной работы является раскрытие современных представлений о содержании понятия творческого мышления, механизмов его работы и методов развития.

Вопрос о развитии творческого мышления и творческих способностей волнует уже не одно поколения выдающихся ученых и исследователей всего мира. Существуют различные точки зрения по поводу природы возникновения так называемого „творчества“.

В течение длительного периода времени многими учеными выдвигалась идея о непосредственной связи творческого процесса с эмоционально-чувственным восприятием творца; отражением которого являлся продукт творческой деятельности. При этом достаточно долго изучение природы „творчества“ велось в основном в отношении личности „творца“ или же продукта его деятельности.

По мнению выдающегося советского психолога Л.С. Выготского „творчество“ или „искусство“ – есть известная работа мысли [1. С. 22]. Таким образом, для Выготского сам процесс творчества имеет прямое отношение к мыслительным операциям нежели к эмоционально-чувственному восприятию. Кроме того он утверждает, что при изучении природы „творчества“ необходимо изучать не личность „автора“, не „зрителя“, изучению должны быть подвергнуты психические процессы и мыслительные операции, происходящие во время процесса „творчества“ [1. С. 17]. С этой точкой зрения выражает согласие и другой известный советский психолог Б.Г. Ананьев.

Ананьев выдвигает несколько основных вопросов, которые должны быть изучены с целью понимания природы творчества.

1. Первый и основной вопрос – это исследование художественного мышления, которое в свою очередь должно стать орудием изучения содержания искусства. Структура интеллекта – первое, с чего нужно начать изучение одаренности.

2. Вторая существенная гипотеза связана с представлением о необходимости наличия биологических (психофизиологических, нейродинамических и т.д.) предпосылок художественной одаренности. Какова характеристика типологических особенностей высшей нервной деятельности художественно одаренной личности?

3. Важный круг вопросов связан с изучением эмоциональной сферы личности художника, характера и глубины эмоциональной экспансии, степени эмоциональной возбудимости. Как связаны показатели эмоциональности с другими характеристиками индивидуальности?

4. Для плодотворного решения названных выше проблем необходимо всестороннее изучение динамики формирования и развития художественных способностей. От склонностей к призванию, от одаренности к таланту – таков путь художественного развития личности.

Кроме того, он выделяет понятие „художественной одаренности“, как так называемой готовности человека к различным видам художественной деятельности и утверждает, что одаренность в одном творческом направлении тесно взаимосвязана или же способствует развитию одаренности в другом творческом направлении [2. С. 6-8].

Аналогичные точки зрения имеют место и у ряда других ученых. К примеру, З. Фрейд устанавливает непосредственную связь между „творчеством“ и мышлением. Само „творчество“ он видит как высвобождение бессознательного. По его мнению, в основе поэтического творчества, так же как в основе сна и фантазий, лежат неудовлетворенные желания, часто такие, «которых мы стыдимся, которые мы должны скрывать от самих себя и которые поэтому вытесняются в область бессознательного» [1. С. 51-52]. Таким образом, в творчестве „творец“ на бессознательном уровне дает выход всему, что сдерживает на сознательном.

Л.Б. Ермолаева-Томина также относит процесс творчества к деятельности бессознательного, при этом выделяя 4 уровня процесса творчества:

* **бессознательного** (базируется на глубинных законах жизни, этапах эволюционного процесса и генетической памяти, природных задатках, опыте раннего детства, нейро-физиологических задатках, особенностях темперамента),

* **подсознания** (складывается на основании индивидуального опыта и прижизненно сложившихся в мозгу психических конструкторов, сновидениях),

* **сознания** (включает в себя логические операции – анализ, синтез, абстрагирование и обобщение, а также умозаключение),

* **сверхсознания** (сверхсознание – неосознаваемые первоначальные этапы любого вида творчества, рождения гениальных догадок, внезапных озарений) [3. С. 18].

Из вышеперечисленного следует, что: **во-первых**, обнаруживается, что возникновение творчества напрямую связано с работой разума (мышления) и всех сопутствующих ему уровней, процессов и операций; **во-вторых**, так как возникновение творчества непосредственно зависит от работы разума (мышления), то объектом изучения должен стать сам разум со всеми его уровнями, процессами и операциями.

Таким образом, непосредственно механизм работы творческого мышления представляет собой сложный процесс изменения, преобразования, соединения, в результате которого происходит создание субъективного нового. Как и всякий процесс, происходящий в этом мире, механизм творческого мышления проходит определенные стадии на пути своей реализации.

Так, например, английский социальный психолог Грэм Уоллес выделяет 4 стадии творческого мышления:

1. Подготовка – формулирование задачи; попытки её решения.
2. Инкубация – временное отвлечение от задачи.
3. Озарение – появление интуитивного решения.
4. Проверка – испытание и/или реализация решения [4].

Практически аналогичную трактовку стадий дает французский философ Анри Пуанкаре [5].

П. К. Энгельмейер полагал, что работа изобретателя состоит из трёх актов: желание, знание, умение.

1. Желание и интуиция, происхождение замысла. Эта стадия начинается с появления интуитивного проблеска идеи и заканчивается уяснением её изобретателем. Возникает вероятный принцип изобретения.
2. Знание и рассуждение, выработка схемы или плана. Выработка полного развёрнутого представления об изобретении. Производство опытов – мысленных и действительных.
3. Умение, конструктивное выполнение изобретения. Сборка изобретения [6. С. 146].

П.М. Якобсон, в свою очередь, выделял следующие стадии:

1. Период интеллектуальной готовности.
2. Усмотрение проблемы.

3. Зарождение идеи – формулировка задачи.
4. Поиск решения.
5. Получение принципа изобретения.
6. Превращение принципа в схему.
7. Техническое оформление и развёртывание изобретения [6. С. 147.]

Среди российских ученых аналогичной точки зрения придерживается Л.Б. Ермолаева-Томина. Она рассмотрела 3 фазы творческого процесса:

- **Пусковая** характеризуется интеллектуальной инициативой или умением самостоятельно видеть и ставить проблемы. Первым естественным толчком для включения в творческий процесс через сознание является появление нового в окружающей среде, вызывающего эмоциональную реакцию удивления, любопытства, непонимания. Другим внешним побудителем к творчеству является четко поставленная перед человеком конкретная поисковая задача. Третьим побудителем является внутренне детерминированная потребность в творческой деятельности, которая определяется специальными способностями к творческого вида деятельности, а также потребностью в напряженной мыслительной работе и творческим сознанием.
- **Поисковая** начинается с острого желания воплотить задуманное, протекает в поиске средств для его осуществления и кончается их нахождением и принятием решения относительно конкретных способов воплощения.
- **Исполнительная** (реализация задуманного в действиях, контроль за промежуточными результатами и коррекция способов выполнения, критической оценки продукта) [3. С. 19-23].

Методики развития творческого мышления или методики креативности, призваны решать ряд задач, связанных с активизацией творческого мышления. Их ключевыми задачами являются:

- чётко сформулировать проблему
- собрать исходные данные
- выработать критерии для структурирования исходных данных
- структурировать исходные данные
- всесторонне изучить исходные данные
- расширить отрасль проблематики
- сформулировать несколько точек зрения на проблему
- сформулировать максимальное число решений
- выработать критерии отбора перспективных идей или решений
- снимать ментальные блокады

- ускорить процесс генерации идеи
- отбирать действительно выгодные и оригинальные варианты решения проблемы.

Одним из ярких методических примеров является мозговой штурм – оперативный метод решения проблемы на основе стимулирования творческой активности, при котором участникам обсуждения предлагают высказывать как можно большее количество вариантов решения, в том числе самых фантастичных. Затем из общего числа высказанных идей отбирают наиболее удачные, которые могут быть использованы на практике. Метод был изобретён одним из основателей рекламной компании BBDO Алексом Осборном и описан в его книге «Ваша креативная сила» (англ. *Your Creative Power*) в 1948 году. Является также методом экспертного оценивания.

Другой не менее известный метод получил название теории решения изобретательских задач, разработанной изобретателем и писателем-фантастом Генрихом Альтшуллером в 1946 г. ТРИЗ является методологией, набором инструментов, базой знаний и технологией моделирования для генерации инновационных идей и решений проблем. ТРИЗ предоставляет инструменты и методы для формулирования проблемы, системного анализа, анализа отказов и паттернов эволюции (от «как есть» до «как должно быть»). В отличие от методики мозгового штурма (в котором неупорядоченно формулируются идеи и варианты решения проблемы), целью методики ТРИЗ является создание алгоритмического подхода к изобретению новой системы или улучшения старой.

Метод Дельфи – методика, позволяющая с помощью опросов, интервью, мозговых штурмов, добиться максимального консенсуса при определении правильного решения.

Британский врач Эдвард де Боно предложил множество методик развития творчества и мышления. Он является автором понятия латеральное мышление. Одним из примеров латерального мышления является техника шести шапок (белая – аналитическое мышление, красная – эмоциональное мышление, чёрная – критическое мышление, жёлтая – оптимистическое мышление, зелёная – творческое мышление, синяя – мышления в большой перспективе). В метафорическом понимании, одевая каждую из шапок, человек может взглянуть на проблему с нескольких точек зрения.

Методика творчества под названием синектика была разработана Уильямом Гордоном и Джорджем Принсом в компании Arthur D. Little Invention Design Unit в 1950 гг. Технологической задачей здесь является предложение участникам попытаться «сделать известное странным, а странное – известным». Методика состоит из десяти шагов: анализ и определение проблемы, предложения спонтанных решений проблемы, но-

вая формулировка проблемы, построение прямых аналогий, построение личных аналогий, построение символических аналогий, снова построение прямых аналогий, анализ прямых аналогий, перенос аналогий на проблему и разработка подходов к решению.

Итак, по мнению большинства авторов работ по данной тематике, процесс творческого мышления включает в себя следующие обязательные стадии:

- Постановка задачи
- Бессознательная обработка этой задачи
- Поиск решений этой задачи
- Разработка конкретного плана решения этой задачи
- Непосредственная реализация плана

Что касается разработок по проблеме развития творческих способностей, то они сходятся в одном – в стимулировании пошаговой генерации разнообразных идей в соответствии с той или иной творческой задачей.

Литература

1. Выготский А.С. Психология искусства. М., 1965.
2. Ананьев Б.П. Задачи психологии искусства // Художественное творчество. Л., 1982.
3. Ермолаева-Томина Л.Б. Психология художественного творчества. М., 2005.
4. Wallas G. The Art of Thought. N.-Y., 1926.
5. Пуанкаре А. Математическое творчество // Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970. Приложение III.
6. Пономарёв Я.А. Психология творчества. М., 1976.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМА НОЖНИЦ И КЛЕЯ. Р.ДЖ. КОЛЛИНГВУД

П. И. Григоренко

Томский государственный университет

Научный руководитель: О.Г. Мазаева, к.филос.н., доц.

Робин Джордж Коллингвуд – британский философ-неогегельянец и историк XX века. Самый знаменитый его труд – «Идея истории», посвященный философии истории, был издан после смерти автора и вызвал жаркую полемику вокруг сформулированной в нем идеи. Несмотря на шквал критики, работу Коллингвуда вне сомнения можно назвать более чем выдающейся. К примеру, Э. Ротхакер, западногерманский философ, считал, что эта книга – единственный вклад, который англичане

сделали в философию истории в новое время. Оценивалась эта работа и негативно: «Противоречие между ученым-исследователем и теоретиком-методологом поражает и в другом известном историке – англичанине Р. Коллингвуде. С трудом верится, что автор «Идеи истории», пафос которой – в отрицании возможности истории как науки, и археолог, автор серьезных и вполне реалистических работ о древней Британии – один и тот же человек!» [1, с. 190]. Так или иначе, пройти в изучении философии истории мимо фигуры Коллингвуда не представляется возможным, и именно поставленная им проблематика будет изложена в данной работе.

Начнем с основополагающих определений, которые рассматривает Коллингвуд. Нетрудно догадаться, что ему необходимо ввести как минимум три понятия – философия истории, философия и история.

Термин «философия истории» Коллингвуд понимает в двух смыслах: в узком и широком. В узком смысле этот термин означает необходимость радикального пересмотра философских проблем, в широком – создание новой философии, которая была бы всеохватывающей и понятой с исторической точки зрения.

Критический взгляд Коллингвуда сразу же акцентирует в философии ее рефлексивность. «Философствующее сознание никогда не думает просто об объекте, но, размышляя о каком бы то ни было объекте, оно также думает и о своей собственной мысли об этом объекте. Философия поэтому может быть названа мыслью второго порядка, мыслью о мысли» [2, с. 5]. Правда, автор сразу же уточняет, что философия не изучает сознание в том смысле, как его изучает психология: «Философия никогда не имеет дела с мыслью самой по себе, она всегда занята отношением мысли к ее объекту и поэтому в равной мере имеет дело как с объектом, так и с мыслью» [2, с. 6]. То есть философа истории будет привлекать не само прошлое и не мысль историка о нем, но прошлое и мысль о нем во взаимном отношении. Так понятие философии связано с понятием философии истории как специализированной области философии вообще.

Обратимся к понятию «история» по Коллингвуду. Вот несколько характеристик, которые важны для нас: «история – это разновидность исследования или поиска» [2, с. 12], предметом истории являются действия людей, совершенные в прошлом, «история есть интерпретация фактических данных, причем фактические данные – это собирательное имя для вещей, которые по отдельности называются документами» [2, с. 13], ценность истории заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым – что он из себя представляет, то есть телеологичность истории – в самопознании человека. Для понимания идеи Коллингвуда также важно уточнить, что историю как науку он

противопоставляет естествознанию, то есть история не имеет дела с самими фактами, «вся история – история мысли» [2, с. 204].

Автор утверждает, что историк никогда не может непосредственно познакомиться с предметом своих исследований, ведь этот предмет – прошлое. Его составляют события, которые уже свершились и которые уже больше невозможно наблюдать. Несомненно, историка интересуют фактические события, но вместе с тем и даже более того его интересуют мотивы, по которым люди поступали так, а не иначе. Коллингвуд различает внешнюю (переход Цезаря через Рубикон), и внутреннюю сторону события (мотивы и цели Цезаря). В отношении природы этих двух сторон события нет. Объект исторического знания таким образом – «не просто объект, т.е. нечто, лежащее вне сознания, его познающего; это деятельность мышления, которая может быть познанной только в той мере, в какой познающий ум воспроизводит ее в себе и осознает себя как поступающего таким образом. Для историка действия, историей которых он занимается, – не зрелища, данные наблюдению, но живой опыт, который он должен пережить в собственном уме; они объективны и могут быть познаны им только потому, что они одновременно и субъективны, т.е. являются действиями его собственного сознания» [2, с. 207]. Иными словами, деятельность историка носит эмпатический характер, от него для полного понимания исторического события требуется максимально возможная конгениальность с участниками этого самого события. Коллингвуд говорит об историческом воображении, необходимом историку.

В истории, по убеждению Коллингвуда, действует теория исторического знания в рамках здравого смысла. В соответствии с данной теорией, существенными сторонами исторической науки являются память и авторитет. То есть для того, чтобы историк смог о чем-то судить, это что-то должно не только произойти, но это должен был кто-то увидеть, запомнить и зафиксировать. История, таким образом, представляет собой веру в истинность чьих-то воспоминаний. Эта вера не имеет лекарства от всех погрешностей, которые могут иметь свидетельства авторитета. Историк не может достоверно знать, был ли авторитет заинтересованным в событии, любил ли он приукрасить, или вовсе был невменяемым человеком. За неимением такого лекарства историк в теории должен принимать все, сказанное авторитетом, за истинное.

Однако, как пишет сам философ, «все эти выводы теории исторического знания, основывающейся на здравом смысле, были сформулированы мною только для того, чтобы опровергнуть их» [2, с. 224]. Каждый историк вмешивается в повествование источника тремя способами: «он выбирает из него то, что ему представляется важным, опуская остальное; он интерполирует в них то, что они не говорят явно; и он критикует

их, отвергая или исправляя в них то, что ему кажется плодом дезинформации или лжи» [Там же]. Подобное вмешательство происходит всегда и ведёт к следующему. Никто не знает, какие именно свидетельства надо отвергать, а какие принимать, и нет никакого критерия в таком деле.

Таким образом, историк предоставлен здесь самому себе и имеет право выбора, свободу выбора. Но, как известно, понятие свободы всегда влечет за собой понятие ответственности, и получается, что именно он, историк, а не его источник ответственен за то, что включается в его рассказ. Таким образом, авторитет – уже не настолько авторитетен, более того, получается, что «для историка вообще не может быть авторитетов, потому что приговор так называемым авторитетам может вынести только он один» [2, с. 226].

Также обстоит дело и с памятью – она не мерило для истории, ведь вновь можно открыть то, что полностью было забыто (т.е. не упомянуто ни одним авторитетом). Получается, что критерий исторической истины не заключается в соответствии утверждений, сделанных историком, утверждениям, которые он обнаруживает у своих авторитетов. Значит, нужно искать другой критерий. Коллингвуд приводит в пример Брэдли, который говорит, что наш опыт учит тому, что некоторые вещи происходят в мире, а другие не происходят. В соответствии с таким опытом и нужно делать вывод историку в его работе. То есть предлагается метод интерполяции, когда зная один факт и второй, можно сделать заключение о промежуточном факте (зная, что в определенный день Цезарь находился в Риме, а позднее – в Галлии и, не зная о его перемещении, мы можем интерполировать это перемещение). Здесь историк должен использовать воображение, и воображение это – априорное (в том смысле, что нельзя не сделать вывода о перемещении Цезаря). Тем самым картина предмета исследования «представляет собою некую сеть, сконструированную в воображении, сеть, натянутую между определенными зафиксированными точками – предоставленными в его распоряжении свидетельствами источников» [2, с. 231].

Однако такая позиция не учитывает роли критического мышления. Мы снова возвращаемся к теории, где истина дана нам в готовой форме в свидетельствах источников, то есть все эти якобы закрепленные точки, которые историческое воображение связывает своей сетью, также привязаны к некритически воспринятым авторитетам. Построив такую «сеть» и найдя новый источник, подтверждающий интерполируемые факты, мы, действуя критически, не только не подтвердим эти факты, но будем вынуждены проводить новую критическую работу над новым источником. Так, вслед за Коллингвудом, мы вынуждены «признать, что для исторической мысли нет подобных опорных точек; иными словами,

я должен признать, что в истории нет как авторитетов в строгом смысле этого слова, так и исходных данных» [2, с. 232].

История, о которой сейчас шла речь, реализует метод, который Коллингвуд обозначил как метод «ножниц и клея». Сначала решают, о чем мы хотим знать, затем переходят к поиску свидетельств о нем, затем извлекают из свидетельств необходимое для себя (если же находятся два свидетельства, противоречащих друг другу, то историк решает, какое из них должно быть отброшено). Коллингвуд писал, такую историю, «конструируемую с помощью отбора и комбинирования свидетельств различных авторитетов, я называю историей ножниц и клея. Я повторяю, что в действительности это не история вообще, потому что в ней не удовлетворяются необходимые условия научного знания; но до недавнего времени существовала только такая история, и большая часть того, что люди читают и даже пишут по истории сегодня, принадлежит истории этого типа» [2, с. 245]. Историк такого типа лишен автономии, ведь без свидетельств его работа просто невозможна. Сам Коллингвуд отмечал, что он не рискнул назвать ни одного историка или даже хотя бы одну историческую работу, в которой окончательно исчезли все следы этой истории.

История ножниц и клея, по сути, есть простой пересказ уже сказанного кем-то, простое повторение утверждений, которые другие люди сделали до него. Такой историк не может сказать ничего нового – в его работе либо переписывание свидетельств авторитетных источников, либо какие-то промежуточные выводы, которые, правда, тоже основаны на каких-то авторитетах, а значит, не являются самостоятельными. Такая история нам по сути ничего не дает, а лишь наращивает массив исследований, количество работ по той или иной проблеме, становится потенциальным свидетельством для другого историка, пишущего свою «историю» при помощи ножниц и клея. Такие выводы представляются вполне резонными. И, к сожалению, в действительности сложно будет найти историческую работу, полностью лишенную метода ножниц и клея.

Впрочем, в работе «Идея истории», написанной в первой четверти XX века, автор выразил убеждение, что метод клея и ножниц уже отжил своё, хотя исторически и продолжает своё существование. Спустя сто лет, мы, однако, не можем утверждать упразднение этой проблемы. Ведь, так или иначе, любая исследовательская работа историка является работой с источниками, а значит, он все равно будет что-то выбирать, а что-то убирать.

Сам Коллингвуд формулирует решение проблемы в изложении принципов построения «научной» истории. В ней историк имеет дело уже не с источниками, а с основаниями. Проще понять разницу между двумя видами историй на следующем примере. Коллингвуд говорит о

смене образов сыщика – образ Шерлока Холмса, который лазил по месту преступления с лупой, сменяется склонным к чистому мышлению, и не менее популярным образом сыщика – Эркюля Пуаро (такая смена, по убеждению Коллингвуда, подтверждает всеобщее осознание проблемы ножниц и клея в истории). По мнению Коллингвуда работа историка, как и детектива, заключается в работе «маленьких серых клеточек» [2, с. 268]. Научные историки изучают проблемы – они ставят вопросы и, если они хорошие историки, задают такие вопросы, на которые можно получить ответ. «Коллингвуд не признает существование объективного критерия исторической истины» [3, с. 170]. Для проверки своих заключений истории нет надобности апеллировать ни к чему, кроме нее самой. «В научной же истории все может быть использовано в качестве оснований для логического вывода, и никто не может наперед знать, окажется ли выбранное историком основание плодотворным» [2, с. 268]. «Фетишизация мысли», как охарактеризовал Коллингвуда Тойнби, означает полное отсутствие критериев истинности, как раз полную автономию для историка, исключение всяких алгоритмов: «в научной истории любая вещь в мире является потенциальным основанием для суждения по любому вопросу» [2, с. 267].

Формально Коллингвуд, конечно, приходит к решению обозначенной им проблемы. Но кажется справедливым заметить, что сформулированная им проблема всё же имеет большую значимость, чем предлагаемое им её решение.

Литература

1. Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М.: "Наука", 1986. 256 с.
2. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: "Наука", 1980. 485 с.
3. Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., Соцэкгиз, 1959. 403 с.

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФСКОГО СКЕПТИЦИЗМА НА РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ В ЕВРОПЕ

А. В. Гукова

Томский государственный университет

Скептицизм – одна из древнейших философских идеологий, в процессе истории претерпевшая множество изменений и пережившая развитие от скептических мотивов, до одной из наиболее устойчивых форм рассмотрения мира. Несмотря на то, что об отдельных представителях скептицизма написано уже достаточно, единого понимания того, что такое скептицизм вообще, до сих пор не выработано. Между тем его назы-

вают одной из важнейших парадигм культуры третьего тысячелетия. Открытым остается вопрос: в какой же степени скептицизм повлиял на развитие Европейской философии?

Прежде чем начать рассмотрение этого главного вопроса, нужно определиться с тем, что мы будем понимать под «скептицизмом». Необходимость данного разъяснения вполне объяснима – скептицизм часто ошибочно приравнивается к смежным понятиям, из-за чего теряется понимание истинного смысла и содержания скептической философии.

Наибольшую трудность представляет собой разграничение понятий скептицизма и агностицизма, поскольку в определенных аспектах содержание этих доктрин очень схоже. И скептики, и агностики занимаются анализом господствующих в обществе представлений, а так же исследованием средств нашего познания, стараясь выявить те особенности, из-за которых мы можем считать знание, полученное путем этих средств, вполне достоверным. Скептицизм признает одинаково убедительными два противоположных тезиса: против способности людей достичь истинного знания, в то же время не отвергая противоположный тезис о доступности таких знаний для человека, поскольку исходит из того, что аргументы, подтверждающие оба этих тезиса – одинаково убедительны. «Агностицизм же утверждает, что возможность таких [истинных] знаний окончательно опровергнута» [1, с. 5]. Под скептицизмом мы будем понимать философскую концепцию, стремящуюся преодолеть догматизм, сомневающуюся в истинности положений, признаваемых всеми людьми, поскольку их истинность не более доказана, чем их ложность и оставляющую вопрос о поиске критерия истины открытым. Все это позволяет скептицизму быть одним из мощнейших факторов развития Европейской философии.

Что же дает нам право претендовать на подобную трактовку феномена скептицизма? Прежде всего, обратимся к Европейской истории философии. Подробный разбор всех проявлений скептических идей в истории выходит за рамки данной статьи, поэтому постараемся осветить наиболее значимые и наглядные примеры для обоснования нашей позиции.

Наиболее яркие проявления скептицизма тесно связаны с переживаемыми обществом или философией кризисами, вызванными подрывом того, что казалось незыблемым, разочарованием в существующих взглядах и поиском новых установок, могущих заменить разрушенные идеалы. В частности проявления этого мы видим в античной философии, когда ко времени возникновения скептицизма как учения, существовало большое количество разнообразных философских систем, среди которых велся постоянный спор о философской истине. Зачастую тезисы, выдвигаемые различными школами, были противоречивы, взаимо-

исключая и при этом, равно доказательны. Таким образом, возникновение скептицизма, как доктрины критикующей догматизм, ставящей острые вопросы о возможностях человеческого познания и указывающей на недостатки существующих учений было необходимо для дальнейшего развития философии и преодоления кризиса. Скептицизм «протестовал против слишком большого абсолютизации философских и художественных предметов» [2, с. 381].

Скептицизм, как философское течение, был призван не разрушить философию вообще, как часто полагалось, а, напротив, атаковать догматическую ментальность, порожденную великими системами. Этой необходимой особенностью скептицизма воспользовались многие философы XVI века, преодолевая кризис культуры Ренессанса. В XVII-XVIII в.в. философия Европы представлялась как своеобразный круговорот догматизма и скептицизма, где скептические идеи являлись мощным толчком для развития новых идей и препятствием для застоя философских систем. Почти все ведущие философы этого времени, не исключая Р. Декарта, начинали построение своих теорий с того, что подвергали максимальному сомнению существующие философские доктрины.

Наиболее ярко идеи скептицизма проявились в философии Д. Юма, через которую нашли отражение в концепциях философов вплоть до нашего времени. Юм довел скептическую мысль до совершенства, называя свою точку зрения «умеренным скептицизмом» и выработав особое понимание скептицизма, важное, для дальнейшего развития Европейской философской мысли. В его философии скептицизм проявился как метод, и такое его понимание разошлось в дальнейшем повсеместно. «Философия Юма во многом совершенно не похожа не только на взгляды «новых пирроников», но и на античный скепсис» [1, с. 210]. Юм использовал скептицизм не как позицию, для опровержения тех или иных философских концепций, но из желания избавить философию от заблуждений и предрассудков. Он развивает скептицизм постепенно, приходит к нему в своей философии. «Его [Юма] скептицизм разрушает только воображаемое основание, мнимую способность, которая никогда не приносит нам плодотворные и практические истины, а дает лишь кажущиеся истины и ничего не значащие понятия» [3, с. 522].

Своей концепцией скептицизма Юм поставил философию в тупик, приведя ее к непреодолимым трудностям, которые заставили последующих философов на протяжении многих веков искать новые пути и решения.

Своим скептическим методом, Юм создал переворот в умозрительных науках своего времени и положил начало множеству философских школ, прямо или косвенно опирающихся на положения его теории или же, напротив, пытающихся опровергнуть его философию. Большое

влияние скептические идеи оказали на И. Канта, позитивистов и, в частности, на логический позитивизм.

Возвращаясь к основному вопросу нашей статьи, теперь мы можем с уверенностью заявить о возможности утвердительного ответа на него. Влияние скептических идей на развитие философии Европы несомненно, более того, в современном мире скептицизм играет роль живой и актуальной традиции. Во многом скептицизм представлен различными вариантами таких концепций как бихевиоризм, прагматизм, конвенциализм, и в особенности в аналитической философии.

Таким образом, на наш взгляд, скептицизм выступил возможностью для преодоления кризисов философии на разных этапах ее исторического развития и способствовал зарождению новых идей, двигающих философию вперед. Нельзя говорить о том, что на этом скептицизм исчерпал себя, оставшись лишь страницей в истории. Скептические идеи актуальны и по сей день. Однако скептицизмом, как методом, стоит пользоваться с большой осторожностью, чтобы он не перерос в агностицизм и не стал полным отрицанием всех возможностей для дальнейшего развития философии.

Литература

1. Богоусланский В.М. Скептицизм в философии. М.: Наука, 1990. 272 с.
2. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. Харьков: Фолио; М.:ООО «Издательство АСТ», 2000. 960 с.
3. Фишер К. История Новой философии: Введение в историю новой философии. Френсис Бекон Веруламский. М.: «Издательство АСТ», 2003. 541 с.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ФРАНЦИИ

Е. П. Еретнова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Б. Гужавина, к.филос.н., доц.

*«Всем врождено понятие о божестве, поэтому
никогда ни один народ не находился в таком
состоянии беззакония и безнравственности,
чтобы не признавал никакого божества».*

Сенека

Всеобщность религии в человечестве – один из самых впечатляющих фактов всемирной истории. Совершенно ясно, что такое явление не могло быть результатом случая, чьих-то фантазий или страхов. Оно должно было иметь свою причину в чем-то фундаментальном, корениться в самой природе человека, в самой сущности бытия. Религия в

осознании многих народов формировалась на протяжении многих веков. Непосредственное влияние на нее оказывали как внешние (войны, набеги, катаклизмы) и внутренние (революции, перевороты, эпидемии) факторы, так и культура и традиции в формировании сознания человека [1].

Термин «религия» в переводе с латинского языка буквально означает «связывание, повторное обращение к чему-либо». В современной науке под религией чаще всего понимают совокупность взглядов и представлений, систему верований и обрядов, объединяющую признающих их людей в одну общность. Основа любой религии – вера в сверхъестественное, то есть в необъяснимое с точки зрения существующих законов науки.

Религия включает также осознание требований со стороны божества и ответственности, связанной с выполнением или невыполнением этих требований. Человек не только чувствует свою зависимость от «священного», но и считает, что божество прямо или косвенно диктует ему свою волю. Религия предполагает установление добрых отношений человека с объектами поклонения, желание умиловить божество, а в случае нарушения воли Бога – компенсировать свое непослушание покаянием или жертвоприношением.

Институционально христианская церковь известна наиболее многочисленными своими типами – католической и православной. Римская католическая церковь – одна из старейших и мощных церковных институтов на Земле, подчиняющий своему влиянию верующих Италии, Испании, Португалии, Франции, Бельгии, Австрии и др. стран. В 1990г. насчитывалось до 900 миллионов ее приверженцев. Организация католической церкви отличается строгой централизацией, иерархическим характером. Глава – римский папа, резиденция которого Ватикан.

Церковь сыграла весомую роль в развитии европейской культуры. На основе церковной жизни развивались различные отрасли искусства – иконопись, песенное мастерство. При церкви также формировалась и существовала приходская общность, где церковный пастырь служил духовным наставником и учителем жизни. Церковный календарь определял весь уклад повседневной жизни мирян, чередование праздников и будней, труда и отдыха [2, с. 125]. Необходимо отметить, что церковь представляет собой сравнительно широкое объединение, принадлежность к которому определяется, как правило, не свободным выбором индивида, а традицией. Отсюда признание возможности каждого человека стать членом церкви. Фактически отсутствует постоянно и строго контролируемое членство, последователи анонимны.

Как мы можем увидеть из различных исторических источников, именно церковь сыграла ведущую роль в формировании политического аппарата власти, особенно в странах Западной Европы. Одной из таких

стран стала и Франция, на политику, культуру и морально-нравственное состояние которой в свое время оказала влияние именно церковь со своей «установленной» формой религиозного верования. Вследствие чего территорию Франции разрывали религиозные или гугенотские войны, известные как серия затяжных гражданских войн между католиками и протестантами (гугенотами) во времена правления королей династии Валуа с 1562 по 1598 г.г. Во главе гугенотов стояли Бурбоны (принц Конде, Генрих Наварский, адмирал де Колиньи). Во главе католиков – королева-мать Екатерина Медичи и могущественные Гизы. На ход этих самых событий пытались повлиять соседние европейские страны – Елизавета Английская поддерживала гугенотов, Генрих Испанский – католиков. Войны закончились восшествием Генриха Наваррского на французский престол и изданием компромиссного Нантского эдикта (1598). В стране официально прекратились насильственные действия касательно гонений «неправильной» веры, но внутреннее противоречие в сознании людей все-таки имело место быть. Помимо этого в стране обострилась политическая и финансовая проблемы, многие сторонники были разорены, большинство морально-нравственных традиций и обычаев, хранимых народом на протяжении многих веков и считаемых неприкосновенными, были потеряны и обесценены. И все же монархическая власть становится все более жесткой на всей территории страны, даже если от имени этой власти выступают министры – Сюлли, Мазарини, Ришелье, Кольбер [1].

На смертном одре Людовик XIV советует своему правнуку не брать с него пример и не увлекаться войнами. Людовик XV проигнорировал этот совет и XVIII век, представляющийся нам периодом духовности и галантности, был еще и периодом крупных конфликтов, предшествовавших Революции. Борьба за власть в Польше и Австрии, Семилетняя война – это был мрачный период в истории, когда к экономическим невзгодам прибавились неблагоприятные климатические условия и эпидемии. Франция по уши в долгах, продовольствия производится недостаточно, много жизней унесли чума и оспа. Это были времена не только Просвещения, но и религиозного фанатизма. Чтобы забыть о реалиях жизни, художники обращаются к миру идеального, воспевая покой и буколику, красоту обнаженной натуры и галантные персонажи (Буше и Фрагонар). Таким же стремлением «убежать прочь» продиктованы и безумия периода Регентства. Нищета и несправедливость вызывают гнев философов (Вольтер), их утопические мечты об идеальном устройстве мира (Руссо), попытку активно бороться с мракобесием и невежеством (Дидро). Так, Ж. Катрфаж (1810-1892) пишет: «Обязанный по существу своих специальных занятий изучать все человеческие расы, я напрасно искал атеизма у самых низших из них, точно так же, как и у высших. Я

его не встречал нигде, за исключением разве отдельных индивидуумов и в кругах, более или менее ограниченных, что мы видели в Европе в прошлом столетии и что встречаем иногда в настоящее время» (Цит. по Архиепископ Михаил (Мудьюгин) Введение в основное богословие [3]). Ему вторит известный этнограф Ф. Ратцель (1844-1904): «Этнографии безрелигиозные народы неизвестны» [Там же].

Формированию представлений о прошлом в значительной степени способствует художественная и мемуарная литература. Поэтому, обращаясь к трагической истории Религиозных войн, мы в первую очередь вспоминаем образы, знакомые нам по книгам и фильмам, и только во вторую – к тому, что пишут в учебниках по истории. Но мы знаем, что и авторы-беллетристы опираются на работы историков. Сюжеты, именуемые «Королева Марго», «Екатерина Медичи», «Карл IX», «Гаспар Колиньи», известные нам по романам А. Дюма, Проспера Мериме («Хроника царствования Карла IX») и Мишеля Зевако («История рода Пардальянов») основаны на трудах французских историков XIX века, когда в исторической науке преобладало политическое направление.

Героями политической истории выступали монархи, политики и их ближайшее окружение, иначе говоря – правящие круги. Основной темой тогдашних работ, посвященных религиозным войнам, были гонения, которым подвергались малочисленные – по сравнению с католиками – гугеноты со стороны государства, иначе говоря – королевского двора, а также поддержка, которую оказывало население, в подавляющем большинстве исповедовавшее католическую религию, государственной политике репрессий. В XX веке история заключила прочный союз с социальными науками, появились фундаментальные исследования, посвященные социальным и ментальным характеристикам минувших эпох. Социологический подход к истории зачастую разрушает традиционные представления о тех или иных исторических периодах. [2, с. 125].

История, увиденная глазами социума, одной или нескольких общественных групп, из которых состоит этот социум, нередко обретает совершенно иную окраску, нежели история, увиденная «сверху», глазами выдающихся людей или государственных деятелей своего времени. И хотя в давние времена не было ни социологических опросов, ни статистики в их современном понимании, собранные по крупицам сведения о мировоззрении людей удаленных от нас эпох, словно мозаика, складываются в удивительную картину мира, непохожую и одновременно необычайно похожую на ту, которую мы видим сегодня. Непохожую, потому что причины, побуждающие людей совершать те или иные шаги, обусловлены их ментальными установками, зависящими от исторических условий, от конкретной эпохи. Похожую, потому что человек всегда остается человеком, всегда будет любить и ненавидеть, радоваться и

испытывать боль, обуреваемый честолюбием будет рваться к власти и во имя любви к ближнему совершать подвиги. Так, например, в предисловии к «Трагическим поэмам», замечательный поэт и переводчик Александр Ревич писал: «Книги Агриппы д'Обинье оказываются пророческими для нашего века, для его последних десятилетий. Тогда был трагический конец шестнадцатого века, теперь мы живем в трагическом конце 20-го. Прошло четыре столетия, но мы сталкиваемся с теми же самыми вопросами жизни, морали и политики». Через призму исторических фактов мы можем проследить надлом восприятия действительности каждым индивидом, отметить то, что как бы человек не пытался рассмотреть существующие в то время проблемы и разобраться в смысле «горячей» религиозной проблемы, его размышления всячески ограничивались и подвергались огромным наказаниям. Церковь выступала как агрессор и диктатор, пытавшаяся внушить всем одну идею, используя один подход к каждой личности, что подорвало доверие и вызвало коалицию свободно – мыслящих людей, пытавшихся идти вперед, к прогрессу, тогда как церковь и вызванная ею война приводила страну в упадок и вела к регрессу.

Именно в то послевоенное время стало зарождаться движение атеистов (на сегодняшний день по данным статистики 32 % от всего населения Франции считают себя атеистами, 32 % – агностиками, и 27 % верят в Бога или в верховное существо.) Вот некоторые из законов, которые показывают стремление народа к свободному выбору морально- нравственных установок для будущих поколений, их самореализации как личности в современном обществе:

1)С 1905 года церковь и государство официально разделены во всей Франции, кроме Эльзаса и Мозель, которые не принадлежали ей на момент разделения.

2)В 2004 году принят закон, запрещающий ношение религиозной символики в государственных школах (Закон № 2004 – 228 от 15 марта 2004 года).

3)В ночь с 15 на 16 сентября 2011 года во Франции вступил в силу запрет на молитвы на улицах.

Что касается нашего века, то весьма спорно распространенное мнение о том, что сейчас происходит упадок религии, «кризис религиозности». В начале века известный философ-персоналист В. Хоккинг писал: «Не следует спешить с суждением о том, что наш век не религиозен. Потенциально люди становятся более религиозными. Это развитие религии – еще скрытый факт» [3]. Прогноз Хоккинга оправдывается. Достаточно вспомнить устойчивость и жизнеспособность религии в странах воинствующего атеизма, мощные мистически окрашенные движения в моло-

дежной среде разных стран Европы и Америки, мощный подъем религиозности в исламских странах.

В рассмотренном материале описано только одно из самых значительных событий, повлиявших на историю самореализации личности в обществе и становление развитого общества. Сколько еще мелких междоусобных войн и перепалок имело место быть – в наше время точно не известно. Многие историки и археологи сейчас вплотную занимаются этим вопросом – ведь каждому человеку интересно знать то, какие шаги по саморазвитию и самосовершенствованию предпринимал человек, во что когда-то верили. Философы и психологи пытаются проследить линию изменения человеческого бытия. В нашем мире нет ничего постоянного – на смену устоявшимся обычаям приходят новые традиции, все старое заменяется новым. Так, давным-давно человек пытался найти свое место в обществе, стать его полноправным членом. Сейчас же наоборот – каждый человек пытается найти свое место в истории любой ценой, нарушая не только все мыслимые и немыслимые морально-нравственные, но и правительственные законы. Но не стоит забывать о своей первоприроде – то, кем ты являешься от природы, не изменить. Воспитание, данное нам с раннего детства и традиции, привитые обществом, наложили свой отпечаток. Задумываясь о будущем своего поколения – помни то, какое влияние ты оказываешь на будущее не только своего поколения, но и на десятки поколений вперед. Таким образом, распространенность религии не вызывает сомнений. Сущность всех этих теорий можно выразить афоризмом Л. Фейербаха: «Не Бог создал человека, а человек создал Бога» [4, с. 490-894].

Литература

1. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. [Электронный ресурс]: Сайт Православного общества «Азбука веры» <http://azbyka.ru>. © Православное общество. Б.г.и. Режим доступа: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/o_vere/osipov_put_razuma_01-all.shtml.
2. Кудрявцев В.Д. Начальные основания философии. Изд. 9-ое. Сергиев Посад, 1915.
3. Архиепископ Михаил (Мудьюгин) Введение в основное богословие. [Электронный ресурс]: Сайт Православной библиотеки «Золотой корабль» <http://www.golden-ship.ru>. © MyCorp. 2012. Режим доступа: http://arhiv-knig.ucoz.ru/_ld/5/596_mudiygin.htm#20a.
4. Фейербах Л. Лекции о сущности религии // Избранные философские произведения. В 2-х т.т. Т. 2. М.: Политическая литература, 1955. 942 с.

ПРОБЛЕМЫ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ И НЕСОИЗМЕРИМОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

М. И. Ниязова, В. А. Филипповский

Томский государственный университет

Научный руководитель: Е.В. Борисов, д.ф.н, доц.

Философская мысль обнаруживает в своём развитии два разных, попеременно сменяющих друг друга периода, в одном из которых догматизируется некая онтологическая картина мира, а в другом догматизм сменяется плюрализмом, вследствие чего возрастает роль скептицизма. Под плюрализмом здесь понимается любая недогматическая позиция как ответ на внешний онтологический вопрос.

Несмотря на множество конкретных субстратно-субстанциальных онтологий, в Античности существовало единое, общее для всех античных мыслителей представление о мире и месте человека в нём. Кризис этой натуралистической точки зрения начался уже у софистов и элеатов: первые показали возможность обоснования всего, что угодно; вторые показали невозможность представления движения в понятии. Венцом кризиса античной натуралистической онтологии являлся античный скептицизм. В связи с потерей античными философами единой онтологической точки зрения исследователи отмечают, что в Античности впервые была осознана возможность многочисленных образов мира, и следствием исчезновения единого представления о мире стало возникновение гносеологии. Гносеология пыталась разрешить проблему многочисленности онтологических структур и возникающую из этого неопределённость, основываясь на анализе познающего субъекта, а не на догматическом учении о бытии.

Базовым понятием теории познания является понятие познавательного отношения между субъектом познания и объектом познания. Проясняя это понятие, можно исходить из объективности мира и прояснять положение субъекта познания внутри этого мира, выводя из этого положения познавательные способности субъекта. Другой подход к решению этой задачи заключается в том, что за исходный пункт берётся непосредственная данность субъекта познания, а мир представляется тем, что дано субъекту благодаря его познавательной деятельности. Первый подход являлся актуальным для поздней Античности. О втором мы скажем ниже.

Поздняя Античность подготовила появление в классическую эпоху веры очередной формой креационистского догматизма. Кризис поздней схоластики породил оппозицию эмпиризма и рационализма, спор которых проблематизировал догматический подход к миру и вновь поднял вопросы «откуда?», «почему?» и «как?», оставив в стороне вопрос

«что?». В работах философов Нового времени развиваются и обосновываются разные способы объяснения мира, и, вследствие последнего, внимание обращается к способам организации мировидения в ходе познавательного процесса. С потерей единой догматической онтологии в эпоху Ренессанса и последующем за ней Новом времени возобновляются скептические настроения (Дж. Беркли, Д. Юм).

На этот раз в прояснении познавательного отношения возобладал второй подход: это становится ясно из поворота И. Канта в философии. Кант разрешил спор эмпириков и рационалистов, указав на простой факт, что как одни, так и другие не различали в объекте познания предмет и его явление.

С Канта началась эпоха систем Немецкой классической философии, эпоха классического идеализма, который выступил в качестве новой формы догматизма. Его проявления можно обнаружить, начиная с конструктивной роли субъекта в познании (И. Кант), и заканчивая тезисом о тождестве бытия и мышления (Г. Гегель).

Кризис рационализма не заставил себя долго ждать. Возникновение во второй половине 19 века иррационализма и направлений, которые исследователи относят к философии жизни (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, А. Бергсон, С. Кьеркегор и другие), было связано с тем, что возлагаемые прежде надежды на разум оказались несостоятельными. В противопоставлении воли и рассудка репутация последнего оказалась подпорченной, в результате чего все предпочтения были отданы иррациональным составляющим человека. Скептические настроения были поддержаны эмпириокритизмом (Э. Мах, Р. Авенариус), феноменологией, которая повторила попытки обоснования научного знания при помощи *douté methodique* Р. Декарта (Э. Гуссерль) и отчасти неокантианством.

Философия в период конца 19-го века – начала 20 веков также претерпела существенные изменения. Во-первых, философия вновь и в ещё большей степени начала кооперироваться с наукой, во-вторых, в философии произошёл лингвистический поворот, который определил появление философии языка. В связи с последним отметим, что выступая против идеализма классического рационализма, философы отчётливо себе представляли, что дальнейшее развитие философии возможно только через преодоление идеализма и метафизики.

Поворот от объекта познания к языку, на котором фиксируются знания о нём, дал вновь некоторые надежды на то, что объект познания может быть схвачен и будет построена его онтология. Были предложены разные подходы к языку: логический анализ языка (неопозитивизм), семиотический подход, феноменологический подход, структурно-лингвистический подход (структурализм), метафизика языка (экзистенциализм) и некоторые другие.

Кризис нового догматизма, связанного с лингвистическим поворотом и надеждой на то, что объект может быть схвачен опосредованно при помощи языка (при помощи структуры – для структурализма, и системной модели – в случае с системным подходом), последовал сразу вслед за началом Второй мировой войны и связан с упадническими настроениями, возобладавшими в этот период. Неопозитивизм сменяется постпозитивизмом, структурализм – деконструктивизмом, а системный подход трансформируется от общей теории систем и кибернетики, главными задачами которых является исследование равновесных состояний открытых систем, к теории неравновесных систем (теория хаоса и катастроф).

Скептические настроения во второй половине 20-го века во всей полноте проявились в том явлении, которое называют постмодернизмом, который представил традиционные скептические аргументы в терминах пантекстуальности и интерсубъективности.

Резюмируем всё вышесказанное. Из проведённого историко-философского обзора видно, что в периоды, в которые проблематизируется некоторая онтологическая догматическая точка зрения, формируется некоторое поле различных представлений о мире. В эти периоды возникает необходимость изучения различных мировоззрений и возможностей их появления и существования. Одновременно с этим ослабеваает надежда на то, что из числа различных точек зрения обнаружится одна единственно верная, истинная точка зрения (скептицизм).

Осознание существования разных способов видения мира во всех вышеперечисленных периодах выражалось в формулировке множества конкретных научных проблем в различных научных дисциплинах и философских проблем. Все эти проблемы обнаруживают сходство между собой и являются частными случаями двух взаимосвязанных проблем научного знания, которые можно обобщённо назвать проблемой неопределённости и проблемой несоизмеримости.

Проблема неопределённости [16] в самой общей формулировке может быть поставлена следующим образом:

x является неопределённым посредством y .

Примерами проблемы неопределённости являются:

- 1) фаталистический аргумент Аристотеля (факт будущего является неопределённым любыми событиями настоящего или прошлого);
- 2) критика Д. Юма принципа причинности (следствие не является необходимо определённым своей причиной);
- 3) парадокс «зелубые изумруды» Н. Гудмена (*grue paradox*) (не существует обоснования, что эмпирические факты подтверждают только одну гипотезу и никакую другую);

- 4) аргумент Д. Беркли (существование объективного внешнего мира не может быть определено никакими нашими ощущениями);
- 5) гипотеза злого демона Р. Декарта , аргумент Х. Патнэма и Д. Дэнси «мозги в банке» и мысленный эксперимент Р. Нозика «машина ощущений» (никакие наши ощущения не дают нам оснований для суждения о том, каковы вещи на самом деле и существует ли объективный внешний мир);
- 6) проблема герменевтического круга Ф. Шлейермахера (неопределённость целого своими частями);
- 7) теорема А. Тарского о неопределённости предиката истинности в арифметике (класс всех формул, выводимых в формальной арифметике, не определяет класс всех истинных высказываний арифметики); и многие другие.

Интересным является частный случай проблемы неопределённости, где x – индивид предметной области, y – множество, а отношение $\varphi: y \rightarrow x$ является отношением репрезентации. Для этого случая проблема неопределённости может быть сформулирована следующим образом: если существует некоторое множество y репрезентаций объекта x , то объект x является неопределённым.

Примерами такой постановки проблемы неопределённости являются:

- 1) тезис У. Куайна о неопределённости перевода (возможность множества приемлемых, но несовместимых переводов одного и того же предложения влечёт неопределённость его значения);
- 2) проблема уникальной референции или проблема индивидуации (никакая референция не способна указать на единственный предмет; предмет, таким образом, не может быть уникально определённым);
- 3) проблема эмпирической эквивалентности теорий (для всякой научной теории можно доказать существование эмпирически эквивалентных альтернативных теорий, и, таким образом, никакие эмпирические факты не могут уникально определить теорию);
- 4) тезис П. Дюгема и У. Куайна (научная теория верифицируется и фальсифицируется целиком, то есть невозможно верифицировать или фальсифицировать единичное суждение теории);
- 5) соотношение неопределённости В. Гейзенберга и связанные с ним парадокс Эйнштейна-Подольского-Розена и неравенства Белла (нельзя одновременно и точно знать оба параметра движения частицы – положение частицы и её импульс; невоз-

можно определить величину одного параметра одновременно с определением величины другого параметра); и многие другие.

Проблема несоизмеримости является тесно связанной с последним частным случаем проблемы неопределённости. В самом общем виде проблема несоизмеримости может быть сформулирована следующим образом:

- если существует некоторое множество y репрезентаций объекта x ,
- то для любых q и r , таких, что $q, r \in y$, сравнение q и r между собой
- и перевод q в r и обратно являются принципиально невозможными.

(В более слабой версии последние два слова этой формулировки заменяются на «затруднёнными».) Примерами проблемы несоизмеримости являются:

1) несоизмеримость иррациональных математических величин (диагональ квадрата несоизмерима с его стороной);

2) тезис Т. Куна о несоизмеримости различных парадигм (различные парадигмы является несравнимыми);

3) гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа (мышление представителей разных языковых общностей несоизмеримо);

4) гипотеза онтологической относительности У. Куайна (содержание высказываний разных теорий не может быть сравнено между собой в абсолютном смысле, ибо значение суждений одной из них невозможно выяснить вне другой и наоборот); и другие.

Ещё раз отметим, что два класса взаимосвязанных проблем: неопределённости и несоизмеримости, – появляются в те периоды развития научного и философского знания, когда в существующей онтологии проблематизируется наличествующая догматическая точка зрения, формируется некоторое множество различных представлений о мире, и одновременно с этим приходит осознание возможности разных способов видения мира. Вместе с тем ослабевает надежда на то, что из числа различных точек зрения обнаружится одна единственно верная, истинная точка зрения. Вследствие последнего усиливается скептицизм, который, в свою очередь усиливает антиреалистические позиции и, таким образом, противодействует реализму, в частности, научному реализму.

Возможность обобщённой постановки проблем неопределённости и несоизмеримости позволяет предполагать, что эти проблемы могут иметь общие решения. Более детальное изучение этих про-

блем и способов их разрешения позволит прояснить статус научного реализма как общеметодологической позиции.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Е. В. Новосельцева

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Б. Гужавина, к.филос.н., доц.

Происхождения и развитие любого языка непременно связано с развитием культуры и ходом истории тех или иных народов, принадлежащих к той или иной языковой традиции. Целью данного исследования является рассмотрение культурно-исторической взаимосвязи и особенности происхождения германских племен и их языковых традиций.

Развитие германских языков от племенных диалектов до национальных литературных языков связано с многочисленными миграциями их носителей. Область первоначального расселения германских племён охватывала южную часть Скандинавского полуострова, полуостров Ютландия и территорию Шлезвиг-Гольштейн. Германские диалекты древнейшей поры делились на 2 основные группы: скандинавскую (северную) и континентальную (южную). Во 2-1 вв. до н. э. часть племён из Скандинавии переселилась на южное побережье Балтийского моря, в низовья Вислы и Одера, и образовала восточногерманскую группу, противостоящую западногерманской (ранее южной) группе племен, обитавших между Эльбой и Рейном. С середины 2 в. до н. э., в эпоху «великого переселения народов», готы, принадлежавшие к восточногерманским племенам, продвигаются к югу, в причерноморские степи, откуда проникают на территорию Римской империи и затем через Галлию на Пиренейский полуостров.

После падения остготского королевства в Италии (5-6 вв.) и вестготского королевства в Испании (5-8 вв.) носители готского языка смешались с местным населением. Внутри западногерманского ареала в 1 в. н. э. выделялись 3 группы племенных диалектов: ингвеонская, иствеонская и эрминонская. Переселение в 5-6 вв. части ингвеонских племен (англы, саксы, юты) на Британские острова предопределило обособленное развитие в дальнейшем древнеанглийского языка. На континенте иствеоны (франки) распространились на запад, в романизованную северную Галлию, где в конце 5 в. было образовано двуязычное государство Меровингов.

Под властью франков в рамках государства Меровингов и Каролингов (5-9 вв.) произошло объединение западногерманских племён (фран-

ков, алеманнов, баюваров, турингов, хаттов), а также саксов, переселившихся в 4-5 вв. с побережья Северного моря в области Везера и Рейна, что создало предпосылки для позднейшего формирования древневерхненемецкого языка как языка немецкой народности.

Эрмионы с 1 в. н. э. передвигаются из бассейна Эльбы на юг Германии и становятся в дальнейшем носителями южнонемецких диалектов. В основу нижненемецких диалектов лёг древнесаксонский, входивший изначально в ингвеонскую группу и испытавший впоследствии мощное влияние франкских диалектов. В результате взаимодействия франкских диалектов с фризскими и саксонскими в 9-11 вв. создаются условия для возникновения нидерландского языка. Группа скандинавских диалектов после их обособления в 5 в. от континентальной группы вследствие постепенной миграции их носителей на север и юг делится с 7 в. на восточную и западную подгруппы. На базе восточноскандинавских диалектов позднее образуются шведский и датский языки, на базе западноскандинавских – норвежский [1].

Заселение в 9-10 вв. Исландии и Фарерских островов выходцами из Норвегии привело к становлению исландского и фарерского языков. Из новейших германских языков идиш сформировался в 10-14 вв. на основе верхненемецких диалектов с включением семитских и позднее славянских элементов. Африкаанс возник в 17 в. в результате смешения нидерландских диалектов с немецким, английским, французским языками, а также с некоторыми африканскими языками и с креольским малайско-португальским языком.

Отличительными особенностями германских языков, выделяющими их среди других индоевропейских являются следующие: динамическое ударение на первом (корневом) слоге, редукция безударных слогов, ассимилятивное варьирование гласных, общегерманское передвижение согласных, широкое использование аблаута как фонеморфологического средства, образование слабого претерита с помощью дентального суффикса, 2 склонения прилагательных: сильное и слабое [2].

Уже на древнейшем этапе развития германские языки наряду с признаками, объединявшими те или иные группы языков, выделяются признаки, характерные для каждой из них в отдельности. Доказательством наличия контактов между западногерманскими и северными диалектами после ухода восточногерманских племён из Скандинавии служат общие инновации.

В современных германских языках общие тенденции развития проявляются в сходствах и различиях между ними. Для грамматического строя германских языков характерна тенденция к аналитизму, реализуемая в отдельных языках с разной степенью полноты (ср. аналитические английский и африкаанс с флективными исландским и фарерским).

Наиболее чётко она проявляется в именном склонении. Категория падежа в большинстве языков представлена оппозицией общего и родительного (притяжательного) падежей (в английском, датском, шведском, норвежском, нидерландском, фризском), четырёхпадежная система сохранилась только в немецком, исландском, фарерском языках, а в африкаансе формальные показатели падежа отсутствуют.

Падежные отношения выражаются в большинстве языков преимущественно порядком слов и предложными конструкциями. В парадигму склонения личных местоимений, где именительный падеж (общий/субъектный) противопоставлен косвенным (объектным) падежам, входит от 2 до 4 падежных форм: ср. субъектный-объектный в африкаансе, именительный, родительный, дательный, винительный падеж в исландском языке.

Категория числа двучленная (единственное – множественное), но формально выражено только множественное число, причём наибольший набор показателей отмечен в немецком и норвежском языках (5), наименьший – в английском (1). В скандинавских языках форма множественного числа существительных определяет также тип склонения. Трёхродовая классификация существительных (мужской, женский, средний) сохранилась в 5 из 11 германских языков (в немецком, норвежском, исландском, фарерском, идише). В шведском, датском, нидерландском, фризском представлены 2 рода – общий и средний, в английском и африкаансе категории рода нет.

Определённый и неопределённый артикли имеются во всех германских языках, кроме исландского и фарерского, в которых неопределённый артикль отсутствует. Инновацией скандинавских языков является препозитивный свободно стоящий определённый артикль и его вариант – суффиксированный артикль. Свойственное германским языкам наличие двух типов склонения прилагательных – сильного, включающего местоименные окончания, и слабого, являющегося германской инновацией, сохранилось в немецком и скандинавском языках, тогда как в нидерландском языке и африкаансе оно представлено в виде сильной и слабой форм прилагательного.

Для структуры простого предложения характерна тенденция к фиксации порядка слов, особенно глагола-сказуемого (ср. твёрдый порядок слов в английском, африкаансе, рамочная конструкция в немецком).

В лексике германских языков слой ранних заимствований восходит к кельтским, латинскому, греческому языкам, позднейших – к латинскому, французскому. Исконно германскую основу лексики в наибольшей степени сохранил исландский язык, в котором почти нет заимствованных слов. Английский язык выделяется этимологической неоднородностью словарного состава, из трёх основных источников за-

имствования (скандинавский, латинский, французский) самым сильным оказалось воздействие французского языка. На скандинавские языки (кроме исландского) большое влияние оказал нижненемецкий (14-15 вв.).

Среди способов словообразования особое место принадлежит именно словосложению. Из аффиксальных способов для именного словопроизводства типична суффиксация, для глагольного – префиксация. Конверсия отмечена в ряде языков, но наиболее продуктивна в английском [3].

Историю развития германских языков условно принято делить на 3 периода: 1) древний (от возникновения письменности до 11 в.) – становление отдельных языков, 2) средний (12-15 вв.) – развитие письменности на германских языках и расширение их социальных функций; 3) новый (с 16 в. до настоящего времени) – формирование и нормализация национальных языков.

Формирование национальных литературных языков завершилось в Англии в 16-17 вв., в скандинавских странах в 16 в., в Германии в 18 в. В Норвегии существуют 2 формы литературного языка: риксмол (с 1929 букмол) и лансмол (с 1929 нюнорск). Распространение английского языка за пределы Англии привело к созданию его литературных вариантов в США, Канаде, Австралии. Немецкий язык в Австрии представлен его австрийским вариантом, в Швейцарии – двумя формами – швейцарскими диалектами (Schwyzertütsch) и литературным языком. В Люксембурге получил статус национального языка (1984) люксембургский язык, который сформировался на основе западномозельско-франкского диалекта немецкого языка.

Из вышесказанного, на наш взгляд, следует, что формирование германских языков зависело в основном от постоянных миграций германского населения. Появление различных диалектов, заимствование слов из других языков в процессе контакта, появление новых слов и т.д. Также в связи с миграциями мы можем отметить безусловное сходство германских языков с другими индоевропейскими языками – сходство в грамматике, морфологии и лексике. Также безусловно развитие языка связано с культурой, историческими событиями, которые повлияли на его формирование и обновление. Если бы не развивалось и не совершенствовалось общество, то развитие языка в свою очередь стояло бы на месте. История и культура всегда неразрывно связаны с языком.

Литература

1. Вессен Э. Скандинавские языки. Пер. со швед. М., 1949. 125 с.
2. Мейе А. Основные особенности германской группы языков. Пер. с франц. М., 1952. 321 с.

3. Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. Пер. с англ. М., 1954. 25 с.

БУДУЩЕЕ ЭЗОТЕРИЗМА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

О. А. Ткаченко

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.Б. Гужавина, канд. филос. н., доц.

Цель данной статьи – исследовать влияние культуры на эзотеризм, обозначить его место в данной сфере. Данное понятие ассоциируется у многих с чем-то непонятным, мистическим или оккультным. В последнее время всё таинственное действительно притягивает внимание человека, мистикой интересуется все большее количество людей, всё чаще популяризируются различные телевизионные программы и шоу с участием тех, «одаренных», кто имеет желание показать свои возможности и, таким образом, еще сильнее произвести впечатление на непосвященную аудиторию. Но эзотеризм – это нечто большее, чем скрытное, привлекающее интерес течение в культурной жизни общества. Задача исследования – осознать, какова роль данного понятия для человека и какие возможны изменения существующего в настоящий момент положения человека в мире.

Поскольку понятие культуры – есть некий фундамент для исследования социума, историческое значение культуры для общества во все времена являлось существенным, хотя сменялись эпохи, менялось общество, его традиции, установки и ценности. Хотя, по Ф. Ницше, «культура – это лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом», нельзя не отметить, что эта «кожура» охватывает все сферы жизни человека, а в отсутствие её последний становится неспособным реализовать себя как личность. Если рассматривать культуру с точки зрения деятельности человека, то формы её могут быть самыми разнообразными, и они, как известно, будут делиться на материальные и идеальные (духовные). Результат материальный является общедоступным и познаваемым, а главное – действительным, то есть, настоящим, реальным объектом для каждого индивида. Что касается идеального аспекта деятельности, он разносторонен и многогранен, вследствие чего и противоречив. Речь идет об осознании культуры человеком. Рефлексия противоречива не только из-за индивидуальности мышления, но и ввиду сравнения культуры и быта, ее противопоставления жизни [1]. Ибо культура – есть идеальное для человека, то, чего человек хочет и к чему стремится, а быт по сути своей приземлен, обыден и материалистичен. Рационально мыслящий нуждается в новизне, переменах к лучшему в жизни, справедливо-

сти в ней, хотя идеальный мир либо плохо рисуется в сознании, либо трансформируется в утопию.

Культура предполагает стабильность в развитии общества, естественно, исключая кризисные этапы формирования или же гибели цивилизаций. Однако нет необходимости обществу «продвигать» культуру и ставить ее на качественно новый уровень: люди, рожденные даже на сломе веков, необратимо получают слом в сознании. А значит, и для перемен в сфере культуры это будет переломный момент, новая точка отсчета. Находясь в относительно устойчивом положении, культура нисколько не теряет своих позиций, постепенно становясь образной, закрепляясь в символах. Таким образом, она становится всё более неестественной и выдуманной самим же человеком, что можно в некоторой степени сравнить с религией. Если же на культуру в большей степени влияет общество, знания и умения, накопленные человечеством, то что, в свою очередь, влияет на социум и сподвигает его к дальнейшему развитию? Согласно классической гипотезе времен Античности, движет им – желание познавать.

Всё неизвестное, как известно, притягивает. У человека возникает непреодолимое желание обрести знания, которых до этого он еще не получал. Незведанное, с одной стороны, отягощает своей сущностью, а с другой – внушает страх. Однако непознанное, не поддающееся прямому изучению вовсе не является незначительным, более того, с позиции эзотеризма, оно требует такого же уважительного отношения и научного подхода, как и всё познанное. Кроме того, эзотерической является любая реальность, вводящая в идеальный мир, предполагающая индивидуальный путь, индивидуальное творчество, особые установки и устремления индивида. Личность создает эзотерический мир, тогда же и постигается учение о нем. В философском плане эзотерическое мировоззрение характеризуется неким знанием за пределами науки, а деятельность человека определяет не только существующие ценности, но и дальнейшие изменения окружающего мира в будущем.

Истоки эзотерической мысли уходят глубоко в античные времена, в эпоху Эллинизма, а расцвет приходится на начало XX века. Эзотерическими были школа Пифагора и программа построения античной философии и науки Платоном, для которого рефлексия и познание были для души единственным выходом к истине, разуму и свету. Первое осознание эзотерического мироощущения соотносят с происхождением религиозных воззрений, содержащихся в трактатах Гермеса Трисмегиста. Они излагали взгляды на происхождение мира, появление Бога и преобразования в природе, проблему конечной судьбы мира и человека. В этот период были сформулированы такие принципы, как, например, "со-

ответствие микро- и макрокосмоса" или "дуализм и единство активного и пассивного начал".

Второе осознание связано с эпохой Возрождения. Марсилио Фичино, последователь Платона, создавший свой главный трактат «Платоновское богословие о бессмертии души» (1482 г.), утверждал, что мысли Платона, так же, как и тексты Герметического корпуса наравне с христианской доктриной произошли от Единого божественного откровения (Логоса). Poleмика трактата направлена против аверроистов и эпикурейцев, отрицавших бессмертие индивидуальной души, по Фичино, душа человека находится между материальным и божественным, олицетворяя связь между телами в природе. Душа способна к познанию, и, благодаря этому, все ступени бытия могут вновь возвращаться в божественное единство. Человек – это микрокосмос, познающий макрокосмос, а способность к познанию представляет собой главное достоинство человека, сливающегося с Богом на высшей ступени познания.

Другой мыслитель эпохи Ренессанса – Джованни Пико делла Мирандола, являлся представителем гуманистической тенденции и, так же как и Фичино, придавал большое значение магии. При этом он попытался придать магии рациональный смысл, лишив ее ореола таинственности. По его убеждению, магия – это один из способов познания высшего смысла бытия и тайн природы, т. е. "естественная магия", и постичь законы природы может не только святой, но и обычный человек (ученый). Необходимо изучить гармонию природы вещей, прилагать собственные усилия, воздействуя на вещи определенными стимулами, и тогда, согласно философу, природа откроет свои тайны, а чудеса магии будут происходить словно от неё самой.

Однако воздействия на природу недостаточно. Человеку нужно воздействовать на самого себя, познавать не только гармонию окружающей природы, но и внутреннюю гармонию, достигая её усилием воли. В одной из своих книг Карлос Кастанеда, писатель и антрополог, являвшийся также мыслителем эзотерической ориентации, писал, что «среднему человеку недостает энергии для занятий магией. ...Если он использует лишь ту энергию, что имеется у него в наличии, он не может постичь миры, которые воспринимают маги. Чтобы воспринимать их, магам необходимо использовать обычно не употребляемый пучок энергии. Естественно, обычный человек для восприятия и понимания мира магов должен был бы использовать тот же пучок, которым пользовались они. Однако для него это невозможно, так как вся его энергия уже задействована. – Подумай об этом так: все это время ты учился не магии, но скорее – умению сохранять энергию. И эта энергия даст тебе возможность овладеть некоторыми из энергетических полей, недоступных для тебя сейчас. Вот что такое магия: умение использовать энергетические поля,

которые не участвуют в восприятии известного нам повседневного мира. Магия – это состояние сознания. Магия – это способность воспринимать нечто, недоступное обычному восприятию» [2, с. 5].

Таким образом, такое загадочное явление, как магия, в действительности можно постичь, человеку потенциально необходимо прийти к осознанию собственных возможностей. Возникает вопрос – доступны ли человеку способы познания других тайн Вселенной? Ответ будет положительным, если брать во внимание значимость самого человека. Вся его жизнь – в познании. С раннего детства ребенок познает окружающий мир. Становясь взрослее, он также находится в процессе познания, только уже под влиянием общества, в процессе социализации. Проблема здесь такова: что для человека важно познать, то открывается ему либо очень поздно, либо вообще остается непостижимым для его сознания, вследствие чего он теряется в догадках и задается вопросами, зачастую риторическими и фигурирующими в литературе писателей-романистов. Складывается впечатление, что самое необходимое человек не получает, к примеру, знания о том, как быть счастливым, нам никто в школе не преподаёт, хотя это знание не менее значимое, чем знание истории или культуры.

В скором времени человечество ждёт перемены, а качество их будет зависеть исключительно от него самого. Переосмысление эзотерических знаний ведёт к новому этапу культурной переоценки ценностей, а эзотеризм как равноправный источник знания и познания позволит выйти за привычные границы и достигнуть возможного понимания мира извне научного подхода. Создается ощущение, что люди в давние времена уже владели подобными знаниями, любая информация была для них доступна, как в раскрытой книге, но по какой-то причине способность познавать таким способом была утеряна, и на смену эзотерическим практикам пришли научные методы. Порой некоторые аспекты эзотерических знаний проявляются в современном человеке, и это считается аномальным, неестественным. Возможно ли вновь (или же впервые за всю историю человечества) обрести возможность обладать необходимыми знаниями, через утерянную или, скорее, забытую связь со Вселенной, ведь, согласно эзотеризму, всё в ней взаимосвязано и следует по общим, единым законам? Если культура – это «вымышленный мир безусловного» [3], могла ли она изначально основываться на этих непреложных постулатах эзотеризма? Отбросив предрассудки, человек сам меняет мир вокруг себя, своими конкретными действиями именно он определяет свое будущее. Причем, одни действия незамедлительно сказываются на его судьбе, другие могут сказаться через много лет.

1. Кириленко Г.Г., Шевцов Е.В. Философия. Культура и "жизнь". М.: СЛОВО, 2000. 580 с.
2. Кастанеда К. Сила безмолвия. М.: ИД "София", 2003.
3. Ницше Ф. Соч. В 2-х тт. Т.2. М., 1990. 243 с.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Я. Р. Чайковский

Университет Марии Кюри-Склодовской в Люблине (Польша)

Проблема мультикультурализма напоминает мифическую птицу Феникс. С одной стороны, объявляется ее смерть, а с другой – постулируется необходимость возвращения к нему в лучшем виде, с уже готовыми ответами на новые вызовы современности.

Главным тезисом данной статьи является утверждение, что мультикультурализм – это неполитический проект, который способен, как хотят его сторонники, «освободить» конкретного человека от доминантной для него системы интересов (национальных, религиозных) и направить на путь создания новой собственной системы ценностей, которая должна одновременно стать новой системой всеобщих ценностей.

На протяжении последних пятидесяти лет понятию мультикультурализм удалось сделать успешную карьеру, как в практической политике, так и в научном дискурсе, в частности в социологии, философии, политологии. Однако оно всегда будет носить на себе отпечаток, как удачно отметил Э. Мажейко, профессор Албертского Университета в Эдмонтоне (Канада), «первородного греха» – политичности [1, s. 152]. К сожалению, политичное происхождения в отличие от происхождения философического не предоставляет понятию ограниченных коннотаций, а означает, что главным источником для мультикультурализма являются политическая целесообразность. В таком случае понятие находится под влиянием самых широких интерпретаций. Э. Винтер, исследователь политики мультикультурализма в разных странах Запада, показывает на основании анализа истории зарождения политики мультикультурализма и способов его реализации в Нидерландах, Канаде и Германии, что можно говорить «скорее всего, лишь о сходствах или частичном родстве таких политик» [2, p.180].

Внедрение понятия мультикультурализм в научный оборот началось в середине 70-х гг. XX века и было связано с официальным названием государственной политики Канады и Австралии по отношению к этническим меньшинствам. Понятие мультикультурализма было создано

простым, механическим, но очень привлекательным, словообразующим объединением очень широкого понятия «культура» с неопределенным числительным «мульти» (много). Языковая манипуляция дала возможность по-новому посмотреть на историю Европы, и одновременно частично скрыть четырехсотлетнюю европейскую националистическую политическую традицию.

Культура мультикультуралистами понимается как опыт (традиция) людей с общим этническим происхождением (в антропологическом значении этого слова). Такое понимание культуры содержит в себе идею национальности, сформировавшуюся во время становления национальных государств Европы в XVII – XVIII веке [3, p.196]. Происхождение явления национальности, согласно исследованиям социальных антропологов и культурологов, относится ко времени микроэтносов-племен, которые как первая человеческая группа расширяла круг своих интересов от личных к общественным, не всегда очевидно совпадающими с интересами отдельных членов группы. Микроэтносы-племена, как отмечает М. Попович, – это «первая община, которая могла говорить от имени своих членов с позиции интересов «Я», высших, чем индивидуальные интересы членов общины, что значит говорить о человеке вообще, который соответствует интересам «своих», тогда когда за границами этноса, за границами «своих», есть не люди как таковые, а «чужие» [4, с. 112–113]. Традиция бинарного мышления, в соответствии с которой, с одной стороны, находятся интересы людей как таковых, «своих», а с другой – интересы «чужих» (часто опасные и противопоставленные интересам «своих»), изменилась с появлением и активным распространением универсальных, а, значит, наднациональных религий. Универсальные религии принесли идеи интересов и ценностей «высших» од национальных, и тем самым освободили человека от гегемонии национальности.

Понятие «культура» в понимании «мультикультурализма» наследует традицию понятия «этнонациональности». Основной целью политики мультикультурализма является ограничение «смешанных браков» (в прямом и в переносном значении), что должно привести к сохранению национальной целостности и однообразности. «Культура» в понятии «мультикультурализм» созвучна с закрытостью, однообразностью, националистической традицией этнически разделенных групп людей. Как такое понятие обращено в прошлое, закладывает и консервирует традиционные элементы.

Кроме того неопределенное числительное «мульти» играет роль ограничителя определенных границ и механизмов создания пространственных и временных форм.

Анализ исследований различных направлений мультикультурализма, проводившихся в течение последних сорока лет, различных научных

дискуссий можно выделить два основных подхода решения проблемы мультикультурализма – политическо-правовой и плюралистический.

Ч.Тайлор, В. Кимлика и другие представители канадской школы обосновывают политическо-правовое направление мультикультурализма.

Ч.Тайлор, используя традиционную либеральную дихотомию разделения «общественного» и «политического («государственного» – в его терминологии) выделяет два уровня проявления дискурса мультикультурализма.

Первый уровень – это частная сфера, описанная языком первых либералов как «война всех против всех» за собственную идентичность.

Второй уровень – это публичная сфера, понимаемая Ч. Тайлором как сфера диалога, но в тоже время сфера конфликтов, в которой происходит взаимодействие между государством и человеком.

Согласно Ч. Тайлору, публичная сфера – это особое творение государства, которое наделено характеристиками гражданского общества и сосуществует с ним на равных.

Таким образом, национальные меньшинства становятся конкурентами гражданского общества, что создает систему, несоответствующую либеральной традиции и опасную по своему содержанию. Эта проблема анализируется К. Кшиштофком, который утверждает, что «мультикультурализм будет расти до уровня одной из важнейших – наряду с гражданским обществом, с которым будет иметь тесную связь – проблем как на уровне внутренней политики, так и на международной арене»[5. s. 187].

Политическая практика показывает, что государство со своей стороны создает конкурента для своего создателя и контролера – гражданского общества. Таким образом, государство получает еще большую независимость, неподконтрольность как институт.

Ч. Тайлор и его сторонники, поддерживая либеральную и национальную традицию и рост роли государства в общественной жизни, предполагают существование скрытых конфликтов между доминирующей нацией и меньшинствами. Таким образом, большинство получает фактически легитимацию для своей целостности и закрытости.

В свою очередь, В. Кимлика, с целью обойти проблему «политичности» редуцирует понятие политики. Используя терминологию Т.ван Дейка, можно сказать, что он говорит о «политическом домене», или «сфере, где происходят совещания и принимаются политические решения, то есть Парламенте»[6, p. 212].

В рамках такого понимания политики уже не идет речь об отношениях между группами, а только об отношениях человек – государство. Последние должны быть сформированы на основании индивидуалисти-

ческого общественного договора – гражданства. Отношения между человеком и государством регулируются индивидуалистически сформированным общественным договором, который созвучен с формальным гражданством. В.Кимлика утверждает, что «ключом к позиции гражданина является не подавление каких-либо требований, а фильтрация и формирование требований в рамках языка прав человека, гражданских свобод и демократической ответственности» [7, p.100].

Таким образом, философ принимает неизменность (априорность) либеральных ценностей. Государство в рамках такой модели должно быть эффективным менеджером, который действует в границах действующего права с определенными возможностями расширения и изменения права. Максимально индивидуализированный, практически гобсовский подход, создан на основании традиционного националистического подхода, в рамках которого проблема национальности не появляется после создания государства, а только является его имманентной частью.

В. Кимлика, выбирая этот подход, одновременно признает, что он не может быть рецептом решения проблемы мультикультурализма, а только функционирует в границах традиционного, либерального, националистического подхода, где действуют минимальные механизмы адаптации уже существующих групп к доминантной части населения.

Второй подход к мультикультурализму, который можно назвать плюралистическим, представлен так называемыми английской и германской школами мультикультурализма. Указывая на слабые стороны политико-правового подхода, они расширяют культурноориентированную дефиницию группы. Иначе говоря, они включают в группу меньшинства не только этнически ориентированные группы, а также женщин, сексуальные меньшинства, меньшинства по группам интересов (рыболовов, любителей пива). Н.Брейнинг и К. Лёш в работе «Мультикультурализм в современном мире» утверждают, что в понятие мультикультурализм необходимо включить «не только группы, которые принадлежат к этническим моделям [...], но также другие социальные и гендерные группы» [8, p.17].

Плюралистический подход дает возможность обойти проблему противопоставления большинства и меньшинства, которая характерна для подхода Ч. Тайлора, так как каждый аспект своих убеждений и интересов отождествляет с интересами большинства, а свои особенные предпочтения интерпретирует как собственное неповторимое индивидуальное «Я». В таком понимании мультикультурализм выходит за границы понимания политики в узком смысле. Рассматриваемые отношения в таком случае – это не отношения «государство – меньшинство», которые воспринимаются как ценности данные априори, а отношения, которые

только устанавливаются и имеют потенциальную склонность к изменению доминирующих ценностей.

Плюралистический подход также содержит ряд опасностей. Во-первых, сегментация общества, несмотря на ее причины, обозначает потерю общей цели и общих ценностей и, таким образом, угрожает существованию политической культуры, а также существованию национального государства как такового. Во-вторых, существование отдельных групп, которые имеют право на артикуляцию интересов своих членов – это механизм, который влечет за собой деградацию общественных институтов, конфликты между различными группами, а также между группами и государством.

Подводя итог, можно утверждать, что главной целью политики мультикультурализма является сохранение стабильных отношений между людьми, что должно гарантировать целостность и национальную идентичность. Либерализм в сочетании с национальной идеей был в Новое время первой моделью политики мультикультурализма, который должен был решить проблему общей цели разных родственных и племенных групп.

Как понятие с политическим происхождением, мультикультурализм находится под влиянием не только проблем современности, но также европейской политической традиции. Политическому удалось создать отдельную сферу человеческой деятельности через осознание человеком отчуждения своих прав от государства, которое в ответ обязалось охранять и расширять возможности человека. Процесс, метафорически названный «общественным договором», гарантировал сохранение и функционирование либеральных ценностей – человек – общество – государство. Целью политики мультикультурализма должен стать поиск новых отношений, создание новой системы ценностей, «новой религии», которая должна изменить, скорректировать слабые стороны национального государства, а также показать новое направление тенденциям глобализации и активным миграциям.

Литература

1. Możejko E. Wielka szansa czy iluzja: wielokulturowość w dobie ponowoczesnej // Dylematy wielokulturowości. Kraków, 2004. S. 141 – 160.
2. Winter E. Trajectories of Multiculturalism in Germany, the Netherlands and Canada: In Search of Common Patterns // Government and Opposition. 2010. Vol. 45. № 2. P. 166 – 186.
3. Kunow R. From „roots” to „routes”: ethnic fiction between comfort zones and danger zones // Multiculturalism in contemporary societies Perspectives on difference and transdifference. Erlangen, 2002. 232p.
4. Попович М. В. Бути людиною. Київ, 2011. 240с.
5. Krzysztofek K. Pogranicza i multikulturalizm w rozszerzonej Unii –Режим доступа – http://www.ce.uw.edu.pl/pliki/pw/1-2003_Krzysztofek.pdf.

6. Dijk van T. Political discourse and ideology // Anàlisi del discurs politic. Barcelona, 2002. P. 202 – 240.
7. Kymlicka W. The rise and fall of multiculturalism? New debates on inclusion and accommodation in diverse societies // International Social Science Journal. 2010. Vol. 61. P. 84 – 110.
8. Breinig H., Lösch K., Introduction // Multiculturalism in contemporary societies Perspectives on difference and transdifference. Erlangen, 2002. P.13 – 30.

АНТИРЕАЛИЗМ В РАМКАХ ЭПИСТЕМОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ

М. Н. Шалдяков

Томский государственный университет

Научный руководитель: В.А. Суровцев, д.филос.н., проф.

В настоящее время проблемы философии науки, безусловно, входят в число наиболее актуальных и важных философских задач. Такое положение дел обусловлено той решающей ролью, которую играет наука в функционировании и развитии современного общества, а также нормативной строгостью, систематичностью и эффективностью методологии научного познания.

В силу того, что в рамках философии науки возникло и существует множество различных концепций, отражающих порой диаметрально противоположенные взгляды на научную деятельность, научные теории, объекты, постулируемые этими теориями, а так же на цели и задачи науки и философии науки в целом, возникает необходимость их обобщающего анализа с целью выявления общих для них положений, взаимосвязи и влияния, которое оказали более ранние концепции на последующие и т.п. Это многообразие философских теоретических подходов, школ и направлений можно условно разделить на две группы: к первой относятся научные реалисты, ко второй – антиреалисты, работы которых мы и предполагаем рассмотреть в данной статье. В первую очередь мы коснёмся следующих антиреалистических направлений в философии науки: прагматизм, инструментализм, операционализм и радикальный конструктивизм.

1. Прагматизм.

На наш взгляд, на первом месте здесь располагается прагматизм в его классическом виде, предложенный Чарльзом Сандерсом Пирсом. Основным нововведением Ч. Пирса в предшествующую теоретико-познавательную традицию, по нашему мнению, было понимание знания как веры (уверенности, готовности действовать определённым образом). Процесс познания, по мнению Ч.С. Пирса, является последовательным движением от сомнения к полной уверенности и не является индивиду-

альным процессом. Познающим субъектом выступает сообщество исследователей [1, с. 30-37]. Такое сообщество не ограничено во времени и может принимать, проверять, бесконечно перепроверять и при необходимости отвергать различные положения. Истина понимается как относительно устойчивое заключение, к которому пришло сообщество. Одним из важнейших аспектов концепции Ч. Пирса является её направленность на будущее, от которой отказались его последователи и популяризаторы, что, вызывало сильное неприятие у Ч. Пирса и привело к тому, что он выбрал для своей концепции новое название – прагматизм. Пирс объяснял свой выбор тем, что такое название достаточно отворачивательно, чтобы на него не мог претендовать никто другой [2, с. 301-302].

Основным популяризатором идей Ч. Пирса был Уильям Джеймс. Он понимал истину радикальнее, что выражается в окончательном отказе от корреспондентской теории истины. Взамен выдвигается новая теория истины, ориентированная, прежде всего, на практическую деятельность, когда истинными признаются успешные, то есть полезные для достижения целей идеи, теории и суждения. Успешность определяется в опыте, поэтому опыт получает важнейшую роль в концепции У. Джеймса. Это выражается в принципе «радикального эмпиризма», заключающегося в понимании опыта как непрерывного, недифференцированного потока сознания, из которого волевым усилием познающего субъекта формируются отдельные вещи или события за счёт именованности, где и сознание такого субъекта не является исключением. Кроме того, субъект-объектное разделение так же признаётся условным и релевантным.

Эти гносеологические посылки привели У. Джеймса к резкому неприятию любого идеологического абсолютизма и авторитаризма. Его идеи сыграли значительную роль в формировании идеалов американского общества и западной культуры в целом.

2. Инструментализм.

Дж. Дьюи в итоге систематизации и развития идей прагматизма предложил инструментализм. В инструментализме, как и следует из названия, научные теории, гипотезы и высказывания рассматриваются как инструменты, которые не открываются, а относительно свободно изобретаются учёными в ходе научной деятельности, происходит полный отказ от поиска каких либо метафизических оснований знания. Таким образом, концепция Дж. Дьюи так же ориентирована, прежде всего, на практическую деятельность. Истина трактуется как знание, полезное для эффективных действий по достижению цели в конкретной ситуации. Опыт понимается как цепь последовательно сменяющих друг друга ситуаций, по отношению к которым субъект опыта может высказывать

оценочные суждения, реконструировать неизвестные элементы ситуации и действовать в соответствии с построенными таким образом теориями. Исследование представляет собой поэтапное продвижение от ситуации затруднения к устойчивой ситуации, при которой имеет место уверенность [3, с. 942-951].

Дж. Дьюи стремился исключить метафизическую проблематику из проблематики философской. Философия и этика, по его мнению, призваны осуществлять непрерывное переосмысление ценностей, не допуская их абсолютизации и догматизации.

3. Операционализм.

Развитие идей инструментализма в области методологии науки привело к возникновению операционализма. Наибольший вклад в развитие этого направления был сделан П.У. Бриджменом. Основой его концепции является «операциональное определение понятий», то есть понятие, с точки зрения операционализма, задаётся описанием совокупности измерительных операций [4, с. 101-108]. Причём признаётся так же роль «карандашно-бумажных операций». Кроме того, П.У. Бриджмен признавал несводимость содержания понятия к измерительным операциям без остатка и возможность выражения одного абстрактного понятия через другое абстрактное понятие или понятия.

П.У. Бриджмен акцентировал внимание на единственности и неповторимости операциональных значений, обусловленной тем, что определяющие эти значения процедуры и измерения не тождественны и, фактически, формируют различные понятия. Такая установка приводит его к релятивизму, выражающемуся в тезисе об индивидуальности науки.

4. Радикальный конструктивизм.

В настоящее время термин конструктивизм объединяет довольно широкий круг концепций, относящихся к различным предметным областям философии, естественных и гуманитарных наук. Более или менее целостные философские концепции относятся или близки к парадигме радикального конструктивизма. К числу авторов, придерживающихся данной парадигмы, можно отнести, прежде всего, Пола Ватславика, Хайнца фон Фрестера, Герхорда Рота и Эрнста фон Глазерсфельда. Фигура последнего наиболее важна, во-первых, в силу того, что именно он ввёл в оборот сам термин «радикальный конструктивизм», для усиления тезиса Жана Пиаже о конструктивировании реальности в процессе познания. Э. Глазерсфельд очень многое сделал для понимания и переосмысления в конструктивистском духе интеллектуального наследия Ж. Пиаже, который рассматривается во многом как предшественник и предвестник радикального конструктивизма [5, с. 49-51]. Во-вторых, концепция, предложенная Э. Глазерсфельдом, наиболее целостна, само-

стоятельна, и в полной мере преодолевает ограничения конкретных научных дисциплин.

Радикальный конструктивизм, объединяет в себе основные идеи и интенции скептической традиции и антиреалистических направлений в философии науки, перечисленных выше. Причём радикальный конструктивизм продвигается дальше своих предшественников, переходя на новый уровень антиреализма. Этот скачок выражается в отказе не только от метафизики, но и от любой позитивной онтологии. Онтология «поглощается» эпистемологией, «реальность» становится синонимична «знанию о реальности». Для Э. Глазерсфельда понятие познающего субъекта неразрывно связано с понятием живого существа, а познавательная деятельность неотделима от жизнедеятельности. При этом познание невозможно рассматривать как пассивное получение знания извне, познание – это всегда активная деятельность. Истинность понимается как выживаемость, проходимость. Таким образом, идея соответствия реальности замещается идеей приспособленности. Реальность рассматривается как конструкт, который формируется познающим субъектом из первоначально недифференцированного опыта. Знание понимается как образ действия.

Отрицание Э. Глазерсфельдом онтологии, впрочем, имеет спорный, если не сомнительный, характер. Дело в том, что онтологическая составляющая в его концепции сохраняется, хотя и принимает весьма необычную форму. Пользуясь терминологией У. Куайна можно сказать, что онтологические обязательства, которые предполагаются принятием концептуальной схемы радикального конструктивизма, вынуждают признавать реальное существование, например, опыта, знания, коммуникации. Кроме того «биологизм» Э. Глазерсфельда сходным образом обязывает признавать существование эволюции, живых организмов и целого ряда биологических объектов. Таким образом, радикальный конструктивизм, на наш взгляд, отрицает не онтологию, а метафизику, онтологический абсолютизм и эпистемологический реализм.

Многие представители конструктивизма приходят к сходным этическим выводам. Высказывается тезис о том, что человек не просто включён в мир, он сам «создаёт» его и, соответственно, на него ложится вся полнота ответственности за ту реальность, в которой он живёт. При этом имеет место неприятие этического и идеологического абсолютизма, что роднит этическую позицию радикальных конструктивистов с позициями характерными для представителей прагматизма.

Нужно отметить, что книги и статьи авторов, придерживающихся радикального конструктивизма по большей части не переведены на русский язык, что значительно затрудняет его понимание и анализ в среде российских философов.

На наш взгляд, концепции, относящиеся к антиреализму интересны и как оппозиция метафизическому и научному реализму, и как самостоятельные концепции в философии науки (а чаще выходящие за её пределы), порождающие собственную методологию, критерии научности и эпистемологию. Такие результаты, опять же, представляются нам весьма интересными и достойными глубочайшего исследования и анализа, а большое количество весьма успешных учёных, относящихся к числу их сторонников, выступает эмпирическим подтверждением их практической применимости в научной деятельности.

Литература

1. Мельвиль Ю.К. Чарльз Пирс и прагматизм. М.: Издательство МГУ, 1968. 500 с.
2. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М: Логос, 2000. 448с.
3. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 2001. 992 с.
4. Горский Д.П. Операциональные определения и операционализм П. Бриджмена // Вопросы философии. 1971. № 6. С. 101-111.
5. Цолков С. Дискурс радикального конструктивизма. Мюнхен, 2000. 327 с.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ НАУКИ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Е. О. Яткина

Томский государственный университет

Научный руководитель: И.В. Черникова, д.филос.н., проф.

Множество вопросов связано с деятельностью субъекта, но ещё более существенные вопросы накладывает наука. Установление объективности знания в рамках познавательной деятельности субъекта и это знание рассматривается уже вовлеченным в научное знание. Поэтому данная работа будет освещать момент, который связан с объективностью не просто знания, а именно научного знания. Основные вопросы, которые будут отражены в данной работе, коснутся генезиса знания, его критериев и основных характеристик. Обратит внимание стоит на знание, а собственно на его изменчивость, которая связана с определенными установками в обществе. Установки в обществе так же характеризуют состояния науки, то есть её направления, взгляды, мерки.

Начнем с выделения основных форм науки, ее критериев и отличительных черт.

Диахроническое (историческое) многообразие форм науки [1, с. 318].

- Древняя восточная преднаука (вавилано-шумерская, египетская, древнеиндийская, древнекитайская). Особенности

восточной преднауки считаются: непосредственная связность и подчиненность практическим потребностям (математика – составлению календарей, астрономия, механика и т.д.); инструментальность «научного» знания; эмпирический характер происхождения и обоснования; кастовость и закрытость научного сообщества.

- Античная наука. Она характеризуется прямо противоположной направленностью – «наукой» в Древней Греции называется: теоретичность (так как источником научного знания является мышление), логическая доказательность, независимость от практики, открытость критике, демократизм.
- Средневековая европейская наука. Ее сущностные черты: теологизм, непосредственное обслуживание социальных и практических потребностей религиозного общества, схоластика и догматизм. В средневековой религиозной культуре наука была вынуждена играть роль «служанки» богословия и все свои утверждения координировать с его взглядами. Научные истины («истины разума») были подчинены религиозным истинам («истины веры») и поэтому имели более низкий гносеологический статус. Образцами такой науки считались астрология, алхимия, религиозная герменевтика.
- Новоевропейская классическая наука. В эпоху Возрождения и Новое время в Европе возникает совершенно новое по своим когнитивным и социальным характеристикам явление, которое можно назвать прообразом современной «науки». Леонардо да Винчи, Г. Галилей, Р. Декарт, Ф. Бэкон главными ценностями новой науки считали светский характер, критический дух, объективную истинность, практическую полезность, можно сказать именно этим она и отличалась от средневековой идеологии. В Англии провозглашен лозунг «Знание – Сила». В основе такой науки «модерна» лежало стремление ученых эпохи Возрождения и Нового времени соединить, синтезировать рациональность античной науки и технико-инструментальный характер восточной «преднауки».

Чтобы служить потребностям практики, увеличению господства человека над природой, новая наука должна:

Сосредоточиться на изучении отдельных процессов и явлений, так как полученное знание о свойствах и законах в дальнейшем может использоваться в технических и технологических целях;

Наука должна быть экспериментальной, то есть предметом науки должен быть «вырванный» из природы или искусственно созданный в лабораториях, а не сам по себе в своей естественности. Такие «сделан-

ные» [1, с. 327] системы проще поддаются контролю исследователя. Их положительной отличительностью считается то, что они могут быть воспроизводимы неограниченное количество раз. Такие системы полагают использование языка математики, языка функций. Обоснование было сформулировано Галилеем: «Книга природы написана языком математики», «Бог-математик». Парадигмами такой науки можно считать аналитическую геометрию (Р. Декарт), механику (Г. Галилей, И. Ньютон) и математический анализ (И. Ньютон, Г. Лейбниц, О. Коши, К. Вейерштрасс).

- Неклассическая наука. Пик развития неклассической «новоевропейской» науки приходит в 70-е годы XX века. Ее основными характеристика являются:

— релятивизм (пространства, время, массы), индетерминизм (фундаментальных взаимосвязей объектов), массовость (множество объектов любого рода, то есть статистическая система), системность, структурность, организованность, эволюционность систем и объектов;

— субъект-объектность научного знания, гипотетичность, вероятностный характер научных законов и теорий, частичная эмпирическая и теоретическая верифицируемость научного знания;

— отсутствие универсального научного метода, плюрализм научных методов и средств, «научная» интуиция, творческий конструктивизм;

— «зернистая» структура научного сообщества, многообразие форм научной кооперации. Наука становится объектом экономического, правового, социального, и государственного регулирования.

- Постнеклассическая (современная) наука. Лидерами постнеклассической парадигмы можно считать биологию, экологию, синергетику, глобалистику и науки о человеке. Наиболее важным предметом исследования этой науки становятся сложные системы, которые и включают в себя человека в качестве существенного элемента своего функционирования и развития.

— Постнеклассическая парадигма – это системность, структурность, организм, нелинейный (многовариантный) эволюционизм, телеологизм, антропологизм.

— Основания: социальность, то есть некая коллективность научно-познавательной деятельности, контекстуальность научного знания, то есть речь идет о целостности, взаимосвязи исследуемого феномена, о его включенности в язык, в наличную ситуацию деятельности и коммуникации, в локальную и универсальную культуру; полезность, экологическая и гуманистическая ценность научной информации.

— Постнеклассическая наука: методологический плюрализм, конструктивизм, целесообразность научных решений.

- Новую (модернистскую) науку, на наш взгляд, можно назвать экспериментально-математическим анализом действительности. Она за это время прошла ряд качественно различных этапов, среди которых выделяют «классическую, неклассическую, постнеклассическую науку» [2, с. 54]. Основанием данной периодизации является соотношение (противоречие) субъекта и объекта познания. На каждом из этих этапов разрабатываются соответствующие идеалы, нормы и методы научного исследования, формируется определенный стиль мышления, своеобразный понятийный аппарат.
- Классическая наука (XVII – XIX вв.), исследуя свои объекты, стремилась при их описании и теоретическом объяснении устранить по возможности всё, что относится к субъекту, средствам, приемам и операциям его деятельности. Такое устранение рассматривалось как необходимое условие получения объективно-истинных знаний о мире. Здесь господствует объектный стиль мышления, стремление познать предмет сам по себе, безотносительно к условиям его изучения субъектом. Классическая стадия имеет своей парадигмой механику, ее картина мира строится на принципе жесткого (лапласовского) детерминизма, ей соответствует образ часового механизма.
- Неклассическая наука (первая половина XX века), исходный пункт которой связан с разработкой релятивистской и квантовой теории, отвергает объективизм классической науки, отбрасывает представление реальности как чего-то не зависящего от средств ее познания, от субъективного фактора. Она осмысливает связи между знаниями объекта и характером средств и операций деятельности субъекта. Экспликация этих связей в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. С неклассической наукой связана парадигма относительности, дискретности, квантования, вероятности, дополненности.
- Постнеклассическая наука (вторая половина XX – начало XXI века) постоянная включенность субъективной деятельности в состав знания. Она учитывает соотношенность характера полученных знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности познающего субъекта, но и с ее ценностно-целевыми структурами. Постнеклассическая стадия соответствует парадигме становления и самоорганизации. Основные черты нового образа науки выражаются синергетикой, изучающей общие принципы процессов самоорганизации, протекающих в системах самой различной природы (физиче-

ских, биологических, технических, социальных и др.). Ориентация на «синергетическое движение» [3, с. 80] – это ориентация на историческое время, системность (целостность) и развитие как важнейшие характеристики бытия.

Трудности с объективностью научного знания – одно из главных препятствий в истолковании науки в конце XX века. Научное познание есть отношение человеческого ума к природе, а порожаемое наукой знание есть знание объективное, то есть оно воспроизводит предмет познания, как он есть, независимо от познающего субъекта-ученого. Эксперимент позволяет получить один и тот же результат в разных местах и в разное время и это свидетельствует о некоей универсальности научного эксперимента. Объективность знания, истинность обеспечиваются соответствием этого знания природе как предмету изучения. Отсюда следует, что элементы научного знания могут обрести значимость благодаря своей способности более прочно опереться на предметный мир. По возможности максимальная независимость от субъекта и наиболее полная принадлежность к предмету и обеспечивают нормальное функционирование науки.

Классическая наука: субъект убирается из предмета исследования и научного знания, то есть это исключение всего личностного, субъективного, а именно ученого, как человека оставляют за пределами. Субъективная сторона, является результатом деятельности, то есть идеализация субъекта, который может присутствовать в знании только как результат своей собственной деятельности. Мир научного знания обладает своей устойчивостью и самодостаточностью не только по отношению к субъекту деятельности, но и в отношении природы как предмета изучения. Мир написан математическим языком, то есть создан идеальный математический мир, знание которого позволяет нам измерить, в том числе и скорость конкретного автомобиля. В классическом естествознании ученый присутствует, но всегда должен стремиться к тому, чтобы устранился из полученного результата. Вследствие такого действия результат становится объективным в смысле соответствия предмету познания.

Неклассическая наука: понимание того, что для получения без сомнений истинного знания нельзя из него исключить субъективные моменты. Разработка субъективного полиса, то есть деятельность ученого становится главным элементом логической структуры научного и упор делается на личностные отношения и индивидуальные события. Научное знание теперь опирается на субъективный полис, а не на предметный. Это основание является не устойчивым, изменчивым и включено в историю, в необратимое течение времени. Субъективная сторона втягивает в себя логику научного знания и предмет изучения, ставя под со-

мнение объективность и истинность знания. В неклассической науке центр тяжести [4, с. 234], таким образом, переносится на субъективную сторону, знания рассматриваются как социально сконструированные, и в связи с этим возникают трудности с их объективностью.

Литература

1. Философия: учебник / Под ред. С.А. Лебедева. М.:Эксмо, 2011. 528 с. (Российское юридическое образование).
2. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000. 348 с.
3. Кохановский В.П. и др. Основы философии науки. Феникс, 2007г. 608 с.
4. Человек. Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В.С. Стёпина. М.: Канон+, 2004. 816 с.
5. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. 560 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКИ НА ПОДРОСТКА

Л. Ю. Аверченко

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Ланкин В.Г., д.ф.н., проф.

Музыка, прежде всего современная, является неотъемлемой частью жизни подростков и молодежи. Именно они – основные потребители музыкальной продукции.

В наше время подростки активно слушают музыку: в транспорте, на улице, дома, на занятиях и т.д. Кто-то с помощью музыки расслабляется, кому-то наоборот, музыка помогает сконцентрироваться и найти верное решение в определенной проблеме. Кроме высоких ценностей народной, духовной и классической музыки – трёх основных истоков этого древнего искусства, в мире существует множество современных музыкальных стилей и жанров: рок, классик, поп, реп, фолк, металл и т.д. И вся эта музыка, так или иначе, влияет на эстетическое воспитание подростков, на формирование жизненных идеалов и принципов. Формировать личность и эстетическую культуру, как отмечали педагоги К.Д. Ушинский, А.С. Макаренко, Д.Б. Кабалевский, В.А. Сухомлинский, Н.А. Терентьева и многие другие, особенно важно в наиболее благоприятном детском и подростковом школьном возрасте. Чувство красоты природы, окружающих людей, вещей создает в ребенке особые эмоционально-психические состояния, возбуждает непосредственный интерес к жизни, обостряет любознательность, развивает мышление, память, волю и другие психологические процессы.

Проблема музыкального воспитания подросткового поколения во все времена была актуальной. Она находила отражение в трудах философов, психологов, педагогов еще времен римской античности. Музыка считалась приоритетным средством воспитания, а музыкально-эстетическое воспитание базировалось на основополагающих ценностях античной культуры. На современном этапе развития общества данная проблема не просто не утратила своей актуальности, а стала еще острее. Особую актуальность она приобретает при работе со школьниками, подростками.

У школьников развивается собственный музыкальный вкус, появляется свой круг музыкальных интересов и предпочтений, который постепенно приобретает устойчивость, являясь психологической базой цен-

ностных ориентации подростка в последующей взрослой жизни. Подростки зачастую не имеют прочной системы знаний и достаточно ясных критериев оценки явлений современной культуры. Формируя духовную культуру, как основу индивидуальной художественной культуры, музыкальная педагогика опирается на высокохудожественные образцы классического музыкального искусства. При таком подходе остаются без внимания потребности, интересы школьников-подростков, для которых современная популярная музыка, в частности, рок-творчество, является важнейшим компонентом общения. Общение, как известно, является ведущим типом деятельности у подростков.

Многие учителя признаются в своей профессиональной неподготовленности в беседе со школьниками о роке. Образовалась огромная разница между музыкой, которая звучит на уроках в общеобразовательных учреждениях, и музыкой, существующей за пределами школы. Таким образом, в сознании школьников-подростков разорвалась нить преемственности музыкального искусства, а это в свою очередь, мешает полноценному их музыкальному развитию.

Агрессия, пошлость и безнравственность со стороны телевидения приводит к серьезным изменениям идеалов и представлений современных подростков. В потоке современной информации подростку трудно самостоятельно разобраться, что такое хорошо и что такое плохо.

Одним из направлений музыкальной молодежной субкультуры является рок-культура, а частным её проявлением – рок-музыка, как одно из наиболее «живучих» направлений современного искусства. Рок существует уже достаточно давно. У рок-музыки есть свои отрицательные и положительные стороны в сравнении с современной поп-музыкой: несмотря на весь пафос, в рок-песнях почти в 10 раз больше песен социально-нравственной тематики и в 5 раз – социально-психологического характера (исследование С.Л. Катаевой). Но, всё же, рок оставил и своё альтернативное ответвление: агрессивное, жестокое, откровенное. Именно оно завораживает современных подростков, собирает огромные толпы слушателей, ужасает суицидальными призывами, картинками разврата, нецензурными выражениями, призывает к насилию. Именно это направление рока требует особого внимания и исследования его влияния на людей, тем более подростков.

Музыка как ритмический раздражитель стимулирует физиологические процессы организма. Рассмотрим 2 варианта воздействия рок – музыки на подростка.

Отрицательное влияние рок музыки. При раздражающем характере музыки, сердцебиение учащается и становится слабее. Реакция организма на рок музыку: повышение сердечно-сосудистого давления, учащение дыхания и пульса, спазмы мускулатуры, раздражение кожи, возбуж-

дение сходное с состоянием опьянения, опасная для здоровья и даже жизни. В данном случае мы говорим о повышенной возбудимости нервной системы. Соответственно при сильном раздражении или (прослушивании рока) уровень гормона стресса в крови в значительной степени повышается. Возможны контузии звуком, звуковые ожоги, потери сознания, слуха.

Громкость звука во время выступления рок-групп достигает небывалой силы. Например, во время концерта на открытом воздухе группы «Пинк Флойд» в соседнем озере всплыла оглушённая рыба.

Низкочастотные колебания, созданные усилением бас-гитары, к которым добавляется подавляющее действие бита, в значительной мере влияют на состояние спинномозговой жидкости. Эта жидкость, в свою очередь, непосредственно влияет на железы, регулирующие секреты гормонов. В результате нарушается равновесие половых и надпочечных гормонов, так что различные функции контроля нравственного торможения опускаются ниже порога терпимости или целиком нейтрализуются.

А японские журналисты в крупнейших рок-залах Токио произвольно задали зрителям всего три простых вопроса: «Как вас зовут? Где вы находитесь? Какой теперь год?» и не один из опрошенных не ответил на них.

Музыка металла способна «взломать» сознание слушателя мощным напором герц и децибел и довести его до почти бессознательного состояния. Когда слушатель, подставив свои мозги под ударный звуковой шторм, доведён до кондиции, то его сознание и подсознание превращаются в перфоленгу, на которую записываются определённые сообщения. Эти сообщения могут осознаваться, если слушателю понятен язык песни, а могут и не осознаваться.

Положительное влияние рок-музыки. Привлекательные черты рока – его авторский, личностный характер которых в популяризации рока сегодня явно избыточны. Рок привлекает своей социальной броскостью, хлесткостью текстов, прямотой. Авторский характер рока становится предпосылкой для повсеместного распространения рок-музицирования, что оказывается той психологической «отдушиной» для подростков и молодежи, которая просто необходима после «зашоренности» школьных музыкальных занятий.

Наибольшей воспитательной эффективностью отличаются те беседы о роке с учащимися, в которых они участвуют вместе с учителем. Рок-музыка – это область обязательного педагогического сотрудничества, диалога, выявляющего позиции сторон, их предпочтения, симпатии и аргументы. История развития рока, его стилей и направлений – одна из благодарнейших областей музыкальных интересов старшеклассников.

Рок-музыка требует сегодня повышенного общественного и педагогического внимания. Необходимо пояснить, что мы понимаем под «рок-музыкой». Рок-музыка, она же «массовая», «коммерческая» и т.п. – это наиболее общее понятие, через которое определяются музыкальные формы и стили, пользующиеся стабильным спросом среди самых широких масс и слоев населения. По своему производству и потреблению рок-музыка массова, в силу чего вовлечена в сферу бизнеса.

Отличительным признаком рок-музыки является обязательное наличие электронно-акустической среды, одновременно разделяющей и связывающей исполнителей рок-музыки со слушателями. В этом отношении рок стал первым в истории мировой культуры 100 %-но опосредованным исполнением музыки. И на концертах, и в случае звукозаписи исполнители пользуются микрофонами и (или) электроинструментами. А слушатель в любом случае воспринимает акустический сигнал не от исполнителя непосредственно, а от электронно-акустического устройства: «колонки», «динамики», «наушники», «громкоговорители» и прочие.

Важной особенностью подросткового возраста является поиск объекта для подражания, они постоянно творят себе кумира, и создается впечатление, что без кумира не мыслят себе жизни. Выбор объекта для подражания зависит от степени и эффективности педагогического воздействия, строя личности подростка, конкретной ситуации и ближайшего окружения.

Каждый этап рок-музыки, каждая ее страница – это прежде всего имя, личность, имидж. Для преподавателей и психологов рок представляет интерес именно в силу его личностной направленности.

Применительно к рок-музыке можно говорить об ее определенном психотерапевтическом воздействии (рок как вариант арт-терапии для подростков). Опыт показал, что такая работа оказывается эффективной и по отношению к педагогически запущенным подросткам с явно отклоняющимся поведением, которые страстно при этом увлечены рок-музыкой.

На ней уже выросло не одно поколение и она продолжает развиваться, приобретая все больше и больше поклонников. Рок-музыка дала молодежи возможность самовыражаться и высказывать свои требования и желания. У молодежи как бы открылось второе дыхание, она вышла из небытия. Конечно, у рока были и недостатки. Многие поклонники рок-музыки воспринимали вседозволенность рок-культуры, выражавшуюся в музыке, слишком буквально. Это и пристрастие к наркотикам, и вызывающее дерзкое поведение на улицах, частые пьянки и т.д. И, тем не менее, это не может уменьшить воспитательное значение рок-музыки, а особенно, того резонанса, который оставила она среди молодежи. Рок мож-

но не любить, можно ненавидеть, но его нельзя не замечать. Следы влияния рок-музыки можно заметить везде: в моде, в поведении. Рок-слэнгом пользуются уже представители не только рок культуры, но и других культур. И сегодня по телевидению, на фоне поп и рэп-музыки идут передачи, посвященные памяти рок-музыкантов, концерты рок-групп. Каждый год проходят крупнейшие фестивали рок-музыки на крупнейших стадионах Москвы и Санкт-Петербурга, на которые съезжаются поклонники рока со всей страны. И часто, в любом городе России на стенах можно увидеть надпись: «Рок – жив!». И это совершенно верно – рок жив и влияние его не забудется никогда.

Обобщая сказанное, подчеркнем, что сегодня очень актуально изучение и внедрение новых методов повышения самооценки и развития личности подростков. Отметим, что учителю при работе с подростками нужно опираться на тот песенный материал, который им близок, помогает раскрыть себя. Рок-музыка имеет определенное влияние на формирование самооценки подростков. Из обширного репертуара рок-музыки всегда можно и нужно найти лучшие образцы этого направления для изучения их в учебных заведениях. Русский рок, зарубежные группы, без их анализа не будет четкого представления о таком современном явлении как рок-музыка.

Избранные рок-композиции влияют на настроение и самооценку школьников-подростков самым положительным образом. Поэтому я считаю, что необходимо и достаточно актуально внедрять в программу «Музыкального образования» современные направления музыки, в частности рок-музыку. При этом решаются следующие задачи:

– Помочь школьнику-подростку сориентироваться в многообразии стилей и жанров рок-музыки.

- Научить понимать и оценивать рок-музыку с духовно-нравственных позиций.

- Приобщить к лучшим образцам рок-музыки.

- Развить умение воспринимать образцы современной музыки в их взаимосвязи с музыкальным классическим наследием.

- Повышение самооценки подростка посредством влияния рок-музыки.

При составлении программы и отбора песенных композиций считаю необходимым опираться на лучшие образцы рок-музыки.

Музыка является спутником человека от рождения до смерти. От того, какую музыку слушает человек, зависит во многом формирование души, социальное поведение и, в целом, будущее формирующейся личности. Вот почему учитель музыки является одной из приоритетных фигур современного общества. Он призван вводить школьника в разносторонний мир музыки, передавая позитивную энергию этого высокого

искусства, знакомя с разнообразием музыкального мира и помогая ориентироваться в нём, находя живительные истоки духовности, разума и творчества.

Литература

1. Абдуллин Э.Б., Николаева Е.В. Методика музыкального образования, М., 2006.
2. Аверин В.А. «Психология детей и подростков». – СПб., 1998.
3. Выготский Л.С. «Педагогическая психология». – М., 1992.

ДОСТИЖЕНИЕ ПАРТНЁРСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МУЗЫКАЛЬНОМ АНСАМБЛЕ ЧЕРЕЗ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

А. О. Блохин, Е. Е. Ланкина

Томский государственный педагогический университет

В процессе работы у педагогов необходимо должны возникать профессиональные, исследовательские и творческие вопросы. Имея опыт преподавания игре на инструменте и пению, встречаешься с рядом актуальных проблем, с явлением творческих находок, а также с необходимостью выработки особого алгоритма в решении многих вопросов, особенно касающихся коммуникативного сотрудничества и сотворчества в музыкально-эстетической деятельности. Одна из них – достижение партнёрского взаимодействия в музыкальном ансамбле. Мы попытаемся в общих чертах обрисовать главную, по нашему мнению, часть решения этой проблемы, которая видится в совершенствовании социального компонента образовательной среды, и специфически профессиональные нюансы. Для прояснения предполагаемого нами ответа поставим чёткие вопросы:

1. Что такое образовательная среда и её социальные компоненты?
2. Каким образом проявляется партнёрское взаимодействие в ансамбле?

Для начала рассмотрим такое важное понятие, как педагогическая среда.

Очевидно, педагогическим потенциалом (образовательным, обучающим и воспитывающим детей, подростков, молодёжь) обладают по существу все компоненты социальной среды: семья, город, улица, двор, транспорт, школа, учреждения дополнительного образования, культуры, СМИ и так далее.

Опираясь на достижения педагогической науки, обратим внимание на включение принципа деятельности в анализ личности (Г.А. Батищев, Л.С. Выготский, А.П. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, В.Н. Садовский, и др.). Деятельностный подход к исследованию личности закономерно привёл учёных А.Н.Леонтьева, Д.Б.Эльконина, П.Я.Гальперина, их коллег-единомышленников к выработке концепции системного представления о личности, где социальной сред отводится роль социального образования с определённым воздействием. Понятие среда они раскрыли путем научного объяснения взаимосвязи системы и деятельности. Если деятельность выражает внутреннюю меру активного бытия личности, то понятие среды выражает закономерное включение системы деятельности личности в универсум социального бытия. Среда – это различные системы деятельности, которые постоянно взаимодействуют друг с другом. Например, для системы науки сфера производства является средой, для сферы педагогики средой может являться политика, наука, право, производство, а также интересующие нас искусство, культура и образование.

В широком смысле образовательная среда есть подсистема социокультурной среды, совокупность исторически сложившихся фактов, обстоятельств, ситуаций. Она выражается в целостности специально организованных педагогических условий развития личности. Такие исследователи, как Ю. Кулюткин, С. Тарасов под образовательной средой понимают систему ключевых факторов, определяющих образование и развитие человека. Анализ множества определений позволяет сделать вывод, что образовательная среда – это совокупность информационной, технической и учебно-методической подсистем, целенаправленно обеспечивающих учебный процесс, а также его участников.

Сейчас важную функцию художественно-эстетического воспитания выполняет, наряду с общим образованием, дающим ориентиры в музыкальной культуре, дополнительное образование, дающее возможность самореализации личности в культуре. В системе дополнительного образования даётся оптимальная возможность для создания самых разнообразных кружков, объединений, студий по определённым интересам.

Образовательная среда учреждения дополнительного образования – это особая социальная общность, формирующая коммуникативные и художественно-творческие отношения. На сей день она является влиятельным фактором социокультурно-мировоззренческой адаптации человека в мире. В такой среде возможны как положительные, так и отрицательные явления социальной коммуникации. Задача педагога – сделать коммуникацию предельно позитивной, раскрывающей творческий потенциал каждого участника процесса и тем самым повышающей результативность достижений всего коллектива.

В Доме Детского Творчества «У Белого озера» есть структурные подразделения. Одним из них является подразделение «Огонёк», вполне соответствующее своему образному названию, поскольку все люди искусства и культуры, преподающие здесь, работают, что называется, «с огоньком», зажигая творческий огонёк в душах воспитанников. Атмосфера сотрудничества, эмпатии, художественного единства и творческого взаимодействия царит в этом учреждении дополнительного образования детей, как и во всех структурах Дома Детского Творчества.

Одним из популярных видов деятельности в школах, кружках, студиях является обучение игре на гитаре. Это один из любимейших инструментов, звучащий как на концертах классической музыки, так и на вечерах, современных музыкальных шоу, концертах популярной музыки, рок-концертах, в театре, кино, в радио, медиа-программах. В море современной музыки мудрый педагог способен дать не только навыки игры на инструменте, но и ключи к пониманию настоящей музыки, несущей вечные истины эстетических и духовных ценностей мира.

Начиная с подросткового возраста дети уже могут осваивать гитарное исполнительство, тем более что в наше время гитара приобрела большое значение для личностного развития именно подростков. Подростковый возраст характеризуется стремлением к самоутверждению, самовыражению, обретению значимости в глазах окружающих. Пытаясь привлечь к себе внимание и найти подходящий круг общения со сверстниками, подростки ищут какие-либо пути организации своего досуга. Игра на гитаре (классическом, и одновременно одним из самых демократичных музыкальных инструментов) позволяет в полной мере соответствовать запросу подростков и реализовывать их личностные потребности. Выстроенные педагогом занятия с учетом возрастных особенностей подросткового возраста на основе индивидуального подхода, косвенно помогают решать развивающие и воспитательные задачи.

В объединение «Гитара» воспитанники приходят с разными музыкальными интересами: кому-то интересно играть и петь песни, кому-то просто играть музыку; по стилям: современные эстрада и рок, авторская песня и др.; уровень подготовки и способностей разный – от неумеющих играть и не имеющих представления о гитарном искусстве (творчестве) до имеющих начальные навыки игры на гитаре через различные личные ресурсы: сборники песен, гитарные сайты в Интернете.

Специфическая среда сольного и ансамблевого инструментально-вокального музицирования (игры на гитаре и вокального эстрадного пения) выступает и условием, и средством обучения и воспитания личности и музыкальной общности. Это своеобразная школа жизни, проявляющаяся во взаимном интересе общения с друзьями, педагогом,

музыкой и тем полем необходимого внешнего восприятия, которым являются слушатели концертных выступлений ансамбля. Среда обучения игре на гитаре и в совокупности с эстрадным пением оригинальна, она имеет свой интересный и весьма ценный микроклимат, достойный, как микроклимат ухода за редкими растениями – как бережного культивирования, так и волевой, адаптирующей к сложностям проблемного мира сего (которому, как известно, во многом и посвящены, к примеру, авторские песни) закалки.

Говоря научно, это именно микросреда, имеющая не непосредственное, контактное межличностное окружение объекта процесса обучения совокупному гитарному и вокальному исполнению. Межличностные компоненты нашей художественно-творческой образовательной микросреды – это, во-первых, педагог – музыкант и партнёры по игровому взаимодействию, заинтересованные родители и другие члены семьи (возможно, старшие братья и сёстры, уже имеющие навык вокально-инструментального исполнительства), друзья по школе, колледжу, признающие ценностный статус музыканта-любителя, и все те, с кем постоянно поддерживается благоприятный доверительный контакт.

Для оптимального творческого самочувствия в нашей среде немаловажным фактором является дизайн этой среды – во-первых, помещения Дома Творчества и конкретной аудитории для партнёрского взаимодействия, где можно проводить вариативные занятия, репетиции, а также игры. Предметно-пространственными факторами дизайна такой среды являются просторное помещение, необходимое освещение, мебель, оформление стен, наличие необходимой аппаратуры, мультимедиа-средств для полноценного культурно-познавательного общения и проведения музыкально-эстетических мероприятий. Всё это в совокупности становится бытием, жизненно дорогим и значимым для каждой личности.

О последнем моменте хочется сказать особо. Художественный компонент образовательной среды включает интеграцию искусств, и это наглядно видно по самой специфике нашей деятельности, включающей скрупулёзную работу **со звуком** (чистой интонацией игры, пения, артикуляцией – как пальцевой, так и вокальной, ритмической точности в игре и пении и т.д.), **со словом** (поэтическая и прозаическая декламация, грамотная и чёткая речь ведущих программы и т.д), с **красками, линиями, символикой** художественного оформления программ, с **артистизмом и культурой** (этико-эстетический внутренний статус ансамбля музыкантов, внешний имидж – презентабельный вид, гармония в одежде). И здесь достижение партнёрского взаимодействия, единомыслие, ансамбль в философском понимании этого слова, является психологиче-

ской и культурной основой гармонии отношений и достижений мастерства.

В чём конкретно проявляется партнёрское взаимодействие в вокально-инструментальном ансамбле гитаристов? Во-первых, как пример ансамблевой игры, партнёрское взаимодействие может проявляться в дуэте гитаристов (например, игра мелодии в заданный интервал – терцию, сексту, кварту или квинту). Это скрупулёзная, сосредоточенная, интересная деятельность. Игра мелодий на заданный интервал здесь выступает в качестве творческого задания, и достижение взаимодействия выступает желаемым качественным техническим и эстетическим результатами. Временами можно подключать к взаимодействию бас гитару – создание разнообразной гармонии (функций аккордов на однообразную мелодию гитар), подчёркивание мелодии в унисон или совсем контрастная (типа полифонической) тема; порой очень красиво слышится подчёркивание басом мелодии партии голоса (вокала), также в унисон, например.

Между бас гитарой и ударными тоже есть и должно быть определённое взаимодействие: в советских песнях и современном (не сложном) русском роке бас практически одинаково по длительности играет с басом барабаном ударной установки между статичными ударами по малому барабану.

Самым ярким проявлением партнёрского взаимодействия инструментов в музыкальном ансамбле будет полный унисон по длительности (гитары с ударными) и по нотам (гитары, а с басом порой в октаву), так называемое оркестровое «тутти», только в музыкальной группе малого состава.

В качестве психологического тренинга, как вспомогательного фактора достижения партнёрского взаимодействия, выступают игры, упражнения с последующим их анализом, рекомендациями и обобщениями: описания, когда применялся тренинг и каков результат. На одном из методических мероприятий педагогам СП были предложены некоторые варианты игр и упражнений с психологическими составляющими: «Животные», «Вагончики», «Отгадай загаданного члена», «Объединяемся», «Верёвка», «Герб группы». Общей целью данных занятий является снятие тревоги у участников и создание общегруппового взаимодействия. Различие целей составляли направленность игр на определённые различные по заданиям результаты. Последние три задания из перечисленных, как показала практика, отлично подходят для музыкального коллектива.

Достижение партнёрского взаимодействия в музыкальном ансамбле – реальная цель и возможность, что показала практика обучения игре на гитаре. Такое взаимодействие достигается через активизацию творче-

ских усилий педагогов по совершенствованию социального компонента образовательной среды, с учётом возрастных психофизиологических особенностей и потребностей подростков и юношества, их общительности, стремлению к пониманию, единомыслию и сотворчеству.

В заключение отметим, что, как отечественные, так и западные современные авторы – философы, психологи, педагоги постоянно отмечают деятельный характер эстетического развития и воспитания. При этом именно деятельность по художественному творчеству, восприятию и исполнению играет особую важную роль в развитии эстетических вкусов, в формировании эстетических ценностей. Роль эстетического воспитания в формировании творческой позиции состоит в том, что оно не только способствует развитию чувств, оформлению человеческой чувственности и её обогащению, но и просвещает, обосновывает – рационально и эмоционально – необходимость творческого отношения к миру. Влияние музыки на воспитание личности проявляется и осуществляется в различных формах музыкальной деятельности. Огромное значение в эстетическом воспитании школьников имеет сформированная способность творчески переживать художественные, в частности, музыкальные произведения, участвуя в их исполнении. Научить любить и понимать музыку можно только при помощи самой музыки.

Чтобы творить по законам красоты, нам, музыкантам, необходимо как самим стремиться к педагогическому и профессиональному совершенствованию, так и уметь «влучать» энергию искусства посредством любви к этому искусству и эмпатии своей души – души исполнителя, художника, воспитателя и учителя – надёжного друга в среде образования.

Литература

1. Алиев Ю.Б. Подросток – музыка – школа. М. 1990
2. Беляев Г.Ю. Педагогическая характеристика образовательной среды в различных типах образовательных учреждений. М.: ИЦКПС, 2000.
3. Выготский Л.С. Педология подростка // Собр. соч.: в 6 т. – М., 1984. Т. 4. – С. 6-242.
4. Дмитриев АВ, Макарова И.В. Неформальная коммуникация. Очерки теории и практики. М.: СГУ, 2003.
5. Петрушин В.И. Музыкальная психология: учебное пособие для студентов и преподавателей – М.: Владос, 1997. – 270 с.
6. Ражников В.Г. Резервы музыкальной педагогики. – М.: Знание, 1980, – 96 с.

СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЮРРЕАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ФОТОГРАФИИ

Е. О. Быдзина

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: А. В. Бернатоните, к. иск-ния, доцент

Говоря о сюрреализме, в первую очередь на ум приходят такие небезызвестные фамилии как Дали, Магритт, Эрнст. И это не удивительно, ведь мы прекрасно знаем о развитии этого направления в живописи. На самом же деле сюрреализм, зародившись в литературе, быстро приобрел единомышленников в кинематографе, музыке и фотографии. В каждой из этих форм он нашел свое необыкновенное отображение. Необыкновенное и оригинальное в силу используемых технических средств и способов воздействия на публику.

Сюрреализм как направление в искусстве сформировался под влиянием теории психоанализа Фрейда. Основные принципы направления были описаны Андре Бретоном в «Манифесте сюрреализма» во Франции в 1924 году [1, стр. 70]. Последователи движения отвергали абсолютный рационализм и провозглашали единственным источником искусства сферу подсознания человека [2]. Они считали, что иррациональное подсознание проявляется во сне, во время галлюцинаций и бредовых состояний. Именно поэтому сюрреалисты практиковали технику «автоматического письма» (неконтролируемого создания текстов), записи собственных сновидений и фантазий. Отсюда и фантазматические образы, неожиданные формы, порой перетекающие в чистую абстракцию [1, стр. 70]. Зачастую в поисках идей сюрреалисты прибегали к воздействию алкоголя, наркотиков, гипноза и голода как способов коммуникации со своим подсознанием.

Сюрреализм в фотографии развивался параллельно сюрреализму в живописи, но высокой популярности достиг позже. Все дело, в том, что технические средства фотографов в XX веке были более ограниченными по сравнению с современными. Поэтому профессионалам приходилось прибегать к сложным методам обработки негативов, таким как деформация, искажение, монтаж. Наиболее же популярным приемом стало многократное экспонирование, то есть получение фотоизображения в результате последовательной съемки нескольких объектов на один и тот же участок пленки. Таким образом, при многократном экспонировании одна фотография накладывалась на другую. В итоге получался снимок, состоящий из нескольких взаимно просвечивающих изображений [3].

В наше время сюрреализм в фотографии получил широкое распространение благодаря большей доступности технических средств и упрощению работы с готовым произведением. Практически у каждого со-

временного фотографа в распоряжении имеется персональный компьютер или ноутбук, доступ в интернет и к профессиональному или любительскому программному обеспечению. С помощью различных функций в программах типа Adobe Photoshop, Corel и ACD See Pro фотограф может достичь различных эффектов в работе с фотографией. Ее можно состарить, добавить новый объект, увеличить количество того или иного объекта на фотографии, изменить форму, текстуру или цвет объекта и так далее. Возможности современного фотографа ограничены лишь полетом его фантазии.

К сожалению, популяризация фотографии и ее вседоступность привели к тому, что произведения чаще стилизуются, то есть соответствуют направлению внешне, но не несут особой смысловой нагрузки. Современная сюрреалистическая фотография все чаще заимствует фантазматичность сюжета, абсурдность образов, так как это и привлекает зрителя, зачастую теряя свою первоначальную цель – духовное возвышение и отделение духа от материального [4]. В первую очередь это связано с тем, что фотография сегодня – профессиональный вид деятельности, предполагающий коммерческую выгоду, и, соответственно, привлечение большого количества потенциальных покупателей. Фотографии, выполненные в стиле сюрреализма, используются в рекламных целях и для публикации в модных журналах. Но есть и второй значимый фактор, связанный с потерей актуальности. Дело в том, что сюрреализм зародился в начале XX-го века и является одним из авангардистских направлений, сформировавшихся в протестной форме. Авангардийские течения в искусстве были связаны с переосмыслением общеевропейской системы ценностей и поиском новых способов эстетического воздействия на действительность [5].

Первооткрывателем сюрреализма в фотографии стал рижский фотограф Филипп Халсман. В 1940 году Филипп эмигрирует в Америку и знакомится с Сальвадором Дали. Именно Дали помогает ему окунуться в эстетику сюрреализма. На фоне этого опыта Халсман создает серию фотографий знаменитостей, объединенных в сборник «Книга прыжков». В книгу-альбом вошли портреты Мэрлин Монро, Сальвадора Дали, Грейс Келли, Бриджит Бардо, Ричарда Никсона и других не менее известных персон [6]. Как говорил Халсман позже: *«Меня всегда притягивали человеческие лица. Каждое из них пытается ускользнуть и лишь иногда, мимолетно, приоткрывает тайну своего хозяина. Охота за этими откровениями стала целью и страстью моей жизни»*. Почему же именно Прыжок стал для Филиппа Халсмана апогеем творчества? Сам Филипп утверждал, что именно в прыжке мы можем увидеть истинное лицо человека, он раскрепощается, становится собой и снимает социальную маску.

Английский фотограф Ангус Макбин использовал в своих работах технику многократного экспонирования и монтажа, чтобы соединить портрет и сюрреалистический пейзаж. Его работы действительно окунают нас в мир сна. Особенно Ангуса прославила фотография, иллюстрирующая портрет актрисы Одри Хепберн.

Американский фотограф Родни Смит – обладатель 75 различных наград в сфере фотографии [7]. Его называют современным Рене Магриттом, ведь он, так же как и известный живописец пытается разорвать обыденные представления путем изображения двусмысленности привычных образов.

Еще один современный сюрреалист – русский фотохудожник Макс Сауко. Он с 1998 года работает в жанре концептуально- сюрреалистической фотоманипуляции [8]. В своих работах Макс пытается «вывернуть наружу» современного человека, сорвать с него социальную маску и выставить напоказ его потайные мысли и желания. Работы фотографа вызывают неоднозначные эмоции в силу своей откровенности и интимности. Художнику часто запрещали выставляться в силу специфики его мировидения.

Таким образом, попытавшись выявить стилистические особенности сюрреализма в современной фотографии мы пришли к выводу о том, что: во-первых, в большей степени в современных работах преобладает стилизация, то есть подражание художественному методу, заимствование образности сюжетов; во-вторых, актуальность этого направления в современной фотографии обусловлена его способностью воздействовать на современного потребителя необычностью образов и форм преподнесения действительности.

Литература

1. Мосин И.Г. Мини-энциклопедия. Искусство XIX-XX вв. Стили и течения. Спб.: ООО «СЗКЭО», 2011. 80 с.
2. Электронный ресурс]. URL: <http://staratel.com/pictures/surreal/manifest.htm> (Дата обращения 24.04.2012) манифест сюрреализма
3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fotokomok.ru/syurrealizm-v-fotografii/> (Дата обращения 24.04.2012)
4. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (Дата обращения 24.04.2012)
5. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.countries.ru/library/art/avangardizm.htm> (Дата обращения 24.04.2012)
6. [Электронный ресурс]. URL: http://buy-books.ru/photographers/philippe_halsman/
7. [Электронный ресурс]. URL: <http://eva.ru/house-and-hobby/channelitem-9-324.htm> (Дата обращения 24.04.2012)

8. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lookatme.ru/flow/posts/art-radar/98043-maks-sauko> (Дата обращения 24.04.2012)

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ НА МУЗЫКАЛЬНЫХ ЗАНЯТИЯХ В ДОУ

В. Войцеховская

Научный руководитель – доц. Ланкина Е.Е.

“Ребенок, испытавший радость творчества даже в самой минимальной степени отличается от ребенка, подражающего другим”

Б.Асафьев

Творчество ребёнка играет огромную роль в его познании окружающего мира и собственной личности. В гармоничном развитии творческой личности музыка – самое тонкое, проникновенное из всех искусств, призвана нести свою важную миссию, основываясь на лучших образцах фольклора, классики, духовных песнопений, детской эстрады.

Музыкально-эстетическое воспитание детей через творчество является важным вопросом в современной педагогике. Творчество в музыке помогает воспитанию ребенка: развивает независимость и самостоятельность суждений, активность, любознательность, стремление найти выход из любой ситуации, умение нестандартно мыслить. Процесс творчества развивает воображение и фантазию, интуицию, способность выходить за рамки обычных представлений, видеть предметы под необычным углом зрения. Впервые проблема музыкального творчества заинтересовала людей более двух тысяч лет назад, и с тех пор ею занимались философы, психологи и педагоги. В XX веке проблемы детского творчества рассматривали П.П.Блонский, Б.Л.Яворский, А.В.Луначарский, Б.В.Асафьев, Н.Я.Брюсова, Б.Л.Теплов, А.В.Запорожец, Д.Б.Кабалевский, Н.А. Ветлугина, К.В. Тарасова, Д.К. Кирнарская и многие другие. Наиболее яркими представителями в разработке методологических принципов исследования педагогики творчества являются Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, Я.А. Пономарев, Н.И.Киященко; а также зарубежные ученые – Торренс, Айяи, Глоцер, Джефферсон и другие.

В 30-х годах XX века на Всероссийской конференции по дошкольному воспитанию Л.С. Выготский выступил с темой «Обучение и развитие в дошкольном возрасте». Учёного дал ответ на вопрос: каким требованиям должна отвечать программа детского сада для того, чтобы она была приведена в соответствие с особенностями ребенка дошкольного возраста? Эта программа должна обладать двумя следующими качест-

вами: во-первых, она должна быть построена по такой системе, – говорил Л.С. Выготский, – которая ведет ребенка к определенной цели. Во-вторых, программа должна быть частью единого систематического цикла общеобразовательной работы. Вместе с тем эта программа должна быть и программой самого ребенка, то есть она должна быть преподнесена ребенку в той последовательности, которая отвечает и эмоциональным интересам ребенка, и особенностям его мышления, связанного с общими представлениями [8]. Психологи уверены, что творчество – это образование новых сочетаний из элементов нейронных связей, которые уже ранее были сформированы в коре больших полушарий [8].

Творческий процесс – это деятельность, направленная на создание какого-либо нового, оригинального продукта, в частности, в сфере искусства. Творческому процессу предшествует накопление определенной базы знаний, умений, навыков, опыта. По мнению Барышевой Т.А, на начальном этапе развития творческих способностей дошкольников именно музыкальное занятие является наиболее эффективным [1], ведь оно наилучшим образом подходит для накопления интеллектуального, сенсорного и эмоционального опыта через вовлечение в различные виды музыкальной деятельности. Музыкально – творческие способности связаны с творческой деятельностью ребёнка в области музыки. Ядром понятия музыкальности являются три основные способности, которые необходимы для успешного осуществления всех видов музыкальной деятельности: эмоциональная отзывчивость, музыкальный слух, чувство ритма [10]. Б.Л. Яворский выделяет следующие этапы развития творческих способностей: накопление впечатлений; спонтанное выражение творческого начала; импровизации двигательные, речевые, иллюстративность в рисовании; создание собственных композиций, являющихся отражением художественного впечатления [9].

Творческая деятельность дошкольников является мощным средством самовыражения детей через музыкальное искусство. Ребенок по-своему интерпретирует музыкальное произведение, музыкальный образ. Происходит творческое, индивидуальное выражение эмоций детей в движении, сочинение детьми мелодий, мотивов, ритмических рисунков, создание импровизаций, художественное выражение.

Т.С. Комарова утверждает, что детское творчество – это создание нового продукта, получаемого в виде психического развития дошкольника в процессе творческой деятельности. Она отмечает важность инициативы во всем: придумывание разных вариантов ситуаций, мелодий песен, движений к танцам, новых игр [4].

Картавцева М.Т. считает, что музыкальные способности начинают формироваться в дошкольном возрасте и включают в себя ряд компонентов: музыкальный слух (мелодический, тембровый, звуковысотный),

музыкальную память (кратковременную и долговременную), чувство метроритма, воображение (воссоздающее и творческое). Любой вид музыкальной деятельности должен создавать условия для самовыражения ребенка. Творчество в музыкальной деятельности способствует проявлению своей индивидуальности, оригинальности и креативности. Творчество в музыкальном исполнительстве проявляется через импровизацию в различных видах музыкально-исполнительской деятельности. Большое внимание развитию импровизации – ритмических, мелодических, инструментальных, пластических – уделяется в современных методиках развития музыкального слуха (П.Вейс, Н.Долматов, И.Микита) [2].

Необходимо кратко осветить основные современные методы развития творческих способностей дошкольников, а также дать небольшой обзор современных музыкальных программ. Существуют следующие методы, способствующие активизации творческих способностей детей на уроках музыки: метод эмоционального воздействия, метод создания эффекта удивления и создание ситуации успеха, метод сравнения, метод создания проблемно-поисковых ситуаций, метод тождества и контраста, метод уподобления характеру звучания. Большое распространение получил метод создания проблемно-поисковых ситуаций. Он стимулирует развитие музыкально-творческих способностей дошкольников. Дети получают различные творческие задания, вызывающие у них мотивацию и интерес. Данный метод оказался весьма эффективным в развитии творческих способностей дошкольников [4].

Значительный вклад в создание новых методов внесла автор учебников по методике музыкального воспитания, создатель программы для ДОУ «Музыкальные шедевры» О.П. Радынова. Она выделяет моторно-двигательное, словесное, тактильное, вокальное, мимическое, темброво-инструментальное, интонационное, цветное и полихудожественное уподобление. Цветное и полихудожественное уподобление – это отражение музыки “в цвете”. Ребенку дается задание “нарисовать” музыку. Это задание развивает воображение и помогает тонко чувствовать музыку. В книге “Психосемантика цвета” Яньшина, автор отмечает роль воздействия музыки на ребенка, а также восприятие ее в определенном цвете [12].

Е.Р.Ильина выделяет методы активации слухового опыта детей дошкольного возраста: метод разрушения музыкального образа (подмена средств выразительности), метод интонационно-образного анализа пьесы, метод контрастного сопоставления произведений, метод тождества и контраста [4]. Н.А. Ветлугина предлагает классификацию методов эстетического воспитания и художественного обучения дошкольников: метод побуждения к соперничанию и эмоциональной отзывчивости, убе-

ждения в процессе формирования эстетического восприятия, приучения, создание поисковых ситуаций. Все методы осуществляются с помощью применения наглядности, слова и практических действий, что продемонстрировано автором в «Музыкальном букваре» [3].

Большая роль в процессе развития музыкально-творческих способностей отводится педагогу. Правильно подобранные методы не только способствуют развитию, но и пробуждают стремление к самостоятельному творчеству в любом виде музыкальной деятельности.

Музыкальное развитие ребенка 4-5 лет необходимо рассматривать относительно качества развития способностей целостного восприятия и воспроизведения музыкального образа, проявляющегося одновременно в нескольких видах музыкального исполнительства (восприятие музыки, пение, музыкально-ритмические движения, музицирование). Следует отметить, что творчество не следует выделять как отдельный вид деятельности, так как оно должно быть составной частью музыкального занятия, наполняющей все виды деятельности!

Т.Э. Тютюнникова, следуя традициям К.Орфа, видит развитие музыкально-творческих способностей посредством отображения музыки в ритмических движениях. Она разработала современные методы развития творческих способностей. В основе лежат принципы музыкального воспитания дошкольников К.Орфа. Т.Тютюнникова разработала программу «Элементарное музицирование с дошкольниками» по системе Карла Орфа. Эта программа объединяет две идеи: систематическое развитие музыкальности детей и импровизационно-творческой деятельности как принципа обучения. Программа Т.Э Тютюнниковой синтезирует в условиях музыкально – игрового общения ритмизированные звучащие жесты, движения, ритмодекламацию или пение с добавлением нетрудного аккомпанемента на орфовских инструментах [11].

В. Коэн в качестве нового современного метода предлагает пластическое интонирование. Дети выбирают необходимые прилагательные для характеристики движений. Таким образом они учатся давать определения своим эмоциям и ощущениям. Д.К. Кирнарская отмечает важность развития интонационного слуха детей в дошкольном возрасте. Она предлагает ассоциировать тембры голосов и инструментов с весом и цветом. Восприятие музыки через световые ассоциации также является оригинальным методом развития музыкально-творческих способностей [6].

М. Трубникова разработала программу «Играем в оркестре по слуху». Она отмечает эффективность индивидуального подхода. Она утверждает, что у дошкольников при индивидуальном обучении «достаточно легко может быть сформирована деятельность подбора мелодий по слуху на музыкальных инструментах»[5].

Большое распространение получили интегрированные программы. Характерной особенностью данных программ является соединение заданий из нескольких видов искусства. Хорошим примером может служить программа Т.С.Комаровой, А.В.Антоновой, М.Б.Зацепиной. Программа называется «Красота.Радость.Творчество.». Она является целостной, интегрированной по всем направлениям эстетического воспитания. В этой программе задействованы различные виды искусства (музыка, изобразительное искусство, литература, театр). Также хорошо зарекомендовали себя программы «Живой мир искусства» Б.П.Юсова, «Вертикальный тематизм» И.В. Калмина.

Программа «Синтез искусств» О.А. Куревинной, Т. Е. Селезневой (5-7 лет) составлена с использованием различных методов. Программный материал строится на выявлении различных видов искусства как граней отражения действительности в художественных образах литературы, музыки, изобразительного искусства, театра [4].

Каждая из рассмотренных программ хороша по-своему, но по преимуществу каждая опирается на один вид музыкальной деятельности. Естественно, такой подход позволяет научиться определенному виду музыкальной деятельности, но в то же время, это может приостановить развитие в других сферах музыкального искусства. Следовательно, не стоит опираться только на один вид музыкальной деятельности, так как это односторонний подход, который не способствует полному раскрытию внутреннего потенциала личности ребенка. Программное содержание должно отражать возрастные особенности ребенка. Вся программа должна быть построена поэтапно, во взаимосвязи с изученным материалом.

Важнейшим принципом программы является принцип интеграции, взаимосвязи различных видов искусств. Применение одновременно нескольких методов поможет получить хорошие результаты. Именно такое занятие будет наиболее эффективным и послужит мощным импульсом для развития творческих способностей у детей дошкольного возраста. Примером является любимая во всём мире программа К.Орфа, помогающая раскрытию творческие способности ребенка в искусстве.

Как пишет Е.Е. Ланкина, «в своем творческом развитии художественные способности получают богатую энергию извне: благодаря общению с окружающей природой и социумом – в сфере общения с прекрасным в повседневной жизни, в музыкальном, художественном, театральном, литературном и т.д. образовании. И пусть созданный детский продукт творчества далек от эстетически-значимых любительских или профессиональных художественных образцов, он является все же феноменом творческого акта, несущего как этический, так и эстетический культурный заряды. Как интуитивно, так и осознанно мудрый ху-

дожник- взрослый чувствует, что все детские способности надо развивать и «отграничивать», бережно сохраняя при этом стремление ребенка к творчеству как единственному способу культурного развития души» [7]. Творческий педагог стремится и у ребёнка развить творческий потенциал с его гранями: мотивацией к творчеству, оригинальностью, скоростью нахождения решения, гибкостью, воображением, мышлением.

Развитие творческих способностей ребёнка на музыкальных занятиях является сегодня одной из актуальных задач. В новом, XXI веке, она ждёт от педагогов – музыканта своего творческого решения.

Литература

1. Асафьев Б.В. О музыкально-творческих навыках у детей //Избранные статьи о музыкальном просвещении и образовании. – Л., 1973.
2. Вендрова Т. Пластическое интонирование» музыки в методике Вероники Козн // Искусство в школе. 1997. № 3.
3. Ветлугина Н. А. Музыкальное развитие ребенка. – М., 1968.
4. Ильина Е. Р. Музыкально-педагогический практикум: Учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Академический Проект, 2008.
5. Как определить и развить способности ребенка? – под ред. В.М. Воскобойникова.– СПб.: Респекс, 1996.
6. Кирнарская Д. К. Психология специальных способностей. Музыкальные способности / Д. К. Кирнарская. – М.: Таланты – XXI век, 2004.
7. Ланкина Е.Е. Синкретика искусства: от первобытного детства и античной юности человечества – к миру детского музыкально-эстетического творчества // Материалы Четвертой межрегиональной научно-практической конференции аспирантов и студентов(22 апреля 2008 г.) – Красноярск, 2008
8. Петрушин В.И. Музыкальная психология: Для студентов сред. и высш. муз. учеб. заведений.- М.: Владос, 1997.
9. Радынова О. П. и др. Музыкальное воспитание дошкольников. – М., 1998.
10. Теплов Б. М. Способности и одарённость. // Психология индивидуальных различий. Тексты. М.: изд-во Моск. Ун-та, 1992.
11. Тютюнникова Т. Э. Видеть музыку и танцевать стихи... Творческое музицирование, импровизация и законы бытия. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
12. Яньшин П. В. Психосемантика цвета. – М.: Речь – 2006.

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ: ГУМАНИЗМ ИЛИ БОГОСЛОВИЕ (АСПЕКТ СВОБОДЫ В ПОНЯТИИ «ЛИЧНОСТЬ»)

М. В. Вокин

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н.И. Сазонова, д.ф.н., проф.

Что такое личность? Это понятие неразрывно связано с понятием неограниченной свободы. Личность – это то, что не является ни чем

обусловленным, само являясь источником всякого обуславливания. Является ли человек такой личностью?

В этой статье мы попытаемся взглянуть на эту проблему с двух сторон – с точки зрения так называемой «мирской» философии (а это будет преимущественно западный экзистенциализм, как поднявший эту проблему наиболее остро в современной культуре) и с точки зрения православного богословия, которое, на наш взгляд, преимущественно лично.

Данную проблему, проблему личности и свободы, в двадцатом веке рассматривал ни один крупный философ и богослов. Эту проблему, как мы уже отметили выше, мы можем назвать одной из центральной в современной культуре и цивилизации. Современный греческий богослов митрополит Иоанн (Зизиулас) посвятил этой проблеме не малую часть своего труда «Бытие как общение», где особо нас будет интересовать первая часть «Личность и бытие». Другой известнейший греческий богослов Христас Яннарас также много говорит об интересующей нас теме в своей фундаментальной работе «Личность и Эрос». На данные этих работ мы будем опираться при изложении нашего материала. Это, прежде всего, связано с тем, что этим авторам прекрасно удается, на наш взгляд, говоря на языке современной культуры, поднимать очень злободневные христианские вопросы, ответы на которые порою может дать только вдумчивое вчитывание в творения отцов Церкви, прекрасными знатоками которых и являются вышеназванные авторы.

«Конечным вызовом свободе личности является «необходимость» самого существования. Моральный смысл свободы, к которому приучила нас западная философия, сводится к простой способности выбора – к власти выбирать: человек свободен, если он может выбрать одну из имеющихся у него возможностей. Однако эта свобода уже оказывается связанной «необходимостью» имеющихся возможностей, и предельная, наиболее обязывающая из этих «необходимостей» для человека – это само его существование. Как можно рассматривать человека как абсолютно свободного, если ему ничего не остается, как принять свое собственное существование?» [1, с. 264]

Ф. М. Достоевский в романе «Бесы» ставит эту проблему в предельно заостренной форме. Кириллов говорит: «Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен сметь убить себя... Дальше нет свободы; тут все, а дальше нет ничего. Кто смеет убить себя, тот Бог. Теперь всякий может сделать, что Бога не будет и ничего не будет...» [1, с. 264]

«В этих словах Кириллова выражен наиболее трагичный аспект устремления личности: преодолеть «необходимость» существования, обрести возможность утверждать свое существование не путем признания фактической данности, «реальности», но путем реализации своего сво-

бодного согласия, свободного самоутверждения. Именно этого – и никак не меньше – ищет человек как личность» [1, с. 264]

Попытку обрести подобную неограниченную свободу демонстрирует и современное искусство, которое развивается параллельно с экзистенциальной философией, и которое интересуют по сути те же проблемы. Современное искусство (относительно которого можно заметить, что исторически оно связано с особым акцентом на свободе и на личности) игнорирует или даже разрушает и упраздняет форму и природу сущего (естественные и словесные структуры и т. п.), тем самым показывая то же стремление личности к выходу из всех сдерживающих ее барьеров, т. е. к абсолютной онтологической свободе. Но, как мы увидим далее, лишь основанное на «мирском» понимание свободы, приводит личность в тупик. А предельное, а также честное и до конца последовательное, «мирское» стремление к абсолютной онтологической свободе личности, приводит, как то прекрасно показал Достоевский в своем Кирилове, к аннигиляции самой личности, к самоубийству.

Однако и чисто «мирской» человек не освобожден от, временами находящих на него, «проклятых» вопросов бытия. Это говорит о том, что личность в нас в определенном смысле неуничтожима. Аннигиляция личности, также как и ее восхождение в область Божественного, происходит на «незыблемом» фундаменте изначально данного. Личность стремится освободиться через свое самоутверждение от «необходимости» существования, стремится к абсолютной онтологической свободе, которая, в своем окончательном осуществлении, есть либо актуализация ее в аннигиляции (самоубийство), либо утверждение положительное – выход в область Божественного, в область Любви. Существенно, что это стремление внутренне связано с понятием личности.

Однако, в случае с человеком, это стремление к свободе вступает в конфликт с его наличным бытием, так как человек не выбирает: появляться ему на свет или – нет, следовательно – он не может избежать «необходимости» собственного существования. Либо же эта «необходимость» является его онтологической сущностью. Но тогда не приходится говорить ни о какой свободе человека, тогда она есть лишь иллюзия. Отсюда все попытки гуманистической философии обосновать свободу человека исходя только из его временного, земного, существования, которое неизбежно завершается смертью, величайшей «необходимостью» и «крестом» свободы, являются тщетными. Следовательно, личность не может быть представлена как реальность «внутримирская» и полностью человеческая.

Как раз здесь и проходит линия раскола между чисто мирской гуманистической философией и богословием. «Философия может придти к утверждению реальности личности, однако только богословие может

говорить о подлинной, истинной личности, так как истинная личность – как абсолютная онтологическая свобода – должна быть реально (то есть абсолютно не отвлеченно – М. В.) выше наличного бытия, то есть «нетварной», не связанной какой-либо «необходимостью», в том числе и «необходимостью» самого ее существования.

А последнего личность может достичь, лишь обретя свою истинную «родину» – такое Бытие, Которое не стеснено никакими рамками, в том числе рамками Своего существования. Как пишет св. Дионисий – «Бог выше всякой сущности, Он – сверхсущность». Любая сущность (усия) является ограничением свободы субъекта. Только обретя себя в Боге, человек находит оправдание себя как личности. Ни на что другое личность не сводима, и в этом смысле мы можем назвать ее «божественной», не в платоническом конечно же контексте.

Все это позволяет митрополиту Иоанну (Зизиуласу) сделать такой дерзновенный вывод: «Если такой личности не существует в реальности, значит понятие личности – пустая фантазия. Если не существует Бога, то не существует и личности». [1, с. 264]

«Резкие слова, вложенные Достоевским в уста Кириллова, звучат как сирена: если единственный путь реализации абсолютной онтологической свободы для человека – это самоубийство, значит свобода ведет к нигилизму; личность оказывается отрицанием онтологии. Эта экзистенциальная тревога, этот страх перед нигилизмом настолько серьезны, что, в конечном счете, они сами должны быть подвергнуты анализу на предмет их ответственности за релятивизацию понятия личности». [1, с. 265]

Второй момент в сравнении двух «богословий», который бы нам хотелось освятить в своей статье, есть момент возможности реализации такой свободы личностью в объективном мире. Здесь мы увидим ту же картину неспособности чисто гуманистической философии дать ответ на вторую грань свободы личности – возможности существования «другого», возможности принятия «другого» с чисто земного плана.

«Конечно, любое требование абсолютной свободы всегда встречается с аргументом, согласно которому ее удовлетворение приведет к хаосу. Понятие «закона» – как в этическом, так и в юридическом смысле – всегда уже предполагает определенные ограничения личной свободы во имя «порядка» и «гармонии», во имя необходимости сосуществовать с другими. Так «другой» становится угрозой для личности, ее «адам» и «грехом», если вспомнить слова Сартра. И снова понятие о личности заводит человеческое существование в тупик: гуманизм оказывается не в состоянии быть утверждением личности». [1, с. 265]

Как мы пытались показать в этой статье: на вопрос о личности с полным правом может отвечать лишь богословие (буквально: «речь или

мысль о Боге»), если мы хотим сообщить личности положительное содержание.

Какое же богословие может являться оптимальным ответом на «личность»? По крайней мере, мы можем утверждать преимущественно личностную ориентацию именно христианского богословия, особенно же его выражение в патристической традиции (или, как говорят православные – святоотеческой традиции). То есть, проблема личности и свободы была и остается центральной проблемой святоотеческой традиции (это связано и исторически и экзистенциально – по выражению митрополита Иоанна (Зизиуласа)). В задачу нашей статьи не входит показывать особенности возникновения, имеющие важное значение в формировании понятия «личность», святоотеческой греческой традиции. Здесь же мы ограничились лишь неполным сравнением двух мировоззренческих систем в их попытке решения столь сложного и фундаментального вопроса нашей цивилизации – вопроса о личности.

Литература

1. Иоанн (Зизиулас) митр. Личность и Бытие//Электр. версия. Санкт-Петербургский Институт Богословия и Философии. Официальный сайт. <http://idif.org.ru/articles/nachalo06/06-07.pdf>

ИНТЕГРАЦИЯ ОБЩЕДИДАКТИЧЕСКИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ И МЕТОДОВ ПЕДАГОГИКИ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ ИГРЕ НА ИНСТРУМЕНТЕ)

И. А. Голубкова,

Томского музыкального колледжа имени Э. В. Денисова

*Урок – это зеркало общей и педагогической культуры
учителя, мерило его интеллектуального богатства,
показатель его кругозора и эрудиции.*

В.А. Сухомлинский

Основное положение общей педагогики – связь обучения, воспитания и развития – находит естественное отражение в принципах обучения, в том числе и в педагогике музыкальной. Обучая игре на инструменте, педагог ставит первоначальной задачей введение в мир музыки, её выразительных средств и её инструментального воплощения в доступной и художественно-увлекательной форме. С первых лет обучения педагог должен объединить развитие творчески-слуховых, познавательных, исполнительских способностей в единую систему методов и дидактических приемов обучения. Искусство обучения заключается в умении найти на каждом этапе необходимый комплекс методов целостного развития ученика.

Однако до сего времени еще живучи методы авторитарной педагогики. Ученик внешне успевает, но это не приводит к полноценному развитию. Обычно хорошая игра нескольких пьес сочетается с низким уровнем самостоятельности ученика в художественной сфере, его слабой ориентации в постижении авторского текста. Чтобы избежать узкого, формального подхода к обучению, нацеленного лишь на выучивание для показа на академическом концерте, специалистам, особенно начинающим, необходимо всемерно повышать свой психолого-педагогический потенциал, расширяя тем кругозор учеников, параллельно развивая их музыкальные и творческие способности.

Рассмотрим принципы общей педагогики, осмысление и применение которых способно оптимизировать процесс обучения игре на инструменте.

1. СИСТЕМНОСТЬ. Главенствующим исходным положением в системе комплексного обучения инструменталистов является соединение принципов музыкально-эстетического воспитания с исполнительским обучением. Мы не просто учим игре на инструменте, развивая двигательную-техническую и эстетическую сферу для исполнения определённых произведений, но целено, органично вводим ученика в мир музыки при помощи слова, внимательного слушания музыкальных произведений, знакомства с музыкальной грамотой, характером изложения музыкальной фактуры, знакомства с эпохой, композиторами.

2. ДОСТУПНОСТЬ. Общепедагогические принципы доступности, постепенности и наглядности особенно близки практике обучения начинающих инструменталистов. Уже с самого начала работы над музыкальным произведением, отдельными деталями, звуковыми и техническими приемами неразрывно связана с доступностью для него поставленного задания. Каждое новое произведение (несмотря на близость его к ранее изученным) выдвигает перед ним новые задачи. И сразу же необходима помощь педагога, направленная на подготовку слуха, сознания и игрового аппарата к активному усвоению произведения как в целом, так и отдельных вычлененных частей (трактовка, ритм, голосование, исполнительский прием). Все эти средства направлены на то, чтобы новое стало близким и интересным, недоступное – доступным, сложное – простым, непонятное – понятным. Недопустимо завышение трудности программы. Не соответствующая силам ученика программа может сформировать комплекс неполноценности т.к. приложенные усилия не принесут должного результата. Доступным должен быть и язык общения преподавателя с учеником, понятна сфера образов, при помощи которых он осваивает новое незнакомое знание. Доступен и понятен язык общения.

3. НАГЛЯДНОСТЬ. Начиная работать над новым произведением педагог должен прежде всего увлечь ученика, заставить пережить новую для него музыку. Исполнение педагогом произведения целиком является началом восприятия учеником музыки. Выявляя реакцию ученика на прослушанное произведение, педагог дополняет музыку ярким и образным словесным языком, нередко прибегая к доступным ребенку жизненным и художественным ассоциациям. Чем сложнее музыкальное произведение, тем полнее педагог раскрывает художественное богатство произведения. Показ необходим и при разучивании технически сложных фрагментов. Принцип наглядности проявляется не только в исполнении произведения педагогом. Особое значение этот принцип приобретает при формировании игрового аппарата, освоения различных приемов игры, а так же применение различных методических пособий для освоения длительностей нот и т. п.

4. ПОСТЕПЕННОСТЬ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ. При разучивании самой простой мелодии перед учеником встает много задач – грамотное прочтение нотного текста (высотность, длительность), ориентация в аппликатуре и приемах звукоизвлечения, в артикуляционных штрихах и динамике. В этих случаях обилие задач часто тормозит главное восприятие музыки и её осмысленное исполнение. Поэтому, руководствуясь методическим приемом вычленения простого из сложного, можно облегчить восприятие музыки, временно фиксируя внимание ученика на одних заданиях и допуская приблизительное выполнение других. Например: при точном прочтении высотности и аппликатуры, временно лишь слухом контролировать метро – ритм. Далее постепенно и последовательно подключать ощущение фразы, динамики, штрихи, темпа и т.д.

Рассмотренный методический прием вычленения простого из сложного сохраняет свое значение и в последующем обучении.

5. ПРОЧНОСТЬ И ОСОЗНАННОСТЬ. Дальнейшее усложнение музыкальной ткани выдвигает новые трудности. Непосредственное восприятие переходит в фазу большего осознания учеником поставленных перед ним задач. В таких условиях велика роль метода исполнительского показа, как средства подсказывающего пути овладения конкретным исполнительскими задачами и трудностями.

Целостный показ переходит в стадию расчлененного показа отдельных художественных и технических деталей. Так, например при замедленной слухо-двигательной реакции на показ можно включить новые моменты. Одним из таких характерных моментов является преувеличенный, гиперболизированный показ. Он близок как бы к замедленной киносъемке. Г.Нейгауз рекомендует как средство активизирующее образно-эмоциональное восприятие маленьких музыкантов. можно при-

бегнуть к преувеличенной замедленности темпа, распеванию пассажа и т.д., но увлекаться чрезмерно этим не следует.

Для прочности усвоения музыкального материала (например штрихов) показ дополняется словесными комментариями. Демонстрируя ученику технический прием, мы одновременно включаем в показ выработку дифференцированного тактильного ощущения клавиатуры. Наиболее наглядным для детей является прием показа – «вторжения» в движение руки и манеру прикосновения к клавиатуре. Ощущение единства движения руки и пальцевого прикосновения к клавиатуре удачно передает ученику показ игрового приема на тыльной стороне части предплечья. Наряду с показом приема решающая роль принадлежит закреплению на уроке. Прибегая к неоднократному показу, разъяснениям, утрированию двигательных проявлений ученика, педагог добивается той степени усвоения приема, когда все более явным становится автоматизированное владение движениями – навыками. Такой процесс является необходимым условием формирования технических навыков на основе предварительного контролируемого сознанием и слухом, физического действия с его последующим переходом в автоматизированный процесс.

В заключение необходимо сказать, что результат обучения зависит от педагогической и специальной подготовленности учителя, от эмпатии в общении, от умения беседовать с учеником, преподнося ему тонкости игры на инструменте. Важна и хорошо спланированная и организованная совместная деятельность педагога и ученика (определения объема материала, его художественной ценности, целесообразности введения тех или иных произведений в учебный репертуар ученика). Таким образом, внутренние, духовно и практически ценные аспекты, и внешние, организационные, способствуют оптимизации формирования знаний, умений и навыков юного музыканта, развитию его творческого потенциала. Имея крепкую общепедагогическую и специальную подготовку и постоянное стремление к совершенствованию в преподавании, учитель ведёт к успеху своих воспитанников в музыкально-эстетической сфере искусства.

Литература

1. Алексеев А.Д. Методика обучения игре на фортепиано. М., 1978
2. Гелис М.М. Методика обучения игре на домре. – Свердловск, 1988
3. Кузин Ю. Азбука гитариста, ч.1,2. Новосибирск, 1999
4. Малахова И. Первые шаги в мире звуков. – Л. Музыка, 1977
5. Михайленко Н.П. Методика преподавания игры на гитаре. Киев, 2000
6. Мицкевич Н. А. Методика обучения игре на народных музыкальных инструментах. – Кемерово, 2003
7. Нейгауз Г.Г. Об искусстве фортепианной игры. М.,1988

8. Осмоловская Г.В. Активизация музыкального слуха при обучении игре на домре. – Минск. 1981
9. Цыпин Г.М. Обучение игре на фортепиано. – 1984

ЯЗЫЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ДРЕВНИХ СЛАВЯН ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РУССКОЙ СКАЗКИ

Д. Н. Гуль

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Н.И. Сазонова, д.ф.н., профессор

Изучение язычества древних славян – одна из самых актуальных проблем в культурологии и отечественной истории. Это связано, в первую очередь, с тем, что сохранилось мало источников, способных дать цельную картину религиозных представлений в дохристианский период жизни славян. Среди наиболее выдающихся исследователей в области религиозного мировоззрения является М. Элиаде, систематизировавший религиозный опыт всех мировых религий.

Подробное изучение религии и мифологии древних славян началось в XVIII веке, изучение ведется и сегодня. Были собраны ценные материалы, сделаны важные открытия. Среди наиболее известных исследователей, внесших значительный вклад можно выделить таких, как А.Н. Афанасьев – знаменитый русский фольклорист, собравший и записавший русские народные сказки, а также написавший один из наиболее ценных трудов по язычеству славян – «Славянская мифология»; Б.А. Рыбаков – написавший одни из самых фундаментальных работ, охватывающую почти все пласты религии древних славян, а также ее роли в жизни народа; В.Я. Пропп, подробно рассмотревший основные категории в сказках, основных персонажей и обряды, описанные в сказках и т.д.

Основные проблемы в изучении религии древних славян связаны с несколькими факторами: недостаточное количество источников, по которым можно было бы ее подробно изучить; появление огромного количества ложных источников, таких как: возникновение множества неоязыческих общин, которые пытаются воссоздать утерянные знания, но вместо этого создают ложные обряды, чем значительно затрудняют изучение; знаменитая «Велесова книга» – изложение языческих преданий, мифов, древней славянской истории, относящимся примерно к VII-IX векам. Большинство ученых сходятся во мнении, что данный источник является фальсификацией, но, тем не менее, очень многие ссылаются на «Книгу».

Одним из наиболее достоверных источников для изучения религиозного мировоззрения древних славян являются этнографические данные, а также русские сказки, так как они имеют более раннее происхож-

дение и, соответственно, в них наиболее точно переданы самые важные для славян традиции и обряды.

На основе всего вышесказанного была сформулирована следующая цель: выявление специфических черт религиозного мировоззрения древних славян через русские сказки.

Черты языческого мировоззрения славян будут рассмотрены по следующим категориям: представления о создании мира; отношения между человеком и божествами; представления о смерти и потустороннем мире.

Согласно общепринятым в науке подходам, мировоззрение определяют как систему человеческих знаний о мире и о месте человека в мире, выраженную в аксиологических установках личности и социальной группы, в убеждениях относительно сущности природного и социального мира [1, с. 578].

Существуют различные типологии мировоззрений, но основной является деление на мифологические, религиозное и философское мировоззрение. Для нас наиболее важным является мифологическое (языческое) мировоззрение.

В современном понимании термин «язычество» имеет множество значений. В нашем случае под ним будет пониматься религиозное мировоззрение древних славян, в основе которого лежит поклонение множеству божеств, а также одушевление окружающего мира.

Языческое мировоззрение формирует цельную картину мира и пронизывает все уровни бытия, включая отношение к своему «Я», к миру и своему месту в мире, к обществу, к прошлому и будущему, к Космосу.

Язычник может ясно видеть черты божественного буквально во всем, что его окружает: в золотых колосьях, облаках, в речных волнах, да и в самом себе. Язычество – это во многом способность находиться одновременно в двух мировосприятиях: религиозно-мистическом, когда сакральное ощущаешь всюду, и том будничном состоянии, без которого не удалось бы заниматься вполне земными делами. Мир, в котором жил языческий человек, был одушевленным, все в нем было пронизано духами.

Прежде, чем начать анализ, следует сказать, что сказка отлична от мифа, так как она появляется значительно позднее. Сказка выделяется из мифа, когда тот утрачивает свои основные функции. Это, в первую очередь, связано с отсутствием в них понятия времени и пространства («тридевятое царство»; «долго ли, коротко ли шел», «в некотором царстве, в некотором государстве» и т.д.) и выходом на первый план художественной стороны мифа. Для сказки важно донести смысл.

Важнейшую роль в мировоззрении языческого человека играли мифы, связанные с сотворением мира. Представления о сотворении мира мы можем увидеть во всех языческих мифологиях. Сотворение мира

чаще всего связано образом Мирового яйца, которое плавает в мировом океане, из него возникает вселенная или некая персонифицированная творческая сила – бог-творец, Демиург, иногда – род людской. Нередко встречаются мотивы происхождения из верхней и нижней половинок Яйца неба и земли или солнца; во многих случаях Яйцо описывается как золотое, иногда ему присущи атрибуты солнца. Эти черты мы видим в одной из самых известных сказок – «Курочка Ряба». Даная сказка представляет нам миф о сотворении мира в сжатом виде. Для подтверждения этой мысли обратимся одному из греческих мифов о сотворении мира, согласно которому Эвринома – богиня всего сущего – восстала из Хаоса и зачала от северного ветра Борея, представшего в образе змея Офиона. Эвринома, превратившись в утку, отложила Мировое яйцо на волны. По ее просьбе змей Офион обвился вокруг яйца семь раз и высидывал его до тех пор, пока оно не разбилось и из него не появилось «все то, что только существует на свете». В нашем случае в образе птицы, снесшей Золотое Яйцо, выступает курочка. Ее образ также не случаен, так как она олицетворяет собой жителя потустороннего мира. Важную роль играет и тот факт, что курочка описывается как рябая. Рябой цвет символизирует солнце. Золотой цвет Яйца также может говорить о том, что оно представляет собой солярный символ.

Образ мышки, разбившей Яйцо родственен образу змея Офиона. Выбор именно такого персонажа не случаен. В Греции, Египте, Палестине считалось, что мышь родилась из земли. Она считалась хранительницей подземных богатств, а также одним из символов Вселенной.

Слова курочки «Не плачь, дед, не плачь, баба: снесу вам яичко не золотое – простое!» можно истолковать в двух вариантах: первый – замена священного знания на бытовое; второй – смена эпох. В первом случае Золотое Яйцо противопоставляется простому, как духовное материальному. Просто яйцо служит средством утоления голода, восстановление физической силы, в то время как Золотое несет в себе некое духовное знание, недоступное обычным людям. Во втором случае – интерпретация известного сюжета древнегреческой мифологии – деление человечества на несколько эпох: Золотую, Серебряную, Медную и Железную. [2, с. 226-229]

Особыми являются отношения между человеком и его богами, которые является совершенно иным, чем в традиционных монотеистических религиях. Для язычника бог является другом, братом, соратником. Человек выделяет самые важные свои качества и переносит их на бога, создавая тем самым, могущественный идол для поклонения. Ему никогда и в голову не придет падать перед ним на колени, или молить о чем-либо. Между человеком и богом существует особый род отношений, являющийся своего рода принуждением. Человек приносит богу жертву, тре-

буя выполнения какого-либо своего желания, и тот в свою очередь уже обязан окупить ее, так как принял эту жертву. В славянской мифологии этот ритуал достаточно подробно описывается во многих русских сказках. В сказке подношение жертвы описывается как выкармливание какого-либо животного: орла, коня, волка. Пища, подносимая животному, является не просто средством утоления голода, она дает ему магическую силу. После насыщения пищей животное обязано служить герою. [3] Так, например, в «Сказке об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» мы видим следующее: серый волк съедает коня Ивана-царевича и далее становится его спутником и защитником. В данном случае описывается обряд жертвоприношения. В качестве жертвы выступает конь, волк же символизирует собой некоего бога принимающего эту жертву. Теперь бога и человека связывает особый контракт, согласно которому бог обязан выполнить желание человека и постоянно оберегать его. Согласно сюжету сказки волк не просто оберегает Ивана-царевича. Он выполняет за него все подвиги, исправляет все ошибки и даже спасает ему жизнь, это хорошо видно из того, как волк обращается в Елену Прекрасную, когда Иван не захотел ее отдавать, в оживлении Ивана живой и мертвой водой и т.д.

Для языческого мировоззрения важную роль играют представления о реальном и потустороннем мирах. Постепенное осознание окружающего мира язычником приводит к возникновению различного рода представлений. В мифологии каждого древнего народа мы можем увидеть образ потустороннего, или загробного мира. В большинстве древних мифов загробный мир располагался под землей. Это мы можем увидеть у греков, египтян, Майя, скандинавов и др.

Представления о потустороннем мире у славян связаны с образом дремучего леса. Его главное отличие состоит в том, что он находится не под землей, а на земле. Чтобы понять, с чем это связано, необходимо сделать краткий экскурс в историю. На рубеже IV-V веков, в результате движения племен гуннов от границ Китая на запад началось Великого переселения народов, в результате которого многие народы вынуждены были искать новые территории для обитания. Славянские племена начинают движение по трем направлениям: на север, юг и восток. Переместившись на восток, они оказываются в сложнейших условиях для выживания. Территория, на которую они пришли радикально отличается от той, где они жили до того. До переселения славяне преимущественно занимались земледелием, но новая территория была непригодна для этого, так как все ее пространство занимали густые и непроходимые леса, в которых водились опасные животные. Это привело к слому привычного порядка вещей и, далее, активной борьбе с лесом, которая не привела к положительным результатам. [4] Отсюда возникает страх перед лесом и

огромной территорией, которую он занимает. В русских сказках лес выступает как нечто не совсем реальное, он темен, дремуч, в нем герой идет «куда глаза глядят». Образ леса, как потустороннего мира тесно связан со следующей категорией представлений – представлений о смерти.

Образ смерти наиболее полно сохранился в славянских сказках, потому что он отражает один из самых важных обрядов в социальной и духовной жизни славян – обряд инициации – посвящение юношества при наступлении половой зрелости. Смысл этого обряда заключается во вхождении в потусторонний мир с целью одоления смерти. Человек должен не только победить смерть, но остаться живым сам. Обряд посвящения производился всегда именно в лесу. В нем находится вход в потусторонний мир.

В сказках лес выступает как нечто не совсем реальное, он темен, дремуч, в нем герой идет «куда глаза глядят». Пропп упоминает о том, что перед отправкой в лес нельзя было принимать пищу, т.к. это прием пищи в дальнейшем играет очень важную роль.[5] В этом же лесу находится и избушка на курьих ножках, в которой живет Баба Яга. Чтобы войти в избушку герою необходимо произнести заветные слова, непосвященный человек их не знает, но Ивану эти слова известны. Это может говорить о том, что героя изначально подготовили к инициации, дали ему всю необходимую информацию. Так, например, в сказке «Царевна-лягушка» Иван-царевич произносит следующее: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, – ко мне передом, а к морю задом». Избушка поворачивается, Иван в нее входит, и первое, что он слышит – слова Бабы Яги: «Фу! Фу! Русской коски слыхом было не слышать и видом не видать, а нынче русская коска сама на двор пришла!». В других интерпретациях эта фраза звучит следующим образом: «Фу! Фу! Русским духом запахло!». Далее Иван уже видит и саму Ягу: «на печи, на девятом кирпичи, лежит баба-яга костяная нога, нос в потолок врос, сопли через порог висят, титьки на крюку замотаны, сама зубы точит». Но здесь возникает вопрос, как понимать «нос в потолок врос»? И почему Яга занимает всю избу? Ведь она нигде не описывается и не упоминается как великан. И, следовательно, не она велика, а избушка мала. Яга напоминает собой труп, труп в тесном гробу или в специальной клетушке, где хоронят или оставляют умирать. Она – мертвец. Именно поэтому ей так противен «русский дух». Согласно исследованиям Проппа В.Я. «здесь на мир умерших перенесены отношения мира живых с обратным знаком. Запах живых так же противен и страшен мертвецам, как запах мертвых страшен и противен живым. Как говорит Фрэзер, живые оскорбляют мертвых тем, что они живые». Избушка Яги представляет собой некий гроб, выполненный в виде дома. У славян из-

вестны подобные захоронения. Чаще всего подобным образом хоронили знатных людей. Для них сооружали небольшую избушку, куда клали все необходимое человеку в потустороннем мире. [6] Так как Баба Яга является мертвой, то совершенно очевидно, что она не станет помогать живому человеку, и Ивану необходимо совершить обряд, чтобы стать частью потустороннего мира. Именно поэтому первое, что делает Иван – обращается к Бабе Яге со следующими словами: «Ах ты, старая хрычовка! Ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила-напоила, в бане выпарила, да тогда б и спрашивала». Помывшись в бане, Иван смывает с себя ненавистный Яге «русский дух», а после принятия пищи мертвых он становится частью потустороннего мира.

Таким образом, мы увидели, какие обряды человек совершал в потустороннем мире, и какие слова он произносил, чтобы стать частью этого мира. Сказка является своеобразной памяткой для человека, она описывает, что и как необходимо делать. Выше уже упоминалось, что обряд инициации проводился с определенной целью – преодоление смерти. В сказках смерть выступает в образе Кощея. Это имя происходит от «кощь» или «кошть» – «сухой», «тощий», «худой» – изначально употреблялась как эпитет, а затем закрепилось за героем. [7, с. 137-139] Как правило, имя это персонажа употребляется с эпитетом «Бессмертный». Но, как выясняется, Кощей вовсе не бессмертен, смерть его, по словам Бабы Яги «на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережет». «Высокий дуб» – огромная, нерушимая преграда, обычный человек не способен своими силами добыть сундук, стоящий на нем. Нахождение дуба именно в потустороннем мире, а также тот факт, что смерть кощея стоит именно на нем, символично, так как дуб олицетворяет собой Мировое древо. Это один из наиболее красочных символов Космизма, и присутствует у многих народов. В германо-скандинавской мифологии говорится о дереве Иггдрасиль. На его вершине сидит орел, а корни ему подгрызает дракон Ниддхег; в древнем Иране верили, что священное дерево растет у источника Ардвисури и на нем живет царская птица Сенмурв; в мифологии Майя в центре мира находилось Зеленое древо. Его корни находились в подземном мире, ствол в мире людей, а крона на небесах, именно там находился рай с богиней Иш Таб.

В древнеславянских представлениях в образе Мирового древа выступал дуб. Это огромное древо с раскидистыми ветвями и огромными корнями, уходящими глубоко в землю. Его крона олицетворялась с небесным миром, с Космосом; ствол с миром живых, а корни – с миром мертвых. [8, с. 638]

Неудивительно, что именно на этом дубу Кощей предпочел хранить свою смерть. Кощей Бессмертный является антонимом обычных смертных людей. Следовательно, его смерть является для людей жизнью. Смерть Кощей хранится на конце иглы, которая в свою очередь, хранится в Яйце – символе Мирового Яйца. Уже упоминалось ранее, что во многих мифологиях мир произошел из разбитого яйца. Можно предположить, что в данном случае раскол яйца отламывание Иваном конца иглы несет не только смерть Кощей, но и возрождение всего живого мира.

Со сменой религии многие обряды и традиции утратили свою роль, но, тем не менее, мы до сих пор можем их увидеть в дошедших до нас сказках, несмотря на то, что они скрыты под толстым пластом православной веры. Мировоззрение древних славян представляет собой сложную систему, пронизывающую все уровни бытия и формирующее цельную картину мира. Сходные мировоззренческие черты, такие как, представления о сотворении мира, отношение к смерти, традиция обряда инициации, особый род отношений человека с богами позволяют судить о высоком уровне развития культуры и поставить древних славян в один ряд с такими древними культурами, как Греция, Месопотамия, Майя и т.д.

Литература

1. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. /под ред. В.С. Степина, Г.Ю. Семина. М.: Мысль, 2010. Т.3. 692 с.
2. Маковский М.М. Сравнительный анализ мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996.
3. Винник В.Ю. Основы языческого мировоззрения. – URL: <http://warrax.net/78/vinnik/html> . Дата обращения: 11.04.2012.
4. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – URL: <http://lib.rus.ec/b/122328> . Дата обращения: 10.04.2012.
5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – URL: <http://lib.ru/CULTURE/PROPP/skazki.txt> . Дата обращения: 10.04.2012.
7. Соболев. Загробный мир по древнерусским представлениям. – URL: http://krotov.info/lib_sec/18_s/ob/olev_00.htm . Дата обращения: 10.04.2012.
8. Белякова Г.С. Славянская мифология. М.: Просвещение, 1995. 240 с.
9. Афанасьев А.Н. Славянская мифология. М.: Эксмо, 2008. 1520 с.

РАЗВИТИЕ ВОКАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ НА ПРИМЕРЕ ВОКАЛЬНОЙ СТУДИИ МАОУ ДОД ДЮЦ «СИНЯЯ ПТИЦА», Г. ТОМСК

Н. В. Кривовяз

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: В.Г. Ланкин, д.ф.н., проф.

В МАОУ ДОД ДЮЦ «Синяя птица» традиционно обучаются дети, наделенные музыкальными способностями, которые любят музыку и желают научиться красиво петь.

Именно для того, чтобы ребенок, наделенный способностью и тягой к творчеству, развитию своих вокальных способностей, мог овладеть умениями и навыками вокального искусства, самореализоваться в творчестве, научиться голосом передавать внутреннее эмоциональное состояние, была создана студия, направленная на духовное развитие обучающихся.

В МОУ ДОД ДЮЦ «Синяя птица» создана вокальная студия «Синяя птица», в которой занимаются учащиеся 5-11 классов в возрасте от 12 до 17 лет. Особенность программы в том, что она разработана для обучающихся общеобразовательной школы, которые сами стремятся научиться красиво и грамотно петь. При этом дети не только разного возраста, но и имеют разные стартовые способности.

В данных условиях занятия в студии – это механизм, который определяет содержание обучения вокалу школьников, методы работы учителя по формированию и развитию вокальных умений и навыков, приемы воспитания вокалистов.

Занятия отличаются тем, что:

- позволяют через дополнительное образование расширить возможности образовательной области «Искусство»;
- они ориентированы на развитие творческого потенциала и музыкальных способностей школьников разных возрастных групп в вокальной студии за 3 года обучения соразмерно личной индивидуальности;
- содержание может быть основой для организации учебно-воспитательного процесса по индивидуальной траектории, развития вокальных умений и навыков как групп обучающихся, так и отдельно взятых учеников;
- занятия имеют четкую содержательную структуру на основе постепенной (от простого к сложному) реализации задач тематического блока, а не общепринятое описание системы работы.

В условиях вокальной студии МОУ ДОД ДЮЦ «Синяя птица» занимаются 16 обучающихся. Это дает возможность каждому из них удовлетворить не только свои образовательные школы своими способ-

ностями, получить оценку и общественное признание в городе, округе, в России. Увлеченные любимым делом школьники высоконравственны, добры и воспитаны, принимают общечеловеческие ценности, далеки от девиантного образа взаимодействия с окружающим сообществом.

Цель занятий – через активную музыкально-творческую деятельность сформировать у учащихся устойчивый интерес к пению и исполнительские вокальные навыки, приобщить их к сокровищнице отечественного вокально-песенного искусства.

Задачи:

- *Расширить знания обучающихся о музыкальной грамоте и искусстве вокала, различных жанрах и стилевом многообразии вокального искусства, выразительных средствах, особенностях музыкального языка;

- *Воспитать у обучающихся уважение и признание певческих традиций, духовного наследия, устойчивый интерес к вокальному искусству;

- *Развить музыкальный слух, чувство ритма, певческий голос, музыкальную память и восприимчивость, способность сопереживать, творческого воображения, Формировать вокальную культуру как неотъемлемую часть духовной культуры;

- *Помочь учащимся овладеть практическими умениями и навыками в вокальной деятельности.

Занятия определяют 2 направления обучения детей: вокально-хоровая работа и концертно-исполнительская деятельность. Первое направление состоит из 12 тематических блоков, объединяющих несколько вопросов теоретического и практического характера, которые реализуются на разных этапах обучения (содержание обучения усложняется на 2 и 3 годы обучения). Основное содержание занятий позволяет формировать в единстве содержательные, операционные и мотивационные компоненты учебной деятельности – это обеспечивает целостный и комплексный подход в решении поставленных задач. Теоретические знания ориентированы на каждого обучающегося. Это сведения из области теории музыки и музыкальной грамоты, которые сопровождают все практические занятия, на которых основное внимание уделяется постановке голоса и сценическому искусству. Организация учебного процесса в рамках каждой темы отличается содержанием, видами деятельности, аппаратом контроля, при постепенном усложнении процесса обучения. Педагог свободно управляет учебным процессом и может заменить одно произведение другим. Поэтому занятия разнообразны и интересны.

Наиболее подходящей формой для реализации является вокальная студия. Вокальная студия позволяет учесть физиологические и вокальные особенности детского голоса: регистры и диапазон соответствующи-

щий возрастным особенностям (чтобы подобрать материал для индивидуальной работы), особенности звуковедения.

По способу организации педагогического процесса занятия являются интегрированными, т.к. предусматривают тесное взаимодействие музыки, литературы, живопись, элементов танца. Комплексное освоение искусства оптимизирует фантазию, воображение, артистичность, интеллект, то есть формирует универсальные способности, важные для любых сфер деятельности.

При разучивании песенного и репертуара я обращаюсь к знаниям и умениям детей, полученным на уроках предметов гуманитарного цикла: на уроках русского языка – умение правильно произносить слова, выразительно читать текст, и соблюдать правильную интонацию при их произношении; на уроках литературы – формируется начальное понятие художественного языка, умение анализировать образную систему, средства и приемы художественной выразительности; на уроках изобразительного искусства – представление о специфике решения образа в различных видах и жанрах.

Занятия предусматривают сочетание практической методики вокального воспитания детей на групповых и индивидуальных занятиях.

Обучение предполагает различные формы контроля промежуточных и конечных результатов. Методы контроля и управления образовательным процессом – это наблюдение педагога в ходе занятий, анализ подготовки и участия воспитанников вокальной студии в мероприятиях, оценка зрителей, членов жюри, анализ результатов выступлений на различных мероприятиях, конкурсах. Принципиальной установкой занятий является отсутствие назидательности и прямолинейности в преподнесении вокального материала.

Педагогическая целесообразность состоит в том, что занятия обеспечивают формирование умений певческой деятельности и совершенствование специальных вокальных навыков: певческой установки, звукообразования, певческого дыхания, артикуляции, ансамбля; координации деятельности голосового аппарата с основными свойствами певческого голоса (звонкостью, полетностью и т.п.), навыки следования дирижерским указаниям; слуховые навыки (навыки слухового контроля и самоконтроля за качеством своего вокального звучания).

Особое место уделяется концертной деятельности (2 направление обучения): обучающиеся исполняют произведения в рамках детско-юношеского центра, городских праздников, посвященных разным памятным датам. Это придает прикладной смысл занятиям вокальной студии. Обучение учеников вокалу подчинено личной и общезначимой цели. Для лучшего понимания и взаимодействия для исполнения предлагаются полюбившиеся произведения, хиты, “легкая” музыка. Все

это помогает юным вокалистам в шуточной, незамысловатой рабочей игре постичь великий смысл вокального искусства и научиться владеть своим природным инструментом – голосом.

Проведенный анализ теории и практики (внешкольного) дополнительного образования детей позволил выявить неравномерность его развития. В то же время история становления и современного состояния этого образования в нашей стране на протяжении 80-ти лет его существования показала, что оно может рассматриваться как определенная система, включающая в себя совокупность взаимодействующих элементов:

- образовательные программы различного уровня и направленности;
- учреждения дополнительного образования детей;
- органы управления образованием и подведомственные им учреждения дополнительного образования детей;
- детские и молодежные общественные объединения, реализующие дополнительные образовательные программы;
- семью.

Результаты теоретического и эмпирического исследования дают основание утверждать, что система дополнительного образования детей обеспечивает творческое развитие личности ребенка, способствует его самоопределению при позитивном отношении к дополнительному образованию родителей (законных представителей) ребенка, наличии следующих педагогических условий:

- соответствующего содержания деятельности, многообразия образовательных программ, личностно-деятельностного подхода в организации работы. Как оказалось, наибольшее предпочтение дети и родители отдают спортивно-оздоровительному, художественно-эстетическому, техническому творчеству, эколого-биологическому и туристско-краеведческому направлениям дополнительного образования, что связано в первую очередь с интересами, склонностями, потребностями и возможностями ребенка;

- адекватных данному содержанию, формам и методам работы особенностей личности педагога дополнительного образования, таких как эмпатийность, коммуникативность, компетентность, направленность на детей и др. Полученные в результате исследования данные об особенностях личности педагога дополнительного образования позволяют рассматривать их в качестве материалов при доработке квалификационных признаков и характеристики этой профессии;

- поэтапности объективного контроля за эффективностью процесса творческого развития личности ребенка, его самоопределения в системе дополнительного образования детей.

1. Апрашкина О. А. «Методика музыкального воспитания в школе». М. 1983г.
2. Вендрова Т.Е. «Воспитание музыкой» М. «Просвещение», 1991
3. Далецкий О. Н. «Обучение эстрадных певцов»
4. Дмитриев Л.Б. «Основы вокальной методики». – М. 1968.
5. Кампус Э. О мюзикле. – М., 1983.
6. Климов А. «Основы русского народного танца» М. 1981г.
7. Коллиер Дж.Л. Становление джаза. –М., 1984.
8. М. А. Михайлова. Развитие музыкальных способностей детей. М. 2003г.
9. Малинина Е.М. «Вокальное воспитание детей» – М.-Л. 2006.
10. Музыкальное образование в школе. Учебное пособие для студентов. муз.фак. и отд. высш.и средн. пед. учеб. заведений./ Л.В.Школяр.,М.: Изд.центр«Акадкмия» 2007 г.
11. Шацкая В.М. Музыкально-эстетическое воспитание детей и юношества.— М., 2007.
12. Медведь Э. И. Эстетическое воспитание школьников в системе дополнительного образования. Учебное пособие. – М.: Центр гуманитарной литературы «РОН», 2002. – 48 с.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В. Перков

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: С. С. Аванесов, д. ф. н., профессор

При соприкосновении человека с миром Православия перед ним открывается огромное поле таинственного и непонятого. Это «непонятое» можно так и оставить непонятым, сказав, что «Бог у меня в душе». Второй путь – изучение веры через Священное Писание и другие книги, но и этот путь, близкий протестантам, страдает некоторою односторонностью [3]. Третий подход заключается в изучении веры через непосредственный богослужебный опыт, который является первопричиной, катализатором и арбитром в изучении книжной мудрости, а также этот молитвенный литургический опыт позволяет явно и истинно ощутить Бога в душе. Настоящий молитвенный опыт преображает человека и выражается в изменении сознания и поступков.

Есть люди, которые (возможно, под влиянием проповеди протестантов) недоумевают о сложности православного богослужения при кажущейся простоте Святого Евангелия. Возможно, это противоречие объясняется неудачным опытом соприкосновения человека с храмовым богослужением, оставившим неприятный осадок в душе. Сам Христос сказал, что Он пришёл не нарушить закон, но исполнить (Мф 5:17), а в Ветхом Завете огромное внимание уделяется даже мелочам при храмо-

вом строительстве и богослужении (см., например, книгу Левит). Что Христос исполнял все богослужебные особенности, видно из того, что, несмотря на всю хитрость и лживость книжников и фарисеев во главе с первосвященником, ни одного достойного обвинения против Иисуса не было найдено (Лк 23:1–25). К тому же, большинство первых христиан было из иудеев, для которых приход Мессии стал апофеозом и исполнением всех чаяний Ветхого Завета, удостоверением в истинности всего лучшего в их культуре и традиции.

Вообще история церковного песнотворчества обычно делится учёными на три периода [2, с. 63]:

- подготовительный, до V века.
- расцвет церковной поэзии в V–VII вв. и
- период преобладания канонов с VIII века и до наших дней.

Обзор этих периодов будет сделан по материалам прекрасной книги архимандрита Киприана Керна [2].

1. Подготовительный период (I–IV вв.)

Этот период характеризуется, во-первых, тесной связью христианского богослужения с иудейской традицией (с ветхозаветным храмом и синагогой). Псалмический и вообще библейский песенный материал занимал в литургическом обиходе исключительное место. Храм не перестал быть центром религиозной жизни первых поколений христиан, как это явствует из Деяний Апостолов и Посланий ап. Павла. Весь дух и пафос Ветхого Завета целиком были восприняты христианами, и этим жили, этим дорожили.

Второй особенностью этого периода было составление собственных харизматических од и гимнов. Апостол Павел говорит о «псалмах, словословиях и песнях духовных» (Еф 5:19). Восприняв ветхозаветное откровение, включив его в свой литургический канон, церковные поэты сразу же стали дополнять его своими произведениями, при этом черпая своё вдохновение не только из Священного Писания, но главным образом из собственного опыта богообщения, даров Святого Духа, факта пришествия Бога в мир. В силу особого харизматического настроения этой эпохи, предполагающей импровизацию и свободу, а возможно и в силу жестоких гонений на христиан, сведения об этой поэзии почти ничтожны. Свидетельства о том имеются, и не мало, но памятников этого поэтического творчества почти нет.

«Дидахи» и «Апологии» св. муч. Иустина Философа говорят о том, что в литургических собраниях пророки и священнослужители «благодарили (т.е. возносили ими же составленные благодарственные, евхаристические молитвы) сколько могли», «сколько было сил у них».

Так называемое 1 Послание к Коринфянам св. Климента Римского в своей значительной части содержит вдохновенный гимн, обращённый к

Богу, полный поэтической силы и красоты. В известном «Послании к Диогнету» есть отрывок поэтического содержания. Плиний Младший говорит о собраниях христиан, воспевающих гимны Христу как Богу.

Таковы некоторые памятники и свидетельства I–II веков.

Климент Александрийский говорит о существовавших в его время «гимнах и песнопениях (одах)» и о «застольных гимнах и псалмах». Свидетельства о гимнах находим и у Оригена, св. Григория Неокессарийского, в мученических актах, в «Апостольских Постановлениях Приводимые кардиналом Питра пасхальные песнопения исследователь Леклерк приписывает очень седой древности. Это: «Пасха священная нам днесь показася, Пасха нова, святая, Пасха таинственная ...» и т.д.

По-видимому, одним из древнейших гимнов христианского песнетворчества, до нас дошедшим в записанном виде и до днесь в церкви употребляющимся, является известное «Свете Тихий...» По мнению профессора Скабалановича этот гимн относится ко II–III вв. Во всяком случае, бесспорно, что «Свете Тихий» приводится в Александрийском кодексе Библии V века.

Также необходимо отметить таких значимых святых поэтов первого периода, как Григорий Богослов, Мефодий Олимпийский, Ефрем Сирийский.

2. Второй Период – расцвет поэзии (V–VII вв.)

Этот период отличается появлением ряда песнописателей, оставивших более или менее заметный след в истории поэзии (Анатолий, Софроний, Сергей и др.), и особенно исключительной по своему значению фигуры Романа Сладкопевца, давшего совершенно новый тип песнетворчества в виде кондаков. Этот тип поэзии, несомненно, повлиял на позднейших писателей, но не удержался в практике. Скоро начался этап в истории литургического творчества, для которого тип поэзии Романа был слишком изыскан. Началось искание в иной области.

Характерным для второго периода литургического песнетворчества признаком является, как указывают его историки, немалое влияние еретической поэзии. Не должно вообще смущаться тем, что влияние еретического творчества оставило свои следы в православной церковной жизни. В противовес еретикам появились православные поэты, частью заимствовавшие методы первых, частью искавшие новых путей. Точно так же, как это явствует из истории праздников, неоднократно праздники еретические или подчас даже языческие способствовали возникновению и развитию православных праздников.

Также для этого этапа характерно активное участие монахов в создании поэтических произведений, до этого монашество зачастую выступало против изысканных поэтических произведений. Но в дальнейшем этот узкий ригористический взгляд на творчество был отвергнут мона-

шеством, и именно эта среда дала самые яркие произведения церковного искусства.

Переходя к отдельным именам этого второго периода, надо упомянуть следующих писателей.

Император Юстиниан (527–565) является, по преданию, автором гимна «Единородный Сыне и Слове Божий...», вошедшего в церковное употребление и занявшего очень прочное место в литургии. Это объясняется в значительной степени авторитетом самого автора, а также и тем, что гимн этот является как бы неким символом веры, исповеданием православного вероучения против еретиков.

Патриарх Сергий Константинопольский известен как автор акафиста Божией Матери, составленного около 626 года. Его авторство оспаривается, но, по-видимому, здесь больше действует нежелание считать автором столь православного произведения патриарха, скомпрометировавшего себя защитой монофелитской ереси, чем какие-либо более серьезные научно-критические основания.

Св. Софроний Иерусалимский (†638), известный по борьбе с монофелитами, вошел в историю церковной поэзии и как автор ряда песнопений. Весьма возможно, что Софроний принял участие в редакции Типикона св. Саввы Иерусалимского, но не составил его целиком, как это раньше предполагалось.

Роман Сладкопевец, или Мелод, с полным правом считается «величайшим поэтом византийского времени» (Крумбахер). Его историческая судьба поистине трагична. Создавая в церковной поэзии совершенно особый тип песнопений, отличаясь невероятной плодовитостью и сияя в своё время исключительно ярким светом, он потом не только должен был уступить своё место в церковной поэзии, будучи вытеснен пришедшим ему на смену иным типом песнетворчества, канонами, но и сам был совершенно забыт. Объяснить это явление довольно трудно, так как личность Романа и всё значение его поэтического творчества ещё не нашло своего исследователя. Очень вероятно, что в смене типов церковного песнетворчества значительную роль сыграла большая доступность нового типа – канонов – и меньшая требовательность художественного вкуса церковных масс, которые эти каноны возлюбили больше, чем более вдохновенные и более трудные, благодаря своей изысканности, кондаки. Во всяком случае, историческая судьба Романа как поэта очень печальна. Правда, благодаря открытию Питра, трудам Мааса, Криста, митрополита Софрония Евстратиадиса и др. Роман Сладкопевец вошёл, так сказать, теперь в моду, и им всё больше интересуются; но, конечно, это интерес только научный, а творчество его, его бессмертные кондаки ушли из церковного употребления.

Исторические сведения о личности Романа более чем скудны. Известно только, что он был родом из Сирии, из г. Мисиан. Национальность его, бесспорно, греческая, что явствует из его стиля и прирождённого знания этого языка. Известно, что он был пресвитером в Царьграде в церкви Богородицы, куда он пришёл диаконом, предположительно, в царствование императора Анастасия I (491–518).

Предание говорит, что Романом было составлено до 1000 кондаков. Кардиналом Питра найдено в разных рукописях до 30 кондаков с именем этого поэта. В настоящее время в богослужебных книгах с достоверностью сохранился кондак с икосом на Рождество Христово; можно также предполагать, что большинство кондаков с икосами на великие праздники также принадлежит перу Романа. Кроме того, его именем надписываются многие другие церковные произведения.

Проф. Миркович говорит о творчестве этого поэта так: «В ритме его слов мы ощущаем, как в этом ритме бьётся сердце, наполненное ведением святынь и предметов. В однообразном материале поэт находит всё новые и новые стороны, которые он и воспекает и словами своими рисует красоту добра и святости. Слова его стихов нанизываются, как капли, падающие из бездонного источника. Его песнопения – совершенство богослужебных песен: он пластичен, содержателен и способен своим полётом поднять душу слушателей, а глубиной ощущения и возвышенностью языка он далеко превосходит всех других поэтов. Греческая церковная поэзия нашла в нём своё совершенство».

В современном понимании значения искусства св. Роман был художником-реалистом. Его творчество не было абстрактным. Он сочинял свои произведения не только для эстетического наслаждения любителей поэзии и музыки. Это был отклик художника на волновавшие его современников проблемы церковной и общественной жизни. На бушевавшую монофизитскую ересь он отвечает поэмами «Мария и волхвы» и «Мария у Креста», в которых создаёт глубоко психологический образ Марии – Матери и тем самым утверждает совершенную человеческую природу Богочеловека. Роман видит отрицательные стороны нравственной жизни общества: увлечение одних внешним благочестием, разврат других и отчаяние в исправлении у третьих. В обличение первых он пишет поэму «О десяти девах», в которой говорит своим слушателям о христианском милосердии как добродетели, превосходящей все другие пути благочестивой жизни. Для целомудренных он даёт урок во второй поэме «Об Иосифе», а падшим внушает надежду на спасение поэмой «На отречение Петра» [4].

3. Период третий – преобладание канонов (с VIII века)

Этот этап в истории церковного песнетворчества характеризуется преимущественно введением новой формы богослужебных песнопений

– канонов. Кроме того, писатели этой эпохи составили много других песнопений (стихир, тропарей, светильнов).

Первый, кто начал составлять каноны, был св. Андрей Критский. До него не было вообще полных канонов, а только отдельные песни, 8-я и 9-я обязательно и какая-либо ещё; а самое писание песней канона, как развитие и добавление к библейским одам, было неизвестно Церкви. Во всяком случае, св. Андрею Критскому принадлежит честь изобретения нового облика церковной поэзии и, надо сказать, он является и самым замечательным по содержанию и умению применять формы канона к этому содержанию.

Канон – наиболее поздний облик византийского песнетворчества, в настоящем своем объеме и формах закончившийся в VIII–IX вв. Это сложная цепь разных ветхозаветных гимнов, переплетенных с христианскими песнопениями. Этот тип гимнографического творчества полюбился византийским писателям; первые попытки составления канонов легко нашли себе подражателей, и очень быстро каноны заняли в богослужебном обиходе первенствующее место, совершенно вытеснив из употребления кондаки.

Библейские песни, т.е. гимны, воспетые ветхозаветными пророками и праведниками по поводу наиболее великих событий в жизни их и целого Израиля, представляют собою основание канонов.

В идеале, который предстает перед творцом канона, тема библейской песни должна быть выдержана во всей песни канона, что, само собой понятно, невозможно. Кроме верности библейскому содержанию песни, автор ведь должен вложить в данную песнь канона и прославление святого сегодняшнего дня или празднуемого события. Иногда это делается мастерски, особенно, когда к тому есть прямая связь; чаще же приходится прибегать к натяжкам или игре слов, как например: Пелагея и *πέλαγος* – пучина; еще же чаще никакой связи идей найти невозможно, и никакая игра слов помочь не может автору, обязанному во что бы то ни стало вставить прославление какого-нибудь преподобного или иконы Божией Матери в рамки темы о переходе через Чермное море или пребывании Ионы во чреве кита. Со временем в богослужебной практике пение Библейских песен почти прекратилось (кроме Великого Поста), их заменили особыми сокращенными припевами в честь празднуемого лица или события.

Примерно к X веку, творчеством Иосифа Песнописца (†983) заканчивается составление всех основных богослужебных книг и песнопений. Конечно, с этим именем не кончается песнетворчество в истории восточной церкви, но в последующие времена оно все больше и больше приобретает характер подражательный. Церковь продолжает жить, прославлять своих новых святых, писать им службы, но уже по строгим

трафаретам, не принося ничего нового ни в смысле формы, ни в смысле содержания.

Таковы основные этапы развития православной литургической поэзии, свидетельствующие о динамизме развития богослужения.

Литература

1. Библия. М.: Можайский полиграфический комбинат, 2004.
2. Киприан (Керн), архимандрит. Литургика: гимнография и эортология. М. Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999. 152 с.
3. Шмеман А., протопресвитер. Литургическое богословие. СПб: Библиополис, 2006. 440 с.
4. Успенский Н.Д. Св. Роман Сладкопевец и его кондаки <http://www.spbda.ru/>

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНО-ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ШКОЛАХ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

И. А. Приходько

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е. Е. Ланкина, доцент.

*Игра – это искра, зажигающая огонёк
пытливости и любознательности*

В. А. Сухомлинский

Игра – это мощный стимул обучения, это разнообразная и сильная мотивация учения. В игре активизируются психологические процессы участников игровой деятельности: внимание, запоминание, интерес, восприятие и мышление. Уникальная особенность игры состоит в том, что она позволяет расширить границы собственной жизни ребёнка, вообразить то, чего он не видел, представить себе по чужому рассказу то, чего в его непосредственном опыте не было. Игра эмоциональна по своей природе и опыту и способна даже самую сухую информацию оживить, сделать яркой и запоминающейся. В игре возможно вовлечение каждого в активную работу, эта форма урока противостоит пассивному слушанию и чтению. В процессе игры интеллектуально пассивный ребёнок свободно выполнит такой объём работы, какой ему совершенно недоступен в обычной учебной ситуации. Игра позволяет задействовать в учебных целях энергию, которую школьники расходуют на «подпольную» игровую деятельность.

Понятие «игровые педагогические технологии» включает достаточно обширную группу методов и приёмов организации педагогического процесса в форме различных педагогических игр. В отличие от игр вообще педагогическая игра обладает существенным признаком – чётко

поставленной целью обучения и соответствующими ей педагогическими результатами, которые могут быть обоснованы, выделены в явном виде и характеризуются учебно-познавательной направленностью. Анализ эмоционального состояния детей в результате проведенного урока музыки с применением игровой технологии показывает, что урок вызвал у детей эмоциональный подъем, что положительно сказывается и на усвоении материала.

Опираясь на свой десятилетний педагогический опыт, можно с уверенностью заявить, что игра должна быть частью педагогического процесса, особенно в младшем школьном возрасте. Переход от дошкольного детства, где доминирует игра, к школьной жизни, где первостепенную роль играет учёба, должен быть педагогически продуман. Изучение развития детей показывает, что в игре эффективнее, чем в других видах деятельности, развиваются психические процессы, поэтому опора на игру – это важнейший путь включения младших школьников в учебную работу. Игра вводит ребёнка в жизнь, в общение с окружающими, с природой, способствует приобретению знаний. Она всегда имеет определённую цель. В музыкальных играх этой целью является развитие интеллекта, чувства ритма и такта, памяти, музыкального слуха, голоса, самой творческой деятельности ребёнка. Музыкальные игры способствуют быстрому запоминанию изученного материала, интенсивности изучения, раскрепощению детей. Избавлению от комплексов.

Данная статья – это небольшое исследование, целью которого является изучение и применение музыкально-игровых технологий в школах Томской области. После окончания Томского музыкального училища им. Э. Денисова автору статьи пришлось довольно долгое время проработать в школах Томской области, общаться с учителями преподающими в школах района. Они с удовольствием делились разными методиками и технологиями, которыми пользуются в своей педагогической практике. Например, Валентина Челнакова, работающая в селе Кожевниково, рассказала, что очень часто использует игры на уроках музыки. Вот одна из них – на развитие слуха. Детям предлагается послушать разные инструменты – бубен, маракасы. Придумываем разные движения, например: под звук бубна садимся, под звук маракасов прыгаем. Затем дети отворачиваются и определяют, какой инструмент звучит. Далее можно вводить и другие инструменты – количество их неограниченно.

Слушая интервалы, дети приводят свои ассоциации, например: октава- «большой жираф», прима – «дождик идет».

Учитель музыки из деревни Бакчар Гибанова Александра проводит не менее интересные уроки. В своей работе она опирается на систему обучения К.Орфа . *Звучащие жесты: “Дождик накрапывает”*

Мелкий дождик моросит
Кап- кап- кап -кап ! (удары пальчиками по парте)
В листьях сада шелестит
Кап –кап- кап- кап! (шуршим “ладошками”)
Мокнет мячик у ворот,
Кап- кап- кап- кап! (шлепаем по коленям ладошками)
Мокнет поле, огород
Кап-кап-кап-кап! (Степанов В.)

Фонопедическое упражнение-игра
“Весенние голоса”

Пригрело весеннее солнышко (дети поднимают руки вверх, как бы приветствуя солнце, каждый поет звук в своем регистре, петь не очень громко). С пригорка побежал веселый ручеек (дети болтают языком как бы изображая бульканье ручейка). До краев наполнил большую глубокую лужу (все на глиссандо опускаются голосом в нижний регистр). Перелился через край (несколько детей булькают, остальные на этом фоне делают голосом “волну” – вверх-вниз). И дальше побежал (булькаем). Выбрались из под коры жучки (жжж-жжж в низком регистре) и букашки (ззз-ззз в более высоком регистре) расправили крылышки и полетели кто куда (тр-тр-тр шепотом на разной высоте кто как хочет). Вдруг под кучей хвороста что-то зашуршало (шур-шур). И вылез ежик (сопим носом, энергично втягивая и выпуская воздух). Лес наполнился веселыми весенними голосами (имитация птичьих голосов всеми одновременно). Вот и пришла весна (каждый изображает свой “весенний звук” – дети выбирают звук сами). Говорю ребятам, что в этой веселой игре они сами будут придумывать и изображать разные звуки, которые можно услышать весной. Я говорю текст, а дети его озвучивают. Используем шумовые инструменты, которые есть в школе, а также изготовленные из баночек, пластиковых бутылочек с использованием крупы, гороха и т.д.

В заключении, хочу поделится немного своим опытом. Одна из игр, которую применяю на своих уроках, называется «Чемпион». Она нужна для того чтобы дети быстро выучили какую-нибудь песню. Класс делится на несколько групп, но всем им даются одинаковые задания. Например: петь не крикливо, тянуть гласные, следить за интонацией и т.д. Затем по очереди группами они исполняют, а те группы, которые слушают, выбирают лучшего ученика, который успешно справляется с поставленными задачами. Результатом такой игры является то, что дети начинают слушать друг друга, оценивать качество исполнения, появляется заинтересованность в пении, мотивация к качественному исполнению.

Из своего небольшого эксперимента я поняла, что даже в сельских школах Томской области учителя музыки стараются этот урок сделать

интересным, разнообразным, расширить музыкальный кругозор учащихся. Не секрет, что в некоторых деревнях школа является единственным культурным источником развития детей. Поэтому перед учителями гуманитарных и эстетических наук стоит важная, ответственная и далеко не простая задача – развить полноценную творчески активную личность.

Литература

1. Ланкин В.Г., Ланкина Е.Е., Хох И.Р. Музыка и развитие личности ребенка. Томск, Издательство ТГПУ, 2005. 175 с.
2. Ланкина Е.Е. Метод создания творческой художественно-игровой среды на уроках музыки в начальной школе // Музыкальное образование: проблемы и перспективы//Материалы региональной научно-практической конференции (Бийск, 7 ноября 2008 г.). С. 56 – 61.
3. Стюхина Г.В. Музыка (1 – 4 классы) //Конспекты уроков, рекомендации, планирование». Волгоград, 2012. 239 с.

ПАРАДОКСЫ «ВЕРШИН» И «ГЛУБИН» ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ТЕЛЕСНОСТИ

С. А. Селиванов

Томский государственный педагогический университет

*Только вершина человека есть человек.
Парацельс*

*Воину света нет надобности быть
последовательным и логичным,
ибо он научился жить
со своими противоречиями.
Пауло Коэльо.*

Что такое «человек» волновало, беспокоило и мучило лучшую часть этого рода людского. Дано множество разных, нетривиальных ответов.

Предлагаемый текст примыкает к той культурологической традиции, что человеком не рождаются, но человеком можно стать, или упустить эту возможность (застрыв в стадии «человекоподобного» существа).

Вспомним восточную триаду Лао Дзы: «личинка», «гусеница», «бабочка»; или Ницше: «верблюд», «лев» и «мудрец-ребенок». Человек это только возможность /способность, которая может быть реализована. Это «семя», при определенных благоприятных условиях, вырастающее в могучее дерево или в прекрасный цветок. Но для этой реализации неизбежно присутствие Эроса, предельный низ которого питание, размножение и сексуальность, а предельный верх – свобода, любовь и

божественность. Вспомним слова Блока, что только влюбленный имеет право на звание человека. Отсюда, настоящий человек, чтобы состоять-ся/реализоваться, должен расти вглубь (иметь «корневую» систему) и одновременно развивать/расправлять (укреплять «крылья») – трансцендентные способности : любовь, религиозность и свободу.

Итак, «корни» и «крылья» человека. Становление и развитие «корней» человека есть «альфа» его тайны. Здесь надо быть предельно осторожным, внимательным и деликатным. Один неверный поворот действий, мыслей и чувств, может исказить / извратить действительность. Истоком же этой действительности является встреча женского и мужского начала (женской яйцеклетки и мужского сперматозоида) и появление эмбриона, содержащего не только «альфу», но и «омегу» человека.

В связи со всем этим остановимся на природе телесности человека, воспринятую через призму восточной мистической традиции (Раджниш / Ошо), философской антропологии (Шелер, Плеснер) и с вкраплением пост-фрейдийских мотивов. (Райх, Лоуэн). Интересно представление о природе человека в преломлении «семеричного принципа», что созвучно многим культурным идеям («человек-радуга», «человек-песня», творению мира в библии, 7 уровней реальности в концепции физиков – Шипов – Акимов, жизнь клетки в человеческом организме и др.). Этой идее «семеричности» более 3 тысяч лет. По ней телесность человека расцветает только тогда, когда раскрываются все 7 уровней/граней этой телесности. Раджниш /Ошо называет их : 1) физический уровень, 2) эфирный, 3) астральный, 4) ментальный, 5) буддхический/божественный, 7) нирванический. Очень немногие из человеческого рода могут похвалиться полнотой раскрытия этих тел. Большинство людей застревает на самых первых телесных уровнях. Надо отметить, что восточная традиция считает противоречие изначально присущим низшим уровням человеческой телесности, вплоть до ментального уровня включительно. Одно из самых основных противоречий, которое пронизывает многие «планы» человеческой телесности, это мужское и женское проявление сексуальности. Интересна точка зрения на то, что физическое тело человека изначально есть сексуальный субстрат, ибо эмбрион человека вырастает из зиготы (половой/стволовой клетки). Своеобразный центр физического тела есть чакра/колесо «муладхара», находящаяся в районе человеческих гениталий. Поэтому физическое тело человека несет такое большое разнообразие отличий между мужчиной и женщиной. Но всегда надо помнить о том, что 1/4 часть телесности несет в себе начало противоположенного пола. Об этом прямо говорят йогические, тантрические и даосские практики древности и со-

временная телесно – ориентированная психология; да и обыкновенный нормальный человек замечает это в своей соматике.

Надо отметить то, что только тогда физическое тело раскроет весь свой потенциал, всю свою красоту, если к нему будут относиться без пренебрежения, с настоящей заботой и любовью. Динамический центр физического тела это «муладхара»-чакра, низшее проявление которой составляет питание, а высшее – сексуальная близость. Если чакра динамична, то она активизирует/пробуждает другую чакру «свадхисхану» и, следовательно, другое, «менее плотное» тело – эфирное. Отметим так же то, что, если человек существует в теле мужчины, которое, кстати, заряжено положительным знаком (+), то его второе эфирное тело будет женским, т. е. отрицательным знаком (-). Но здесь надо не забывать о пропорции 3/4 и 1/4 мужского и женского начала. Центр эфирного тела «свадхисхана-чакра» расположен в районе чуть ниже пупка человека. Эта чакра соединяет в нижней своей части «смерть» с верхней своей частью «жизнью» – пуповиной то, чем человек связывается с матерью/существованием. Эфирное тело очень насыщено энергией, оно переполнено ею, особенно у детей. Если физическое тело заканчивает формироваться к 7 годам и дальше только растёт, то эфирное тело формируется к 14 годам, гормональный взрыв есть завершение формирования этого уровня телесности. Это тело/грань в человеческом существе также создает много противоречий и проблем. Вот некоторые из них: 1) «родовые» травмы у детей, 2) «неправильное» рождение девочек, 3) фундаментальное отличие проявление сексуальности у женщин и мужчин.

Следующее тело в телесности человека в этой традиции – астральное. Об этом теле очень трудно вразумительно и четко что-то сказать. Для обыденного/профанического сознания невозможно подобрать какие-либо аналогии и слова того, с чем человек никогда сознательно не сталкивался. Это то пространство, где происходит встреча прошлого и будущего. Это своеобразная матрица, где в человеке заложены первые импульсы эмоций, чувств и мыслей. Это та область, где спящие маленькие дети проводят большую часть своего сна. Маленькие дети растут и взрослеют во сне. Взрослый человек попадает «туда» во сне не часто, но если это случилось, то «там» он найдет ответы и решения на все проблемы.

И только отдельные провидцы, искатели и исследователи могут работать с астральным телом более или менее сознательно (Нострадамус, Эккхард, Бёме, Серафим Саровский, Кроули, Ванга, Хаксли, Кастанеда, Юнг, Гроф, Кен Уилбер и восточные мистики). Чакра астрального тела «манипура» в анатомической карте человека расположено в районе «солнечного сплетения» и если прислушиваться к своему телу, то сол-

нечное сплетение часто сигнализирует человеку о грозящих переменах. Надо так же отметить, что "пол" астрального типа соответствует физическому полу тела.

Следующее «тонкое» тело – ментальное, это самое сложное и противоречивое тело. Зато, в отличие от астрального тела, о нем говорят даже слишком много. Всякий тривиальный человек обычно судит о ментальности и менталитете с апломбом учителя и эксперта. В ментальном теле можно отметить самое существенное обстоятельство. Это самое неясное, самое отдаленное от подлинной реальности «тело». Индийцы бы это назвали «майя», это то, что хотелось бы избежать Тютчеву и Лао-цзы. Динамический центр ментального тела «манипура- чакра», расположена где то в районе сердца человека. Обычно отмечают такую особенность: непонятно что в этой чакре является "низом" и "верхом" – ум или сердце («ум с сердцем не в ладу»). Поэтому ментальность, как это не парадоксально, может представлять угрозу для бытия человека. Ментальное тело могло бы стать телом для «человека разумного». Но человеческое существо не выдерживает этого очень сложного противоречия существования и вынуждено чаще всего скатываться /падать в животные состояния тела или, что очень редко, подниматься на "сверхчеловеческий" уровень – в духовность.

Духовное тело – это 5 уровень человеческой телесности. Наверное уже не корректно употребление слова «человеческое», но так как-то привычнее. Обретение этого уровня телесности видится в преодолении /трансформации всего обыденного, привычного, рутинного в своем сознании; в душе и в мире. «Старый» (ментальный) человек должен «умереть» и «родиться» «новый», чистый и свежий, как ребенок. На Востоке этот сюжет называют «самадхи», а людей – «двиджу» (дважды рожденными). «Смерть» и «второе рождение» человек получает «в себе» и «от себя». В этом теле он становится «светом самому себе». Человек духовного уровня тела вбирает в себя все и выходит за пределы всего. Он выше любого закона, он сам себе истина. Духовный человек – это существо в котором без остатка растворились все проблемы и противоречия. И только небольшие «шероховатости» и «странности» заставляют их удерживаться в людском мире. Итак, самое главное в существовании духовного человека – это то, что как «личность», как «эго» он должен умереть/раствориться. Динамический центр духовного тела «аннахата-чакра» в анатомической карте человека находится в районе основания горла человека.

И очень часто люди «продвинутые» на пути духовности испытывают проблемы с горлом. И еще один момент : духовность обретается как правило по линии «сердца». Только оно способно «растворить» личность. По линии ума это практически невозможно.

Шестое тело в телесности человека это буддхическое/божественное тело. Неверующие могут назвать это тело «космическим». Это то предельное состояние человеческого существа, которое связывают его с космосом. Человек выступает как микрокосм, как часть планетарной и космической эволюции. Для верующих же это может быть то, о чем Христос так настойчиво указывал, говоря, что царство Божие ищите внутри себя. На уровне этой телесности, конечно, нет уже никакой личности, индивидуальности, есть только присутствие “есть”. Это уровень, которого достиг Будда, Махавира, Христос, Мухаммад и многие другие святые и просветленные. Этот телесный уровень божественный/ космический, как утверждает излагаемая концепция имманентно содержится в любом живущем человеческом существе.

Динамический центр – «аджня-чакра» находится в районе "3-го глаза" (переносица человека). По одной версии – у переносицы, по другой – возле мозжечка, на затылке человека.

И последнее тело/уровень – это нирваническое тело. Восточная эзотерическая традиция настаивает на том, что об этом уровне/теле ничего нельзя сказать в принципе. Динамический центр «сахасрара-чакра» в анатомической карте телесности человека по утверждению эзотериков находится в области темени человека. Современные физики – теоретики (Шипов ,Акимов) вероятно этот уровень реальности попытались обозначить терминами: «Небытие и Бытие», «Пустота и Полнота», «Все и Ничто». Великий бунтарь и теоретик сексуальной революции, родоначальник телесно-ориентированной психологии В. Райх как то обронил идею о "метакосмическом вселенском оргазме", в котором сплетены смерть и жизнь, любовный крик женщины и рождение звезды, этот уровень он назвал «оргонным». Поэтому “альфа” телесности человеческого существа, с его сексуальным центром, должна предполагать и «омегу» тела с его предельным нирваническим/метаоргазмическим уровнем.

И в заключение текста скажем, что человек это не загадка, которую можно разгадать или не разгадать. Подлинный человек – это все еще тайна : удивительное переживание красоты, свободы и чуда.

Литература

1. Лоуэн А. Любовь и оргазм. М: 1999 .
2. ОШО. Семь центров жизненной энергии. М: 2001.

СОВРЕМЕННЫЙ РЕБЁНОК ЗА РОЯЛЕМ: ВОЗМОЖНОСТИ ОБУЧЕНИЯ

И. Г. Симонова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е.Е. Ланкина, доцент

В процессе накопления педагогического опыта современные учителя зачастую сталкиваются с проблемой потери детьми интереса к инструментальному исполнительству. Сегодня педагогу довольно трудно подобрать «ключик» к детскому сердцу, потому что те приёмы и методы работы, которые преподаватели в своё время использовали для нашего обучения, совсем не подходят для современных детей. И мы задались вопросом: «Кто же он такой – современный ребёнок?»

Дети сегодняшнего дня не такие, какими были мы. Они больше отличаются от нас, чем мы отличались от своих родителей. Современные дети живут в другой стране, нежели мы, при другом общественном строе.

И если изобрести машину времени и отправиться на ней в средне-статистический российский двор с детской площадкой и послушать все детские разговоры, то станет ясно, что современный ребенок не похож на того, что жил двадцать лет назад. Он будет лучше знать всевозможные технические новинки, такие как компьютер и айпад, и будет хуже подтягиваться на турнике. Лучше разбираться в онлайн стратегиях и неважно играть в футбол. Он будет меньше драться на улицах, но зато будет куда больше жалеть себя, когда нужно будет помыть пять тарелок.

Но, несмотря на недостатки сегодняшнего дня, современный ребёнок желает жить интересно, быть успешным и счастливым. Поэтому от нас – учителей и родителей, требуется много знаний, умение отвечать на все интересующие детей вопросы, быстро и адекватно реагировать на особенности их личностного творческого развития. Проблема усиления мотивации детей к творческой деятельности заставляет и нас активно развиваться, совершенствоваться, шагать в ногу со временем, быть на творческой высоте! По мнению психологов, последние два поколения взрослеют в разы быстрее. Причем с физиологией это по большей мере не связано – все дело в информации, которая стала намного доступнее. Большую часть информации дети получают не из книг, а благодаря телевидению и интернету. Сейчас дети имеют такие информационные возможности для развития и обучения, о которых их родители, не говоря уже о бабушках и дедушках, не могли и мечтать. Поэтому нам – учителям музыки, пора отходить от обучения только «по старинке», ведь так естественно и удобно при помощи компьютера, проектора, электронных

музыкальных инструментов создать все условия для более продуктивного и интересного обучения.

Отрадно, что российская педагогика стала чутко реагировать на изменения в обществе. Появились новые тенденции развития образования, направленные на самого ребёнка, на становление успешной, гармоничной личности, способной к саморазвитию и творческому взаимодействию с людьми, природой, обществом, государством. Задачи образования центрируются вокруг маленького человека, раскрывая его индивидуальность и неповторимость, творческие задатки, позволяющие найти себя в обществе, быть преобразователем себя и окружающей действительности.

Одним из способов достижения цели формирования человека, способного дарить прекрасные цветы своей души окружающим, является музыкальное воспитание детей. И не столь важно, каким видом музыкального искусства занимается ребёнок, будь то вокальное, хоровое или инструментальное творчество – это дело вкуса и потребности каждого ребёнка. Прекрасная музыка пробуждает в человеке добрые чувства, делает его выше, чище, лучше, избавляет от зла, возвышает над суетой мира. Поэтому необходимо создавать условия для повышения музыкальной культуры детей. Тем более, поток музыкальной информации, благодаря её доступности, практически безграничен. И чем раньше мы начнём формировать у обучающихся избирательность потребления музыкальных впечатлений, тем быстрее они достигнут более высокого уровня воспитанного художественного вкуса.

Как преподаватель по классу фортепиано, могу сказать, что игра на таком сложном инструменте – непростое занятие, требующее большой душевной работы, концентрации внимания, временных затрат, трудолюбия и огромного желания получать удовольствие от своего исполнения. *Но, как бы это грустно не звучало, сегодня не все дети успешно справляются с требованиями типовой программы по классу фортепиано для музыкальной школы. Тому есть несколько причин.*

Во-первых, сегодня наблюдается неоднородность контингента учеников по способностям. Детей, с тонким слухом и врождённым чувством природного ритма, становится всё меньше из года в год.

Во-вторых, отмечается чрезмерная загруженность детей в общеобразовательной школе, где большой популярностью пользуются усложнённые программы обучения. Подготовка каждогодневного домашнего задания требует больших временных и эмоциональных затрат.

В-третьих, сегодня можно наблюдать уменьшение количества здоровых детей школьного возраста, а также массовое распространение у детей нарушений психофизического и двигательного характера.

Поэтому преподаватели музыки просто не могут себе позволить не реагировать на изменения, которые происходят с нашими детьми. Ускоренный ритм жизни требует иного подхода к обучению пианиста, что предполагает развитие навыков практического музицирования у каждого ребенка: умения не только исполнять на инструменте, но и подбирать по слуху, аккомпанировать, импровизировать и даже сочинять.

Замечательный педагог – музыкант Татьяна Юдовина – Гальперина в своей книге «За роялем без слез» высказала такую точную мысль, с которой невозможно не согласиться: «Мы, педагоги, можем облегчить детям сложный путь в мир музыки. Как хочется, чтобы воспоминания о музыкальном детстве доставляли людям радость, а не досаду, чтобы родители, желая дать детям музыкальное образование, не обрекали их на ненужные мучения. Меня поймут все, кто помнит свои детские переживания, связанные с тяжким опытом обучения музыке. За каждым таким случаем – а их сотни и сотни тысяч – стоит, прежде всего, ошибка взрослого, и все эти бесчисленные ошибки ничем не оправданы» [1, с.4].

И педагоги нового времени всеми силами стараются «облегчить детям сложный путь в мир музыки». Одним из таких способов является использование в своей профессиональной музыкальной деятельности достижений научно-технического прогресса, например, таких как компьютер и синтезатор. Обучение игре на синтезаторе стало очень востребовано в последнее время. Во многих детских музыкальных школах открылись классы синтезатора, и даже некоторые высшие учебные заведения также занимаются вопросами электронной музыки. Так, например, в Новосибирской консерватории есть кафедра «Компьютеризации музыкальной деятельности». Популярность такого вида музицирования объясняет один из ведущих педагогов – музыкантов, доктор педагогических наук Красильников Игорь Михайлович:

«...Управление богатыми звуковыми возможностями на цифровом синтезаторе оказывается проще и доступнее, чем игра на традиционных инструментах. Массу технических проблем берет на себя электроника и, чтобы ярко озвучить музыкальную композицию, совсем не обязательно обладать виртуозной беглостью пальцев и массой других узкопрофессиональных навыков, которые необходимы исполнителю на механических инструментах и вырабатываются ценой многолетних специальных упражнений» [2, с.7].

Синтезатор, по сравнению с другими музыкальными инструментами – самый молодой и в то же время самый многофункциональный, многоплановый, универсальный инструмент. Современный синтезатор – это совмещение передовой технологии тонгенерации с цифровой электроникой. Среди музыкантов, работающих по направлению «Синтезатор», и создавших свои авторские программы можно назвать программы:

- Игорь Красильников. Комплексная программа «Клавишный синтезатор»;
- Владимир Пешняк. Класс синтезатора. Программа для ДМШ [3];
- Игорь Шавкунов – «Игра на синтезаторе. Методика и программа обучения» [4].

Автор данной статьи также работает в данном направлении, используя в своей деятельности электронный инструмент. В Доме Творчества «Созвездие» мы с коллегой по классу фортепиано, Кондратьевой Н.А., стараемся отойти от канонов традиционного обучения. Наша идея заключается в органичном объединении традиции и современности. Мы предлагаем использовать в педагогической практике наряду с традиционным акустическим фортепиано и электронное пианино, которое позволяет ребёнку удобно и комфортно совмещать игру на обоих инструментах, не «подстраиваясь» к лёгким клавишам синтезатора. Кроме того, у педагога есть возможность целиком сохранить оригинальное сочинение композитора, не изменяя полноценную фактуру в левой руке благодаря полной 7-и октавной клавиатуре.

Чтобы яснее сформулировать нашу идею, необходимо сказать несколько слов об отличии синтезатора от электронного пианино. Синтезатор представляет собой 5-и октавный электронный инструмент, содержащий компьютер с различными банками стилей и тембров. Клавиатура на нём облегченная, по сравнению с цифровым пианино и акустическим фортепиано.

Что же представляет собой электронное (цифровое) пианино? Это инструмент, имеющий 7-и октавную качественную клавиатуру, по конструкции приближенную к реальному фортепиано. Кроме того, он, как в прочем и синтезатор, имеет встроенный метроном, а так же большой выбор тембров, ритмов и исполнительских стилей. Очень ценное свойство для электронного пианино – возможность записи фонограммы или так называемого стиля (Stile) для дальнейшего использования в практической работе с детьми. Так же к инструменту подключается компьютер, что расширяет возможности и границы фантазии, как педагога, так и ребёнка.

С появлением в нашем кабинете цифрового пианино, стало возможным использовать новые методы для развития творческого потенциала музыкантов-пианистов. В настоящее время программа Кондратьевой Н.А. и Симоновой И.Г. проходит действенную апробацию и готова к изданию.

В практической работе с детьми используются следующие приёмы:

1. Для начинающих учеников их может быть множество. Всё зависит от изобретательности и фантазии педагога. Например, один из таких

приёмов работы с музыкальным материалом выглядит так: начинающий «пианист», с самых первых занятий, ещё только осваивая основные приёмы звукоизвлечения, и исполняя маленькие песенки – попевки («Василёк», «Паровоз» и т.п.) уже имеет возможность услышать своё исполнение более масштабно. К произведению вместе с учеником подбираем стиль автоаккомпанемента, соответствующий настроению пьесы. И, с небольшой помощью педагога (смена гармоний в автоаккомпанементе), исполняем наше произведение. Причём ученик может играть непосредственно на фортепиано или на электронном инструменте, используя различные тембры.

2. Для учащихся, начиная со 2-го года обучения. Исполнение двухголосных полифонических пьес может быть представлено в таком виде:

1 вариант: можно исполнять в реальном времени, используя разные тембры для левой и правой руки (режим Split – Voice L, Voice R). Для этого необходимо выбрать правильное разделение клавиатуры на 2-е части (split point). Если того требует фактура пьесы, то возможно изменить высоту октав (Octave L, Octave R).

Примеры выбора тембров (голосов):

L и R – звучание органа разными регистрами;

R – флейта или гобой, L – группа струнных;

R – флейта, L – фагот или контрабас;

R – флейта или гобой, L – виолончель, и др. сочетания.

2 вариант: исполнение в сопровождение аранжировки

Предварительно записываем подходящее по жанру пьесы музыкальное сопровождение, так называемую аранжировку на флешку. Ученик исполняет своё произведение в своём оригинальном виде под аранжировку. Тембр основной клавиатуры – Grand piano, или можно изменить на более подходящий к данному сочинению (опираясь на вкус ученика или педагога). В итоге получается масштабная композиция, как в исполнении целого оркестра.

3 вариант: аутентичная аранжировка

Подразумевает максимальную приближенность к стилю (эпохе) исполняемого произведения. Для лучшего воссоздания образа эпохи необходимы элементарные знания истории музыки данного периода, особенности музыкального стиля композитора. Например: И. С. Бах. Маленькая прелюдия C-dur может быть исполнена тембром органа (Organ) в режиме Normal. Или, традиционный для эпохи Барокко тембр клавесина (Clavessin) можно использовать для исполнения пьес из сюитного цикла – Менуэт, Бурре, Жига, Аллеманда и др.

В качестве вывода хочется добавить, что в современной педагогике существуют различные направления и школы. Какая из них предпочтительней – сказать, видимо, нельзя: о школах, о приемах, о методах

ведется множество дискуссий. Для нас предпочтительны развивающий, личностно-ориентированный и дифференцированный подходы в педагогике. Главная задача – помочь любому ребенку, независимо от его природных данных, выразить себя в музыке, ощутить радость творчества, разбудить в нем фантазию, интерес и любознательность.

Литература

1. Юдовина-Гальперина Т. Б. «За роялем без слёз, или я – детский педагог»/ Т.Б. Юдовина-Гальперина. СПб: Союз художников, 2002. 112с.
2. Красильников И.М. Электронное музыкальное творчество (монография)/И.М. Красильников. Дубна: Феникс+, 2007. 496 с.
3. Пешняк В. Г. Класс синтезатора. Программа для ДМШ/ В.Г. Пешняк. М.: Композитор, 2000. 79 с.
4. Шавкунов И. Игра на синтезаторе: методика и программа обучения/И. Шавкунов. СПб: Композитор, 2001. 32 с.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВОКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Т. Б. Стукалова.

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: В. Г. Ланкин, д.ф.н., проф.

В настоящее время в музыкальной жизни России можно наблюдать спад интереса широкой публики к классической музыке и академическому пению. Это следствие многих причин, в том числе: изменения условий жизни и ценностных ориентиров в постперестроечной России, усиления влияния западной массовой культуры и её широкое распространение, привлекательности для современного человека музыки «шумо-ритма», не предполагающей глубоких раздумий, тонких эмоций и внутренней, духовной работы. В связи с этим под угрозой нивелирования находятся, на мой взгляд, такие характерные качества русского человека, как душевная открытость, глубина чувствования, стремление к нравственному совершенствованию, альтруизм.

Сегодня молодое поколение, к сожалению, не знает традиций своего народа, его достижений в области культуры, которыми можно гордиться. Музыка, востребованная и возникающая в российской молодежной среде, очень далека от национальных музыкальных истоков. Тема данной статьи представляется актуальной как для исследователей, так и для педагогов, которые являются ключевым звеном в цепи преемственности музыкальных традиций нашей страны. Под «русской национальной вокальной школой» здесь понимается система вокально-исполнительских принципов и педагогических методов, формирующаяся в музыкальной

культуре страны. На процесс формирования национальной вокальной школы ключевое влияние оказали следующие факторы: западные вокальные школы (итальянская, немецкая, французская), русская церковная музыка и русские народные песни. В данной статье кратко рассмотрено влияние русской народной песни на формирование русской национальной вокальной школы.

Русский народ издревле славится как поющий. Испокон веков в народе слагались прекрасные песни, которые сопровождали русского человека во все периоды его жизни и в разнообразных видах деятельности. Песня была неразрывно связана с обрядами, такими как рождение, свадьба, праздники земледельческого календаря, гадания и другие. Также в песнях народ искал утешение, в переломные исторические периоды черпал силы для борьбы за лучшее будущее, песня была выражением души, надежд и стремлений русского человека. «Народ «сказывал» свои песни под эмоциональным воздействием окружающей его среды и, в частности, природы, которую он обожествлял, жил по ее уставу и не отделял себя от нее, ибо веление природы было логикой его жизни».¹

Пели на Руси все, но особо любимо было творчество народных певцов, сказителей. Их пение воздействовало на души и сердца, волновало, вызывало очищающие слёзы радости или печали, обогащало духовно. В искусстве народных певцов также крылись истоки исполнительского стиля русской национальной школы пения. Русская песня искренняя, правдивая и идет от души. Были целые семьи и династии (пример – известная семья Рябининых), создававшие свои песни и передающие их из поколения в поколение. Былинник Иван Рябинин поражал слушателей умением наполнять один и тот же мотив новым содержанием, новыми чувствами. Благодаря игре ритма и разнообразию множества неподражаемых тонких оттенков интонации, то величавых, то лукавых, то иронических, он увлекал своих слушателей в мир своей песни.²

Русская песня несёт в себе широкий круг образов и чувств – от интимно-лирических, эпических до гротесковых и социальных. Она выразительна и разнохарактерна и, следовательно, требует от певцов разнообразия воплощения и исполнительских приёмов.

Особой любовью народа, а затем и русских композиторов, пользовалась протяжная лирическая песня – это песня, которая выражает личные чувства и настроения поющих. Лирическую песню можно сравнить с длинной, широкой, ровной дорогой, полной мудрости, «когда слушаешь её, то забываешь – день на земле или ночь, ... а сердце растёт и хочет разорваться от полноты каких-то необычных чувств, от великой немой

¹ Н. М. Карамзин, История Государства Российского. – 2007. Т.1.

² Л.Б. Дмитриев Основы вокальной методики. – М., Музыка, 1997

любви к людям и земле»¹. Эти слова раскрывают роль и значимость лирической песни в жизни русского человека, в его личностном становлении, его эмоциональной и духовной жизни.

По характеру своему народная русская лирика отличается преимущественно грустным, печальным тоном (лирические протяжные песни), но есть и безудержные, бесшабашные по характеру песни. Излюбленным приемом народной лирики является параллелизм душевного состояния с каким-либо внешним проявлением природы.²

Самобытной особенностью русской народной песни являются её украшения, распеваемые на гласный или слог, они всегда играют важную роль в песне и как составная часть мелодии, и как выражение определенных эмоций. Украшения в русской песне не используются просто для демонстрации возможностей голоса, это всегда более глубокое раскрытие образа песни.

Пели чаще всего без инструментального сопровождения, поэтому каждый певец начинал петь в удобном для него примарном тоне и естественным образом реализовывал индивидуальные свойства тембра.

Единство музыки и речи (слова) – важная особенность русских народных песен. Песен без слов в народе не было, а напев мелодии повторялся столько раз, сколько того требуют слова песни, а это могут быть десятки повторов³.

Особенности русской песни определили не только характерные черты русской музыки, но и основные стилевые особенности пения профессиональных певцов – представителей русской национальной школы. Идущие от певучего русского языка широкие протяжные мелодии лирических песен требовали от исполнителей: кантиленного исполнения; естественности звуковедения; ровного на всем диапазоне, красивого тембра; «большого», объемного певческого дыхания; задушевности и глубины исполнения, особого внимания к слову, определяющему характер мелодии.

Гротесковые, игровые, веселые, шуточные песни требовали от исполнителей других важных исполнительских навыков: владения декламационным стилем, и как его разновидностью речитативом; четкую дикцию, умение донести слово; выразительное актерское воплощение исполняемого произведения.

Все эти вокальные приемы в последствии вошли в основу русской национальной школы пения.

¹ М. Горький «В людях»

² Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор»/ <http://feb-web.ru>

³ Никольская-Береговская К.Ф. Русская вокально-хоровая школа: От древности до XXI века. – М., 2003, С. 18

Михаил Иванович Глинка, основатель русской национальной композиторской школы, писал, что музыку создает народ, а композиторы ее только аранжируют. Русская песня являлась неиссякаемым источником вдохновения отечественных композиторов. На ее основе создавались и первые оперные произведения. Народные мелодии вошли в русские оперы.

Русская национальная школа пения складывалась как самобытное национальное явление. Участь у иностранных педагогов и испытывая влияния других национальных школ, русские певцы сумели сохранить свое самобытное лицо, свой национальный исполнительский стиль. Русская музыка и русский национальный исполнительский стиль, ведущий начало от народных певцов, требовали от певцов-профессионалов реализма в сценическом воплощении, мастерского умения говорить слово в музыке, простоты, задушевности исполнения при технически совершенном пении.

В национальной манере пения находят отражение не только особый стиль исполнения, манера звуковедения и характер певческого звука, но и исполнительские традиции, особенности языка, темперамент, характер и другие качества, типичные для данного народа. Для русского народа такими качествами являются: искренность, широта души, глубина переживаний, любовь к родине. Считаю важным уделить внимание тому, чтобы эти качества не исчезли в сложные и противоречивые периоды нашей истории и наполняли русскую музыку неповторимой, уникальной духовной силой, богатыми эмоциональными красками, глубиной, искренностью и задушевностью.

Русская вокальная музыка должна оставаться украшением мировой музыкальной культуры.

Литература

1. Н. М. Карамзин, История Государства Российского. – 2007. Т.1.
2. Дмитриев, Л.Б. Основы вокальной методики / Л.Б. Дмитриев. – М. : Музыка, 1968.
3. М. Горький «В людях», Электронная библиотека «Грамотей»/ Режим доступа: <http://www.gramotey.com>
4. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор»/ <http://feb-web.ru>
5. Никольская-Береговская К.Ф. Русская вокально-хоровая школа: От древности до XXI века: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений/ К.Ф. Никольская-Береговская. – М. : Гуманит. Изд. центр ВЛАДОС, 2003. -304 с.: ноты.

СПЕЦИФИКА ПРОВЕДЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ С ДЕТЬМИ С ЗАДЕРЖКОЙ ОЖИДАЕМОГО РАЗВИТИЯ

М. В. Филонова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е. Е. Ланкина, доцент

Музыка обладает неисчерпаемыми возможностями воздействия на внутренний мир человека. Она влияет на формирование нравственных основ личности. В коррекционно-направленном процессе обучения и воспитания детей с проблемами развития роль музыки огромна. Через музыкальное искусство ребенок легче осваивает окружающую действительность, выраженную в музыкально-художественных образах, познает общечеловеческие ценности, связанные с природой, человеком, огромным миром.

Благодаря музыке прививаются в детях такие человеческие качества как любовь и стремление к прекрасному. Как пишет методист Г. В. Стюхина, «главные человеческие ценности – Любовь, Красота, Истина и Благо». Каждому человеку они даны от природы, но не всем удается сохранить эти духовные сокровища, а нередко происходит подмена их на явления противоположного характера. Как же помочь ребенку не только сберечь, но и развить в сердце своем эти сокровища, эти вечные, всеобщие ценности, как для каждого человека, так и для всего мироздания? Универсальным средством введения ребенка в мир Любви, Красоты, Истины и всеобщего Блага является музыка. По идее Г.М. Стюхиной, познания себя в жизни через переживания, чувства и впечатления, увлеченность музыкой всегда будет стержневой идеей занятия, его содержанием при всём разнообразии художественно-педагогического воплощения [1].

Музыка помогает физически совершенствовать детей и является залогом психического здоровья. Влияя на жизненный тонус юного, еще неокрепшего создания, она буквально творит чудеса воспитания, с помощью звуков и ритмов организуя оптимистичный настрой. Песня – радует полнотой излияния чистых детских чувств, танец – создает основу свободного мироощущения и в то же время организованного ритмически движения, улучшающего координацию тела в пространстве, снимающего психическое напряжение, вырабатывающего особую полетность естественных моторных проявлений детской энергии... Слушая музыку, ребенок ощущает себя в удивительном сказочном мире, а извлекая звуки из простейших инструментов, сам приобщается к музыкальному волшебству [2].

Как пишет в своём учебном пособии Е.А. Медведева, «коррекционно-развивающие возможности музыкального искусства по отношению к

дошкольникам с проблемами в развитии обусловлены, прежде всего, тем, что оно является источником новых позитивных переживаний ребенка, рождает творческие потребности и способы их удовлетворения, активизирует потенциальные возможности в практической музыкально-художественной деятельности, обеспечивает всестороннее развитие ребенка, то есть выполняет важнейшие функции: воспитательную, образовательную, социальную» [3]. Таким образом, музыка в процессе реабилитации детей необходима как способ эмоционального воздействия на ребенка с целью коррекции имеющихся физических и умственных отклонений, как способ невербальной коммуникации, а также как один из возможных способов познания мира. Музыка может быть включена в индивидуальную программу развития детей с ограниченными физическими и умственными возможностями в сочетании с другими видами коррекционной работы .

Музыка может служить страдающему ребёнку, лишённому родителей и нормального здоровья, жизненно важной поддержкой и источником человеческого общения, а также средством выразить себя именно на доступном ему уровне. Нельзя думать, и говорит о том, что если ребенок имеет какие – то недостатки, отклонения, патологию в развитии, что он не музыкален. Наоборот, такие дети особенно чувствительны, а потому – отзывчивы, эмоциональны и очень хорошо откликаются на музыку. Благодаря музыке происходит социализация ребенка в обществе, знакомство с окружающей средой, развиваются коммуникативные навыки. Как пишет Теплов, «следует со всей откровенностью признать, что мы не имеем в настоящее время таких знаний, которые позволили бы давать отрицательный диагноз о музыкальности ребенка до начала систематического и квалифицированного музыкального воспитания и обучения» [4].

Нельзя забывать о компенсаторной функции музыки. Большая нравственная и психическая нагрузка в современной жизни, ее стремительные темпы в совокупности с тотальной технизацией пагубно влияют на нервную систему людей, особенно детей. Компенсаторная роль музыки заключается в том, что она дополняет недостаток в удовлетворении базовых потребностей в сфере подсознания. Музыка способно доставлять удовольствие, наслаждение, приносит духовное очищение – и в этом ее главное предназначение.

В работе с детьми раннего возраста необходимо пользоваться разными методиками. Обращаясь к системе элементарного музицирования Карла Орфа, можно отметить, что в этой методике одним из важных элементов музыкального воспитания детей является включения блока речевых (логоритмических упражнений). Основой речевых упражнений служит ритмизация слов, связанных с именами, названием цветов, жи-

вотных, птиц, текстами считалок, поговорками, дразнилками и т.д. Работа над словом должна быть направлена в первую очередь на эмоциональное развитие детей.

Е.В. Назайкинский, анализируя различные формы проявления музыкального и речевого начала у детей, обращает внимание на то, что от опоры на голос в раннем возрасте у детей идет «почти полное совпадение звуковысотного диапазона речи и пения. Одним из путей здесь является постепенные переходы от речи к пению и опять к речи» [5].

Логоритмические игры можно рассматривать, как элемент коррекционной программы. Логоритмические упражнения могут быть использованы для занятий с детьми имеющие недостатки в развитии. Это дети слабослышащие, слабовидящие, с нарушением двигательных функций, с нарушением речи, с отклонением в интеллектуальном развитии. Коррекционная направленность логоритмических упражнений, объединяющих речь интонацию, звук, жест, мимику, движения, ощущения, дает положительные результаты, имеющие доказательства в педагогической практике. С помощью речевых пальчиковых игр и ритмических игр с палочками решается целый комплекс педагогических задач, связанных с развитием речевых интонаций голоса, развитием мелкой моторики и крупных рычагов руки, развитием координации движения. Это становится очень актуальным в период раннего детства и в момент подготовки дошкольника к школьному обучению.

Педагогика дарит нам новые творческие способы общения с ребенком, в основе которых – не тренировка собственных гностических навыков ребенка, а проникновение в духовный мир. Важно понимать: как ребенок воспринимает окружающий мир, как относится к себе, в чём выражается его стремление к творчеству, каковы желания ребенка, каковы потребности.

На этапе дошкольного детства одним из условий является создание атмосферы, благоприятствующей проявлению детских творческих идей. Первой ступенью на пути создания такой атмосферы – развития чувства психологической защищенности у детей. При такой постановке вопроса эту задачу может решить игровая деятельность, как синтез творческих проявлений ребенка. Педагог при этом не только наставник, но и участник, организатор и вдохновитель игровой деятельности. Результатом детской творчески-игровой деятельности становятся различные виды элементарных форм импровизации как наиболее естественной для детей вида творческой деятельности. Спонтанность, сиюминутность рождения и воплощения многих идей, атмосфера не запрограммированного для ребенка творчества составляют суть творческого общения взрослого и ребенка.

Любая музыкально-эстетическая совместная деятельность предполагает органичное овладение всеми названными (как минимум) компонентами художественно-эстетической деятельности детей на занятии. Однако методически целесообразно варьировать и перераспределять объекты внимания, целевые установки, формы внешнего и внутреннего контроля (и самоконтроля) в сложном процессе вхождения в мир музыки и раскрытия в самом себе музыкально-творческих способностей. Таким образом, каждая из названных видов деятельности лишь дает ориентир, акцентирует внимание на одной из составных частей единого потока музыки и ее освоения.

Эмоциональное пространство занятия выстраивается на основе нравственно-эстетических отношений. Только таким образом дальнейшее развитие эстетических способностей детей – способность непосредственно ощущать себя неотъемлемой частицей бесконечного окружающего мира частицей, которая способна отзываться на все в мире и в этом смысле содержит весь мир в себе, являясь «микрокосм».

Поскольку игра является одной из основных форм общения с ребенком, использование ее приемов становится основным методическим принципом проведения занятия с детьми раннего возраста. Рассмотрим одно из комплексных музыкальных занятия с малышами в Доме Ребенка.

Занятие начинается с музыкального вступления – приветствия. Музыкальный руководитель ласково обращается к детям в музыкальной форме: «А кто у нас Ваня, кто у нас Ваня? Мальчик у нас Ваня, мальчик у нас Ваня». После чего чье имя я произнесла, подходит и выбирает инструмент, на котором он будет играть (бубен, ложки, барабан, колокольчик и т.д.). Как показала практика, дети обычно с радостью отзываются, выходят и выбирают понравившийся инструмент, играют на нем и выполняют любые движения на свободу выбора ребенка.

Игры – упражнения с палочками.

Игры с палочками являются подготовительным этапом в игре на музыкальных инструментах. Клавесы (палочки) являются первым музыкальным инструментом, с помощью которого дети передают ритм.

Ритмические удары палочками подготавливают ребенка к умению чувствовать метр и ритм музыки. Манипулируя палочками, ребенок изобретает способ игры, прислушивается к различному звучанию.

Ритм – неотъемлемая часть не только музыки, но и жизни вообще. Ритм рассматривается как один из основных элементов выразительности мелодии, выражающийся в закономерном чередовании звуков различной длительности. Чтобы лучше ощутить ритмические соотношения, детям необходимо «пропустить их через свое тело».

В процессе игр мы учим детей: манипулировать палочками, развивать координацию рук; реагировать на смену движений, по показу ведущего; находить различные приемы звукоизвлечения на палочках; ритмично передавать метр и ритм стиха. Таким образом, у малышей развиваются ритмический слух, память, реакция, наблюдательность. У некоторых детей ярко наблюдается творческая активность в изобретении ритмов на элементарных деревянных инструментах.

«Маленькие ушки»

Маленькие ушки	поставить палочки на голову
Превратились в мушки,	вращать палочками в воздухе
А потом в лягушки,	стучать двумя палочками по полу вправо-влево
И колотушки,	стучат палочкой о палочку
И топотушки,	стучать двумя палочками по полу перед собой
И потягушки.	потянуться руками в воздухе.

Детям очень нравятся эти игры. Малыши с интересом берут палочки в руки, рассматривают их, охотно выполняют задания. После этой игры мы строим дорожку все вместе и под музыку шагаем и бегаем по этой дорожке.

В результате таких игровых упражнений достигаются такие задачи:

- 1) установления доверительного общения в сфере «дети – педагог – музыка»;
- 2) свободного творческого проявления ребенка в непринуждённой обстановке;
- 3) осуществления гендерной дифференциации, где дети получают первоначальные способности разделения девочек от мальчиков в своем сознании;
- 4) развиваются первичные музыкально-творческие способности.

Современные педагоги в своей творческой работе всё чаще обращаются к ценным достижениям музыкальной психологии, артпедагогики, используют приёмы арт-терапии. Это даёт музыкальному руководителю возможность формировать у детей музыкально-релаксационную культуру, активно использовать целительные возможности музыки в интеграции с другими видами искусства. Это стало особенно важным в связи с ростом психических расстройств, повышенной тревожности и агрессивности, психосоматических заболеваний у детей, о которых свидетельствует современная статистика. У нас так же музыку используют инструктор лечебной физкультуры, когда занимается с детьми с ДЦП.

Коррекционные возможности музыкального искусства в различных его сочетаниях (с движениями, с театрализованной деятельностью) по отношению к ребенку с проблемами проявляются, прежде всего, в том, что оно выступает источником позитивных переживаний ребенка, рождает новые креативные потребности и способы их удовлетворения, обеспечивает формирование музыкальной культуры и осуществления коррекции отклонений в познавательной, эмоционально-волевой и личностной сферах, создает условия для социальной адаптации.

Литература

1. Стюхина Г.В. Музыка //Конспекты уроков. Рекомендации. Планирование. Волгоград, 2012. 240 с.
2. Ланкин В.Г., Ланкина Е.Е., Хох И.Р. Музыка и развитие личности ребёнка. Томск, Издательство ТГПУ, 2005. 175 с.
3. Музыкальное воспитание детей с проблемами в развитии и коррекционная ритмика: Учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / Е. А. Медведева, Л., 1982.
4. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей. М.: Владос, 2004.
5. Назайкинский Е.В. О психологии музыкального Восприятия. М., 1972.

МАСТЕРСТВО Д. А. ШМАРИНОВА В ИЛЛЮСТРИРОВАНИИ "ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ" Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.

Н. В. Хвостова

Филиал Кузбасского государственного технического университета
в г. Новокузнецке

Научный руководитель – Т.Л. Лейниш, к.п.н., доцент

Художник-иллюстратор – кто он? Мы придерживаемся мнения исследователей, что иллюстратор является полноправным соавтором произведения. Средствами графического искусства он передает мгновения жизни, отображая их в быстрых характерных чертах. Посредством графики словесные образы, созданные писателем, переводятся художником-иллюстратором в рисунки.

На необходимости иллюстрирования книг указывали художники-исследователи Н. Н. Вышеславцев, Е. А. Кибрик, К. С. Кузьминский, Г. Е. Лебедев, А. Д. Чегодаев и Д. А. Шмаринов.

В практике каждого из художников сложился свой определённый метод работы с художественным произведением в процессе иллюстрирования. Например, Д.А. Шмаринов использовал метод «медленного чтения».

С помощью своих старших сотоварищей – Н. Н. Купреянова и С. В. Герасимова – Шмаринов быстро нашел верный ключ к раскрытию чело-

веческих характеров. Его художественную систему принято называть «внекнижными иллюстрациями». Д. А. Шмаринова всегда интересовала проблема становления характера, возможность раскрытия самого процесса духовного возрастания героя, создание динамического образа в области духовной жизни.

А.М. Горький, Ф. М. Достоевский, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой – вот авторы, чьи произведения проиллюстрировал Д. А. Шмаринов. Особое место занимают иллюстрации, созданные к «Преступлению и наказанию» Ф. М. Достоевского, выполненные художником во второй половине 30-х – начале 40-х годов (значительная часть иллюстраций была сделана в 1935 – 1936 годах и дополнена в 1945 году). Они выдержали испытание временем и сегодня вызывают достаточный интерес.

Рис. 1. Д. А. Шмаринов.
Родион Раскольников.

Работу над романом «Преступление и наказание» Шмаринов начал с создания своеобразной литературной канвы, сценарного плана иллюстраций. Он нарисовал для себя своеобразную кривую «настроения» Раскольникова, отмечая узловые моменты противоречивого внутреннего процесса, который сначала привел Раскольникова к убийству старухи-процентщицы, а затем заставил принести публичное покаяние, и наконец, прийти к душевному просветлению уже после многих лет каторги.

Мастерство Д. А. Шмаринова раскрылось в блестящем режиссерском решении: серия иллюстраций пронизана напряженным и стремительным действием, «портретные» изображения героев романа на больших страничных рисунках, глубокие и удивительно живые. Иллюстрации, организующие целостное единство книги, вышли за пределы книги и получили самостоятельное существование – превратились в театральный спектакль, который поражает силой и властью воздействия на зрителей.

Шмаринов проделал огромную работу по сбору материалов. Он изучал места действий, зарисовывал дворы, улицы, набережные, дома, даже окна и лестницы предполагаемых мест действия романа.

Эмоциональный образ книги определяют две темы: тема одиночества Раскольникова в страшном мире большого города и тема отрицательного героя. По задумке художника-иллюстратора образ Петербурга занял место одного из «героев». Ему удалось воссоздать образ большого города, определившего горестные судьбы униженных и оскорбленных.

По признанию Шмаринова, собрание разных черт Петербурга привело его к своеобразному перевоплощению в главного героя. Жизненность образов Ф. М. Достоевского, сила его психологического анализа, правдивость ситуаций оказали такое воздействие на художника, что, работая над рисунками, он находился в состоянии нервного возбуждения, близкого к состоянию Раскольникова. Во многом это и определило выразительность образа Раскольникова.

Мы видим Раскольникова, блуждающего по городу, одинокого, погружившегося в раздумья, выдерживающего поединки со следователем, беседующего с Мармеладовым с Соней, и наконец, кающегося (рис. 1).

В иллюстрациях Д. А. Шмаринова Раскольников предстает через образ Сони. Художнику удалось постичь необычайную духовную силу этого возвышенного женского образа в романе Достоевского. С первой минуты, когда читатель видит Соню в комнате умирающего отца в не-

Рис. 2. Д. А. Шмаринов.
Соня Мармеладова.

лепном панельном наряде, и до эпилога её образу неотступно сопутствует оценка, вложенная писателем в уста Раскольникова: «Я тебе поклонился, я всему страданию человеческому поклонился» (рис. 2).

Давая обобщенные характеристики героев, Д. А. Шмаринов помещает их в соответствующую обстановку или раскрывает их внутреннюю сущность, используя типические обстоятельства. Например, старуха-процентщица как воплощение скупости и подозрительности имеет у Шмаринова в рисунке неуверенный жест руки, приоткрывающей дверь, и недоверчивый взгляд. Образ старухи, в которой для Раскольникова воплотилось все

зло мира, для художника наиболее интересен (рис. 3). Старуха предельно достоверна, и это наполняет её образ почти символической силой.

Д. А. Шмаринов очень правдиво передает приметы времени. В иллюстрациях к "Преступлению и наказанию" все правильно, все найдено в натуре: поленницы дров под окнами во дворах, обитые рваной клеенкой двери, длинные водосточные трубы, как будто прилипшие к стенам (рис. 4).

Рисунки точно отражают атмосферу Петербурга: размытая черная акварель в сочета-

Рис. 3. Д. А. Шмарнов.
Старуха-процентщица.

нии с углем – излюбленная техника Шмаринова – передает ощущение туманной сырости, словно бы навсегда, насквозь пропитавшей стены города. Стены становятся лейтмотивом иллюстраций. Они замыкают композиции, глаз упирается в них, и живописность шмариновской техники доносит до нас "живописное" безобразие облезлой штукатурки, грязного кирпича, ржавого железа. Никакой четкости, конструктивности, прямых линий нет в передаче архитектуры. Все чуть-чуть смазано, смягчено фактурой угля. Градации серых и черных оттенков, на которых строится тональная гамма иллюстраций, представляются естественным натуральным цветом, присущим и самому городу, и жизни, протекающей в его стенах. Старуха словно выползает из петербургских стен, составляющих с ней одно целое (рис. 3). Её морщинистое лицо неотличимо от фактуры облезлой штукатурки, щебенки мостовой, рваной

Рис. 4. Д. А. Шмаринов.
Двор Петербурга.

клеенки двери. Она плоть от плоти своего черного "колодезного" двора, соткана из той же сырости, грязи, тусклого мрака, что и дома, и лестницы. Как они – она безлика, как они – до ужаса индивидуальна. Поэтому и Раскольников художник изображает в невысоком пространстве похожей на гроб каморки, чем особенно подчеркивает его бедность и одиночество (рис. 1).

В роман Достоевского представлен достаточно короткий промежуток времени, предельно насыщенный действием и сменой духовных состояний всех героев. Шмаринову удалось уловить этот ритм, войти в мир романа, взглянуть на действие изнутри, глазами персонажей и отчасти через их психологию, сохраняя при этом известную, свойственную

ему рациональность. Глубоко проникая в художественный строй романа, художник сохранил свое видение и свое отношение к причинам страданий и трагических ситуаций, воссозданных писателем.

Мастерство Д. А. Шмаринова позволило ему примирить противоречия между одномоментной передачей действия средствами изобразительного искусства и временной последовательностью рассказа. Он построил повествование на узловых моментах характеристик и развития сюжета, нашел способы объединения их путем эмоциональных акцентов. Талантливый художник-иллюстратор понял идею художественного произведения, удачно передал глубину чувств героев, трагизм и лиризм ситуации.

1. Лейниш, Т.Л. Использование художественной иллюстрации и педагогического слова о художнике-иллюстраторе на уроках словесности // «Мы учимся... Мы учим...» (Современная коммуникативная культура в лингвометодическом аспекте): сб. научных трудов, посвященных 10-летию кафедры теории и методики обучения русскому языку Кузбасской государственной педагогической академии / под ред. Т.Ю. Зотовой, Т.А. Федосеевой. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2006. – 140 с., с. 60- 67.
2. Подобедова, О.И. О природе книжной иллюстрации // Подобедова О.И. М.: Советский художник. 1973, с. 290.
3. Чегодаева, М. Шмаринов Дементий Алексеевич [Электронный ресурс] М./ Чегодаева. – Режим доступа: <http://www.grafik.org.ru/chegodaeva.html>. – Загл. с экрана.

ВОЗДЕЙСТВИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ВОЛН НА ИММУННЫЙ СТАТУС

А. О. Черепова

Томский музыкальный колледж им. Э.В. Денисова

Факт воздействия музыки на человеческий организм – способности изменять и стимулировать (или угнетать) его физиологические процессы и психологические состояния известен уже несколько десятилетий. Музыкальные волны оказывают влияния на различные уровни организации организма человека: психоэмоциональный, психофизиологический, ценностно-смысловой и, наконец, биологический, выражающийся в смягчении физического дискомфорта, уменьшении болевых ощущений; влиянии на различные физиологические процессы (кровообращение, дыхание, внутреннюю секрецию, иммунитет и др.) [1].

Механизм биологического воздействия музыки на человека основан на том, что нервная система и мускулатура обладают способностью усвоения ритма. Звуковые волны как ритмический раздражитель стимулируют физиологические процессы, происходящие ритмично. В многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях доказаны возможности применения музыкальной гармонизирующей физиотерапии на пациентов с целью профилактики и лечения заболеваний опорно-двигательного аппарата, нервной, иммунной, эндокринной, дыхательной и др. систем.

Несмотря на то, что изучение воздействия музыкальных волн на клеточном и молекулярном уровнях является новейшим направлением в области биологии и медицины, зарубежная и отечественная наука уже располагает интересными фактами. В настоящей работе сделаны попытки проанализировать некоторые из них, с целью ответить на вопрос:

способны ли аудиоволны повлиять на иммунный статус организма и каким образом. Иммунный статус – это комплексный показатель состояния иммунной системы. Он включает исследование количественных показателей компонентов иммунной системы и определение их функциональной активности [2].

В одном из экспериментов, впервые в мировой истории проведённом в Гавайском университете, исследовалось влияние музыки на здоровье, на болевые ощущения и на основные показатели состояния организма, такие как кровяное давление, сердечный ритм, частота дыхания и уровень гормонов и антител в крови [3]. Исследования показали, что применение классической музыки повышает выработку особых веществ – нейропептидов в головном мозге. Когда нейропептиды покидают мозг и начинают действовать в организме как гормоны, они взаимодействуют со всеми важными системами, включая иммунную. В ходе работ было доказано, что химическая стимуляция иммунной системы нейропептидами не только не вредит здоровью, но и заметно повышает общую сопротивляемость болезням. Представители университета заявляют, что это первое исследование того, как классическая музыка влияет на основные показатели здоровья.

В ходе совместного исследования лейпцигского Института Макса Планка по изучению когнитивных способностей и головного мозга и Сассекского университета также были сделаны новые открытия в области укрепления иммунной системы человека музыкальными волнами. Было проведено два исследования, в ходе которых учёные наблюдали за влиянием музыкальных произведений на гормоны стресса: триста человек прослушивали простые мелодии, после чего у них измеряли уровень иммуноглобина А и некоторых гормонов, включая кортизол. Результаты показали, что уровень кортизола у пациентов, находившихся под воздействием музыкальных звуков значительно упал, а уровень иммуноглобина значительно повысился. Кортизол – это гормон, вырабатываемый во время стресса: он увеличивает кровяное давление и содержание сахара в крови, а также ослабляет иммунную систему. Падение уровня этого гормона во время прослушивания музыкальных композиций объясняет снижение кровяного давления и риска инфекционных заболеваний. Повышение содержания иммуноглобина также является важным открытием, потому что это биологическое вещество играет основную роль в защите организма от инфекций и аллергенов [4].

Интересный эксперимент проведен уже в этом году под руководством доктора Масанори Ниими (Masanori Niimi) из больницы университета Дзюнтендо (Juntendo University Hospital) в Токио (опубликовано в *Journal of Cardiothoracic Surgery*). В качестве подопытного материала использовали лабораторные мыши. Выяснилось: мыши, которые после

операции по пересадке сердца находились в среде классической музыки, жили гораздо дольше грызунов, погруженных в аудиозвуки поп-музыки, сообщает Medical Xpress. Доктор Ниими сделал мышам пересадку сердца от доноров, которые не являются их генетическими родственниками, что неминуемо приводило к отторжению тканей. Животных разделили на группы, каждая из которых в течение недели после операции слушала свой набор музыкальных произведений. Первая и вторая группы слушали классическую музыку: Верди и подборку концертов Моцарта, соответственно. Третья группа находилась под воздействием поп-музыки, а четвертая – под серией одиночных звуков. Наибольшими долгожителями оказались животные, которые слушали оперу и Моцарта: первые в среднем жили 26 дней, вторые – около 20 дней, третья группа грызунов, погибала в среднем через 11 дней после операции, а слушавшие последовательности звуков – всего через 7 дней.

В качестве контрольной группы ученые взяли глухих мышей. Они умерли через семь дней после трансплантации. Такое воздействие музыки на животных ученые объяснили подавлением иммунной системы. Образцы крови мышей, слушавших оперу, содержали самые низкие концентрации белков, отвечающих за воспалительные реакции, а также повышенные уровни иммунных тел, уменьшающих воспаление. Также у мышей существенно выросло содержание в крови клеток, участвующих в периферическом иммунном ответе [5].

Любопытными являются также и отечественные исследования. В последние годы российские ученые под руководством профессора С.В. Шушарджана (Санкт-Петербург) проводили ряд исследований в области музыкотерапии.

В одном из проектов лаборатории Шушарджана был поставлен эксперимент с микробами – стафилококками, стрептококками, кишечной палочкой. Эффект получился поразительным: от произведений Моцарта, Мендельсона, Гуно, Баха ответная реакция организма выработкой защитных иммунных тел была такова: микробы погибали как от антибиотиков[6].

Кандидат психологических наук Академии управления МВД РФ М.Леви в своих работах приводит таблицу частот звуковых волн по В.С. Тесленко и, соответственно, их биологическое воздействие на организм. Приведем следующие выдержки, иллюстрирующие выработку иммуномодулирующих веществ под воздействием звуковых волн различных частот:

Частота в гц	Применение
0,04	лейкоцитстимулирующий

0,1	аутоиммунные заболевания
0,4	стимуляция лимфотока, кровотока, детоксикация печени
0,7-4,0	воздействие на лимфо- и гемодинамику
1,33	регуляция иммунной и барьерной функции кожи
1,7	акне, абсцесс, гипотония, дерматит, парадонтоз, симпатикотоническое действие, фурункулез, экзема
2,9	насморк (синусит) [1]

Вопросы, связанные с воздействием музыкальных волн на организм – сравнительно молодое направление в системе биологических наук, и мы только сейчас начинаем понимать, с какой точностью звуковые формы могут влиять на те или иные процессы, проходящие в клетках и тканях живого организма.

Таким образом, новейшие исследования и эксперименты, проводимые отечественными и зарубежными исследователями, однозначно доказали и продолжают доказывать, что применение музыкальных волн может рассматриваться не только как средство, влияющее на настроение человека, но и как метод воздействия на глубинные процессы в организме с целью укрепления его защитных сил, которым, в конечном счете, принадлежит решающая роль в победе над болезнью.

Литература

1. Леви М.В. Музыка для жизни. Функциональная музыка как явление современной культуры. Сравнительный анализ зарубежного и отечественного опыта. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.levi.ru/> (дата обращения 01.06.2012).
2. Большая медицинская энциклопедия./Редактор Н. Дубенюк М., 2010 г.
3. Полный библиографический сборник отечественных и зарубежных работ/ Сб.статей: Музыкальная терапия и музыкальная психология //М.: МАИМ,2007 (Сборник)
4. Буланкова О. Целебные свойства музыки: исследование по всему миру.// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.salon.su/> (дата обращения 01.06.2012)
5. How music prevents heart transplant rejection.//Cardiology Medical Xpress. March 22, 2012
6. Шушарджан С.В. Музыкалотерапия и резервы человеческого организма/ М.: Антидор, 1998. (Монография)
7. Шушарджан С.В. Музыкальная терапия, как направление восстановительной медицины./Сборн. докл. Межд. конференции "Здравница-2003.

Актуальные проблемы восстановительной медицины, курортологии и физиотерапии.// М.: 2003, 218 с. (Сборник).

СОДЕРЖАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В УСЛОВИЯХ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ НАУКИ

Семенчуков К.А., Шепель О.М.,

Томский музыкальный колледж имени Э.В.Денисова

Историю развития естествознания условно можно разделить на четыре последовательных этапа [7–9], каждый последующий из которых знаменует формирование более высокого уровня науки по сравнению с этапом предыдущим (См. рис.).

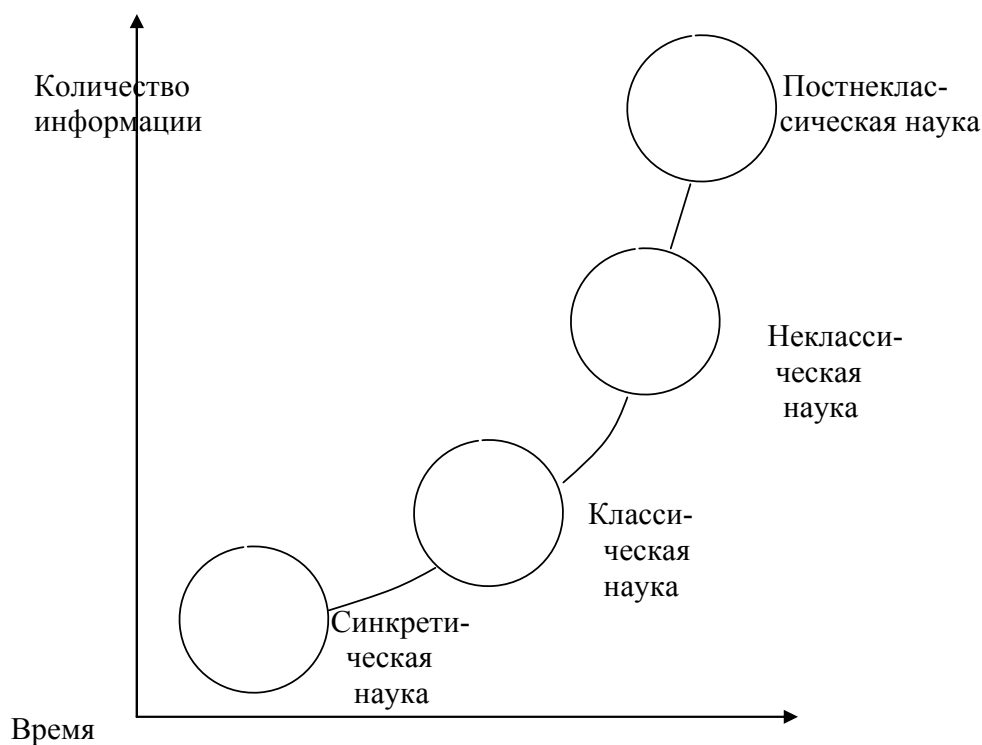

Рис. Экспоненциальный рост количества информации, вырабатываемой научными исследованиями.

Первый этап – синкретическая наука, которая представляла собой становление научного познания, ещё не дифференцированного, не расчленённого на отдельные отрасли. Наука только зарождалась, пыталась

заменить мифологию, старалась постигать окружающий мир, заменяя слепую веру знанием. Знаковыми представителями этого этапа можно назвать Пифагора (6 в. до н.э) и Аристотеля (384-322 года до н.э.). Будучи разделёнными во времени друг от друга почти на три столетия, они одинаково целостно воспринимали науку, искусство и религию.

Второй этап – классическое естествознание, основанное на законах, открытых И. Ньютоном, Л. Больцманом, Д. Менделеевым и другими. Характеризуется выделением науки в самостоятельную отрасль знания и её дальнейшей дифференциацией на отдельные, независимые направления. В частности, естествознание формируется как совокупность физики, химии, астрономии, биологии, географии и других дисциплин.

Третий этап – неклассическое естествознание, сформированное физикой А. Эйнштейна, В. Гейзенберга, Э. Шрёдингера. Кардинально изменились представления о строении вещества, пространства, времени. В частности пространство и время стали восприниматься аспектами единого пространственно-временного континуума, искривляемого массой. Вещество оказалось состоящим из элементарных частиц, обладающих корпускулярно-волновыми свойствами и описываемых принципиально статистическими параметрами движения. Наметились тенденции к интеграции различных естественных наук. В качестве отдельных научных и образовательных направлений стали формироваться: физическая химия, химическая физика, биофизика, биохимия и др.

Четвёртый этап – постнеклассическое естествознание, основанное отцами синергетики: И. Пригожиным [1], Г. Николисом [2], Г. Хакеном [3]. Ознаменовался открытием макропроцессов, не подчиняющихся жёстко детерминированным естественнонаучным законам и протекающих в самоорганизующихся системах. Направления развития значительного количества природных процессов оказались непредсказуемыми в принципе. Интеграция различных естественных наук переросла в интеграцию всего естествознания с гуманитарными и математическими науками. Многие математические, физические, химические, биологические, социальные и даже ментальные процессы оказались частными проявлениями общих синергетических закономерностей.

При этом приходится констатировать, что если современная наука достигла постнеклассического этапа своего развития, то содержание учебного материала физико-математических дисциплин в учебных заведениях всех уровней, остаётся, преимущественно, на уровне классическом. И это разрыв, особенно в условиях Российского образования, непрерывно возрастает, последствия чего мы наблюдаем в виде регулярно падающих космических аппаратов, отсутствия отдачи от многомиллионных вложений в развитие нанотехнологий и систематического игнорирования наших учёных международным Нобелевским комитетом.

Действительно, для овладения основами неклассического естествознания необходимо понимание математического аппарата тензорных и волновых уравнений, в то время как в общеобразовательных, средних профессиональных и даже в высших профессиональных учебных заведениях преподаётся лишь математика 17 века – дифференциальные и интегральные исчисления. Даже в новых стандартах третьего поколения для общеобразовательных школ так и не предусмотрели изучения элементарного векторного произведения – преподаётся только скалярное.

Было бы несправедливо утверждать, что теория А. Эйнштейна не изучается в учебных заведениях вообще. Однако, при изучении общей теории относительности (теории гравитации), оправдываясь стремлением к доступности изложения, ограничиваются рассмотрением преимущественно образных, внешних картинок действительности, внутри которых остаётся спрятанной суть теории. Более того, неоправданное упрощение иногда приводит к грубым неточностям при изложении учебного материала. В частности, факт отклонения вблизи солнца траектории луча далёкой звезды трактуется как однозначное доказательство искривления пространства солнечной массой. Между тем, подобное отклонение было предсказано задолго до А. Эйнштейна ещё сторонниками корпускулярной теории света. И доказательством справедливости общей теории относительности стал не факт отклонения, а конкретная величина этого отклонения, рассчитанная с помощью гравитационного тензорного уравнения А. Эйнштейна и совпавшая с экспериментальной величиной (у сторонников корпускулярной теории эта величина оказалась в два раза меньшей).

Аналогичная ситуация сложилась и по отношению к постнеклассическим достижениям современной науки. Обучение постнеклассическому естествознанию, зародившемуся в 20 веке благодаря трудам И. Пригожина, Г. Николиса, Г. Хакена, ограничивается феноменологическим описанием синергетических процессов и определениями основных понятий синергетики (самоорганизация, бифуркация, фракталы, аттракторы) не затрагивая уникальных свойств нелинейных дифференциальных уравнений, которым подчиняются все синергетические процессы. В результате уже сформировалось целое поколение гуманитариев, жонглирующих модной терминологией при описании явлений, не имеющих ничего общего с синергетическими процессами [4,5].

Кроме того, по мнению академика РАО А.М. Новикова «Естественно-математическое и техническое образование очевидно необходимо специалистам и в сугубо гуманитарных сферах. Так, например, полное отсутствие преподавания физики студентам консерваторий привело к тому, что если во времена И.С.Баха и В.А.Моцарта музыканты владели

11 способами оркестрового строя, то современные музыканты знают только два – из-за этого многие произведения старых мастеров не исполняются – они «не звучат», т.к. именно с точки зрения физики (акустики) они не соответствуют авторскому оригиналу» [6]. Ярким подтверждением необходимости естественно-математического образования в гуманитарных сферах может служить и творчество таких незаурядных Российских музыкантов как А.П. Бородин (химик), Л.С. Термен (физик), Э.В. Денисов (математик), которое было бы невозможно без широкого научного кругозора этих выдающихся деятелей искусства.

Музыкальная безграмотность (неумение читать ноты) выпускников общеобразовательных, средних профессиональных и высших профессиональных учебных заведений привычно объясняется отсутствием средств на достаточное количество музыкальных инструментов. Однако, сегодня подобное оправдание звучит не убедительно, поскольку в широком доступе существуют простые в обращении компьютерные программы (самая распространённая из которых Sibelius), позволяющие воспроизводить любой звук любого музыкального инструмента, звук любой ноты, записанной в соответствующей программе. А значит, на уроках физики, или естествознания при изучении природы звука, следует обучать не только уравнениям взаимозависимости длины звуковой волны и частоты звуковых колебаний, но также общепринятым способам записи различных звуков.

Таким образом, по нашему мнению, пересмотр содержания естественно-математического образования в условиях современного постнеклассического этапа развития науки должен сосредоточиться в двух основных направлениях:

- сокращение всё возрастающего разрыва между постнеклассическим уровнем достижений современной науки и классическим уровнем сегодняшнего обучения;
- ликвидация музыкальной безграмотности в общеобразовательных учебных заведениях.

Литература

1. Пригожин, И. Современная термодинамика. От тепловых двигателей до диссипативных структур [Текст] / И. Пригожин, Д. Кондепуди. – М. : Мир, 2002– 461 с.
2. Николис, Г. Самоорганизация в неравновесных системах [Текст] / Г. Николис, И. Пригожин. – М. : Мир, 1979.– 512 с.
3. Хакен, Г. Синергетика: неравновесные фазовые переходы и самоорганизация в биологических системах [Текст]/ Г. Хакен // Термодинамика и кинетика биологических процессов : сб. ст. – М.: [Наука], 1980. – С. 83–100.
4. Губин В.Б. Псевдосинергетика – новейшая лженаука / В.Б. Губин // Альманах «В защиту науки» Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальси-

- фикацией научных исследований. – М, Наука, 2006. Бюллетень № 1., С. 110–119.
5. Губин, В.Б. Синергетика как новый пирог для «постнеклассических учёных» или отзыв на автореферат докторской диссертации / В.Б. Губин // Философские науки. – 2003. – № 2.– с. 121 – 156.
 6. Новиков А.М. Что такое элитарное образование? / А.М. Новиков // Народное образование – 2004, № 1.
 7. Шепель, О.М. Знание как живая система / О.М. Шепель, М.Г. Минин // Образование и наука. – 2005. – № 5. – С. 30–39.
 8. Шепель, О.М. Обучение физико-математическим основам постнеклассического естествознания студентов естественнонаучных факультетов / О.М. Шепель, М.Г. Минин // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 5 (12). – С. 223–225.
 9. Шепель, О.М. Проблемное обучение основам синергетики студентов естественнонаучных факультетов / О.М. Шепель // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 8. – С. 322 – 325.

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

СЕМЬЯ КАК ФАКТОР НАРКОТИЗАЦИИ

О. А. Аникина, А. А. Планкина

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е. С. Турутина, к.филос.н., доцент

В настоящее время в жизни общества особо остро стали проявляться проблемы наркомании. Пагубная зависимость особенно большое распространение получила в среде молодежи. На данный момент эта проблема стала поистине глобальной. По данным Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН), молодежь в возрасте от 18 до 34 лет – составляет 80 % от всех наркозависимых в России. Данную проблему необходимо решать не только на уровне государства, общества, но и на уровне каждого человека. Люди должны осознавать для себя колоссальный вред наркомании и бороться с ней. И только тогда эту проблему возможно будет решить.

Современные ученые достаточно подробно разрабатывают объяснения возникновения наркотической зависимости, она исследуется в научной литературе, а так же соответствующими правоохранительными органами и службами. Выявляется достаточное количество факторов, способствующих возникновению наркомании и семья – один из них.

Актуальность исследовательской работы заключается в том, что значение семьи как фактора наркотизации велико, однако, в большинстве источников он исследован лишь поверхностно, поэтому и представляет особый интерес данной работы.

Семья играет важную роль в жизни каждого человека, формирует его мировоззрение, культурное развитие и определяет его место в социуме. Проблема исследования заключается в том, что семьи отдают слабый отчет, что их влияние и их вклад в наркоманию достаточно велик. В настоящее время 57 % от всех семей являются дисфункциональными, то есть порождают неадаптивное, деструктивное поведение одного или нескольких членов семьи, в которой существуют условия, препятствующие их личностному росту. Более того, данный показатель постоянно увеличивается.

Целью данного исследования является всестороннее и комплексное изучение семьи, как фактора наркотизации, а предметом – изучение дисфункциональных факторов семьи, которые подталкивают молодежь к употреблению наркотиков. Семьи в свою очередь представляют собой

объект исследования. Гипотезами социологического исследования можно назвать следующие: во-первых, в неполной семье чаще всего возникают трудности общения, и зачастую дети в таких семьях чаще подвержены наркомании. Уже давно существуют такие понятия, как «семейный дефицит» и «социальный голод», когда ребенок растет без внимания и заботы, без необходимого общения. Во-вторых, дисфункциональные семьи являются предпосылкой возникновения наркозависимости у детей. В-третьих, процесс профилактики и лечения наркомании в молодежной среде будет эффективным при информированности и активном содействии семьи.

Для достижения цели и проверки гипотез исследования были определены следующие задачи: выявить процент деструктивных семей; изучить влияние ригидных семей на возникновение наркомании; определить влияние неполных семей на проблему наркотизации; выявить факторы насилия в семье; определить наличие спутанных и размытых (неопределенных) меж-поколенных границ в семьях наркозависимых; выявить присутствие химических/нехимических зависимостей в семьях группы риска; определить наличие вседозволенности в рамках семьи; выявить религиозную принадлежность семей наркозависимых или отсутствие таковой.

Основой исследования явился метод контент-анализа документов писем и откровений наркозависимых и их родных, обнародованные на специализированных сайтах наркологических центров, в социальных сетях и форумах Интернет – пространства. Данный метод отлично подходит для качественно-количественного анализа содержания документов с целью выявления или измерения различных фактов и тенденций. Особенность контент-анализа состоит в том, что он изучает документы в их социальном контексте, что является необходимой составляющей данного исследования. При этом выборочная совокупность писем и текстов была составлена на основе содержания в них аспектов взаимоотношений наркозависимых и их семей [1].

Используя метод контент-анализа, выборочная совокупность была проанализирована в соответствии с поставленными задачами. За единицу анализа были приняты слова, предложения и персонажи. Учитывалось, кем был написан текст (самим наркозависимым или его родными). В соответствие каждому фактору дисфункции были выявлены слова и предложения, подтверждающие его наличие в тексте. Например, фраза «...папа не чувствовал себя в доме настоящим мужчиной, подчиняясь волевой и активной маме» свидетельствует о безоговорочном доминировании одного из членов семьи; «слова «нет» он [ребенок] не знал» указывает на вседозволенность в рамках семейной организации; «меня жестоко наказывали» – говорит о подавляющем типе воспитания детей;

«били линейкой» – свидетельствует о физическом насилии; «дома начинаются скандалы» – показатель отсутствия взаимности в эмоциональных контактах, а так же наличия возможного хронического супружеского или родительско – детского конфликта и так далее [3].

На основе проведенного контент-анализа была составлена таблица соотношения факторов семейной дисфункции.

Фактор семейной дисфункции	Процент от выборочной совокупности
деструктивная семья: - отсутствие взаимности в эмоциональных контактах - автономия и сепарация отдельных членов семьи - хронический супружеский или родительско – детский конфликт	Всего 31 % 22 % 2 % 9 %
неполная семья	6 %
ригидная, псевдосолидарная семья: - безоговорочное доминирование одного из членов семьи - жесткая регламентация семейной жизни - подавляющий тип воспитания	Всего 21 % 7 % 7 % 7 %
насилие в семье: - физическое - сексуальное - эмоциональное	Всего 8 % 4 % 1 % 3 %
спутанные и размытые (неопределенные) меж-поколенные границы	3 %
семья, в которой имела/имеет место зависимость: - химическая - нехимическая	Всего 18 % 11 % 7 %
вседозволенность в семье	10 %
отсутствие религии	3 %

Полученные результаты свидетельствуют о том, что деструктивная семья является наиболее значимым фактором наркотизации (31 %), что подтверждает вторую гипотезу социологического исследования.

В процессе исследования писем матерей наркозависимых, стало очевидно, что наибольшая информированность семей о признаках наркотизации, её распространении могла бы сделать процесс профилактики и лечения наркомании в молодежной среде более эффективной, что является подтверждением третьей гипотезы. Как было выявлено, многие родители просто отказываются признавать проблему наркомании

(«Страшно признаться самой себе, что с твоим ребенком стряслась беда, – и я оттягивала это признание, сколько могла») [4].

Факт обнаружения наркомании у подростка способствует изменению семейного взаимодействия и будет по-разному «использоваться» членами семьи. Отношение к наркомании будет во многом определяться неосознаваемыми потребностями, при этом каждый член семьи сможет получить определенную «выгоду» из такой семейной ситуации. Например, мать начинает ощущать себя нужной и полезной для больного наркоманией ребенка, защищая и помогая ему, в свою очередь подросток начинает эксплуатировать появляющуюся в поведении матери гиперопеку или гиперпротекцию [5].

Нередко семейное взаимодействие или поведение одного из членов семьи выступает как фактор, запускающий и фиксирующий наркотическое поведение. Например, неудовлетворенность супругом может привести к тому, что он будет отвергаться через приписывание ему ответственности за наркоманию ребенка. Возникает своеобразный альянс: наркотицизирующийся подросток и борющийся за его жизнь родитель (мать) против родителя, который считается главной причиной наркотицизации. В этом случае отказ от наркотиков должен привести к перераспределению семейных ролей и изменению всей системы семейных взаимоотношений в целом. Бессознательное сопротивление таким изменениям приводит к нарастанию провоцирующих проявлений.

По данным исследования можно сделать вывод, что профилактика наркомании в семьях с различными формами неблагополучия должна быть ориентирована прежде всего на компенсацию этого неблагополучия и коррекцию связанных с ним нарушений в личностном развитии ребенка.

Таким образом, невозможно говорить об унифицированной программе профилактики ранней наркомании, но можно выделить следующие общие рекомендации для родителей и членов семьи:

1. Стремиться к наибольшему общению с ребёнком, т.к. общение – основная человеческая потребность, особенно между родителями и детьми.

2. По возможности всегда выслушивать ребёнка:

- быть внимательным к ребёнку;

- уважать его точку зрения;

- уделять внимание взглядам и чувствам ребёнка, не споря с ним и не настаивая, чтобы ребёнок выслушивал и безоговорочно принимал представления и мнения родителей.

3. По возможности ставить себя на место ребёнка, т.к. подростку часто кажется, что его проблемы никто и никогда не переживал. Важно показать ребёнку, осознание сложности и серьезности его проблемы.

Главное, чтобы ребенок чувствовал интерес к себе, тому, что с ним происходит.

4. Необходимо чаще совместно проводить свободное время. Очень важно, если родители умеют устраивать совместные мероприятия и времяпрепровождение: заниматься спортом, музыкой, рисованием и др.

5. Поддерживать хорошие отношения с друзьями ребенка. Поскольку очень часто ребенок впервые пробует ПАВ в кругу друзей. Порой, друзья оказывают огромное влияние на поступки ребенка. Поэтому важно принимать участие в организации досуга друзей своего ребенка.

6. Важно всегда помнить, что ребенок уникален. Любой ребенок хочет чувствовать себя значимым, особенным и нужным. Можно помочь своему ребенку развить положительные качества и в дальнейшем опираться на них. Когда ребенок чувствует, что достиг чего-то и родители радуются его достижениям, то повышается уровень его самооценки. А это, в свою очередь, заставляет ребенка заниматься более полезными и важными делами, чем употребление наркотиков.

Очевидно, что моделей профилактики должно быть несколько, а содержание деятельности в каждой из них должно быть соотнесено с типом семейного неблагополучия подростка.

Проведенный анализ семейных причин наркотизации однозначно убеждает в том, что в фокусе профилактической работы должна быть семья. Это одинаково справедливо и в тех случаях, когда речь идет о первичной профилактике наркомании, и в вопросах ее лечения и реабилитации.

Литература

1. Аверьянов Л.Я. Контент-анализ. уч пособие. М.: КРОНУС, 2009. 456с.
2. Форум бывших наркоманов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nonarko.flybb.ru/archive/>.
3. Наркомания Лечение Реабилитация. Истории из жизни. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.narcozona.ru/>
4. Сервер против наркотиков. Личные истории бывших наркоманов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.narcom.ru/publ/info/742>
5. Белогуров С.Б. Наркотики и наркомания. Книга для всех. СПб.: Университетская книга, 2003. 597 с.
6. Егоров В.Ф., Зайченко Н.М., Кошкина Е.А. и др. Наркологическая помощь населению Российской Федерации. 1991-1997г./ М.: НИИ наркологии МЗ РФ. 1998. 653 с.
7. Сайт бывшего наркомана. Письма наркоманов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nonarko.narod.ru/lett.html>.
8. Социальная Общественная Организация. Нарколиквидатор. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://narco likvidator.ru/stati>.

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КОНФЛИКТА

Ю. Г. Ахундова, А. Б. Сулейманова.

Томский государственный педагогический университет.

Научный руководитель: Н. В. Наливкина, к. филос.н., доц.

Распад СССР – не просто история, а событие, повлиявшее на все страны, когда – то входящие в его состав. Ведь действительно, изменилась и политика стран, и их экономика, а вслед за этим изменился и духовный потенциал граждан. Да, и само существование СССР, как государства, отразилось на жизни, как отдельных его частей, так и на всей стране в целом. Демократизация общественной жизни, распад не мог не коснуться сферы межнациональных отношений. Объектом изучения и анализа этой работы является национально – этнический конфликт, который до сих пор остался не решенным – Армяно-Азербайджанский конфликт за право владения Нагорным Карабахом. Существует много точек зрения и подходов в объяснении причин этого конфликта, как в трудах отечественных, так и зарубежных исследователей. Мы не претендуем на истину и попытаемся рассмотреть эту проблему с позиций, которые, нам кажутся, более близкими, но в то же время, не бесспорными.

Если проанализировать этнические конфликты, то территориальные проблемы выступают в качестве важнейшего компонента. В качестве претензий используются, как правило, исторические факты. У обеих сторон бесспорные исторические доказательства, закрепляющие их право на владение территорией. А если даже таковых и нет, то конфликтующие стороны их непременно создадут псевдоисторическими высказываниями, как “Наши предки всегда здесь жили!”. Как писала Г. В. Старовойтова, «с точки зрения международного права этот конфликт является примером противоречий между двумя фундаментальными принципами: с одной стороны, права народа на самоопределение, а с другой стороны, принципа территориальной целостности, согласно которому возможно только мирное изменение границ по соглашению». [1] Кардинальные изменения на Южном Кавказе связаны с масштабной переселенческой политикой XIX-XX вв., начатой Царской Россией и затем продолженной СССР, вплоть до развала Советского государства. При этом процесс переселения можно разделить на две фазы: 1) XIX-начало XX вв., когда армянский народ переселялся из Персии, Османской Турции, Ближнего Востока на Кавказ. 2) В течение XX в., когда проводились внутрикавказские миграционные процессы, в результате которых, с территорий уже заселенных армянами, вытеснялись автохтоны (местное население) – азербайджанцы, грузины, и малые кавказские народы, и

тем самым, создавалось армянское большинство на этих землях, с целью дальнейшего обоснования территориальных претензий к народам Кавказа.

На нынешний географический ареал своего проживания – Южный Кавказ, армянский (хайский) народ попал в силу исторических событий и геополитической борьбы мировых держав на Ближнем Востоке, в Малой Азии и на Кавказе. В сегодняшней мировой историографии большинство ученых-исследователей Древнего Востока сходятся во мнении, что начальной родиной хайского народа были Балканы (Юго-Восточная Европа). «Отец истории» – Геродот, указывал, что армяне являются потомками фригийцев, живших на юге Европы. Русский кавказовед XIX века И.Шопен также считал, что армяне суть пришельцы. Это колено фригийцев и ионийцев, перешедшее в северные долины Анатолийских гор. Известный арменист М.Абегян тоже отмечал, что предки армян (хав), задолго до нашей эры, обитали в Европе, вблизи предков греков и фракийцев, откуда они переправились в Малую Азию. Во времена Геродота в V веке до н.э. еще ясно помнили, что армяне пришли в свою страну с запада. Русский кавказовед В.Л.Величко писал в начале XX века, что армяне, народ неизвестного происхождения, с несомненно значительной примесью еврейской, сиро-халдейской и цыганской крови. Далеко не все, причисляющие себя к армянам, принадлежат к коренному армянскому племени. С Малой Азии, армянские переселенцы стали попадать на Кавказ – в нынешнюю Армению и Карабах. В связи с этим исследователь С.П.Зелинский отмечал, что армяне, появившиеся в разное время в Карабахе, не понимали друг друга по языку. Отсюда можно сделать следующий вывод – армянский этнос не мог быть автохтоном не только в Карабахе или в Азербайджане, но и на Южном Кавказе в целом. Так, поэтапно, предки армян обрели родину на Южном Кавказе, где заняли исконные земли азербайджанцев. Массовый этап переселения армян на Южный Кавказ ознаменован доброжелательным отношением к ним Арабского халифата, который искал социальную опору на завоеванных территориях, поэтому относился к переселению армян благожелательно. Армяне нашли приют на Кавказе на территории государства Кавказская Албания, однако очень скоро подобное гостеприимство дорого обошлось албанам (предкам нынешних азербайджанцев). Когда и как произошла арменизация края, в точности неизвестно. А. П. Новосельцев отмечает: «часть населения всего правобережья Куры была арменизована ещё в период политической гегемонии Армении, то есть до конца IV века». [2] Уже в начале XIX века армяне в заметном количестве начали перебираться на Южный Кавказ, так как Российская империя уже завладела этим регионом, в том числе Северным Азербайджаном. В книге «Взглядом в сторону Арарата», Рональд Гри-

гор Суни писал, что кавказские албаны, являющиеся прямыми предками сегодняшних азербайджанцев, говорили на тюркском языке и приняли Ислам шиитского толка, распространённый в соседнем Иране. Нагорная часть (Карабах), осталась преимущественно христианской, и со временем карабахские албаны слились с (переселенцами) армянами. Центр албанской церкви Ганзасар стал одним из епископств Армянской церкви. Другой западный историк Сванте Корнелл, опираясь на российскую статистику, также приводит динамику роста армянского населения в Карабахе в XIX веке: «Согласно российской переписи, в 1823 году армяне составляли 9 процентов от общего населения Карабаха (остальные 91 процент были зарегистрированы как мусульмане), в 1832 году – 35 процентов, а в 1880 году достигли уже большинства – 53 процента». [3] Российская империя в конце XVIII-начале XIX вв, тесня Персидскую и Османскую империи, расширяла свои владения в южном направлении за счет территории азербайджанских ханств. В этой сложной геополитической обстановке, интересно сложилась дальнейшая судьба Карабахского ханства, ставшего объектом борьбы между Российской, Османской империей и Персией. 14 мая 1805 года был подписан Трактат между Карабахским ханом и Российской империей о переходе ханства под власть России, который и связал дальнейшую судьбу этих земель с Царской Россией. Особое место занимала статья 15-ая Туркменчайского договора, которая давала всем жителям и чиновникам Азербайджанской области годичный срок для свободного перехода со своими семьями из персидских областей в российские. В первую очередь, она касалась «персидских армян». В исполнение этого плана был принят «высочайший указ» Российского Сената от 21 марта 1828 года, в котором говорилось о том, что силою трактата с Персией, заключенного 10 февраля 1828 года, присоединенные к России – Ханство Эриванское и Ханство Нахичеванское во всех делах именуется отныне областью Армянской. Таким образом, был заложен фундамент будущей армянской государственности на Кавказе. В результате Туркменчайского договора в течение нескольких месяцев из Персии в Азербайджан переселилось 40 тысяч армянских семей. В 1828-1830 годах империя переселила еще 84600 семей из Турции на Кавказ и разместила их часть на самых хороших землях Карабаха. В период 1828-1839 годов в горные части Карабаха было переселено 200 тысяч армян. В 1877-1879 годах во время русско-турецкой войны на юг Кавказа были переселены еще 185 тысяч армян. Профессор В.А.Парсамян в «Истории Армянского народа-Аястан 1801-1900 гг.» пишет, что до соединения с Россией население Восточной Армении (Иреванского ханства) составляло 169 155 человек – из них 57 305 (33,8 %) армян... После взятия Карской области Армянской Дашнакской Республикой (1918 год) число населения возросло до 1 млн.

510 тысяч человек, из них 795 тысяч армян, 575 тысяч азербайджанцев, 140 тысяч представители других национальностей. В 1912-1913 гг. начались Балканские войны между Османской империей и балканскими народами, которые напрямую повлияли на ситуации на Кавказе. В эти годы Россия резко изменила свою политику в отношении армян. Армянский историк Рональд Суни в своей книге «Бакинская коммуна» (1972 г.) детально описал, как лидеры армянского движения под эгидой коммунистических идей, создавали армянское национальное государство. 22 мая 1919 года в информации, данной В.Ленину бакинским коммунистом Анастасом Микояном, сообщалось: «Агенты армянского руководства – дашнаки стараются присоединить Карабах к Армении. Это для карабахских армян означало бы оставление своих мест проживания в Баку и соединения своих судеб с ничем их, не связывающим Ереваном. Армяне на своём 5-ом съезде решили принять азербайджанскую власть и соединиться с ней». [4] После установления на Кавказе в 1920-1921 годах советской власти Москвой было решено не перекраивать, существующие в регионе и образовавшиеся в результате армянской агрессии границы, между бывшими независимыми местными государствами. С началом в 1987 году перестроечных новаций в СССР, притязания Армении на НКАО обрели новый импульс и характер. Как отмечал позже российский исследователь С.И.Чернявский, что в отличие от Армении, у Азербайджана не было, и нет организованной и политически активной диаспоры, а карабахский конфликт лишил азербайджанцев какой-либо поддержки со стороны ведущих западных стран с учетом их традиционно проармянских позиций. Областной Совет НКАО 21 февраля 1988 года объявил о выходе из состава Азербайджанской ССР и присоединении к Армении. 18 июля 1988 года последовало противоположное этому решение Верховного Совета СССР утверждавшее, что Нагорный Карабах должен быть в составе Азербайджана и невозможны никакие территориальные изменения.

На сегодняшний день проблема Карабахского Конфликта не решена. Нагорно – Карабахская Республика имеет свою Конституцию. Рассмотрим некоторые статьи из Конституции НКР 1992: в п.2 ст. 10 отмечается, что НКР признает исключительную миссию Армянской Апостольской Святой Церкви, как национальной церкви; в п.1 ст. 15 – государственный язык Нагорно-Карабахской Республики – армянский; п.14 ст. 60 содействовать укреплению связей с армянской диаспорой. Эти статьи конституции доказывают, что несмотря на объявление декларации о государственной независимости НКР от 6 января 1992г., доминирующее влияние Армении сохраняется. На наш взгляд, справедливым было бы закрепление Конституцией абсолютного суверенитета НКР. Но для разрешения этой ситуации будет продуктивным, если две

конфликтующие стороны придут к компромиссному решению – позволят НКР стать суверенной республикой, с равенством в гражданских правах всех этнических образований, с законодательным закреплением двух государственных языков и т.д., что характерно, для любого свободного государства. Такое решение этой проблемы будет содействовать процветанию и налаживанию добрососедских отношений между этими государствами. Но на сегодняшний день такое видение является иллюзорным.

Литература

1. Старовойтова Галина « Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев» [Электронный ресурс] – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Starovoit/_04.php (дата обращения: 22.03.2012)
2. А. П. Новосельцев. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период [Электронный ресурс] – URL: <http://www.vehi.net/istoriya/armenia/kagantv/novoseltsev.html> (дата обращения: 30.03.2012)
3. Svante Cornell. Small Nations and Great Powers: A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus.- RoutledgeCurzon Press. – 2001. – с. 68.
4. Махмуд Исмаилов «Правда об Армянской агрессии» [Электронный ресурс]-URL: <http://karabakh-doc.azerall.info/ru/armyanstvo/arm36-2.php> (дата обращения: 02.04.2012)

ГЕНДЕРНАЯ СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е. А. Головенко

Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ»

Научный руководитель: Н. Н. Шевченко, д.ф.н., проф.

Процессы глобализации и формирование нового информационного общества способствуют изменениям мировоззрения человека и восприятия мира, но объём времени для искоренения старых устоявшихся, но изживших своё принципов и суждений, существующих в качестве стереотипов, оказывается недостаточным. Особенно актуальным аспектом этой проблемы является вопрос и причинах сохранения и механизмах функционирования гендерных стереотипов.

Процессы, обусловленные сексуальной революцией и феминистским движением в корне изменили нормы труда и деятельности женщины в сравнении с мужчиной, изменив, тем самым, экономический строй и направленность человеческой деятельности, ставшей более гуманизированной. В свою очередь, вследствие изменений, произошедших в

образе жизни и деятельности женщин, для мужчин также открылись новые, с точки зрения морали и воспитания былых лет, ниши самоопределения – такие как семья и воспитание детей. Но столкновение старых понятий о социальных ролях полов с новыми, мало апробированными временем, вызывают бурные споры и даже предположения о вырождении классических гендерных ролей-предназначений: мужчина-добытчик, женщина-мать. При этом зачастую остаётся не осмысленной общественным сознанием возможность совмещения различных видов деятельности человека, когда оба члена пары имеют высшее образование, совместно ведут хозяйство, воспитывают детей и занимаются личностным ростом.

Проблема механизмов формирования стереотипов и закономерностей их функционирования исследовалась такими европейскими и американскими учёными, как У. Липпман, Т. Шибутани, С. Хан, Ф. Джандт, Г. Тиллетт, Б. Барбер и др. Впервые термин «стереотип» использовал классик американской журналистики Уолтер Липпман (Walter Lippmann), который в 1922 году опубликовал книгу «Общественное мнение» (Public Opinion). Этим понятием он пытался описать метод, с помощью которого общество пытается категоризировать людей. Он полагал, что процесс категоризации непосредственно включен в процессы восприятия, мышления и воображения, объект которых воспринимается и мыслится не как единичность или непосредственная данность, а как представитель некоторого обобщённого класса, причём на этот объект переносятся все характеристики и особенности данного класса явлений. Таким образом, категоризация людей непосредственно связана с категоризацией явлений в сознании каждого индивида в частности.

У. Липпман выделил следующие существенные особенности стереотипов (впоследствии появилось описание множества других признаков, которые во многом следовали традиции, заложенной Липпманом):

1) стереотипы всегда проще, чем реальность. Сложнейшие характеристики и понятия стереотипы «укладывают» в два-три предложения;

2) стереотип является приобретённым, априорным понятием (вследствие социализации и постоянного нахождения в обществе, от семьи, знакомых, средств массовой информации и пр.), он не формируется самостоятельно на основе собственного опыта. Примером этого может являться представление об идеальной женщине, определённой социальной роли, гендерной, классовой и пр.;

3) все стереотипы ложны, в большей или меньшей степени; они всегда приписывают конкретному человеку черты, которыми он обязан обладать лишь из-за своей принадлежности к определенной группе;

4) стереотипы очень живучи, их жизненный цикл бесконечен, вследствие того, что даже если люди убеждаются в том, что стереотип не со-

ответствует действительности, они склонны не отказаться от него, а утверждать, что исключение лишь подтверждает правило. Стереотип может измениться и быть перенесен на иную группу. К примеру, американцы в начале 20 века называли евреев «длинноносыми». Однако впоследствии стало очевидным, что далеко не все евреи обладают характерными согласно стереотипу носами. Ныне этот эпитет периодически употребляют по отношению к арабам.

У. Липпман охарактеризовал стереотипы как упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки» мира «в голове» человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права. Устойчивость, ригидность, консерватизм – вот основные характеристики стереотипа по У. Липпману. Идеологическая сфера оказывается когнитивной спецификацией такого сознания, на которое вольно или невольно возлагаются функции осуществления социального контроля над единством сообщества, над континуальностью культурных традиций общества.

В рамках западноевропейской традиции научного познания, описания и осмысления общественного сознания изучение таких структур, как стереотипы, значительно продвинулось вперед благодаря усилиям представителей неофрейдизма, структурно-лингвистического анализа, экзистенциализма, феноменологии и герменевтики. Они смогли установить внутреннюю мобильность психологической структуры стереотипа (психологическую реактивность). Психологическая реактивность проявляется в том, что при давлении на решение человека он чувствует ущемление свободы и способен принять менее правильное и менее выигрышное для него решение. В этом одна из особенностей стереотипа – при довлеющем большинстве мнений по какому-либо вопросу человеку проще принять именно это мнение, модель нежели обратиться к здравому смыслу и категории «истинного».

Стереотипизация общественного сознания осуществляется лишь в границах «интерпретативного поля» сознания и восприятия, которые обладают пока мало изученными, но тем не менее достаточно сложными и самостоятельными механизмами саморегулировки и самоуправления нервной деятельности и всем организмом в целом. Во многом корни стереотипа заложены в психологии, так как шаблонность поведения зарождается в сознании отдельного человека, но именно каждый конкретный индивид служит средством и условием распространения стереотипа в массах. Стереотипное мнение закладывается в сознании не спонтанно, а вследствие влияния других людей, первоначально семьи, близкого окружения, далее складываясь на основе личного опыта, но зачастую оно бывает априорно, существуя как неподтвержденная истина, «слух», ко-

торый может быть выгодным одной группе людей, принижая в чём-либо другую группу людей.

Степень устойчивости стереотипа зависит не только от внешних условий, но и от конкретных носителей (общества, коллектива, личности) с их обыденными представлениями, эмпирическими настроениями, преломляющимися через систему экспликаций, иногда выстроенных в целостную научную или политическую картину мира. Обусловливаемый этими механизмами мир мнений имеет свои этнопсихологические, лингвистические особенности и способы выражения, сознательную (или бессознательную) настроенность, веру (рациональную либо иррациональную) в те или иные общественные ориентации на практические действия, например, на развитие массовой культуры, на поддержку выдвигаемой тем или иным лидером политической программы и т.д.

Особенности формирования и функционирования гендерных стереотипов начали изучаться сравнительно позже и имеют меньший объём исследований. Исследованиями гендерной психики и, в частности, возникновением гендерного стереотипа занимались М. Мид, Х. Томпсон, Л. Холлингворс, Х. Дойч, Д. Лампл де Грут и др. В отечественной науке эта проблема по большей части рассматривалась в ключе гендерной социальной психологии такими учёными как А.В. Ярмоленко, Н.А. Розе, Л.А. Головей, Э.С. Чугунова, Л.В. Саулина, В.И. Сергеева и др. Общеизвестным в отечественных и западных исследованиях является представление о том, что механизм появления и развития гендерного стереотипа, в большинстве случаев, восходит к физиологическим и психическим, следовательно, половым различиям. На стадии социализации у индивида закрепляется самоопределение себя, как представителя конкретного пола, и туманное, лишённое конкретности, понятие о противоположном поле, которое может считаться ребёнком от «странного» до «враждебного», в силу очевидных физических различий (показателей силы, роста и проч.) и уже усвоенных ребёнком гендерных поведенческих норм (в мальчиках воспитывают храбрость, силу, быстроту реакции и т.д., тем самым прививая поведенческую модель защитника и отца, девочке же прививаются фемининные качества – забота, аккуратность и прочие, как прототип будущей роли матери).

В связи с интенсивно происходящими изменениями темпа и образа жизни в современном мире, фемининные и маскулинные социальные роли претерпевают изменения, уступая место андрогинности, которая становится практически нормой, а не отклонением. Такие качества, как нежность, эмоциональность, выносливость, решительность, стойкость, доверчивость, наивность, амбициозность, заботливость уже вряд ли можно отнести к классу качеств, присущих определённому полу – про-

цесс гуманизации косвенно и напрямую коснулся массового сознания, повлияв, в том числе, на отношение к этому каждого человека.

Однако появление такого нового типа социальных ролей не ведёт к вымиранию «устаревающих» стереотипов, а, наоборот, подпитывает их. Так, в деловой сфере и поныне девушка уступает молодому человеку в приоритетности по какой-либо должности, не взирая на её образование, опыт и личные качества. Такое явление получило название гипотезы «стеклянного потолка», и обозначает невидимую, но реальную преграду для достижения вершины карьеры женщиной-лидером. Подсознательно или осознанно в общественном сознании господствует идея гендерного неравенства, реализуясь во всех сферах общественной жизни – в семье, профессиональной сфере, сфере образования и т.д.

Таким образом, проблема гендерной стереотипизации связана с изучением специфических черт именно гендерных стереотипов. В этом дискурсе исследуются такие концепты, как предрассудки, предубеждения, стереотипы, а также изучаются факторы, механизмы гендерной стереотипизации, содержание, свойства и функции гендерных стереотипов, их влияние на гендерные отношения и социальные отношения в целом.

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Н. В. Дворяк

Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ»

Научный руководитель: Н. Н. Шевченко, д.ф.н., проф.

Экстремально высокий темп жизни современного человека нередко приводит к нарастанию пограничных состояний психики, психопатическим реакциям и состояниям, жестокости и агрессивности по отношению к слабым. Эти факторы оказывают влияние на рост внутрисемейного насилия, преступлений против женщин, детей, престарелых родственников, принимающего различные формы психического, физического, экономического, сексуального и морального насилия.

По данным Всероссийской организации здравоохранения, насилие в Российской Федерации остается одной из значимых проблем с точки зрения общественного здоровья; уровень насильственной смерти резко возрос в начале девяностых годов прошлого века и на сегодняшний день остается одним из самых высоких в мире. По статистическим данным МВД за 2006 год, насилие имеет место в каждой четвертой российской семье, 40 % тяжких преступлений совершаются в семье над женщинами, а в 70 % случаев от насилия страдают женщины и дети. Согласно статистике Национального центра по предотвращению насилия «Анна», за год

от рук мужей и сексуальных партнеров погибает примерно 10 000 россиян. Данная проблема препятствует социальному и экономическому развитию России, снижает продолжительность жизни, сокращает численность населения, препятствует формированию гражданского общества и демократизации государства.

Семья, отношения родителей и детей, мужчины и женщины – это те элементы структуры общества, в которых рождаются жестокость и ненависть, а это значит, что насилие имеет глубокие и разветвленные корни. К сожалению, в современной российской семье утрачены взаимное уважение и гуманное отношение друг к другу. Между тем, проблема насилия в семье изучена все ещё недостаточно, в связи с чем автором данной статьи было проведено социологическое исследование, цель которого заключалась в выявлении отношения респондентов к проблеме насилия в семье и изучении их мнения о причинах возникновения насилия. Объект исследования – студенты Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» (возраст респондентов от 17 до 19 лет), студенты Санкт-Петербургского института технологии и машиностроения, а также респонденты (женщины и мужчины в возрасте от 45 до 60 лет), проживающие в г. Санкт-Петербурге.

Предметом исследования являлось отношение опрошенных к проблеме насилия в семье. При проведении исследования были использованы методы опроса (интервью и анкетирование). Методом интервью было опрошено 10 респондентов, в анкетном опросе участвовали 50 респондентов.

При проведении интервью респондентам были заданы следующие вопросы:

1. Какие меры должно предпринимать государство для того, чтобы проблема насилия в семье сошла на «нет»?
2. Как, на ваш взгляд, должны поступать люди, которые подвергались насилию со стороны близких (дети, взрослые)? (обращение в правоохранительные органы; не выносить сор из избы; помощь психолога);
3. Где грань между насилием и воспитанием?

Отвечая на эти вопросы, респонденты утверждали, что роль государства в искоренении насилия в семье заключается в том, чтобы защищать права граждан (в том числе, малолетних и несовершеннолетних), способствовать повышению уровня образованности и уровня жизни граждан («Государство должно повышать уровень образования, т.к. в семье, где образованные родители это проблема просматривается меньше. Конечно, необходимо повышать уровень жизни, т.к. даже благополучная семья может нищенствовать...»). Респонденты также полагают, что государство может ввести в законодательство «штрафы на членов

семьи, которые проявляют насилие, сообщение на работу, на учёт в правоохранительные органы».

Реакция человека, подвергшегося насилию, на их взгляд, может быть разнообразной – «Всё зависит от возраста. Ребёнок может неадекватно оценить действия. Где-то резко можно поступить к ребёнку, потом он проанализирует поступки. Всё зависит от того, как он относится к родителям, есть ли у него авторитет в семье. Для взрослых всё зависит от степени насилия. Крайняя мера – обращение в правоохранительные органы...». Опрошенные нами респонденты полагают, что насилие наиболее актуально для неполных и неблагополучных семей («...там больше озлобленности. В благополучных семьях иногда бывает безграничная любовь к ребёнку...»). Гранью между воспитанием и насилием респонденты считают наличие или отсутствие унижения – «Если ребёнок не чувствует унижения, значит это воспитание!», «Воспитание знает меру и за дело, а насилие нет!», «Воспитание, как таковое, не должно содержать в себе насильственных методов – всё остальное: «ремень», оплеуха, подавление воли – уже насилие».

Результаты анкетного опроса показали, что насилием в семье большинство опрошенных считает только физическое насилие (67%), для 39% насилием является психологическое подавление и 52% насилием считают унижение. Более склонны к проявлению насилия, по мнению респондентов, мужчины (так считают 61%), хотя 21% участников опроса полагают, что женщина склонна к насилию в большей мере, чем мужчина. Неполные и неблагополучные семьи считают источником насилия большинство респондентов (82%). По мнению большинства участников опроса, человек, подвергшийся насилию, в первую очередь нуждается в помощи психолога (55%), а вот обращение в правоохранительные органы приветствуют только 5% респондентов и ещё 6% считают, что не следует «выносить сор из избы». На вопрос о том, почему человек мирится с насилием в семье респонденты отвечали по-разному. 58% полагают, что причина в нежелании разрушать семью, «боятся партнера» и «ради ребенка», считают – 67% и 39% соответственно, ещё 21% респондентов полагает по-старинке «бьёт, значит любит».

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что насилие в семье – проблема, актуальная для большинства опрошенных респондентов. Пути её решения участники опроса видят в повышении уровня материального благополучия, образованности и формировании психологической культуры общества и личности. В общественном сознании утверждается мысль о том, что общество в лице компетентных специалистов – социальных работников, психологов, педагогов, должно помогать жертвам насилия разобраться в кризисной ситуации и подоб-

рать наиболее рациональный путь выхода из неё. Очевидно, актуальной проблемой для нашего общества является создание кризисных центров помощи женщинам, подвергшимся изнасилованию или насилию в семье. Для предотвращения самого факта семейного насилия, полагают участники опроса, надо изменить менталитет человека, создать условия, при которых любое попрание прав, в том числе и членов семьи, недопустимо и осуждается обществом, а для этого необходимо выработать новаторские подходы к вопросам предупреждения и сдерживания насилия в семье.

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРКОЗАВИСИМОСТИ У ШКОЛЬНИКОВ

Д. А. Дериглазова, Л. В. Мерзлякова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е.С. Турутина, к. филос. н., доцент

Изменения социально-экономической и морально психологической ситуации в стране, открытость границ, расширение контактов с зарубежными странами привели к масштабным проблемам наркомании, касающимся значительной части современного российского общества, прежде всего, молодежи.

Первые отечественные научные исследования наркомании и наркотизма относятся к концу XIX в. Так, в 1885 г. по заказу губернатора Туркестанского края С. Моравицким было проведено исследование этого региона, в котором были подробно проанализированы способы употребления и виды наркотиков, способы выращивания, а также количество посадок и даже цены на них. В 1920-е годы продолжалось активное изучение наркомании и наркотизма (А.Рапопорт, М.Н.Гернет). Однако с 1930-х по 1960-е годы исследования этих проблем практически прекратились – с одной стороны, потеряв своей актуальности, с другой стороны, под влиянием идеологических запретов. Первое после долгого перерыва крупное эмпирическое социологическое исследование наркомании и наркотизма было проведено в Грузии в 1967–1972 гг. под руководством А.А.Габиани. С 1980-х годов основным центром социологических исследований наркомании и наркотизма становится Институт социологии АН СССР (сейчас – Институт социологии РАН). Но постепенно ситуация начинает меняться – проблема наркомании наконец-то признана актуальной. В 1986 г. в наркологических диспансерах появились врачи-наркологи. Стали проводиться многочисленные исследования этой проблемы. По заказу Международной ассоциации по борьбе с наркомафией и наркобизнесом научным коллективом Институ-

та социологии РАН в 1992 г. в 7 экономических зонах и в 12 городах России было проведено крупномасштабное исследование, показавшее следующее:

- в России существует стремительно нарастающая угроза наркотизации общества,

- увеличивается процент женщин, употребляющих наркотики;

- существует нелегальный рынок наркотиков [1].

О наркотиках, как школьной проблеме, в России начали всерьез говорить в начале 90-х годов прошлого века. Нужно уточнить, что тогда внимание учителей было сконцентрировано на токсикомании, достигшей к концу указанного десятилетия наибольшего размаха. Учителя впервые столкнулись с потребностью в информации, необходимой для распознавания состояния наркотического опьянения для адекватной реакции по отношению к ученику.

Факты сегодняшнего дня свидетельствуют о быстром увеличении среди подрастающего поколения числа алкоголиков, наркоманов, игроков. Исследования показывают, что нынешний возраст детей, попавших в плен зависимости, граничит порогом 10-11 лет. Одной из зависимостей, возникающих в подростковом возрасте, является наркотическая зависимость. Подростковый возраст, выступающий предметом многих исследований в отечественной и зарубежной науке, рассматривается как переходный период от детства к взрослости, характеризующийся несовпадением полового и социокультурного созревания. Такое поведение подростков свидетельствует о неблагополучии в развитии, достаточно сложном по своей структуре, что побуждает к поиску его внутренних закономерностей, механизмов, выявлению особенностей личностей [2].

В рамках школьной программы проблема наркомании изучается на уроках ОБЖ, но должного внимания ей не уделяется, так как поверхностно затронута только в разделе о здоровом образе жизни.

В настоящее время во всех российских школах вводят добровольное тестирование на наркотики. Вопрос тестирования школьников впервые был поднят в сентябре 2009 года президентом РФ Дмитрием Медведевым. Он поддержал идею обязательного тестирования школьников и студентов на наркозависимость.

В октябре 2011 г. Управление Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (УФСКН) по Томской области провело анкетирование, среди 4,5 тысячи школьников, в результате которого выяснилось, что 2,5 % из них имеют опыт потребления наркотических средств, при этом в среднем по России это показатель равен 1 % [3].

Для метода профилактики наркомании в школе необходимо проводить регулярную и систематическую антинаркотическую пропаганду, приобщать детей к труду, организовывать здоровый досуг, вовлекать

молодежь в общественно полезную деятельность, занятия спортом, искусством, туризмом, организовывать лекции специалистов, аккумулировать всю учебно-методическую информацию, необходимую педагогам для разных форм внеклассной работы (проведения классных часов и бесед на данную тему) с целью формирования устойчивости личности к разным формам социальной девиации, в том числе антинаркотической устойчивости.

В результате актуальности данной темы в настоящее время мы проводим социологическое исследование, проблема которого заключается в исследовании того, каким образом в томских школах проводится профилактика наркозависимости учителями, отсюда и цель данного исследования – выявление вовлеченности учителей в проблемы предупреждения и профилактики наркомании в школе.

На основании заявленной цели были поставлены следующие задачи:

- определить участие учителей в профилактике наркомании среди учащихся;

- понять, почему они занимаются или не занимаются профилактикой наркозависимости среди учащихся;

- выявить, в чем они видят причины наркозависимости;

- определить механизм профилактики наркомании учителями;

- определить сложности, встречающиеся на пути учителей, в предупреждении проблем наркомании;

- выявить отношение учителей, а так же учеников, к тестированию учащихся на предмет наркозависимости;

- по итогам исследования разработать некоторые рекомендации для учителей;

Объектом исследования стали учителя школ города Томска, а предметом – их отношение к наркомании и предпринимаемые ими меры предупреждения наркозависимости в школе. Основной гипотезой исследования была предложена следующая: участие учителей в предупреждении и профилактики наркомании минимально.

В настоящее время наше исследование находится на этапе социологического опроса методом анкетирования. Предполагаемая выборка – 60 учителей школ города Томска. С результатами исследования можно будет познакомиться в следующих наших публикациях.

В заключении можно сказать, что проблема наркомании настолько сложна, что решить ее на уровне только пропаганды невозможно, здесь необходимы и более сильные меры, которые можно реализовать на государственном уровне. То есть необходимо широкое вмешательство власти к этой проблеме, которой и надлежит приобщить и вовлечь школу в ее решение.

1. Позднякова М.Е. Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы / ИСИ РАН. – М., 1999. – 88 с.
2. Мазненко Г. Юные наркоманы Томской области впереди России всей (совет). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uchfilm.com/index.php/news/archive/1470-article-1442>.
3. С.А. Караганова, И.Е. Малашенко и А.В. Федорова Наркомания в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chhz73.com/board/net_narkotikam/narkomanija_v_rossii/1-1-0-6.

ФЕНОМЕН САМОУБИЙСТВА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Захарцев

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: О.В. Герасимова, ст. преподаватель

Самоубийство – это исторически универсальный феномен. Самоубийства присущи всем временам и эпохам – от древности и до наших дней. Упоминание о фактах самоубийств можно найти в источниках по истории Древнего Китая, античной Греции и Рима. Так, в ветхозаветной части Библии сообщается о самоубийстве царя Саула. Добровольный уход из жизни давно вызывает научный интерес философов, культурологов, психологов, психиатров и социологов. Уже в XIX в России на эту проблему обратили внимание такие ученые как А. Лихачев. В 1882 году в Санкт-Петербурге вышла его книга «Самоубийство в Западной Европе и Европейской России. Опыт сравнительно-статистического исследования». Ученый сделал вывод, что существует 8 классов мотивов самоубийств.

1 класс. Душевные болезни. Умопомешательство, слабоумие, идиотизм.

2 класс. Пьянство.

3 класс. Материальные невзгоды, неудачи. Бедность, страх перед бедностью, денежные затруднения, расстройство дел, долги, проигрыш в карты.

4 класс. Утомление жизнью (жизнь в тягость). Тоска по родине.

5 класс. Горе и обиды. Домашние неприятности, потеря близких, разлука.

6 класс. Физические страдания.

7 класс. Стыд и страх наказания. Развратная жизнь, приводящая к угрызению совести и недовольству собой.

8 класс. Ревность, несчастная любовь, беременность вне брака.

Известным русским ученым В. Бехтеревым был написан труд «О причинах самоубийства и возможной борьбе с ними», выпущенном в Санкт-Петербурге в 1912 году, где он рассмотрел условия, способствующие суициду:

- Быстрое изменение привычных условий жизни в худшую сторону.
- Большая эмиграция из села в город.
- Алкоголизм.
- Разочарование в обществе.
- Доступность орудий суицида.
- Наследственность.
- Душевная болезнь.
- Потери близких.

Разногласия во взглядах и потребностях в семье между супругами, старшими и младшими членами семьи.

С точки зрения учёного, существуют внешние начальные поводы (причины, ускоряющие решение о трагическом акте) к самоубийству: неудовлетворенность жизненными условиями, дурное обращение общества, личные столкновения, компрометация чести, физические недостатки из-за несчастных случаев, неудачная любовь, страх перед неизлечимой болезнью. При этом последней стадией является угнетенное состояние души, вызванное вышеуказанными поводами и влекущее за собою появление мрачной мысли о самоубийстве [1].

Классической социологической работой по данному вопросу является трактат Э.Дюркгейма «Самоубийство», вышедший в 1897 году, в которой автор рассматривает самоубийство как социальный феномен, определяемый степенью социальной сплоченности в обществе. Он давал такое определение этому явлению: «Самоубийством называется каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах» [2]. Таким образом, самоубийство – это всегда рациональный, рассудочный акт.

Дюркгейм отвергал, что причиной самоубийств служат индивидуальные психологические мотивы, и в качестве объясняющих факторов признавал только социальные причины: «Самоубийство зависит главным образом не от внутренних свойств индивида, а от внешних причин, управляющих людьми» [2]. При помощи статистических данных Дюркгейм доказывает, что не существует ни одного психопатического состояния, которое имело бы постоянную связь с самоубийствами. Он опровергает мнение, связывающее самоубийства с психическими

расстройствами. Проанализировав ряд эмпирических закономерностей, а именно: процент самоубийств выше летом, чем зимой, мужчины чаще становятся самоубийцами, чем женщины, старые чаще, чем молодые, солдаты чаще, чем гражданское население, протестанты чаще, чем католики, одинокие, вдовы и разведенные чаще, чем семейные, горожане чаще, чем жители сел, Дюркгейм последовательно доказывает, что все эти закономерности объясняются социальными причинами. Например, более высокий процент самоубийств летом, чем зимой, объясняется, казалось бы, несоциальным фактором – более продолжительной долгой дня, однако этот фактор косвенно можно назвать социальным, так как наибольшая интенсивность социальной жизни происходит в наиболее длинные дни года. Аналогично социолог рассматривает и другие факторы самоубийств – генетические, расовые, климатические и прочие. Отмечая их несостоятельность, он подчеркивает, что они могут лишь косвенно влиять на процент самоубийств.

Анализируя причины самоубийств, Дюркгейм предложил собственную типологию, выделяя три типа самоубийств: эгоистическое, альтруистическое и аномическое самоубийства. Эгоистическое самоубийство связано с отчуждением индивида от общества, социальных групп, вследствие чего социум перестает регулировать поведение человека, влиять на него: «Если разрываются узы, связывающие человека с жизнью, то это происходит потому, что ослабляется его связь с обществом» [2]. Разрыв социальных связей, отсутствие поддержки со стороны группы, утрата контроля с ее стороны за поведением индивида, состояние разобщенности – все это является причинами эгоистического самоубийства. Эгоизм и связанный с ним крайний индивидуализм изолируют человека от общества. Но истинными причинами самоубийства являются не они, «больное общество», «коллективное бесчувствие», что и порождает индивидуализм. По мнению Дюркгейма, такой вид самоубийства распространен среди интеллигенции.

Противоположным типом эгоистическому является альтруистическое самоубийство, когда к самоубийству ведет не крайний индивидуализм, а недостаточно развитая индивидуальность: «Когда человек отделился от общества, то в нем легко зарождается мысль покончить с собою; то же самое происходит и в том случае, когда общественность вполне и без остатка поглощает его индивидуальность» [2].

Аномическое самоубийство характерно для быстрых общественных перемен, периодов экономических кризисов, когда рушатся прежние нормы, ценности и идеалы, а новые еще не успели сформироваться. Состояние общества характеризуется аномией (отсутствием ценностно-нормативной системы). Аномия порождает моральную неустойчивость индивидов, сопровождающуюся неспособностью людей адаптироваться

к динамичным социальным изменениям, неустойчивостью социального положения индивидов, общественной и духовной дезорганизацией общества.

Современное определение самоубийства созвучно определению Э.Дюркгейма. Самоубийство – умышленное и осознанное лишение себя жизни [3]. Несмотря на широкое изучение этого явления, число самоубийств в мире не сокращается, по-прежнему входя в десятку основных причин смерти. Для России число ежегодно совершающихся самоубийств около 60 тысяч, из них 1,5 тысяч – подростки и молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет. Однако в статистику не попадают неудавшиеся попытки, парасуицид, среди подростков России их не менее 4 тысяч в год, однако трудно оценить реальный цифры, многие специалисты считают их явно заниженными.

В феврале 2012 года вспыхнула очередная волна подростковых самоубийств в России. Черный список открыл, повесившийся 13-летний ученик седьмого класса Айсхан Слепцов из Якутии. 5 февраля в селе Тамбовке Амурской области повесился семиклассник. 7 февраля в городе Лобне Московской области две школьницы – 14-летние Лиза Пецыля и Настя Королева – прыгнули с крыши 14-этажного жилого дома. 8 февраля аналогичным способом свел счеты с жизнью московский школьник. 9 февраля в Красноярске 12-летний школьник повесился без видимых причин. 11 февраля 15-летняя московская школьница Диана Сивакова выбросилась с 23-го этажа высотного дома. 13 февраля повесился 18-летний подросток из села Чердаты Зырянского района Томской области. Итак, 9 случаев самоубийств за 2 недели [4].

А как же относятся к проблеме добровольного ухода из жизни сами молодые люди? Этот вопрос стал основным в проведенном нами социологическом исследовании на тему «Отношение томских студентов к проблеме суицида (на примере студентов ТГПУ)». Для достижения поставленной цели было сформулировано несколько задач:

- Выявить, по мнению респондентов: причины, наиболее часто приводящие к суициду, типичный возраст и пол людей, склонных к суициду.
- Выявить отношение к самоубийцам.
- Выявить личный опыт.
- Выявить, какие методы, по мнению опрошенных, помогут сократить количество самоубийств.

Данное исследование проводилось методом группового раздаточного анкетирования. Было опрошено 62 человека, 1-5 курсы, в анкетировании участвовали: ФЭУ, ФФКиС, БХФ, ФКИ, ФПСОР. В исследовании был применен метод гнездовой выборки, т.е. когда в качестве единиц исследования отбираются не отдельные респонденты, а целые группы

или коллективы. Гнездовая выборка дает научно обоснованную социологическую информацию, если группы максимально схожи по важнейшим признакам, например, полу, возрасту, видам обучения и т.п.

Анализ результатов анкетирования показал, что проблема подросткового суицида актуальна. У 27,5 % респондентов возникала мысль о самоубийстве, применительно к себе. Основными причинами подростковых суицидов, как посчитали опрошенные нами студенты, являются: неудачи в личной жизни, любви; стремление избежать безвыходной ситуации (пожизненное заключение, насильственный брак и т.п.); конфликты с родителями, друзьями. 48,4 % респондентов считают, что самоубийца – это слабый человек, не способный решать свои проблемы другими способами, 46,7 %, что самоубийца – это психически неполноценный человек и лишь около 5 %, что самоубийца – это мужественный человек, т.к. не каждый способен на такой шаг.

На вопрос, какая помощь может сократить число самоубийств, респонденты ответили: тренинги по профилактике суицида; внимание; правильное воспитание; внушение; выявление психически неполноценных людей до самоубийства; занятость; запрет на посещение сомнительных интернет-сайтов; любовь и поддержка близких.

Вопрос о причинах самоубийств сводится к вопросу о степени социальной интеграции индивида и факторах, разрушающих или поддерживающих эту интеграцию человека в человеческое сообщество. Высокий уровень самоубийств в обществе – это следствие слабой интеграции общества. «Число самоубийств, обратно пропорционально степени интеграции тех социальных групп, в которые входит индивид» [2]. Семья, дети, сельская жизнь – вот те социально интегрирующие факторы, которые предохраняют индивида от чувства социальной изоляции, следовательно, и от возможности самоубийства. Таким образом, нужно увеличивать социальную интеграцию в современном обществе.

«Мы предохранены от самоубийства лишь в той мере, в какой мы социализированы» – Э. Дюркгейм [2].

Литература

1. Сиярбаев А. Черный феномен рядом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filosfak.ru/biblio/сиярбаев-а-черный-феномен-рядом/>
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Durkgeim/index.php
3. Волна детских самоубийств в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gazeta.babr.ru/?IDE=102666>
4. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии, 2-е изд., 2012г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/978>

ОСОБЕННОСТИ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ПРОЦЕССЕ ВЗРОСЛЕНИЯ

Я. А. Козицына, Е. С. Овчинникова

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е. С. Турутина, к. филос. н., доцент

В современном мире проблеме воспитания молодежи уделяется достаточно большое значение: это обусловлено тем, что молодежь – это та категория людей, от которой зависит, насколько здоровым и благополучным будет будущее нашей страны. Однако сложно представить успешного современного человека, который абсолютно не заботится о своем здоровье, в частности о здоровье репродуктивной системы организма.

Секс принадлежит к числу основных биологических потребностей, обуславливающих существование рода. Это также основная психическая потребность, тесно связанная с потребностями любви, брачных уз, безопасности, чувства собственной ценности. Он также является одним из важнейших механизмов общественной жизни: секс способствует формированию сексуального поведения отдельного человека, которое, в свою очередь формирует сексуальную культуру того или иного общества. Но в настоящее время многочисленные исследования показывают, что с началом XX в. позиции традиционно ориентированных людей, считающих главной целью сексуальной активности – продолжение рода и выражение своей любви, сменяют позиции тех, кто ориентирован исключительно на удовольствие, приветствует беспорядочные интимные отношения и свободу в сексуальном выборе.

На данный момент наблюдается огромное разнообразие и индивидуализация форм сексуального поведения, падение нравственных устоев в вопросах о сексе. Сексуальные отношения становятся все более свободными, открытыми, не несущими за собой никакой ответственности. На сегодняшний же день проблема отсутствия эволюции в вопросе сексуального восприятия молодежи встала особенно остро среди социологов и сексологов нашей страны.

Это проблема активно изучалась разными исследователями, например, сотрудник Центра по изучению проблем народонаселения Михаил Денисенко и научный сотрудник римского университета "Ла Сапиенца" Жан-Пьеро Далла Зуанна проводили довольно обширное исследование, состоящее из 72 вопросов, которые включили в себя следующие блоки: социальные и демографические характеристики участников опроса и их родителей; религиозность; установки о числе детей в семье, возрасте

вступления в брак; мнения о различных формах сексуальных отношений; уровень знаний по эпидемиологии СПИДа; возраст и обстоятельства первого сексуального контакта; сексуальные партнеры в прошлом; половая жизнь и контрацепция в настоящем; беременность и аборты.

По итогам исследования стало ясно, что в целом многие характеристики сексуального поведения российских студентов и молодых людей из других стран практически не отличаются друг от друга. Хотя можно выделить ряд особенностей, например, заметную разницу в возрасте начала половой жизни у юношей и девушек, значительную разницу в возрасте между девушками и их первыми половыми партнерами.

Более узкую тему затронула Татьяна Якушева, студентка социологического факультета МГУ, проведя исследование "Россиянки и шведки: стратегии сексуального поведения". Сравнительный анализ показал различия и сходства в отношении к сексу, абортам и контрацепции у женщин этих стран.

Для анализа исследователи под руководством доктора Алеты Иветты Акерс из университета Питтсбурга, США, использовали данные государственного опроса. Девушек спрашивали об их сексуальном поведении, весе и росте, о том, как они оценивали свой вес. Около половины девушек признались, что вели половую жизнь, и их вес никак на это не влиял. Однако девушки, которые считали себя толстыми, на 20 % реже утвердительно отвечали на вопрос о наличии сексуального опыта.

Интересные результаты получили ученые из США, которые опросили около 7200 школьниц тинэйджеров и выяснили, что сексуально активные девушки, вес которых был ниже нормы, реже пользовались презервативами во время половых актов. То же касалось девушек, которые считали себя толстыми, независимо от того, было это так или нет. Ученые опубликовали результаты работы, которые подтвердили имеющиеся данные о связи веса девушек с рискованным сексуальным поведением. Пока специалистам не до конца понятно, почему это происходит.

Центр Мониторинга вредных привычек среди подростков Минздрава России также проводил опрос молодежи, а именно опрос среди подростков-учащихся ПУ. Были рассмотрены вопросы информированности по вопросам половой жизни, вопросы начала полового опыта, разницы возраста половых партнеров, осведомленности по безопасности секса.

И, пожалуй, самым масштабным исследованием секса и сексуальной культуры можно назвать исследования под руководством профессора Кайи Веллингс из Лондонской школы гигиены и тропической медицины.

Результаты исследования, проведенного учеными из Великобритании в 59 странах мира, опровергают ряд традиционных предубеждений

относительно сексуального поведения современного человека. Согласно полученным данным, возраст начала половой жизни за последние годы в целом не изменился, наиболее интенсивной половой жизнью живут люди, состоящие в браке, а прямой связи между уровнем распространения венерических заболеваний в регионе и склонностью населения к промискуитету нет.

Противоречие заключается в том, что, несмотря на такую необходимость присутствия секса в жизни людей и его несомненную значимость, зафиксирована большая доля халатности в этом вопросе у молодежи всех возрастов. Такая проблема замечена не только среди представителей юношеского возраста, но и, как это ни странно, среди молодежи уже более старшего возраста – 25-30 лет, в котором осознание вопроса сексуального поведения должно стоять уже более серьезно и быть нацелено на создание семьи.

Нам было интересным выяснить, каковы же отношение томской молодежи к вопросам сексуальной жизни? Целью исследования стало определение особенностей сексуального поведения молодежи в возрасте от 16 до 30 лет. Данная возрастная категория выбрана с учетом пиков сексуального поведения человека:

16 лет – начало познания сексуальной культуры и возникновение сексуального интереса;

20 лет – начальные стадии сексуальной жизни, ознакомление человека со всеми аспектами секса, заложение «фундамента» сексуального опыта;

25 лет – наличие определенного количества сексуальных связей и опыта, более четко сформулированное понимание сексуальной культуры, наличие уже устоявшейся манеры сексуального поведения;

30 лет – наличие уже конкретных целей вступления в сексуальные отношения, ориентация на создание семьи и рождение детей.

Из цели вытекают задачи исследования:

- Определить особенности сексуального поведения молодежи в возрасте от 16 до 30 лет;
- Выявить мотивы вступления в интимные отношения у молодежи в возрасте от 16 до 30 лет;
- Выявить отношение молодежи в возрасте от 16 до 30 лет к рождению детей, их количеству в семье и абортам;
- Определить осведомленность молодежи в возрасте от 16 до 30 лет о существующих видах контрацепции;
- Выяснить отношение молодежи в возрасте от 16 до 30 лет к сексуальной девиации;
- Определить отношение молодежи в возрасте от 16 до 30 лет к разным формам половой жизни;

- Выяснить отношение молодежи в возрасте от 16 до 30 лет к разным формам сексуальной ориентации;
- Определить гендерные аспекты особенностей сексуального поведения молодежи в возрасте от 16 до 30 лет;
- Определить возраст сексуального дебюта у молодежи в возрасте от 16 до 30 лет;
- Выявить уровень сексуальной культуры (ценности, идеалы) молодежи в возрасте от 16 до 30 лет;
- Выяснить какими путями, с помощью каких источников молодежь в возрасте от 16 до 30 лет получает информацию о сексе и сексуальной культуре в целом;
- Узнать, необходима ли вообще информация о сексуальной культуре для молодежи в возрасте от 16 до 30 лет, и определить предпочтительные каналы получения данной информации.

Таким образом, объектом исследования является молодежь в возрасте от 16 до 30 лет разного социального положения, проживающая в городе Томске. Предметом исследования – особенности сексуального поведения молодежи 16-30 лет.

В ходе подготовки исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Уровень ответственности за сексуальное поведение молодежи от 25 до 30 лет значительно выше, чем у молодежи от 16 до 23 лет;
2. Молодежь в возрасте от 24 до 30 лет более серьезно относится к вопросам секса, сексуального поведения, контрацепции, рождении и планировании детей и абортам, чем молодежь 16- 23 лет;
3. Сексуальное поведение и культура молодежи от 16 до 30 лет сильно зависит от возраста и гендерных особенностей;
4. Молодежь достаточно осведомлена о сексе и сексуальной культуре в целом;

Данное исследование предусматривает несколько ключевых понятий:

Секс – взаимоотношение полов, основанное на инстинкте продолжения рода, но выходящее далеко за пределы удовлетворения этой потребности. В узком смысле – совокупность психических и физиологических реакций человека, переживаний и поступков, связанных со стремлением проявить и удовлетворить половое влечение.

Сексуальное поведение – формы взаимодействия индивидов, особей, мотивированные половой потребностью.

Сексуальность человека – совокупность биологических, психофизиологических, душевных и эмоциональных реакций, переживаний и поступков человека, связанных с проявлением и удовлетворением полового влечения.

Контрацепция – предупреждение беременности механическими, химическими и др. противозачаточными средствами и способами (некоторые методы помогают значительно снизить вероятность заражения ВИЧ и другими венерическими заболеваниями).

Аборт – искусственное прерывание клинической беременности на сроках до 20 полных недель гестации или, при неизвестном гестационном сроке, при весе плода до 400 г.

Сексуальные девиации – различные формы отклонений от сексуальной нормы, характерной для данных культурно-исторических условий.

Сексуальная ориентация – компонент сексуальности, определяемый как более или менее постоянное эмоциональное, романтическое, сексуальное или эротическое (чувственное) влечение индивида к другим индивидам определённого пола.

Девственность – состояние организма до момента первого сексуального контакта.

Исследование предполагает квотную выборку – метод нестатистического формирования выборки, в основе которого лежит статистическая информация о генеральной совокупности. Квотная выборка является частным случаем выборки стратифицированной: генеральная совокупность разделяется на части по некоторым “контролируемым” показателям, объем выборки делится между выделенными частями пропорционально их объему – образуются квоты.

В данном случае выборка составляет: 30 девушек и 30 молодых людей в каждой выделенной нами возрастной группе. Всего в исследовании примут участие 240 респондентов в возрасте от 16 до 30 лет.

Данное исследование проводится с помощью анкетного пороса.

В заключении отметим, что в настоящее время исследование находится в стадии проведения, с его конечными результатами можно ознакомиться в следующих наших публикациях. А пока добавим, что тема этого исследования достаточно актуальна. Косвенная его цель состоит еще и в том, чтобы привлечь внимание молодежи г. Томска к этой проблеме. Ведь именно от того, как современная молодежь относится к важным аспектам сексуальной жизни и насколько заботится о своем репродуктивном здоровье, зависит здоровье будущих поколений – физическое, психическое, социальное, духовное, а также сексуальное и репродуктивное.

Литература

1. Паначев В. Д. Исследования факторов здорового образа жизни студентов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-11/panachev.pdf>.

2. Зинурова Р. И. Особенности репродуктивного поведения в российских регионах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-3/zinurova.pdf>.
3. Ивахенко Г. А. Здоровье московских студентов: анализ самосохранительного поведения: журнал. М. : Институт социологии РАН, 2010. 78 с.
4. Денисенко М. Б., Далла Зу Нна Ж.-П. Сексуальное поведение российской молодежи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/02-2001/013Denisenko.pdf>.
5. Журавлева И. В. Самосохранительное поведение подростков и заболевание, передающиеся половым путем. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/05-2000/Zhuravleva.pdf>.

ОТНОШЕНИЕ ДЕВУШЕК-СТУДентОК К ЖЕНСКОМУ КУРЕНИЮ

Э. М. Козлова, С. Г. Форманчук

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е.С. Турутина, к.ф.н., доцент

Курение является социальной проблемой общества как для его курящей, так и для некурящей части. Для первой – проблемой является бросить курить, для второй – избежать влияния курящего общества и не перенять их привычку, а также – сохранить своё здоровье от продуктов курения, поскольку вещества, входящие в выдыхаемый курильщиками дым, не на много безопаснее того, если бы человек сам курил и принимал в себя никотин и многое другое, входящее в зажжённую сигарету.

Актуальность темы исследования заключается в том, что курением охвачено очень большое количество людей, очень остро стоит вопрос курящих. Решение этой проблемы – сложнейшая задача, стоящая перед государством и обществом.

Проводилось большое количество исследований, связанных с этой проблематикой: «Изучение подверженности молодёжи к вредным привычкам на примере студентов ДонНТУ» (2008 г.), «Влияние родителей на отношение подростков к курению (родительский фактор)» (2000 г.), «Проблема подросткового курения в России» (2000 г.), «Вредные привычки среди молодежи» (2002 г.), «Курение – главный враг здоровья» (2001 г.) и многие другие.

Курение подростков широко исследовано, но мало исследован вопрос отношения девушек–студенток к женскому курению. В связи с этим, мы задались желанием провести социологическое исследование, цель которого – выявить отношение девушек–студенток к женскому курению. Эту проблему актуально исследовать потому что, курение оказывает влияние на репродуктивное здоровье девушек, на здоровье их потенциальных детей, а значит и будущих поколений.

В соответствии с целью нами были поставлены следующие задачи:

1. Из числа респондентов выявить процент курящих девушек;
2. Определить причины, способствующие возникновению курения у девушек–студенток;
3. Выявить у девушек осознание того, к каким последствиям приводит курение;
4. Выяснить, связывают ли девушки факт курения с репродуктивным здоровьем;
5. Выявить желание бросить курить;
6. Выяснить отношение близкого окружения к курящим женщинам.

Объектом исследования выступили студентки Томского государственного педагогического университета, а предметом – отношение девушек–студенток ТГПУ к женскому курению. Гипотеза исследования: предполагается, что отношение курящих студенток к курению является положительным, а некурящих – отрицательным.

В исследовании используется метод случайной выборки, опрошено 60 человек. Выборка не репрезентативная. Методом исследования было выбрано анкетирование. В настоящее время проведение исследования еще не закончено, его результаты будут представлены в следующей публикации.

ТРЕБОВАНИЯ ОБЩЕГРАЖДАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ «ЗА ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ» В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СПЕКТРА (ДЕКАБРЬ 2011 Г.)

Е. В. Ковалева, В. В. Макеев

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: И.Е. Рудковская, к.и.н., доц.

Двадцатый век был веком широкого размаха общественных движений разнообразных по своей форме и сущности. Новое тысячелетие переняло эту тенденцию, в новых исторических условиях породив целую плеяду таких движений. В декабре 2011 года на политической арене России появляется общественное движение «За честные выборы», протестующее против фальсификации итогов выборов в ГД РФ 4 декабря 2011г. Политически конфликт получает новый импульс с появлением в СМИ заявлений представителей российской политической элиты по поводу требований движения «За честные выборы». Актуальность настоящей исследовательской проблемы заключается в необходимости на-

учного подхода к изучению общественно-политической динамики современной России, через общероссийские политические конфликты.

Целью настоящей статьи является анализ оценки требований движения «За честные выборы» представителями российского политического спектра.

В настоящем исследовании использована следующая терминология: политическая система общества как сложная совокупность институциональных структур государства и общества, форм взаимодействия между ними, направленных на осуществление политической власти, управления, руководства, регулирования общественно-политических процессов [1].

Российскую партийную систему в декабре 2011г. можно охарактеризовать как *систему с партией-гегемоном* (допускающей наличие других партий, но сохраняющей монополию на принятие властных решений), по классификации Д. Сартори. Естественно, монополия часто оборачивается на деле различного рода манипулятивными действиями на местах.

Гражданское общество – это сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций, независимая от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти. Согласно классической схеме Д. Истона, гражданское общество выступает как фильтр требований, поддержка выступает как реакция на принятое решение власти. От гражданского общества, по концепции Истона, исходят импульсы-требования, именно они играют главную роль между государством и гражданским обществом, что делает последнее мощной силой на политической арене [2, с. 9]. Импульсы-требования, не воспринимающиеся должным образом властью затормаживают процессы обратной связи и ведут к политическим конфликтам, иногда острым и затяжным. Исходя из этих определений, можно заключить, что специфика российской политической системы обусловлена еще не сформированным устойчивым гражданским обществом, что в немалой степени является причиной политического конфликта. Здесь появляется важная для нашей работы категория: потенциально активный гражданин.

Этот феномен «возрождается» уже в сентябре-декабре 2011 года, с одной стороны, 24 сентября, когда на съезде Единой России была произведена своеобразная политическая рокировка, с другой – фальсификациями результатов выборов в ГД РФ 4 декабря 2011г., обнаруженными на следующий день. Протестная динамика не появилась за одну ночь обработки голосов, а формировалась в течение долгого времени, приобретая отчетливые черты к декабрю 2011 г. В рамках концепции политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы [3, с. 104-105] тип российской

культуры можно определить как *подданнический*, но при этом, в процессе развития движения «За честные выборы» активизируется сегмент культуры участия; она характерна для демократических обществ с развитыми механизмами влияния граждан на процесс принятия политических решений, на политическую повестку дня. Занятый повседневными проблемами «*потенциально активный гражданин*» позволяет политической элите осуществлять свою миссию без его вмешательства до тех пор, пока элита не совершает серьёзных просчетов, нарушающих его права, противоречащих его значимым интересам.

Исходя из вышесказанного, общественное движение «За честные выборы» не является продуктом какого-либо политического деятеля или организации, но выступает объективным и закономерным явлением российской политической действительности, определяемой ролью правящей партии в качестве гегемона. Таким образом, движение по форме и характеру является *гражданским*, собирающим в своих рядах граждан РФ; *общероссийским*, захватившим преимущественно городские слои населения РФ; *конституционно-демократическим*, как осуществляющим свою протестную деятельность в рамках конституции РФ, но и отстаивающие конституционные нормы, призванные обеспечивать права граждан.

Стоит особо отметить *общегражданский* характер движения, проявляющийся в представительстве различных партий, движений, сообществ, а также не участвующих активно в политике граждан. Характер движения, очевидно, обусловлен негативной реакцией на политические просчеты правящей партии, и поэтому для него естественны перечисленные выше факторы. Таким образом, движение является гражданским по форме и реализации своих требований, общегражданским по сущности, социальной и политической базе.

Свою роль сыграли СМИ. Здесь и тенденция с обеих сторон к завышению/занижению численности своих сторонников, и активная пропагандистская роль, представление позиций руководства России. Хочется отметить, что утрачивая функцию медиумов реальной коммуникации между различными социальными группами общества, они взамен приобретают функцию социального конструирования мифологической реальности, которая носит чисто виртуальный характер [4, с. 382]. То есть сама объективная реальность политического конфликта зачастую создается под влиянием конъюнктуры, а СМИ являются средством борьбы с протестным движением. Негативный образ врага увенчивает мифологию противостояния [4, с. 383].

Первым свою оценку обозначил президент РФ Д. Медведев₂ на своей странице в социальной сети Twitter: «По Конституции граждане России имеют свободу слова и свободу собраний. Люди имеют право вы-

сказывать свою позицию, что они вчера и сделали. Хорошо, что все прошло в рамках закона. Я не согласен ни с лозунгами, ни с заявлениями, прозвучавшими на митингах» [5].

В сущности, Д. Медведев не поддержал требования движения. Эта оценка, обозначает позицию своеобразного нейтралитета, исходящую из политического положения Д. Медведева как президента РФ, несогласие с требованиями митингующих можно расценивать как неприятие критики не только непосредственно результатов голосования, выборной кампании, но и российской политической системы в целом.

15 декабря 2011г. оценку протестным акциям дал председатель правительства РФ В.В. Путин на канале Россия 24 в передаче «Разговор с Владимиром Путиным»: «То, что люди высказывают свою точку зрения по поводу процессов, происходящих в стране – и в сфере экономики, и в социальной сфере, и в политической – абсолютно нормальные вещи. До тех пор, пока все действует в рамках закона, безусловно. Я рассчитываю на то, что так оно и будет. Я действительно видел на экранах телевизоров людей, молодых – в основном, молодые люди, активные, со своей позицией, которые ясно и четко формулируют. Меня это радует. И если это результат "путинского режима", то это хорошо. Ничего здесь такого я не вижу, за пределами. Повторяю еще раз, главное, чтобы все действующие лица и все политические силы оставались в рамках закона» [6]. Премьер не поддержал требования, была попытка оценить движение как результат деятельности его правительства. Он также высказал мнение о возможной оплате за участие в акции, которое, в свою очередь, вызвало протесты среди представителей оппозиционного движения. Оценка нельзя признать развернутой, так как она не имеет отношения к сути требований движения. Постепенно во властных кругах формируется определенная позиция по отношению к движению.

В.Ю. Сурков, в первой половине декабря 2011г. первый зам. главы администрации президента, в интервью «Известиям», так обозначил свою позицию по отношению к движению «За честные выборы»: «Лучшая часть нашего общества, или вернее, наиболее продуктивная его часть требует уважения к себе. Люди говорят – мы есть, мы имеем значение, мы народ. Нельзя высокомерно отмахиваться от их мнения. И очень правильно, что это мнение учтено, что есть благожелательная реакция власти... Уступить разумным требованиям активной части общества – не вынужденный маневр власти, а ее обязанность и конституционный долг» [7]. Данное мнение официального представителя власти является по существу самым положительным и оптимистичным. Можно предположить, что данную оценку могут разделять и другие представители правящей элиты. Требования признаются закономерными и объективными, право на них закрепляется за гражданами РФ. Оценка Суркова

ценна, так как он является неформальным идеологом существующей власти, автором концепции «суверенной демократии».

Подводя итог и обобщая различные оценки представителей официальных кругов Кремля, можно сделать вывод, что данные оценки носят сдержанный и осторожный характер, сами требования, за исключением В. Суркова, игнорируются или признаются чисто формально, подчеркивается конституционный аспект и правовая составляющая. Но при этом основную роль представители власти отводят именно не относящим себя к какому бы ни было движению гражданам, не характеризуя действия лидеров оппозиции.

Для более объективной оценки, следует так же привести мнения лидеров системной парламентской оппозиции (КПРФ, ЛДПР, СР). Первыми свое мнение по поводу событий 10 декабря высказали лидеры КПРФ и ЛДПР. Г. Зюганов, председатель КПРФ, назвал при встрече с президентом РФ Д. Медведевым акцию на Болотной площади 10 декабря 2011 года «оранжевой проказой, пышный цвет которой уже проявился» [8]. Оценка Г. Зюгановым требований протестного движения носит радикальный характер вследствие спонтанной специфики уличного протеста и по преимуществу либеральных представителей в рядах организаторов акций. Важно отметить, что Зюганов на первом этапе протестного движения относит оппозиционные митинги к появлению тенденции цветных революций, которая отчетливо обозначилась в первом десятилетии XXI века на территории постсоветского пространства.

Лидер партии ЛДПР, В. Жириновский, высказывает схожую точку зрения: «Сейчас мы наблюдаем откровенные попытки организовать "оранжевую революцию" уже в нашей стране. Собственно говоря, революция уже началась 10 декабря 2011 года на Болотной площади» [9]. Подобное мнение, возможно, существует в следствие того, что акции протеста не имеют в сущности строго оформленного центра управления в виде единой политической организации, и представители думской оппозиции не имеют непосредственных рычагов управления. Жириновский в пространстве протестного движения «За честные выборы» занимает отдельную позицию и дистанцирует свою партию от главных митингов, проводя собственные акции. Интересен тот факт, что представители вышеназванных партий выступили за более прозрачное проведение выборов, а выборы в ГД РФ 2011 были признаны ими как имевшие массу нарушений.

Председатель партии «СР» С. Миронов, оценивает движение следующим образом: «Отношусь с пониманием и считаю, что люди, возмущенные тем, как во многих регионах и на многих конкретных участках были оформлены итоги голосования, как прошел подсчет голосов, люди возмущены, и причина для возмущения есть» [10]. Его оценка

проведенной акции наиболее позитивна по сравнению с другими представителями парламентской оппозиции, требования движения он поддерживает, следует отметить, что Миронов разделяет настроения вышедших на митинг людей, согласен с протестующими в том, что имели место массовые фальсификации, таким образом, его оценку можно назвать в том числе умеренной. Интересен тот факт, что представители партии «СР» на второй части VI съезда 10 декабря в знак солидарности с протестующими пришла с символами протеста – белыми лентами.

Оценки лидеров парламентской оппозиции являются для нас не менее важными, чем позиции двух противоборствующих групп (официальной власти и несистемной оппозиции), во-первых, так как парламентская оппозиция в сущности является некой серединой между двумя политическими векторами резко обозначившимися к концу 2011г.; во-вторых, так или иначе думские фракции являют собой политический слой, характерный возможностью влиять на политическую систему из парламента, которым является ГД РФ, исходя из этого можно сделать вывод, что в дискурсе схемы Истона можно говорить о неготовности носителей властных полномочий (в том числе среди ряда представителей думских партий) трансформировать требования движения во властные решения, неоднозначность политической ситуации и невозможность быстро сориентироваться в меняющейся протестной обстановке. Впоследствии думские партии своеобразно поддержали протестное движение.

Исходя из анализа оценки требований движения «За честные выборы» представителями российского политического спектра, можно говорить о том, что неготовность сделать выводы из создавшегося политического конфликта и разобраться с фальсификациями повлекло неготовность признать справедливость подобных требований.

Литература

1. Политическая система общества. Политология. Словарь. [Электронный ресурс]: Академик: Словари и энциклопедии на Академике. 2000-2010. URL : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/161/Политическая> (дата обращения: 25.04.2012).
2. Краснов Б.И. Политическая система//Социально-политический журнал. 1995. № 5.
3. Голосов Г.В. Сравнительная политология: Учебник. 3 изд. перераб. и доп. Изд. Европ. Ун-та в С. Петербурге, 2001. 368 с.
4. Международный опыт исследования мира: Учебное пособие / Под ред. И.Е. Рудковской. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. 411 с.
5. Медведев дал оценку митингам на Болотной. [Электронный ресурс]: РИА НОВОСТИ. 2006. URL : <http://ria.ru/politics/20111211/513830097.html> (дата обращения: 25.04.2012).

6. Стенограмма программы "Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение". [Электронный ресурс]: Российская газета. 1998-2012. URL : <http://www.rg.ru/2011/12/15/stenogramma.html> (дата обращения: 25.04.2012).
7. Сурков о митингах: лучшая часть нашего общества требует уважения, власть обязана уступить. [Электронный ресурс]: Газета. Ru. 1999-2012. URL : http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/12/22/n_2144546.shtml (дата обращения: 25.04.2012).
8. КПРФ и ЛДПР назвали митинги на Болотной "оранжевой проказой". [Электронный ресурс]: РосБизнесКонсалтинг. 1995-2012. URL : <http://top.rbc.ru/politics/14/12/2011/629757.shtml> (дата обращения: 25.04.2012).
9. Жириновский: "Революция уже началась 10 декабря 2011 года на Болотной площади". [Электронный ресурс]: Издательский дом «Алтапресс». 2001-2012. URL : <http://altapress.ru/story/79722/> (дата обращения: 25.04.2012).
10. Лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов: «Не дай нам бог увидеть тот самый русский бунт, бессмысленный и беспощадный». [Электронный ресурс]: Комсомольская правда. 1999. URL : <http://kp.ru/daily/25802/2782956/> (дата обращения: 25.04.2012).

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАЗДНИКА НОВОГО ГОДА В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

М. А. Попов

Томский государственный университет

Научный руководитель: Е.С. Турутина, к. филос. н., доц.

Целью данного исследования является рассмотрение некоторых аспектов ритуала празднования Нового года в СССР и современной России, а также выделение в нем архетипического содержания, восходящего к архаическим культурам и общего для подавляющего большинства цивилизаций.

Вопрос этот весьма актуален, так как является, по сути, лишь одной из вариаций извечной проблемы взаимоотношений человека и сакрального, человека и потустороннего, «совершенно иного»; эта проблема, в свою очередь, может считаться одним из основных вопросов культурологии и философской антропологии. Следовательно, детальное рассмотрение вопроса об архетипическом наполнении современного новогоднего ритуала становится с такой точки зрения одной из возможностей для начала исследования более глубоких антропологических проблем.

В качестве основной литературы по теме нами были взяты исследования Мирчи Элиаде, подавляющее большинство которых посвящено поиску архетипических оснований культуры и роли, которую в этом играет дуализм сакрального и профанного. Кроме того, в качестве источ-

ника по вопросу советского новогоднего ритуала была взята статья С.Г. Леонтьевой «Детский новогодний праздник: сценарий и миф», а в качестве источника информации о постсоветском ритуале – информация из сети Интернет, в том числе и авторские сценарии новогоднего праздника [6].

В начале работы стоит дать определение архетипа – основного понятия, используемого нами в тексте. Для полной характеристики этого понятия нами использовано два определения: К.Г. Юнга и М. Элиаде. Юнг определяет архетипы так: «...непредставимые сами по себе, они проявляются в сознании следствиями самих себя, в качестве архетипических образов и идей. Это коллективные универсальные паттерны (модели), или мотивы, возникающие из коллективного бессознательного и являющиеся основным содержанием религий, мифологий, легенд и сказок. У индивида архетипы появляются в сновидениях и грезах». [7] Элиаде же, используя в своих работах само понятие «архетип», не дает ему четкого определения; однако косвенно определяет его так: «...эти [аксиологические] ценности «трансцендентны», так как они «открылись» божественным существам или мифическим предкам. Поэтому они представляют некоторые абсолютные ценности, парадигмы всех видов человеческой деятельности» [3, гл. VIII].

Итак, для начала рассмотрим рождественский ритуал – прямой предшественник в России ритуала новогоднего. Несомненно, можно говорить о наличии некоего архетипического содержания в праздничных обычаях Рождества, каким мы его видим в Европе до сих пор и в России – до революции 1917-го года. Основным доказательством в пользу этого может выступать сходство символики Рождества с одним из праздников языческой Европы – праздником, наиболее известным под скандинавским названием Йоль. Йоль для язычества нес почти то же архетипическое значение, что Рождество несло для «народной» версии христианства: значение обновления мира, «низшей точки» годового цикла, символического возвращения Вселенной к первозданному Хаосу и Тьме, из которых с началом нового утра возрождается мир.

Однако стоит все же разделить празднование Рождества в деревенской, народной среде и в среде городской. К первому все вышесказанное относится в полной мере; второй же случай стоит рассмотреть отдельно. Содержание праздника в народной среде имеет все же определенную связь с архетипическим, с дохристианской народной традицией, с неизвестным «двоеверием» [4, стр. 663-664]; содержание же его в городской среде переходит в область христианской символики, причем символики «внешней» и лишенной архетипической «подложки».

Резюмируя все вышесказанное, мы видим, что в городской среде праздник Рождества, возвращаясь к своему «официальному» значению, утрачивает значение архетипическое и символическое.

Однако ситуация резко изменилась с приходом к власти большевиков в 1917 году. Естественно, Рождество не могло сохранить свои функции после революции. В народе праздники конца декабря – начала января продолжали отмечаться; однако в силу смены календаря с юлианского на григорианский – и, как следствие, переноса Нового года на место, ранее соответствующее Рождеству, – не всегда было ясно, что именно отмечается – Рождество или Новый год.

Как указывает С.Г. Леонтьева в своей статье «Детский новогодний праздник: сценарий и миф» [1], до начала 1930-х гг. Новый Год не отмечался в качестве особого праздника; лишь в декабре 1935 года в «Правде» появилась статья, в которой автор призывал организовать детям новогоднюю елку. С этого момента начинается оформление Нового года как советского праздника; но, не базируясь более на религиозной системе празднования Рождества, нововведенный праздник Нового года неизбежно сближался с народными, архетипическими традициями.

Мы рассмотрим здесь один из аспектов детского новогоднего праздника советского и постсоветского времени; а именно – его сходство с традиционными ритуалами «обновления времени» и связанную с этим архетипическую нагрузку.

Итак, рассмотрим сначала основные черты новогоднего ритуала в концепции Мирчи Элиаде. Таковых, по тексту его работы «Миф о вечном возвращении», шесть:

«1) двенадцать промежуточных дней предопределяют двенадцать месяцев года <...>;

2) появление в последнюю ночь года лошади как образцового символа животного из потустороннего; явление хтонических богинь из загробного мира – Хольды, Перхты, "дикой охоты" и т. п. во время этих двенадцати ночей <...>;

3) в это время зажигают и гасят огни;

4) это время для инициации;

5) ритуальные поединки между двумя группами соперников;

6) эротический характер некоторых обрядов <...>» [3, гл. 2.2].

Кроме того, отметим два важнейших архетипа, на которых, по сути, строится весь праздник Нового года: обновление времени и «единство» реального и мифологического времени, профанного и сакрального.

Какие же из указанных черт присутствуют в «детском» варианте новогоднего праздника советской эпохи?

Совершенно однозначно можно определить отсутствие в нем элемента, обозначенного Элиаде под номером 6: эротические обряды, дей-

ствительно присутствовавшие в народных святочных игрищах [5], в принципе не могли проявиться в советском новогоднем празднике. Также можно заметить существенно меньшее проявление признаков под номерами 1 и 4.

Все остальные черты же в той или иной мере сохранили свое значение и в советскую, и в постсоветскую эпоху.

Во-первых, ярче всего проявлена вторая черта: появление в человеческом, профанном пространстве существ, связанных с вне-человеческим миром; причем не просто с вне-человеческим, но с «нижним» миром – хтоническим, подземным, «темным». Эта черта – один из ключевых элементов теории Элиаде, согласно которой новогодний праздник прямо связан с ритуальным распадом и обновлением мира. Появление существ из потустороннего пространства символизирует пиковый момент «распада мира» [3, гл. 2.2].

Такая символика, как уже было сказано выше, в полной мере сохраняется в советском и постсоветском новогоднем ритуале. Сценарий детского праздника практически в любом варианте предполагает наличие некоторого набора антигероев, конфликт с которыми и составляет фабулу праздничного действия. Подчеркнем, что эти антигерои практически всегда имеют какие-либо хтонические черты либо же отсылают к архетипам, связанным с хтонической сферой. В советском праздничном сценарии, как пишет в своей статье, посвященной этому вопросу, С.Г. Леонтьева, «в роли вредителя чаще всего выступает Баба-яга» [1]. С.Г. Леонтьева замечает (не делая, впрочем, из этого каких-либо антропологических выводов), что «помимо «аморальности» поведения, им [антагонистам] присущи и физические недостатки, такие как хромота, одноглазость, кривизна и др.» [1]. Заметим в этой связи, что практически все перечисленные физические недостатки в архаических традициях характеризуют хтонических существ.

Сохраняется в позднейшее время и еще один из элементов праздника – гашение и возжигание огней; правда, в крайне редуцированном виде. В подавляющем большинстве праздничных сценариев он представлен сценой зажигания Дедом Морозом гирлянд при произнесении знакомой всем с детства фразы «Елочка, гори!». Отметим, что зачастую по сюжету погасшие гирлянды считаются результатом деятельности упомянутых выше «антагонистов», хтонических сил.

Следующий пункт, который стоит рассмотреть – ритуальное противостояние между двумя группами соперников. Элиаде однозначно возводит символику и обрядность ритуального поединка к космогоническому мифу: одна из сторон поединка репрезентирует божественные, космические силы; другая – демонические, хаотические, связанные с хтоническим началом, тьмой, перевозданным небытием [3, гл. 2.2]. В

этой связи отметим, что персонажи, участвующие в новогоднем сценарии в советских и постсоветских реалиях, как уже было сказано выше, обладают ярко выделенной связью с архетипами хтонизма тьмы, дикого и неупорядоченного пространства «за пределами человеческого мира».

Рассмотрим теперь два архетипа, обобщающих всю концепцию праздника: «обновление времени» и «единство сакрального и профанного».

Идея обновления времени в момент празднования прихода нового года отмечается в подавляющем большинстве мировых культур. Говоря о ее культурном смысле, Элиаде пишет, что основным смыслом этого мифа является устранение, отрицание того, что произошло в течение прошлого года, возвращение к изначальному блаженству.

В советском и постсоветском сценариях мы можем проследить некоторое «наследие» этого архетипа. Так, основной задачей антагонистов в начале «советского» ритуала, как правило, становится *остановка времени*, отмена Нового года – как пишет С.Г. Леонтьева, они задерживают Деда Мороза, похищают кого-нибудь из его спутников, останавливают часы, крадут их стрелки или даже само время.

Схожую символику мы прослеживаем в ритуале постсоветском: первоначально антагонисты останавливают время, отвлекая Деда Мороза и сбивая его с пути, с целью оставить мир в вечном «старом году»; после победы же протагонистов основным мотивом праздника становится наступление нового, чистого и обновленного времени.

Второй архетип, который стоит здесь рассмотреть – единство, взаимопроникновение реальностей в момент празднования Нового года; проникновение сакрального пространства в профанное. Не стоит, вероятно, рассматривать общий контекст этой идеи; она слишком обширна для этого – можно сказать, что любой календарный праздник в традиционной культуре есть «разрыв» профанного времени, позволяющий особо сблизиться с сакральным. Однако отметим все же вкратце, что в советской и постсоветской новогодней символике мы видим наследие все того же архетипа.

Одним из важных факторов новогоднего праздника для его участников является встреча с потусторонним, с «совершенно иным» (Рудольф Отто); персонажи сказок появляются въяве, на расстоянии вытянутой руки, и – более того, – взаимодействуют с аудиторией абсолютно интерактивно.

Таким образом, можно сказать, что оба основных архетипа празднования Нового года в советской и постсоветской ритуалистике сохраняют свое положение, хотя и в весьма видоизмененном, «подспудном», неявном состоянии.

Подводя итог, мы можем сказать, что цель нашего исследования была достигнута: анализ образцов новогоднего празднества в современной российской культуре, на наш взгляд, полностью доказывает, что в их символике сохраняются архетипические элементы традиционного новогоднего праздника, присущие всем архаическим культурам. Этот вывод, во-первых, вновь поднимает вопрос о роли в нашей культурной реальности архетипических, традиционных элементов; во-вторых, может задать направление для исследований по вопросу наличия аналогичной символики в содержании других праздников, сколь-нибудь связанных с традиционными религиозной и календарной системами.

Литература

1. Леонтьева С.Г. «Детский новогодний праздник: сценарий и миф». «Отечественные записки», 2003, №1(9).
2. Мифологический словарь (под ред. Е.М. Мелетинского). М., «Советская энциклопедия», 1991.
3. Элиаде Мирча. «Миф о вечном возвращении». СПб, Алетейя, 1998. 249 с.
4. Рыбаков Б.А. «Язычество древней Руси». М.: Наука, 1988. 782 с.
5. Лурье М.Л. Эротические игры ряженых в русской традиции (по дореволюционным публикациям и современным записям) // Русский эротический фольклор: Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост. и науч. ред. А. Топоркова. – М.: Ладомир, 1995. – С. 177—222.
6. Лукьянова А. Аэросани для деда Мороза (сценарий новогоднего праздника). [Электронный ресурс]. – Режим доступа // http://www.solnet.ee/holidays/s3_21.html
7. Юнг К. Человек и его символы. СПб.: Б.С.К., 1996, с.451.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, ВИДЫ

Д. А. Терехов

Самарский государственный университет

Научный руководитель С.В. Егорова, к. соц. н., доц.

Феномен социальной поддержки стал широко привлекать внимание теоретиков и практиков различных областей знания (клиническая психология, социальная психология, психология среды, социальная работа и т.д.) начиная с 70-х гг. XX века [1]. В широком смысле под социальной поддержкой подразумевается совокупность положительных влияний социального окружения на человека и на его интеграцию в систему социальных отношений [2,с.136]. В узком смысле социальную поддержку определяют как прямую помощь в трудной жизненной ситуации. Для всех специалистов, изучающих феномен социальной поддержки, общим является рассмотрение его как необходимого средового ресурса, условия

для личного и общественного благополучия человека. Наряду с этим отсутствует единое мнение об определении данного понятия.

С социономической точки зрения важно использовать и тот, и другой подходы к трактовке данного термина, поскольку специалист по социальной работе призван защищать как интересы общества в целом, так и конкретного индивида, находящегося в трудной жизненной ситуации. С точки зрения субъекта, социальная поддержка удовлетворяет различные социальные потребности: в принадлежности, защите и т.п. Раудсепп постулировал, что положительными эффектами наличия таких взаимоотношений являются не только субъективное благополучие, но и объективный статус здоровья [1].

В различных определениях социальной поддержки выделяют следующие ее аспекты:

1. Множественные источники социальной поддержки (разные типы и уровни взаимопомощи: семья, коллеги, соседи, друзья, общность; случайные, ролевые, личностные связи и т.д.).

2. Структурные и функциональные аспекты социальной поддержки (морфология или значение социальных отношений).

3. Реальные связи и взаимодействие, их субъективное отражение (например, восприятие возможности или степень удовлетворенности социальной поддержкой, чувство защищенности, воспринятый положительный климат и т.д.).

4. Естественные социальные ресурсы и специально созданные (активированные) средства поддержки (например, неформальные поддерживающие структуры и общности).

5. Объективно положительные эффекты (личностное развитие, адаптация) или субъективные эффекты (чувство благополучия, ответственности) социальной поддержки [1].

Таким образом, с точки зрения индивида социальная поддержка удовлетворяет его разные социальные потребности: потребность в принадлежности, в защите, в любви, признании, самореализации в близких и исключительных взаимоотношениях.

Социальная поддержка может рассматриваться на трёх уровнях:

1. Потенциальные ресурсы социальных связей (поддержка социальных сетей);

2. Актуальные поддерживающие интеракции (дружеское общение или целенаправленная помощь);

3. Субъективная оценка поддержки (восприятие доступности и адекватности поддерживающих связей).

Наиболее распространено в науке следующее представление о видах социальной поддержки:

1. Эмоциональная поддержка: личностное доверительное общение, выражение близости, эмпатии, заботливости, понимания, симпатии, предоставление межличностного комфорта, безопасности, недирективное общение.

2. Информационная поддержка: советы, анализ ситуации, обратная связь, информация, помогающая решать проблемы.

3. Статусная поддержка: выражение принятия, одобрения, уважения, предоставление возможности для положительного социального сравнения, поддержка самоуважения субъекта, информация, нужная для самооценки, признание индивидуальности.

4. Инструментальная поддержка: услуги, материальная и практическая помощь в достижении цели, решении проблем, преодолении кризиса и т.д.

5. Диффузная поддержка: дружеское общение, совместное приятное времяпрепровождение, рекреативная деятельность, стимуляция, отвлечение от стрессора и т.д. Косвенное межличностное влияние: быть доступным, если понадобится.

Нередко сюда добавляют и так называемую поддержку принадлежности (включенность в сплоченные социальные связи, чувство солидарности с другими, идентификация с группой взаимных обязанностей) [1].

Стоит отметить, что значимость различных видов социальной поддержки находится в зависимости от многих факторов, в том числе от конкретной ситуации. Статусная и информационная поддержка являются предпочтительными в плане активизации клиента [3], поддержания его субъектности в тяжелой жизненной ситуации; эмоциональная проявляет себя во всех видах социальной поддержки, обеспечивая благоприятную атмосферу для их принятия и повышая их эффективность [1].

Многие профессионалы называют эмоциональную и статусную поддержку главными социальными ресурсами [1].

Диффузная поддержка повышает чувство самоуважения, делая это косвенно и постепенно; защищает от одиночества. Поэтому она представляется наиболее эффективной при многочисленных умеренных стрессах.

По данным Росстата за первое полугодие 2011 года, ниже прожиточного минимума в России живёт 14,9 % населения, следовательно, значимость инструментальной поддержки переоценить невозможно. Причем, она может быть прямой и вполне ощутимой.

Раудсепп выделяет два подхода в изучении социальной поддержки. Первый подход рассматривает социальную поддержку как общую характеристику межличностных взаимоотношений, как атрибут социальной среды, которая постоянно удовлетворяет разные социальные потребности субъекта и обеспечивает его нормальное функционирование.

Во втором подходе социальная поддержка является специально мобилизованным специфическим ресурсом, защищающим субъекта лишь в условиях стресса, поддерживающим его в преодолении жизненных кризисов.

В качестве таких дополнительных ресурсов могут выступать как естественные неформальные связи, так и специально созданные средства (психотерапия). А. Коуэн и М. Вилс утверждают, что обе модели применимы, но в разных ситуациях. В первом случае поддержкой служит интегрированность субъекта в социальные структуры, количество социальных связей – структурная поддержка. Во втором – доступность межличностных ресурсов для преодоления конкретного вида стресса, содержание интеракции (функциональная поддержка).

Структурная поддержка имеет постоянный общий положительный эффект и прямое влияние (например, чувство стабильности, безопасности, самоуважения), но не гарантирует успешное преодоление конкретного стресса.

Влияние функциональной поддержки имеет две особенности: специфическую (соответствие ресурсов к стрессорам) и опосредованную (эффект обнаруживается лишь в интеракции со стрессором).

Т. Рук проводит аналогичную дифференциацию социальной поддержки в узком смысле (в стрессовой ситуации) и общего дружеского общения в «нормальной ситуации».

Однако в реальности стрессовые и нестрессовые ситуации переплетены между собой, поэтому правильнее учитывать обе модели.

Эмпирическое изучение социальной поддержки происходит в русле двух традиций:

1. Эпидемиологические или социально-экономические исследования используют корреляционный подход (наблюдение в естественных условиях, сравнение контрастных групп, поиск возможных внутренних и внешних факторов, которые могли привести к групповым различиям).

2. Экспериментальные подходы, лонгитюдные исследования социальной поддержки как интерперсонального процесса, пока сравнительно малочисленные.

Социальную поддержку можно характеризовать по очень многим параметрам. А. Тарди выделяет следующие измерения: направленность (точка зрения реципиента или донора, взаимность); потенциальность – реальность поддержки; описательный или оценочный подход; содержательные типы поддержки; источники поддержки.

Среди количественных параметров используют структурные характеристики общностей или социальных сетей, степень социальной интегрированности, число контактов или частоту общения субъекта и т.д.

Качественными параметрами могут служить уровень развития общности, способ включения субъекта в группу, наличие определенного типа взаимоотношений, содержательные аспекты межличностных отношений, воспринятые характеристики социальных ресурсов (доступность, разнообразие, адекватность, предсказуемость), источник и время оказания поддержки [4].

Многочисленные эмпирические данные показывают, что качественные параметры социальной поддержки более эффективны, чем количественные, а субъективная оценка поддержки более существенна, чем зарегистрированная внешним наблюдателем [1].

Таким образом, анализируя сущность социальной поддержки, следует отталкиваться от понимания социальной работы как вида деятельности. Социальная поддержка выступает основным направлением социальной работы и понимается как совокупность всевозможных положительных влияний социальной среды на человека и его успешная интеграция в систему социальных взаимоотношений (противоположность процессам и состоянию отчужденности). В узком смысле под социальной поддержкой понимается прямая помощь в трудной жизненной ситуации.

Социальная поддержка представлена следующими видами: эмоциональная, информационная, статусная, инструментальная, диффузная. Виды социальной поддержки по-разному значимы для каждого конкретного индивида в зависимости от ситуации.

Существует два основных подхода в изучении социальной поддержки: рассмотрение социальной поддержки как общей характеристики межличностных взаимоотношений и как специально мобилизованного специфического ресурса, защищающего субъекта только в условиях стресса и поддерживающего в преодолении жизненных кризисов. В изучении социальной поддержки используют различные количественные и качественные параметры.

В качестве количественных параметров при изучении социальной поддержки используют структурные характеристики общностей и социальных сетей, степень социальной интегрированности, число контактов или частоту общения субъекта. Качественными параметрами являются уровень развития общности, способ включения субъекта в группу, содержательные аспекты межличностных отношений, воспринятые характеристики социальных ресурсов, источник и время оказания поддержки. Качественные параметры в изучении социальной поддержки более эффективны, нежели количественные.

1. Раудсепп М. Субъект и поддерживающая среда // Средовые условия развития социальных общностей. Под ред. Т. М. Нийта и др. Таллинн. 1989.
2. Словарь-справочник по социальной геронтологии. Под ред. Б. Тукумцева. Самара, 2003.
3. Щукина Н.П. Самопомощь и взаимопомощь в системе социальной поддержки пожилых людей. М.: Социально-технологический институт, 1999.
4. Углева Л.Н. Социальная поддержка семьи в контексте виталистской социологии // Будущее России: стратегии развития: Материалы II Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения» (14-15 декабря 2005). Барнаул, 2005.

ДОВЕРИЕ МЕЖДУ ВРАЧОМ И ПАЦИЕНТОМ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М. С. Емельянова, А. А. Шилкина

Томский государственный педагогический университет

Научный руководитель: Е. С. Турутина, доцент кафедры философии и социальных наук

Цель данной статьи – обозначить проблему доверия между врачом и пациентом и проанализировать ее с позиции социологической науки. Не секрет, что в последнее время участились случаи судебных процессов, в том числе с финансовыми претензиями, где в качестве ответчика выступают медицинские работники. Статистика подтверждает, что в большинстве своем судебные иски вызваны конфликтными ситуациями во взаимоотношениях с пациентом. Жалобы, как правило, возникают не на качество медицинской помощи, а на бездушие, на формализм медиков [1].

К сожалению, в современном обществе аспекту морально-этических отношений врачей и пациентов уделяется слишком малое значение. Зачастую они воспринимаются как нечто, не имеющее прямого отношения к медицине [2]. Взаимоотношения врача и пациента в России носят определенно патерналистический характер, основанный на неравенстве в лечебно-диагностическом процессе сторон, безоговорочном подчинении действий пациента предписаниям врача. На протяжении всей истории медицины основой отношений между врачом и пациентом было и остается доверие. О своем доверии к системе здравоохранения в России заявляют 24 % опрошенных, 32 % доверяют ей в какой-то мере, 22 % доверяют очень мало, а еще 19 % совершенно не доверяют. Только 4 % граждан считают, что система здравоохранения не требует изменений, две трети населения уверены, что она их требует, и четверть говорит о том, что эта система нуждается в полном изменении [1].

Состояние душевного комфорта пациента – вот главный критерий профессиональной этики медицинских работников. Коренным образом изменилось отношение врачей к пациентам и пациентов к врачам. Если пациент или его родственник реально заинтересованы в лечении, то в любое медицинское учреждение они приходят уже с внутренней установкой: «надо дать». При чем, не только врачу, но и медсестре, и даже санитарке, «дать» нужно всем, иначе толку не будет. В то же время и врач отдаст предпочтение тому пациенту, который «дал», по многим причинам.

Государственное лечебно-профилактическое учреждение должно обеспечивать граждан этого государства бесплатной медицинской помощью, т.е. оплаченной из бюджета. Однако, согласно данным социологических опросов, примерно половина россиян платит за медицинские услуги. Подавляющее большинство, 64 % граждан, не готовы платить более высокие налоги, чтобы улучшить медицинское обслуживание всего населения России; 16 % опрошенных полагают, что народная медицина способна лучше решить проблемы со здоровьем, чем официальная и еще 27 % «отчасти» согласны с таким мнением. Одно из важнейших условий для установления взаимопонимания между врачом и пациентом – ощущение поддержки [3].

Следующее понятие, входящее в дискурс проблемы доверия между врачом и пациентом – это «врачебная ошибка». Согласно Н. В. Эльштейну, особенностью врачебной ошибки является невозможность для врача любой специальности ее предусмотреть, а в дальнейшем предотвратить последствия. «Ошибки врачей – одна из важнейших причин падения доверия населения к медицине» – писал В.В. Вересаев[4].

Итак, в современной России полностью изменены отношения пациента и врача: на уровне повседневного сознания преобладает мнение «не заплатишь – получишь плохую помощь или вовсе ее не окажут». Во-вторых, новая система бесплатно/платной медицины привела к формированию развитого теневого рынка в сфере здравоохранения. В-третьих, платные медицинские услуги – это услуги, являющиеся обязательными по закону, но, по причинам утечек из бюджета, не оплаченные государством [1].

Таким образом, практически все аспекты в обширной теме «отношения врач-пациент» в научной литературе охвачены, но, по нашему мнению, не совсем полно раскрыта **проблема** доверия между врачом и пациентом в г. Томске, слагающаяся из множества факторов, которые предстоит выявить в предпринятом нами социологическом исследовании. Располагая определенными ресурсами, мы попытались разрешить указанную проблему через обращение к социологическому опросу на примере студенческой аудитории на тему «Доверие между врачом и па-

циентом как объект социологического исследования». Его **цель** заключается в то, чтобы выявить факторы, влияющие на доверие пациентов (студентов биолого-химического факультета Томского государственного педагогического университета) к врачам г. Томска.

Для реализации цели были поставлены следующие **задачи**:

- выявить убежденность молодых людей в том, что доверие является основой эффективного лечения;
- определить доверие к врачу в зависимости от социального положения семьи студента;
- выявить, существует ли разница в доверии к врачам у студентов в зависимости от обслуживания их в специализированных медицинских клиниках для студентов и других учреждениях здравоохранения;
- выявить гендерные аспекты доверия между врачом и пациентами (томскими студентами);
- установить, как часто и в какие учреждения здравоохранения студенты обращаются за врачебной помощью;
- установить, влияют ли как-либо советы или рекомендации родственников (или друзей) на выбор врача, к которому обращается пациент (студенты БХФ);
- определить, из чего складывается недоверие к врачам у пациентов (студентов БХФ).

Объектом исследования выступают студенты БХФ ТГПУ, **предметом** – факторы, влияющие на доверие пациентов (студентов БХФ ТГПУ) к врачам г. Томска.

Предложены следующие **гипотезы исследования**:

- студенты БХФ ТГПУ будут иметь низкий уровень доверия к врачам г. Томска;
- на доверие в большей степени будут влиять социально-психологические показатели в отношении врача к пациентам, чем профессиональные (медицинские).

Основные понятия исследования:

Доверие-это открытые, положительные взаимоотношения между людьми, содержащие уверенность в порядочности и доброжелательности другого человека, с которым доверяющий находится в тех или иных отношениях. Это динамическое положительное отношение больного к врачу, выражающее предыдущим опытом обусловленное ожидание, что врач имеет способности, средства и желание помочь больному наилучшим образом[5].

Врач-лицо, посвящающее свои знания и умения предупреждению и лечению заболеваний, сохранению и укреплению здоровья человека.

Пациент-это человек, получающий медицинскую помощь, подвергающийся медицинскому наблюдению и/или лечению по поводу какого-

либо заболевания, патологического состояния или иного нарушения здоровья и жизнедеятельности, а также пользующийся медицинскими услугами независимо от наличия у него заболевания.

Гендер-это социальный пол, определяющий поведение человека в обществе и то, как это поведение воспринимается. Понятие «гендер» обычно применяется в сфере собственно социологии или социальной психологии.

В настоящее время мы проводим социологическое исследование **методом анкетирования**. Предполагаемая выборка-60 студентов БХФ ТГПУ. С результатами исследования можно будет познакомиться в следующих наших публикациях.

Литература

1. Справочник "Пациент" Взаимоотношения врача и пациента (информация для врачей). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.health.mail.ru/content/patient/57/>.
2. Журнал / Публицистика / Отношения врач и пациент. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sunhome.ru/journal/120577>.
3. "Радио Свобода" – Общественное мнение. Врачи и пациенты: российский вариант. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fraudcatalog.com/?p=4754>.
4. Черников Е., Зарецкий М., Черникова Н. Врачебная ошибка: невежество или халатность? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.umj.com.ua/article/2695/vrachebnaya-oshibka-nevezhestvo-ili-xalatnost>.
5. Википедия Свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wikipedia.org/wiki/Доверие>; Психология медицинского работника: личность медицинского работника. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vprosvet.ru/biblioteka/doverie/>.

Научное издание

**II Всероссийский фестиваль науки
XVI Международная конференция
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Наука и образование»,
посвященная 110-летию ТГПУ
(23–27 апреля 2012г.)**

В 5 ТОМАХ

**ТОМ IV
ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ.
КУЛЬТУРОЛОГИЯ.
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

Технические редакторы: П. А. Шевченко, В. Ю. Горбунов
Ответственный за выпуск: Л. В. Домбраускайте

Подписано в печать: 04.07.2012

Бумага: офсетная

Сдано в печать: 01.08.2012

Печать: трафаретная

Тираж: 100 экз.

Уч. изд. л.: 22,26

Заказ: 670/Н

Усл.-печ. л.: 23,62

Формат: 60x84^{1/16}

Гарнитура: Times NR

Издательство Томского государственного
педагогического университета

634061, г. Томск, ул. Киевская, 60. Тел.: (382-2) 52-12-93

e-mail: tipograf@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ,
г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел.: (382-2) 52-12-93